ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1930

К изучению белуджского языка и фольклора

На карте, помещенной в т. X фундаментального труда Грирсона Linguistic Survey of India и изданной в 1921 г., крайним северным пунктом распространения белуджской народности и речи указан Наурузабад в Персии, несколько южнее Серахса. Однако, это не соответствовало действительности уже к моменту выхода в свет названной работы, и ныне прошло более четверти века с того времени, как белуджи перешли северные пределы персидских и афганских владений. К настоящему времени их более или менее значительные и прочные колонии сосредоточены в Байрам-алийском, Йолотанском и Мервском (урочище Пермет-яб, около 40 *км* к северу от Мерва) районах Туркменистана, насчитывая в общей сложности около 4—4½ тысяч семейств. Около 400 семейств находится, сверх того, в Серахском районе, но они не землеустроены, и прочность их поселения там пока неизвестна.[1]

Однако, вплоть до последнего времени, не только в научной литературе отсутствовали сведения об этих белуджах, но и общей печати о них было известно очень мало. Лишь статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. указывает белуджское сельское общество в Байрам-алийском районе, в составе 936 чел., причем преобладающим среди населения языком назван персидский. Эти сведения были повторены в Трудах академической Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (№№ 9 и 13), и лишь Отчет об экспедициях и командировках АН за 1927 г., стр. 248, сообщает некоторые дополнительные данные и отмечает сохранение белуджами Туркменистана родного языка, наряду с употребляемым ими также персидским. Некоторые сведения о родовом составе и быте

[1] Перепись 1926 г. (т. XVI, изд. ЦСУ) белуджей ТССР учла всего в количестве 9974 чел., но, вероятно, переписью не охвачено полностью все белуджское население пограничной полосы, довольно текучее по своему составу. Цифры, указанные в тексте, основаны как на административных подсчетах, так и на опросе самого населения в разных местах.

даются в работе Г. Карпова «Белуджи, краткий историко-этнографический очерк» (Туркменоведение, февраль 1928 г., № 2), в статьях д-ра Бурко, помещенных в Туркменской Искре летом и осенью того же года (№№ 192, 194, 195 и 197), и в только что опубликованном Е. Штейнберг описании «Поездки к белуджам» (Наши Достижения, июль 1930 г., № 7).

Последующее изложение основано на записях и наблюдениях, сделанных осенью 1928 г. у белуджей Байрам-алийского и частично Йолатанского районов. Оно имеет целью дать представление о белуджской речи, употребительной в Туркменистане, и о тех образцах народного творчества, в которых она выражается.

Как известно, описанные до сих пор белуджские диалекты принято делить на две группы: южную (или, по терминологии Грирсона, западную) и северную (по Грирсону, восточную). Для первой характерен более архаичный звуковой состав и сохранение смычных согласных (как глухих, так и звонких) во всех положениях, тогда как северные диалекты во многих случаях создали из смычных систему спирантов и аспират, отсутствующих в южной группе. С точки зрения этого разделения белуджская речь Туркмении является типичной представительницей южной группы.

В подтверждение можно привести много примеров:

kārč нож (южн.-белудж. то же, сев.-бел. *kʿārča*);
gōk корова (южн.-бел. то же, сев.-бел. *gōx*);
pīg сало (южн.-бел. то же, сев.-бел. *pīγ*);
ǰagar печень (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ǰaγar*);
čam глаз (южн.-бел. то же, сев.-бел. *čʿam*);
trus- бояться (южн.-бел. *turs-*, *trus-*, сев.-бел. *tʿurs-*);
ārt мука (южн.-бел. то же, сев.-бел. *artʿ*);
dāta данный (южн.-бел. то же, сев.-бел. *dāθa*);
ōdā там (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ōδā*);
pād нога (южн.-бел. то же, сев.-бел. *pʿāδ*);
kōpag плечо (южн.-бел. то же, сев.-бел. *kʿōfag*);
šap ночь (южн.-бел. то же, сев.-бел. *šaf*).

Вообще, в произношении белуджей Туркменистана аспираты, равно как спиранты *θ* и *δ* отсутствуют вовсе, спиранты же *x*, *γ* и *f* встречаются лишь в сравнительно поздних заимствованиях, притом *f* только в индивидуальном произношении.

Точно так же, произношение гортанного *h* можно услышать только в очень редких случаях: в специальных выражениях, при очень напряженном произношении в начале слова, у отдельных субъектов или иногда в пении. Нормально же *h* не произносится. Историческое *h* отпало, независимо от его происхождения, во всех случаях: как в начале, так и в середине и в исходе слова. В этом отношении диалект туркменских белуджей отличается, как от северных, так и от южных диалектов. Соответствующих сопоставлений можно привести очень много:

āmag сырой (южн.-бел. *hāmag*, сев.-бел. *hāmaγ*);
ar осел (южн.-бел. *har*, сев.-бел. *k'ar*, *xar*);
āk земля, почва (южн.-бел. *hāk*, сев.-бел. *hāx*);
ā-(murg) яйцо (птицы) (южн.-бел. *haik*);
and- смеяться (южн.-бел. *kand-*, *hand-*, сев.-бел. *k'and-*, *xand-*);
ōn кровь (южн.-бел. и сев.-бел. *hōn*, *hūn*);
ūk свинья (южн.-бел. *hīk*, сев.-бел. *hīx*);
ušk сухой (южн.-бел. и сев.-бел. *hušk*);
mī гвоздь, кол (южн.-бел. *mīk*, сев.-бел. *mēx*, *mēh*);
prā широкий (южн.-бел. *prāh*, сев.-бел. *p'rāh*);
nāún ноготь (южн.-бел. *nākun*, *nāhun*, сев.-бел. *nāxun*);
gwār сестра (южн.-бел. *gwahār*, сев.-бел. *gwāhar*, *gōhar*, *gwār*);
māī рыба (южн.-бел. *māhī*, сев.-бел. *māhīg*, *māhīγ*);
bār часть, доля (южн.-бел. и сев.-бел. *bahar*);
bā цена (южн.-бел. *bahā*, сев.-бел. *bhā*).

В тесной связи с отсутствием *h* находится своеобразное отражение исторической группы *-xt-*. По объяснению Гейгера, она должна была дать обще-белуджск. *-kt-*; в южном диалекте, вследствие перестановки, получилось *-tk-*, в северном — имевшая место спирантизация вновь дала *-xt-*:

южн.-бел. *dōtka*, сев.-бел. *dōxt'a* сшитый;
южн.-бел. *rētka*, сев.-бел. *rixt'a* пролитый;
южн.-бел. *sōtka*, сев.-бел. *sōxt'a* зажженный;
южн.-бел. *gētka* просеянный.

Белуджский диалект Туркмении, не имеющий *h*, сохраняет во всех этих случаях из группы только *-t-*:

dōtag, *rētag*, *sōtag*, *gētag*.

К этой же категории нужно отнести: *ātag* пришедший, южн.-бел. *ātka*, сев.-бел. *āxt'a*, а также *duttuk* кукла, дочь (поэтич.).

В отражении группы *-ðr-* диалект Туркмении также представляет особенности:

mās мать (южн.-бел. *māt*, сев.-бел. *māð*);
pis отец (южн.-бел. *pit*, сев.-бел. *p'ið*);
brās брат (южн.-бел. *brāt*, сев.-бел. *brāð*);
zāmās зять (сев.-бел. *zāmāð*).

Отличаясь, таким образом, по своей фонетике от уже известных образцов белуджской речи, в морфологическом отношении рассматриваемый диалект также своеобразен. Глагольная флексия настоящего времени имеет следующий вид:

ед. ч.	1. *-īn*	мн. ч.	1. *-an*
	2. *-äi̯*, *-ä*		2. *-it*
	3. *-īt*, *-t*		3. *-an(t)*.

В прошедших временах 1 л. ед. ч. имеет окончание *-un*, 3 лицо, как обычно, не имеет окончания, остальные формы сходны с соответствующими настоящего времени.

Прошедшее причастие не отличается от южно-белуджского типа, но использование причастия, в качестве неопределенного наклонения, специфично для данного диалекта. Как в южном, так и в северном диалектах, инфинитив, он же вместе с тем и имя действия, образуется от настоящей основы: южн.-бел. *kanag*, сев.-бел. *k'anay* «делать, делание». — Но эти формы неизвестны туркменским белуджам, среди которых в значении инфинитива употребительно исключительно *kurtag(ā)* «делать». Зато для выражения имени действия у них имеется особая форма, образуемая от прошедшей же основы прибавлением суффикса *-in: kurtín* «делание», т. е. получается дифференциация, аналогичная существующей в таджицких говорах (ср. Иран, II, стр. 114).

Примеры:

man wantágā na kanín, *kitábäi̯ wantín sákk-int* я не умею читать, читать книги трудно;

ša zāgäi̯ grētínā от плача ребенка;

mnī waptínäi̯ waxtá во время моего сна.

Как видно из последних примеров, эта форма способна изменяться, в зависимости от падежа. В сложении с префиксом *b(i)-* она же может принимать личные окончания и, имея значение сослагательного наклонения, служит для выражения ирреального условия. В эпической поэзии ее употребление еще шире и она часто заменяет простое прошедшее.

Примеры:

agár man bgúštin-un ki amḗ kār mnī dastā́ na gīt, man bi' tíā na k-ā́tun если бы я считал, что эта работа для меня бесполезна, я бы к тебе не приходил;

ē draxt mnī bū́tin-ant! о, если бы эти деревья были моими!

Употребляемый в этих случаях (равно как при образовании повелительного наклонения) префикс *bi-* обычно сокращает гласный элемент, часто даже до нуля, и потому перед глухими выражается в виде *p-*, а перед носовыми — в виде *m-*: *pkan* делай (< *bikan*), *pkaš* тащи (< *bikaš*), *pkuš* убей (< *bikuš*), *mnind* садись.

Для характеристики системы глагола весьма существенным является способ выражения субъекта при прошедшем времени переходных глаголов. В этом отношении диалект, представленный в Туркмении, отступает от общепринятой белуджской нормы, и косвенный падеж для выражения подлежащего уже не употребляется. Поэтому *ē zāg ā zāgā́ ǰat* значит только: «этот мальчик прибил того мальчика», но не наоборот, в противоположность приводимому Гейгером аналогичному примеру: *ē mardā ā mard ǰat* dieser Mann schlug jenen Mann (Grundriss der iranischen Philologie, I-2, 239).

Прочие глагольные особенности второстепенны.

Морфология имен также представляет отличия, хотя ее основные свойства: образование множественного числа на *-ān* и косвенного падежа на *-ắ*, разделяются всеми известными диалектами. Точно также уже отмечен, хотя и не повсеместно, родительный падеж множественного числа на *-ān-ī*. Но в образовании родительного падежа единственного числа рассматриваемый диалект более оригинален и получает его прибавлением *-ăi̯* (>*-ă'* > *-ā́*). Поэтому *mardā́i̯ sar* «голова мужчины», а не *mard sar*, как в южном, и не *marda sar*, как в северном из основных известных диалектов (Linguistic Survey of India, X, 341). При этом родительный падеж существительных воспринимается, как прилагательное, и поэтому может принимать дополнительное окончание косвенного падежа *-ā:*

(bi) watī brás-äi̯-ā к своему брату, у своего брата;

bi amē aspäi̯ wāund-äi̯-ʸā к хозяину этой лошади, у хозяина этой лошади;

bi^{t} tī-ā к тебе, у тебя.

Повидимому, в силу такого понимания родительного падежа, он обычно соединяется с послелогами, выражающими большинство падежных отношений: *bi watī pis-äi̯ padā* за своим отцом (вслед).

Из местоимений заслуживает упоминания включительная форма личного местоимения множественного числа, не отмечавшаяся в опубликованных образцах: *mašmā* «мы с вами», в противоположность *ammā* мы (без вас) и *šmā* вы (без нас). В остальном отличия личных местоимений незначительны:

	Nom.	Cas. obl.	Gen.
я	*man*	*mnā*	*mnī*
ты	*ta*	*trā*	*tī*
мы	*ammā*	*ammā-rā*	*ammäi̯*
вы	*šmā*	*šmā-rā*	*šmäi̯*
мы с вами	*mašmā*	*mašmā-rā*	*mašmäi̯*

В качестве суффиксального местоимения 3 л. ед. ч. обычно употребляется, как и в северно-белуджском, *-ī*:

gušt-ī он сказал, *šut-ī* он ушел, *bgirit-ī* возьмите его!

В словарном отношении совершенно естественно, что рассматриваемый диалект тесно примыкает к южной группе, что́ очевидно уже из помещенных примеров. Однако, нужно упомянуть о некоторых лексических особенностях. Служащий для выражения исходного падежа предлог *ša, š-* «от, из», в описанных до сих пор диалектах отмечался в иных формах: *ač, či, až, aš, ši*. Заимствование и широкое употребление персидского местного и направительного предлога *bi, b-* также до сих пор не отмечалось. Из слов, обозначающих «дом, жилище», туркменские белуджи обычно употребляют *gis, ges:* общебелуджское *lōg* имеет лишь пренебрежительное значение. Для выражения понятия «женщина, жена» служит производное *ǰinēn, ǰänēn:* только в эпической поэзии употребительны *ǰan* в значении «жена» и *zāl* «женщина»; в разговорной речи последнее встречается лишь в сочетании *pīra-zāl* «старуха».

Изложенные факты свидетельствуют, что, хотя по основам своей фонетики белуджская речь Туркменистана входит в состав южной диалектической группы, однако целый ряд фонетических и морфологических признаков существенно отличает ее от основных южных диалектов, описанных E. Pierce'ом (A Description of the Mekranee Beloochee Dialect) и E. Mockler'ом (Grammar and Vocabulary of the Mekranee Beloochee Dialekt), работы которых дали главный материал для выводов и классификации Гейгера. Другие диалекты южной группы известны очень мало. По имеющимся и доступным образцам, можно отметить, что отражение исторической группы *-ðr-*, как *-s-*, свойственное рассматриваемому диалекту, наблюдается еще в панджгурском диалекте, исследованном Гейгером на основании небольшого рукописного словаря, находящегося в Британском музее, а также в диалекте, образцы которого помещены Грирсоном в т. X Linguistic Survey of India и который, хотя его точное распространение неизвестно, повидимому, близко примыкает к панджгурскому. В этих же диалектах группа *-xt-* отражается, как *-ht-*: *ahta(g)* «пришедший», *dohta* «сшитый», что также несколько сближает их с диалектом Туркмении, особенно, если принять во внимание отсутствие в последнем звука *h*. К сожалению, морфология панджгурского диалекта неизвестна, так что сопоставления в этой области невозможны. Что же касается близкого к панджгурскому диалекта, образцы которого изданы Грирсоном, то наиболее существенным морфологическим признаком, сближающим его с рассматриваемым диалектом, является образование родительного падежа единственного числа на *-ai, -ē: ispētē aspaī zēn* the saddle of the white horse, чтó в белуджском языке Туркменистана звучало бы: *spētēn aspäi̯ zēn*. Но, конечно, об отожествлении этих двух диалектов или об установлении особой их близости говорить не приходится. В этом убеждает даже беглый просмотр образцов. Необходимо, таким образом, признать, что в языке белуджей Туркменистана представлен особый диалект южной группы, хотя и приближающийся по некоторым свойствам к панджгурскому, но все же отличный от него.

Диалект туркменских белуджей, повидимому, дальнейших подразделений не имеет. По крайней мере, производившиеся наблюдения таковых не обнаружили, конечно, если не иметь в виду индивидуальных отличий. При этом языковая норма чувствуется очень отчетливо, и обращается большое внимание на ее соблюдение. Часто можно услышать, особенно среди молодежи, исправления неправильностей речи и даже насмешки над дурным

выговором: *ā duragá int, ēšī zabán zabr na gardít balūčíā* он ублюдок, его язык не ворочается как следует по белуджски! Особенно приходится считаться с такими упреками инородцам по происхождению или детям от смешанных браков.[1]

Эта чуткость в отношении языковой нормы тем замечательнее, что туркменские белуджи двуязычны, и, за редкими исключениями, мужчины с детства усваивают, в качестве обиходного, и персидский язык. Он же вместе с тем является единственным языком письменности для грамотных, весьма, впрочем, немногочисленных. Однако, несмотря на создаваемую двуязычием благоприятную среду для восприятия чужеродных влияний и воздействий, на белуджской почве ярких форм развития таковых не заметно. Конечно, словарные заимствования из персидского чрезвычайно многочисленны. Но почти все они, особенно более старые, совершенно приспособлены к требованиям белуджской фонетики (*akikat* истина, *kāgad* бумага) и не нарушая языковой нормы, уже не воспринимаются, как заимствования. То же нужно сказать о серии старых заимствований из брахуи: *guṭ* горло, *ḍigar* земля, *bag* стадо верблюдов, *gārum* стадо коров и др. Позднейшие заимствования, правда, менее приспособлены, но зато они должны были для своего признания семасически дифференцироваться со старыми: новое заимствование *xabar* «известие, новость» противополагается вполне освоенному *abar* «слово, речь» (в сочетании *abar dātag* «говорить, разговаривать»), более новое *xudā* «бог» имеет более литературный характер, в противоположность старому *udā*, избегаемому в качестве простонародного, вульгарного. Или же новейшие заимствования пуристами языка отвергаются,

[1] К таким инородным группам прежде всего относятся довольно многочисленные выходцы из персидской среды, натурализовавшиеся среди белуджей и усвоившие их язык. Одному из белуджских родовых подразделений, так называемым *kukan*, целиком приписывается персидское происхождение, что объективно может быть подтверждаемо тем обстоятельством, что многие из них, несмотря на длительное сожительство с суннитами, до сих пор принимают участие в шиитских обрядах во время Мухаррама. Кроме того, нужно отметить несколько сот семейств брахуи (*brāūī*), живущих втечение весьма продолжительного времени в различных местах совместно с белуджами. Они настолько уже ассимилированы в бытовом отношении, что не только все без исключения говорят по-белуджски, но даже обычно, по культурному признаку, не отделяют себя от белуджей. В упоминавшейся работе Г. Карпова брахуи названы, как одно из основных белуджских подразделений. Однако, в большинстве, несмотря на усвоение белуджского языка, а также персидского, они сохранили и свой национальный, что заставляет их считать особой этнической группой. Употребительный у туркменских брахуи язык существенно не отличается от описанного в книге Denys Bray. The Brahui Language. Calcutta, 1909.

и употребление таких слов, как *ayiyat* (вместо *akikat*) или *kāyaz* (вместо *kāgad*) порицается, как варваризм.

Несомненно, развитию языкового чутья и внимания к фактам своего языка не мало содействовало богатство и разнообразие форм его художественного проявления.

В области устного творчества наибольшее значение принадлежит героическому эпосу. На него уже давно было обращено внимание, и потрудившийся более других на этом поприще M. Longworth-Dames объединил результаты своих тридцатилетних работ в специальном сборнике (Popular Poetry of the Baloches). И мало что можно было бы прибавить к его характеристике белуджской поэзии, если бы все делавшиеся сборы и записи не относились исключительно к восточному (т. е. северному) диалекту. Как указывает Грирсон, изданный им отрывок в 30 стихов (Linguistic Survey of India, X, 371) — единственный опубликованный образец западной (т. е. южной) белуджской поэзии. Между тем, героические песни (былины, баллады), называемые обычно заимствованным термином *šä'r* (старое название *găl* сейчас уже почти вышло из обращения) представляют немаловажное явление в жизни южных белуджей, или, по крайней мере, их туркменских представителей. Белуджи любят свои песни, понимают их значение и высоко ценят их. В песнях отражается их жизненный идеал, формируются представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества *(mardī)*, недостаток которого величайший позор. Художественные образы такого поведения, достойного доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымышлены, и содержание песни — правда, при этом одновременно и правда-истина, и правда-справедливость. Высшая похвала для певца — возгласы слушателей: *rāst!* правда! справедливо! Действующие лица песен и их содержание известны уже из образцов восточного (северного) эпоса. Это — герои и богатыри легендарного прошлого и их подвиги в междуплеменной борьбе. Иногда содержание заимствуется из преданий о мусульманских святых и подвижниках, но эти песни менее популярны.

При большом значении, придаваемом белуджами эпической поэзии, совершенно естественно высокое общественное положение, занимаемое певцом (обычно он вместе с тем и поэт — *šāīr*). Он всегда дорогой и желанный участник всякого мало-мальски значительного празднества. Без певца не обходятся брачные торжества, и его искусство подчас вознаграждается весьма щедро. Ханы приглашают к себе певцов на продолжительное

время, иногда из далеких краев (в 1926—1927 гг. один из знаменитых певцов Сеистана, по имени Джангиян (старший), провел продолжительное время среди белуджей Туркмении); некоторые даже стараются удержать при себе певца на постоянное жительство. С певцом считаются и боятся его обидеть: от него зависит, воспеть ценителя поэзии и тем увеличить его популярность, или, осмеяв обидчика в песне, повсеместно обесславить его, а опасение сделаться *badnām* («с дурным именем») — один из могучих стимулов поведения у белуджской знати.

В старое время, по рассказам, положение певца было еще выше. Певец являлся непременным участником совета родовых старейшин и вождей, и при решении важных дел, он давал своего рода поэтические справки из кодекса национальной чести, отыскивая соответствующие деяния в прошлом и воспевая легендарных героев. Иногда он принимал даже более активное участие, и когда между племенами возникали кровавые распри, вожди брали с собой певца, и он песней вдохновлял бойцов. Конечно, возможно, что эти рассказы лишь идеализация отдаленного прошлого, но и в таком случае им нельзя отказать в характерности.

По самой идее белуджской песни в ней нет места для вымысла: она должна быть правдива. Может меняться только художественная передача, и этой возможностью певцы широко пользуются,[1] отнюдь не избегая отступлений от традиционного текста, а даже часто заботясь о его большей оригинальности и подчеркивая ее, в отличие от песен других на ту же тему. Можно даже сказать, что почти каждая песня есть плод личного творчества ее певца, а текст ее всегда более или менее импровизирован.

К песням в тесном смысле слова не причисляется эротическая лирика, так называемые *līkō*. Это своего рода белуджские частушки, состоящие из неопределенного количества коротких двустиший. Одни из них представляют основной, постоянный фонд, другие меняются и часто импровизируются. Число их определяется талантом импровизатора и вниманием слушателей. Внешнее единство каждой отдельной *līkō* выражается определенным напе-

[1] В этом легко убедиться, сравнив песню о Балаче и Накибе, записанную в Туркменистане, с соответствующими образцами сборника M. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches (№ XVIII). При почти одинаковом размере обоих вариантов (155 и 149 стихов) примерно только треть представляет сходство в композиции, в остальной части содержание излагается совершенно самостоятельно. То же, хотя в меньшей степени, относится и ко второму публикуемому образцу (о Султане Джум-джума), вариант (более подробный) которого издан в указанном сборнике под № LVII (Персидская версия легенды опубликована В. А. Жуковским, ЗВО., VII, стр. 63 сл.).

вом и размером стиха (от 5—8 слогов); некоторые *līkō* сопровождаются припевом, который повторяется после каждого двустишия; таков один из публикуемых образцов, известный под именем *Kaǰir-ǰān,* по имени героини, упоминаемой в припеве. Каждое из двустиший, составляющих *līkō,* обычно представляет собою самостоятельное парное сочетание образов, большею частью, контрастных. Но это вовсе не обязательно, и иногда последовательность и связь образов улавливаются с трудом. Этого и не требуется. *Līkō* считаются «пустыми словами, бессмысленными речами» *(urken abar)*, тратить на них время не достойно серьезного человека. Однако, несмотря на такое пренебрежительное отношение, *līkō* довольно популярны, особенно среди молодежи. Впрочем, не всегда проявляется подобная нетерпимость, и иногда на свадьбе *līkō* исполняется весьма почтенным певцом *(šāīr)*. Второй из публикуемых образцов *(Bībī-ǰān)* записан со слов поэта-профессионала, по имени Джангиян (младший, из района Йолотани).

Область народного творчества, где белуджская фантазия проявляется с особенной силой, почти не стесняемая условными рамками, это — сказки *(asmānak)*. Их содержание весьма разнообразно, но, повидимому, преобладают сказки волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами. Сказка обязательно должна начинаться словами: «было (не) было, кроме нашего с вами бога, (лучше) никого не было». Конец сказки также обозначается формулой: «я оттуда выскочил, завязал (!), для себя снискал благоденствие, для вас доставил невесту». Шаблонное начало и конец — единственное требование, предъявляемое к сказочнику: в этих пределах его свобода ничем не ограничивается.

Как почти все иранцы, белуджи увлекаются сказками и, начиная с десятилетних детей, готовы рассказывать их при всяком удобном случае. Избегают только сказок днем, хотя бы к тому имелся и досуг и повод. Это непринято, и некоторые поясняют, что если рассказать сказку днем, может случиться несчастье в доме, где она была рассказана. Другие боятся неприятных последствий для самого рассказчика, особенно опасаются, что он может стать «растерянным» *(sargardān abīt)* и не будет в состоянии принять определенное решение в затруднительном случае или, отправившись куда-нибудь, начнет сомневаться и колебаться, и в нерешительности вернется домой. Чтобы избежать этих нежелательных последствий, вторая из публикуемых сказок, рассказанная в неурочное время, днем, только в качестве образца, была лишена рассказчиком типичных начала и конца.

ОБРАЗЦЫ БЕЛУДЖСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Балач и Накиб

šugr int gō mē rabbaį dārā,
ništun bę rindaį daptarā.
Bālāč ō Nakībī kissawāⁿ:
Dūda mulukēn bē-gunā
γaįšē na dārīt bę dilā
nāšta gō alk ō ṭakarā.
Sammī ǰanōzanē ēdā
ništa bę Dūdaäį gwarā.
Bēbarg akaįt nā-rawā,
råṷt pa šikār ō šādīyā,
čīzē na dist ō bir gašt padā.
Sammīäį gorumā ǰata.
Sammī biguštin pa dapā:
īṭi ta Dūda kam-xatā,
nē mardīäį bōdišt tirā,
Bēbarg akaįt nā-rawā
gorumā ruptin ša kā-čarā.
Dūda kę rummīt nun š-ēdā
kapt bę Bēbargäį padā,
burt ō rasēnt āī rā.
ōdā bę dar-tankäį dapā
ǰangān dō-dēmī laggita,
gorumā gardēnt bę padā.
Bēbarg bęguštin pa dapā:
kaṷl int, mäįlīn trā zindagā,
badnām kurtäį rindäį tahā.
yak aptagē nun gwast ša sarā,
Bēbarg š-ēdā rummita,
šutin bę Dūdāī sarā.
ōdā bę šāmānī ǰalā,
Dūda mulukēn bē-gunā
wāpta bę wābānī gālā;
γaįšē na dārīt bę dilā.
Dūda ša wābā ḍikkita
säįā rā kuštin rēsagā.
drēč ku gō Bēbarg nā-rawā,
Dūda γarībā kušt ēdā.
Bēbarg bęguštin pa dapā:
Nakīb gulāmē ša ǰahā
Bālāč kasan int bę padā
kaį agīt ōnäį ša man.
apt sāl gwastin ša sarā.
Bālāč yēr kapt ša kūā,
dōlānā sātīt brābirā:
gītī watī brāsäį ǰanā
kaįtī Nakībō ša darā,
ōdā ša mā bagäį padā,
pursī ša mē alkaį ǰanāⁿ:
čē int šᵘmäį alkaį binā?
dōlān pa čī kurtant tawār?
zālān ǰawāb gardēnt padā:
Bālāč agīt brāsäį ǰanā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā!
nē mardīäį bōdiš tirā!
ta kę giräį brāsäį ǰanā,
bačče będantin trā Xudā
bad-nām abaäį rindäį tā.

ar čand kę mard šēräi̯ narēn
zäläi̯ uzüräi̯ nau̯kar int.
ā mard kę ʷōnānā girant,
iñgar ša zälän akanant;
sar-ǰāī singäi̯ londar int
wābī talārānī sar int
siyāyēn Nakīb gušt pa dapā
man kę gulāmē un ša ǰahā
Dūda mᵃna gipta pa bā,
yā Dūdaäi̯ ʷōnā girīn,
yā ai̯si sarā ziyānā kanīn,
kallī ō āp gō tōšagā
prēntī bę čapēn kōpagā
zāmā bę rāstēn panǰagā
šēwag būt bę ǰäläi̯ tagā.
Bālāč xayāl ku bę dilā:
ē kę brå̯ut, rindē pkušītī
bad-nām abäīn bę ālamā.
prēntī ǰanäi̯ sau̯nānā,
kapt bę Nakībōī padā
burt ō rasēntī āī rā
čē int, lālā, tī binā?
biyā brawan pīräi̯ sarā.
ōdā Sultānäi̯ lañgarā
säi̯ sāl miništin ǰāgawa.
Bālāč wābē dist ēdā:
pīra mnā dātī nun šapā
ramag akāi̯ant kū̆ sarā
ǰuptīy akāi̯ant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā;
amēš int mnī ō tī binā.
Nakīb bguštin pa dapā:
Bālāč, ta mnindäi̯ bē γamā:
Bēbargäi̯ alk laddita
ōdā bę dar-tankäi̯ dapā

bę Balxai̯ čāī sarā
ǰuptīy akāi̯ant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā.
gōn int Nakībō nā-rawā
goḍīt ō prēnīt čō nalā.
kaptant Nakībōī paɖā,
ǰista bę mā ǰäläi̯ tagā
Bālāč gōn int zām-ǰanēn
goḍīt ō prēnīt ša yak sarā.
Bēbarg bęguštin pa dapā:
īṭi trā Bālāč kam-xatā
nē mardīäi̯ bōdišt tirā
čēr äi̯ čō duzzēn tolāgā
wābā kušäi̯ brā-xundagā.
ta sī pkan ō biyā pa miḍā
warnā ša kullān dar rēčant
srēn basta ō čāḍ akanant
pa ǰistagēn mardäi̯ padā
čōn zindagā killant tirā.
Bālāč bęguštin pa dapā:
ōdā kę ǰañgäi̯ hai̯-hai̯ int
rūba ō tolāg bäi̯ näi̯nt
sakkā psāt ta watī sañgarā.
Bālāč akai̯t pa gōkalā,
Bēbarg trā mālum kurta ēdā!
tīrē na kašīyēn ǰata
pādai̯ čuṭun dāt ō šuta
ā čō sagā pariʸāt kurta
rindān tamāmēn anditant.
Bālāčäi̯ zämäi̯ drippagā
Bēbargā zurta larzaga
näi̯līt kučak pa gardagā.
Bēbarg bęguštin pa dapā:
Bālāč kam pkan kēnagānā
rāǰäi̯ mūgäi̯mēn dutagā

yakē bgir ō mnind bē γamā.
Bālāč bārak kurtī dilā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā
ta giräi̯ siʸäläi̯ ǰanā
bačč̄ē bⁱdant tⁱrā Xudā
bad-nām abaʸäi̯ rindäi̯ tā
ar čand kę mard šēräi̯ nar int
zäläi̯ uzūräi̯ naṷkâr int
ša turān ō laǰān dar int
ā mard kę ʷōnān agirant
iñgar ša zälān akanant
sar-ǰāī siñgäi̯ lonḍar int
čērgēǰ talārānī sar int
brāsī maza-dapēn loḍ int
brā-zākē tēzēn xanǰar int
gwār-zākē pullēn ispar int.
Bālāč bęguštin pa dapā:
ānčō pkanīn, kasē ma kant
ūkē ma kant gō arzunā
garmēn lūʷar gō čullūkāⁿ.
amrē Xudāwand ǰūḍ akant
rastar ō šērān miḍ adant
šēr bę pulangān sawār atant
Bālāč ō Nakībäi̯ kār atant.

Содержание песни заимствовано из предания о родовой вражде Дуды и Бебарга (ср. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches, XVIII, также его же статью в Folk-lore за 1902 г., стр. 252 сл.). Бебарг отбил и угнал стада, принадлежавшие вдове Самми, находившейся под покровительством Дуды. Дуда вступается за Самми и возвращает скот. Бебарг предательски нападает на Дуду и убивает его. Балач, малолетний брат Дуды, забывает о мести, и через семь лет хочет жениться на вдове брата. Но преданный брат Дуды, Накиб, пробуждает в нем чувство долга. Они отправляются для послушания к наиболее чтимой белуджами святыне *(langar)* Султана, известного, в качестве покровителя верблюдов (ср. упоминание о нем также в *līkō* о Каджир-джан, 12, стр. 670). Через три года святой старец посылает им во сне знамение и научает мести. Они с двух сторон нападают на Бебарга, и тот предлагает мир. Мирными переговорами песня оканчивается.

(Перевод)

Благодарение этой господней обители!
я воссел в совете рындов.
Вот повесть о Балаче и Накибе.
— Дудá справедливый и праведный —
не имеет он козней в сердце, —
пребывал с народом и племенем.
Вдова Самми́ здесь же
приютилась подле Дуды́.
Приходит Бебáрг недостойный,
идет на охоту и забаву;
ничего не нашел и возвращался назад,
напав на стадо Самми́.
Самми́ заговорила устами:
«Позор тебе, обездоленному Дуде!
нет мужества и запаха у тебя!
Бебарг приходит недостойный,
стада повыметал с пастбища».
Как снаряжается теперь оттуда Дудá,
бросился вслед Бебаргу,
пошел и достигнул его:

там в устье ущелья-теснины
завязалась битва лицом к лицу;
стадо вернул обратно.
Бебарг заговорил устами:
«Слово, что не оставлю тебя в живых!
ты обесчестил (меня) среди рындов».
Одна неделя прошла теперь с той поры,
Бебарг оттуда снарядился,
отправился в поход на Дуду;
там в разгаре вечерней поры
Дуда справедливый и праведный
спал в беседе со снами;
не имеет он козней в сердце.
Дуда, от сна встрепенувшись,
троих убивал подряд;
но столкнулся с недостойным Бебаргом
и он убил здесь беднягу Дуду.
Бебарг заговорил устами:
«Накиб раб исконный,
следом Балач младенец, —
кто взыщет кровь на мне?»
Семь лет проходило затем.
Балач спускается с гор,
барабаны приводит в порядок;
он берет своего брата жену.
Приходит Накиб снаружи,
там сзади верблюжьего стада,
спрашивает у женщин этой округи:
«что готовится в вашей округе?
зачем зазвучали барабаны?»
Женщины возвращают ответ:
«Балач берет жену брата».
Разгневался Накиб недостойный:
«позор бездельному Балачу!
нет мужества и запаха у тебя!
вот ты берешь жену брата,
и если сына даст тебе бог,
обесчещен станешь ты среди рындов.
Как бы ни был мужчина подобен льву,
перед женщиной он как прислужник.
Те мужи, которые взыскивают кровь,
соблюдают воздержание от женщин;
изголовье (у них) — плоский камень,
сон их на вершине шалаша».
Устами сказал черный Накиб:
«хоть я и раб исконный,
за деньги взял меня Дуда, —
или взыщу кровь Дуды,
или единственную голову погублю».
Мех и воду и припасы
он положил на левое плечо,
с мечем в правой руке,
отправился в южную степь.
Балач подумал про себя:
«вот он пойдет, убьет его рынд,
обесчещен буду я в свете».
Он наложил развод на жену,
бросился вслед за Накибом,
пошел и нагнал его.
«Что ты, братец, задумал?
давай, отправимся к старцу».
Там в святыне Султана
три года пребывали на месте.
Балач однажды видел здесь сон:
«старец ныне помощь мне дал:
стадо овец идет по горам,
пара (волков) подходит напротив:
один хватает с этой стороны,
другой хватает с той стороны;
таков приступ и мой и твой».
Накиб заговорил устами:
«Балач, ты сиди безмятежно,
Бебаргово племя откочевало
туда к устью ущелья-теснины,
что́ возле Бальхова колодца».
Пара (как волки) подходит напротив:
один хватает с этой стороны,
другой хватает с той стороны.
Вот Накиб недостойный,
как тростинки, сечет и швыряет.
Бросились вслед за Накибом,
он побежал в ту южную степь.
Вот Балач, потрясая мечом,
сечет и швыряет с другой стороны.

Бебарг заговорил устами:
«Позор тебе, бездельный Балач!
нет мужества и запаха у тебя!
Ты прячешься, подобно вору-шакалу,
во сне убиваешь названного брата!
Ты сделай вызов и приходи на бой:
юноши стремятся из домов,
стянув пояс и горя рвением;
(если ты гонишься) за убегающим,
как оставят в живых тебя?»
Балач заговорил устами:
«там, где раздался шум битвы,
нет места лисе и шакалу;
ты нáкрепко береги свой стан».
Крадучись подходит Балач, —
но вот тебя заметил здесь Бебарг!
Стрела пущена неудачно:
слегка задела ногу и скользнула, —
он, как собака, испустил крик,
а рынды все засмеялись.
От стука меча Балача
Бебарга ударило в дрожь;
даже собаке не даст пробежать!
Бебарг заговорил устами:
«Балач, умерь ненависть,
и лучшую девушку племени
возьми, и живи безмятежно».
Сжалось сердце Балача,
но разгневался недостойный Накиб:
«позор тебе, бездельный Балач!
ты возьмешь из рода жену,
и сына если даст тебе бог,
обесчещен ты будешь у рындов.
Как бы ни был муж подобен льву,
перед женщиной он прислужник,
он вне почета и чести.
Те мужи, которые взыскивают кровь,
соблюдают воздержание от женщин;
изголовье (у них) — плоский камень,
постель — на верху шалашей;
братом у них — меч с большим лезвием,
сыном брата — острый кинжал,
сыном сестры — украшенный щит».
Балач заговорил устами:
«как я поступлю, никто не поступит:
кабан не поступит с просом,
жаркое лето с мелкой рыбешкой».
— Завет установляет Господь,
хищным зверям и львам назначает
войну.
Львы над барсами одержали победу.
Таковы были дела Балача и Накиба.

Султан Джум-джума («череп»)

yā ilāhim, yā ilāhim,
ālamaɻ nūrēn xudā!
azrati Isā rawān būt
pa šikār ō šādīʸā.
distatī uškēn kaḍūlē
kapta barr ō bḍedīān.
kirm ō mōrān ǰā ku(r)ta,
mār ō zūmān rā ku(r)ta.
ē čē kasē būta kę
āta barr ō bḍedīān?
azrati Isā walīyēn,
čēwa pursäɻ ta mⁱnā?
man kę atun pādšāē
nām-un Sultān ǰum-ǰuma.
ša manī ukm ō karārā
ič gida ākum na-w at,
rō dar-āt tā rō nišīnā
muččę ālam pa larzag at.
yak azār ǰwānēn sipāī
pa šikārā gō man at,

yak azār zanḍēn naryān at
zēn ō sanǰiš nuγra^{w} at,
yak azār kāräi kanīz at
muč pa āpai kašagā,
yak azār s^{i}yāēn gulām at
alγa-gōš wuštāt atan^{t},
yak azār pākēn suwäil at
muč manī mäiēn ǰan at,
yak azār kārčäi kassāb at
pa guranḍäi kōṭagā.
ar kasē tālār ǰitā at
nān ō gōšt gō dummagā.
laškar-un bāz ō bisyār at
čō kę mäšäi dānagā,
čō kę mäšäi dānagā
kuntičäi urtēn barā
māl-un bāz ō bisyār at
ša ganǰi Kārun gēštir at.
malka-mut zilli-ilāēn
käit pa sääi giptinā
käit pa sääi giptinā
kaidā kant čō lēḍawā
kaidā kant čō lēḍawā
prēntagī ša markabā.
muč-un ku(rt) šäräi tabībā,
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ič na būt dastgīr m^{i}nā:
ša dō čīzā γāpil atun:
ša namāz ō rōčagā.

(Перевод)

О боже, о боже,
боже, освещающий мир!
Святой Иса отправился в путь
для охоты и радости.
Он увидел высохший череп
упавший на сушь и пустыню.
Черви и муравьи там поселились,
змеи и скорпионы проложили дорогу.
Что это за человек был,
попавший в сушь и пустыню?
— Святой Иса угодник,
зачем спрашиваешь ты меня?—
— меня, который был царем,
по имени Султан Джум-джума.
Над моим приказом и правилом
вовсе не было владыки.
От востока до запада
весь мир был в трепете.
Тысяча молодых витязей
на охоту со мной отправлялись;
была тысяча откормленных коней
с седлами и сбруей из серебра;
была тысяча рабочих рабынь —
все для переноски воды;
была тысяча черных рабов —
с кольцами в ушах они стояли;
была тысяча ясных звезд —
всебыли моими луноликими женами;
была тысяча мясников с ножами —
разрубать бараньи туши.
У каждого человека был особый шатер,
хлеб и мясо с салом.
Мое войско было велико и многочисленно,
подобно зернам маша, —
подобно зернам маша
и мелким плодам кунджута.
Мое богатство было велико и обильно,
больше сокровищ Каруна.
Но ангел смерти, тень божья,
приходит взять душу;

приходит взять душу,
вот он опутывает как верблюда,
опутывает как верблюда,—
и вот уже сбросил с корабля
(жизни).

Я всех собрал городских врачей,
и всякий давал мне лекарства и
снадобья;
всякий давал мне лекарства и снадобья,
но не было никакой помощи мне:
я пренебрегал двумя вещами:
молитвою и постом.

Каджир-джан

Припев:

mnā armān Kaǰīr-ǰānī У меня тоска по Каджир-джан,
parīāi̯ säi̯l bę čammānī в ее глазах взгляд пэри.

(повторяется после каждого двустишия)

kitābā bʲyār kę man bʷānīn,
kitābāi̯ mānīʲā bzānīn.

ǰänikāi̯ āskīēn čamm ant,
ǰanōzan čillagāi̯ ḍamm ant.

ǰänikāi̯ brā ō baladā
ǰanōzan kapta pānādā.

ǰänikāi̯ čučūkā sōr pkan
ǰanōzanā bgir ō gōr pkan
(|| ǰanōzanāi̯ xatā kōr pkan).

ǰänikāi̯ ǰāmagā gwanḍ kan,
ǰanōzanā gir ō kanḍ kan.

ǰänikāi̯ ǰāmagā ṭū kan,
ǰanōzanāi̯ dapā gū kan.

ǰänik ništa bę mē taxtā,
xudā prēnīt mᵃnī baxtā.

ǰänik rusta čō mē tīrā
xudā prēnīt mᵃnī gīrā.

ǰänik rusta čō anǰīrā
sarī kapta gō bad-šīrā.

ǰänik zurta watī adatā
bačak trusīt ša kiyāmatā.

kitābāi̯ bāragēn rāē
Kaǰīr-ǰān čārdaāi̯ māē.

ǰanikāi̯ māparr-ant zarrī
ša Sultānāi̯ kūā parrīt.

kalāmān gipta tī māsā
na pušīt mnī gulā xāsā
(|| kē trā na pušita xāsā).

kapōtāi̯ ižžag ō šaṷkē
ǰänikāi̯ gardināi̯ taṷkē.

sar-un kapta garībīyā
dil-un mānta pa bībīyā.

(Перевод)

Принеси книгу, чтобы я прочитал
и узнал содержание книги

У девушки глаза, как у газели,
вдовы — как старые овцы в зимние холода.

От роста и изящества девушки
вдова привалилась на бок (от стыда)

У девушки мизинец окрась,
вдову возьми и брось в могилу
(|| вдовий след истреби).

Для девушки сделай короткое платье,
вдову возьми и закопай.

Для девушки сделай широкое платье,
вдове испражнись в рот.

Девушка сидит на возвышении, —
пусть бог пошлет ее на мой жребий!

Девушка вытянулась, подобно столбу в шатре, —
пусть бог пошлет ее на мою долю!

Девушка выросла, подобно фиговому дереву,
но голова ее попала к злодею.

Девушка уже овладела своими повадками (в любовной игре),
но юноша боится страшного суда.

Книги (т. е. прописной морали) дорога узка,
а Каджир-джан как месяц четырнадцатого дня (в полнолуние).

Девичьи косы украшены монетами,
она (невинна, точно) спускается с Султановой горы (после богомолья).

Писаниями поражена твоя мать:
не одевает она мой цветок в тонкие ткани
(|| потому что она не одела тебя в тонкие ткани).

У голубя порхание и вожделение,
у девушки на шее — ожерелье.

Моя голова попала на чужбину,
мое сердце осталось ради госпожи.

Биби-джан

pa-ʊ̂tī sawābā
bdäi̯ mnī ǰawābā.

mēšanī xāl-pušt,
tī γamā mnā kušt.

pa mnī dilā bīt,
pōš tī tilā bīt.

dō dil ʰam-dil bīt,
ǰinnatäi̯ gul bīt.

šīpānk ša gazā,
čukkī ša sabzā.

dil gō xayālā,
rang čō palalā.

tī baḍōēn čammān
siyā pkanäi̯ pa man.

čādir tilāī
wada tīrmāī.

dasmāl tī dastā,
γand sarāɻ basta.

ǰālā diʸātē,
Bur-ǰān xäyātē.

wābäɻ čō āskā,
prēṇčīn tī bāskā.

sittäɻ nar āskī,
prušant tī bāskī.

pōz ō pōz-bandäɻ
pūxäɻ, na ʰandäɻ.

kāʰäɻ ō kōštäɻ,
mnī dilā prōštäɻ.

ništagäɻ kūkī,
tī lunṭā čukkīⁿ.

kalla-dār drammē,
aʷulū čammē.

guṭā tī taɻkē
gardäɻ pa šaɻkē.

guṭā tī pōtē
sabzēn kapōtē.

guṭā tī lāl ant
ša ikkīʸā ǰāl ant.

mōrag kattār ant
bę gōdan sʷwār ant.

biyā, bra bāgäɻ tā,
šalwār tāγäɻ tā.

pollūk tī pōzā,
guṭ čō surōzā.

šīpōl nalāɻ tā,
ta biyā mnī dilāɻ tā.

tī siʸāēn gidana,
tī wašēn lisāna.

tī kučak gwak kant,
dil-sōča ǰak kant.

šap kę karār int,
tī kaɻušäɻ tawār int.

gēs tī panā int
dastäɻ čamā int.

tī dantān ridēn ant
tī lunṭ kāgadēn ant.

aɻr ant ō gwāt ant
dōstäɻ saɻγāt ant.

Mārī ō Taǰan,
dōstäɻ padā bǰan.

Mārī gālōw ku,
dōstā kulåw ku.

čalla tī čār ant
zargaräɻ kār ant.

čalla tī šaš ant,
sōräɻ sīm-kaš ant.

suwār bāɻ biyānā,
säɻl pkan ǰiyānā.

suwār bāɻ komaɻtā
ēr pkap ǰūwäɻ tā.

kalladār tī guṭā,
čukkīn tī lunṭā.

kalladār guṭī,
srēnī yak muṭi.

mnindan am-zānā,
čūšīn tī zwānā.

baḍḍī batē bīt
bēdāi̯ šatē bīt.

āpā ma kan gil,
trakkīt mnī dil.

tī lāpā zāgē,
mnī dilā dāgē.

ǰālāi̯ watan bīt,
dastmāl čakan bīt.

ša dilāi̯ dūtā
sar ǰanāi̯ lūtā.

kau̯šā pādā pkan,
ša dōstā salā pkan.

kau̯šān čangakī,
biyā, mnī kaǰakī.

(Перевод)

Ради своего спасенья,
дай мне разрешенье.

Овечка с отметиной на спине,
твоя скорбь меня убила.

Будет по моему сердцу,
будет у тебя платье из золота.

Пусть будут два сердца согласны,
пусть будет райский цветок.

Как трость из (дерева) газ,
ее поцелуй из свежести.

Когда сердце в задумчивости,
цвет лица как блеклая солома.

Твои глаза молодой газели
почерни ради меня.

Золотое покрывало
осенней поры.

В твоих руках платок,
а в нем завязан сахар.

К югу (вниз) есть деревня,
там есть Бур-джан швея

Ты спишь как газель,
я обниму твою руку.

Ты прыгаешь, как самец газели, —
сломятся твои руки!

Нос укутан покрывалом,
ты молчишь, не смеешься.

Ты приходишь и стоишь,
мое сердце разрываешь.

Ты села спесиво, —
я поцелую твои губы.

Много калладаров (т. е. золотых монет в ожерелье),
глаза молодой газели.

На твоей шее ожерелье,
ты ходишь спесиво.

На твоей шее повязка,
как смуглый голубь.

На твоей шее рубины
пониже адамова яблока.

Кораллы рядами
оседлывают грудь.

Давай, пойдем в сад, —
штаны лежат в нише.

Серьга в твоем носу,
горло, как скрипка.

Свист в флейте,
приди в мое сердце.

Твой черный шатер,
твой приятный язык!

Твоя собака лает,
милый друг кашляет.

Ночью, когда стихнет,
слышен звук твоих туфель.

Дом — твой покров —
близок, как глаз.

Твои зубы — ровными рядами,
твои зубы (белы), как бумага.

Дожди и ветры —
подарки от друга.

О Мерв и Теджен!
иди вслед за другом.

В Мерве поспели дыни,
пошли известие другу.

У тебя четыре перстня,
они — ювелирной работы.

У тебя шесть перстней,
они — из золотой проволоки.

Сядь верхом на жеребенка,
сделай прогулку по свету.

Сядь верхом на скакуна,
спустись в арык.

Калладар у тебя на шее,
целую тебя в губы.

Калладар на ее шее,
ее стан с кулак величиною.

Сядем колено к колену,
я буду сосать твой язык.

Пусть будет (возлюбленная), как пестрая утка,
пусть будет, как ивовая трость!

Не взмучивай воду,
мое сердце разрывается.

В твоем животе ребенок (от другого),
в моем сердце язва.

Пусть будет родина на юге,
пусть будет вышитый платок.

От дыма в сердце
преклоню голову в пустыне.

Надевай на ноги туфли,
у друга спроси совет.

Туфли с крючками,
приди, ты с завитками.

Сказки

I

1 *būt būt, čap ša xudā́ kásē (gētír) na būt.* 2 *yak wáxtē at, ḍōñkē wa yak rōtíñkē at.* 3 *ē rōtíñk gúštī: bʿyā, brawán, yak ǰā́ē ārusíē ast. ḍōñk gušt: šar, brawán.* 4 *rōtíñk dēmā būt, dōñk bę āī́ padā́ būt.* 5 *ē šútant bę mā ārusíäi̯ā, bāzḗn nān ō gṓštē wártant, wat rā sḗr kurtant.* 6 *šamṓdā pádā watī́ ǰāgā́ ātant, bę ráā yak ǰwákkē b-ēšánī dēmā́ dár āt.* 7 *ē ḍoñk gúštī: ta kup pkan. rōtíñk gúštī: tá kup pkan.* 8 *ḍōñk kup kurt, āpā́i̯ miānǰínā kapt. rōtíñk andít, andít, trakkítī.* 9 *šamódā ǰistun ō bástun, pa wat īmánī āʷúrtun paʿ ta dištárē.*

(Перевод)

1 Было было, кроме нашего с вами бога, никого (лучше) не было. 2 Было время, был комок земли, и была кишка. 3 Кишка сказала: «давай, пойдем, в одном месте есть свадьба». Комок земли сказал: «хорошо, пойдем». 4 Комок земли был впереди, кишка сзади него. 5 Они прошли к месту той свадьбы поели много хлеба и мяса, насытились. 6 Пошли назад во-свояси. По дороге попалась им на встречу канава. 7 Комок земли сказал: «ну, прыгай!» Кишка сказала: «ты прыгай!» 8 Комок земли прыгнул, и упал в середину воды. Кишка смеялась — смеялась и лопнула. 9 Оттуда я выбежал, завязал, для себя снискал благоденствие, для тебя привел невесту.

II

1 *yak wáxtē yak pādšáē at.* 2 *pādšā́ yak brā-zā́kē dāšt.* 3 *pādšā́ yak ǰäníkē dāšt.* 4 *amḗ pādšáäi̯ brā-zā́k watī́ pisā́ gušt kę: mnī nākṓäi̯ ǰäníkā pa man alā́s pkan.* 5 *ē pādšā́ šut watī́ brāsā́i̯ā.* 6 *watī́ brāsā́ gušt kę: watī́ ǰäníkā bę mnī zāgā́ bdäi̯.* 7 *pādšā́ gušt kę: mnī ǰäníkwatī́ ixtiárā wat dārī́t.* 8 *ǰäníkā sṓč kurtant.* 9 *ǰäníkgušt kę: Nēkī-dar-ǰiyánäi̯ unárā pa man biyárī́t, guḍá girín-ī.* 10 *ē šut, watī́ zāgā́ gušt kę: ǰäníkamē rang gušt:* 11 *Nēkī-dar-ǰiyán unár dārī́t kę yak sālág mudát dārī́t,* 12 *kę yak sālágā unárā bzū́rīt am kušī́t-ī, ma bzū́rīt am kušī́t-ī.* 13 *ē čōrī́äi̯ pis watī́ zāgā́ burt bę Nēkī-dar-ǰiyánäi̯ā.* 14 *Nēkī-dar-ǰiyán gušt kę: ātágit, mníndit.* 15 *Nēkī-dar-ǰiyán šut pa*

*

šikárā, ē zāg amédā mujúl-gwāzíyā kurt. 16 *dístī, ša burzágā ḍónkē kapt. saẓ' kúrtī kẹ: mazánēn kuškē burzén.* 17 *amē burzén yásräẓ sará jäníkē.* 18 *ē jäník gúštī: aẓ čōrí, ta Nēkī-dar-ǰiyánäẓ unárā amē-rangí^{y}ā zűräẓ?* 19 *čōrí gušt kẹ: napá čōn kanín?* 20 *jäník gušt kẹ: mnā girấẓ kẹ man trā nišánā däín.* 21 *čōrí gušt kẹ: ān, man trā girín.* 22 *jäník wānt, pa wāntínā ráē paẓdấ būt.* 23 *ē jäník Nēkī-dar-ǰiyánäẓ jäník at.* 24 *ē ša Nēkī-dar-ǰiyán pa ilmấ puxtatír at.* 25 *čōrí amédā tā yak sāl wānt.* 26 *Nēkī-dar-ǰiyán kẹ édā ma bűtin, šut bẹ jänikäẓā, ődā wānt. agá édā bűtin, na šut.* 27 *tā yak sāl ša Nēkī-dar-ǰiyán puxtatír būt.* 28 *sálē kē purrấ būt, čōríäẓ pis āt pa padấẓ kẹ bárt-ī.* 29 *gušt kẹ: ta Nēkī-dar-ǰiyánäẓ unárā zurtágā na kanấẓ, biyấ brawán, kẹ trā kušít.* 30 *zāg gušt: šarr, brawán. ē šútant, ša pádāẓš Nēkī-dar-ǰiyán āt.* 31 *Nēkī-dar-ǰiyán zấgē dāšt, wātí zāgấ sốč kurt kẹ: gujấ šut?* 32 *zāg gušt kẹ: pisí āt ō búrtī.* 33 *Nēkī-dar-ǰiyán padấẓš kapt.* 34 *amấ zāg wát rā yak lēḍáē kurt.* 35 *watí pisấ gušt kẹ: mnā bấ kurtäẓ, mnī aṷsárā ma däẓ. agar ar činka zar trā dátant, mnī aṷsárā ma däẓ.* 36 *Nēkī-dar-ǰiyán āt, dístī kẹ ē wat rā lēḍấē kurtá.* 37 *Nēkī-dar-ǰiyán ša dēmấẓs šut ō wat rā tājírē kurt, panǰấ uštír bār bastá aṷsấr kurt ō āt.* 38 *édā āt, pīra-márdā gušt: uštírā bā kanấẓ yā na kanäẓ?* 39 *pīra-márd gušt kẹ: ān, bấ kanín.* 40 *gušt kē: činka rā daấẓ?* 41 *gušt kẹ masalán yā pānzdá čirwấn yā bīst čirwấn.* 42 *gušt ke: šarr, girín, gušt: girín-ī, aṷsárā ^{y}am bdäẓ.* 43 *gušt kẹ: aṷsấrā na däín.* 44 *gušt kē: trā ša mnī uštirán yak uštírā gō bárā däín. gušt kẹ: na däín.* 45 *gušt kẹ: amé panǰấ uštírā gō bárā múčānā trā däīn, amé aṷsárā am bdäẓ. gušt kẹ: däín.* 46 *dāt uštírā. Nēkī-dar-ǰiyán burt.* 47 *ē čōríäẓ pis Nēkī-dar-ǰiyánā drust na kurt.* 48 *ē pīra-márd panǰấ uštírā burt, ā-kaštírā kẹ šut, ar járrē bẹ watí jahấ šut. pīra-márd bẹ maẓdánā mānt bē uštír.* 49 *ā uštírā Nēkī-dar-ǰiyán burt watí gēsấ, watí zāgā gušt kẹ: kārčấ b^{i}yār kẹ uštírā pkušín.* 50 *Nēkī-dar-ǰiyánäẓ jäník amấ kārčấ čēr kurt, watí brāsấ gušt kẹ: kārč wadíyā na bīt, pisấ bguš kẹ bäẓt, wadí pkant.* 51 *watí pisấ tawár kurt kẹ: kārč wadí^{y}ā na bīt, bi^{y}á, wadí pkan.* 52 *pisī gušt kẹ: bi^{y}ā, uštírā psāt, man wadí^{y}ā kanín.* 53 *ē čōrí ō jäník ar dō šútant.* 54 *pisí āt pa kārčấẓ gaštínā, uštírā bẹ zāgấẓ dastá dāt.* 55 *jäník watí brāsá gušt kẹ: uštírā bil kẹ āp b^{u}ārt kẹ tunnág int.* 56. *čōrí gušt ke: uštír ápā na wārt.* 57 *jäník gušt ke: aṷsárā ša sarấẓ bzūr kẹ uštír ápā wārt.* 58 *čōrí uštíräẓ aṷsárā ša sarấẓ zurt.* 59 *uštír māí^{y}ē būt, wat rā bẹ āpấẓ tā prēnt.* 60 *čōrí tawár kurt watí pisấ: biyấ kẹ uštír bẹ āpấẓ tā kapt.* 61 *Nēkī-dar-ǰiyán āt ō wat rā saglāú^{y}ē kurt, bẹ āpấẓ tā prēnt, káptī*

bę māĺäi̯ padá, rasēntág na kúrtī. 62 *ā čōrī́ dár kapt, wat rā kapṓtē kurt, pír kurt. pir kurt ō šut, amá watī́ nākṓäi̯ tā ništ.* 63 *amá bāg apt sāl at kę gúlā ná^{y} ā^{w}úrt, ē bę ništ amḗ bāg múčī gul ā^{w}úrt.* 64 *wat yak gúlē būt, bāgwánäi̯ dastá kapt.* 65 *bāgwán éšā burt, bę pādšá dāt kę: tī bāg gul kurt.* 66 *Nēkī-dar-ǰiyán ša āpä́i̯ dár kapt, dist kę čōrī́ wat rā kapṓtē kurt ō pir ku(rt).* 67 *Nēkī-dar-ǰiyán wat rā šāīnákē kurt ō padä́i̯ kapt.* 68 *šut bę mā pādšá^{y}äi̯ bāgá, dist kę amḗ gul amáī́ kār ant, ammá ǰíndī ēdá näi̯nt.* 69 *säi̯^{i} kurtá: bę pādšá^{y}äi̯ dastá int.* 70 *wat rā yak malángē kurt ō šut bę pādšáäi̯ā kę: amḗ gulá bdäi̯ bę man.* 71 *pādšá yār kurt kę: apt sāl int kę mnī bāg gul na kurtá, nū^{n} kę gul kurtá, ta ša man aloṭä́i̯. na däín trā.* 72 *ē maláng šut. aídäi̯ rōčá āt.* 73 *gušt kę: marṓčī aídäi̯ rōč int, bdäi̯ amḗ gulá bę man.* 74 *pādšá yār kurt, amḗ gulá ǰat bę ḍigárā.* 75 *ē gul kunčítäi̯ dānág būt, pāš-pāš būt.* 76 *wat yak dānágē kuntíč būt, pādšáäi̯ kaṷšä́i̯ tā kapt.* 77 *Nēkī-dar-ǰiyán yak galá múrgē būt ō binā́ bę dānṓkäi̯ čitínā būt.* 78 *ā čōrī́ ša kaṷšä́i̯ tā dár kapt ō šagálē būt, binā́ bę amḗ murgánī giptínā būt, murgánā yak-yak gipt ō wart.* 79 *duwārág wat mardúmē būt.* 80 *pādšá aǰrán mānt. gušt kę: čē sabábē?* 81 *čōrī́ gúštī kę: ē Nēkī-dar-ǰiyán int. man wártun-ī, š-āī zōrák bṻtun.* 82 *čōrī́ šut, Nēkī-dar-ǰiyánäi̯ ǰäníka gipt.* 83 *duwārág at, pādšáäi̯ ǰäníkā am gipt.*

(Перевод)

1 Некогда был царь. 2 У царя был племянник (сын брата). 3 У царя была дочь. 4 Этот царский племянник сказал своему отцу: «выдай за меня дочь моего дяди». 5 Этот царь пошел к своему брату. 6 Сказал своему брату: «отдай свою дочь за моего сына». 7 Царь сказал: «моя дочь свободна сама выбрать». 8 Спросили девушку. 9 Девушка сказала: «пускай он принесет мне искусство Неки-дар-джиана («мирское благо», так звали волшебника), тогда я возьму его». 10 Он пошел и сказал сыну: «девушка так сказала: 11 «Неки-дар-джиан обладает искусством, и ему представлен годовой срок: 12 если кто втечение года овладеет его искусством, того он убивает, а кто не овладеет, также убивает». 13 Отец этого юноши отвел его к Неки-дар-джиану. 14 Неки-дар-джиан сказал: «пришли, так садитесь». 15 Неки-дар-джиан отправился на охоту, а юноша принялся тут играть в бабки; 16 вдруг увидел, сверху свалился комок. Посмотрел, оказывается там большой и высокий замок, 17 а на верху этого высокого замка девушка. 18 Эта девушка сказала ему: «так-то юноша, ты постигаешь премудрость Неки-дар-джиана!». 19 Юноша сказал: «что же поделаешь?». 20 Девушка сказала: «возьмешь меня, если я научу тебя?»

21 Юноша сказал: «да, я тебя возьму». 22 Девушка прочитала (заклинание); от чтения появилась дорога. 23 Эта девушка была дочь Неки-дар-джиана. 24 Она в науке была еще более сведущей, чем Неки-дар-джиан. 25 Юноша целый год учился здесь. 26 Как только Неки-дар-джиана не было, он уходил к девушке и там учился; если же он был, не уходил. 27 Втечение года он стал более сведущим, чем Неки-дар-джиан. 28 Как только год исполнился, отец юноши пришел за ним, чтобы увести его; 29 сказал: «ты не сможешь овладеть искусством Неки-дар-джиана; давай, пойдем, а то он убьет тебя». 30 Сын сказал: «хорошо, пойдем». Они пошли, а тотчас за ним пришел Неки-дар-джиан. 31 У Неки-дар-джиана был сын; он спросил своего сына: «куда он (юноша) делся?» 32 Сын сказал: «приходил его отец и увел его». 33 Неки-дар-джиан бросился вслед за ними. 34 Тот юноша обратился в верблюда; 35 сказал своему отцу: «будешь меня продавать, не отдавай моей упряжи; сколько бы денег тебе ни давали, упряжи не отдавай». 36 Неки-дар-джиан подошел, увидел, что он обратил себя в верблюда. 37 Неки-дар-джиан пошел к ним на встречу и обратил себя в купца: снарядил пятьдесят верблюжьих вьюков, нагрузил их и подошел. 38 Подошел сюда и сказал старику: «продаешь верблюда или нет?». 39 Старик сказал: «хорошо, продам». 40 Он сказал: «за сколько отдашь?». 41 Сказал, например, пятнадцать или двадцать червонцев. 42 Он сказал: «хорошо я беру». Сказал: «беру его, но ты отдай и упряжь». 43 Сказал: «упряжь не дам». 44 Сказал: «я дам тебе из моих верблюдов одного верблюда с его вьюком». Сказал: «не дам». 45 Сказал: «всех этих пятьдесят верблюдов со вьюком дам тебе, только отдай мне эту упряжь». Сказал: «отдаю». 46 Отдал верблюда. Неки-дар-джиан (взял и) повел. 47 Отец того юноши не узнал Неки-дар-джиана. 48 Старик повел пятьдесят верблюдов, но как только отошел подальше в другую сторону, все они стали зарослями по своим местам. Старик остался в степи без верблюдов. 49 А того верблюда Неки-дар-джиан отвел к себе домой и сказал своему сыну: «принеси нож, я зарежу верблюда», 50 Дочь Неки-дар-джиана спрятала нож и сказала своему брату: «ножа не найти, скажи отцу, пусть придет, отыщет». 51 Он своему отцу закричал: «ножа не найти, поди сюда, отыщи». 52 Отец сказал: «поди сюда, подержи верблюда, я отыщу». 53 Сын и дочь пошли вдвоем. 54 Отец принялся искать нож, а верблюда передал сыну. 55 Девушка сказала своему брату: «дай верблюду попить воды, он хочет пить». 56 Юноша сказал: «верблюд не пьет воду». 57 Девушка сказала: «сними с него упряжь, пусть верблюд напьется». 58 Юноша разнуздал верблюда. 59 Верблюд обратился в рыбу и бросился в воду. 60 Юноша закричал отцу: «поди сюда, верблюд бросился в воду». 61 Неки-дар-джиан подошел и превратил себя в выдру, бросился в воду, кинулся за рыбой, но настичь не смог. 62 Тот юноша выскочил, обратил себя в голубя, полетел; полетел и исчез, спустился в саду своего дяди. 63 А уже семь лет, как тот сад не цвел; как только он спустился, весь тот сад сразу зацвел. 64 Сам он обратился в цветок и попал в руки садовнику. 65 Садовник

понес его и отдал царю: дескать, твой сад зацвел. 66 Неки-дар-джиан выскочил из воды, увидел, что юноша обратил себя в голубя и полетел. 67 Неки-дар-джиан превратил себя в сокола и полетел по его следам, 68 направился к саду того царя, увидел, что эти цветы его дело, но самого его там нет. 69 Посмотрел: он в руках у царя. 70 Превратил себя в нищего (юродивого) и пошел во дворец к царю: дескать, дай мне этот цветок. 71 Царь разгневался: дескать, семь лет уже, как мой сад не цвел, а теперь, когда он дал цветы, ты их требуешь: не дам! 72 Нищий ушел. В день праздника пришел; 73 сказал: «сегодня день праздника, дай мне тот цветок». 74 Царь разгневался, бросил тот цветок на землю. 75 Цветок обратился в семена кунджута, они рассыпались. 76 Сам же (юноша) превратился в кунджутное зерно и завалился под царский башмак. 77 Неки-дар-джиан сделался стаей кур и принялся клевать зерна. 78 Тот юноша выскочил из-под царского башмака и превратился в шакала, принялся хватать куриц; куриц хватал одну за другой и съедал. 79 Вновь обратился в человека. 80 Царь изумился, сказал: «что за причина?» 81 Юноша сказал ему: «это Неки-дар-джиан, я его съел, я оказался сильнее, чем он». 82 Юноша пошел, взял дочь Неки-дар-джиана. 83 Вновь пришел и взял также царскую дочь.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Сектор распространения, Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР

Том II, выпуск 2. 1927. Ц. 3 р. 50 к.
Том III, выпуск 1. 1928. Ц. 4 р. 50 к.
Том III, выпуск 2. 1928. Ц. 7 р. 50 к.
Том IV. 1930. Ц. 5 р.
Том V. 1930. Ц. 17 р.

Иран.

Том I. 1927. Ц. 4 р.
Том II. 1928. Ц. 4 р.
Том III. 1929. Ц. 4 р.

Тексты по истории Средней Азии.

Вып. 1. Гияс-ад-дин-Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1915. Ц. 5 р.

Труды Музея палеографии.

Том III. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук. 1929. Ц. 4 р.

Мусульманский мир.

Вып. 1. 1917. Ц. 75 к.

Труды Комиссии по истории знаний.

Вып. 8. И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского Университета (1810—1861). 1929. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Памирской экспедиции 1928 г.

Вып. VI (Лингвистика). И. И. Зарубин. Орошорские тексты и словарь. 1930. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Л. С. Ляпунова

Сдано в набор в августе 1931 г. — Подписано к печати 5 октября 1932 г.

VIII + 220 стр. — $Б_5$ — $14^5/_8$ печ. л. — 43.488 тип. зн. — 1000 экз.

Ленгорлит № 30724. — АНИ № 247. — Заказ № 1337

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Предисловие V

Белуджские сказки:

I. О внуке старика, научившемся чародейству (Ибрагим Мамад-ханов) 1

II. Об овчаре, сделавшемся царем (Мамад-нур Каландаров)..... 10

III. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов)..... 36

IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме (Кадыр Шакаров) 52

V. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов)..... 60

VI. О Ша-нияз-хане (Мамад-нур Каландаров)..... 69

VII. О Гуле и Момине (Ибрагим Мамад-ханов)..... 90

VIII. О пэри Шар-шару (он же)..... 97

IX. О Ша-трасане (он же) 104

X. О Джантеге и Деде-гаргашанге (Сафар Нур-мамадов)..... 121

XI. Об Амат-ша и Сорокавьючнике (Ибрагим Мирбеков)..... 134

XII. О Гарам-богатыре (Ибрагим Мамад-ханов) 150

XIII. О богаче (он же)..... 163

XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича (он же) 173

XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря (Самад Гуль-миров)..... 190

XVI. Об исполнении завета покойного отца (Карим Гуль-мамадов) .. 198

XVII. О плешивом (Кадыр Шакаров) 201

XVIII. О старом и молодом волке (он же) 209

XIX. О глупом волке (он же) 212

XX. О лисице-мулле (Ибрагим Мамад-ханов) 214

XXI. Про вошь-богатыршу (он же) 218

Примечание. К этому же собранию должны быть отнесены две сказки, помещенные в Записках Коллегии востоковедов, т. V, стр. 675—679 (1930):

I. О комке земли и кишке (Кадыр Шакаров),

II. О юноше, научившемся чародейству (вариант первой сказки настоящего сборника) (Кечи-хан).

Предлагаемое собрание белуджских сказок представляет собою продолжение серии материалов по изучению белуджского языка и фольклора, начатой печатанием в Записках Коллегии востоковедов (т. V, стр. 653—679). Так как при издании первых образцов уже были сообщены необходимые сведения о белуджах СССР и особенностях их языка и фольклора, то здесь можно ограничиться приведением лишь немногих дополнительных данных, характеризующих авторов публикуемых сказок и особенности транскрипции и перевода.

Главным источником получения сказочного материала была белуджская молодежь, учившаяся в 1928—1929 гг. в Мерве и частью в Ленинграде; только одна сказка была записана вне этой среды. Из этой молодежи старшими были Мамад-нур Каландаров и Кадыр Шакаров; обоим было лет по 20—25 (своего точного возраста белуджи не знают). В 1928 г. они учились на Мервских педагогических курсах, а в 1929—30 г. на рабочем факультете при Ленинградском Восточном институте. Мамад-нур Каландаров принадлежал к аристократическому слою белуджского общества: он был пасынком крупнейшего из родоначальников белуджей СССР, известного Керим-хана, жившего близ Йолатани, и имел многочисленных родственников также в Серахском районе. До поступления на педагогические курсы он учился некоторое время в одном из персидских медресе, и был хорошо грамотен по персидски и по туркменски. Его сказки (II и IV настоящего сборника) отличаются наибольшею литературностью и заметно проникнуты персидским влиянием. В противоположность ему, Кадыр Шакаров бездомный бедняк; брахуи по происхождению, круглый сирота, он с детских лет был вынужден трудом добывать себе пропитание, то на железной дороге, то в качестве чернорабочего в Мерве, то пастухом у туркмен. Скитальческая жизнь сделала его полиглотом: в той или иной степени, он был знаком с языками: персидским, туркменским, брахуи и русским. Его сказки (IV, XVII—XIX) заметно отличаются от сказок Мамад-нура Калан-

дарова, как более простым языком, так и своим содержанием (особенно три последние). Больше всего сказок (I, III, V, VII—IX, XII—XIV, XX—XXI) принадлежит Ибрагиму Мамад-ханову, и почти все они фантастического содержания. Рано осиротев, он жил в семье горячо любившего его дяди, человека степенного и несколько образованного, занимавшего должность председателя аульного совета в Байрам-алийском районе. Ибрагиму Мамад-ханову было лет 15, он считался очень способным в школе, и по своему развитию он опережал своих товарищей, как в Мервском интернате для белуджей, где он учился до 1928 г., так и на рабочем факультете в Ленинграде, где он пробыл следующие два года. Языкам персидскому и русскому он начал учиться только в школе. Остальные сказители из воспитанников Мервского интерната: Ибрагим Мирбеков (XI), Сафар Нур-мамадов (X), Самад Гуль-миров (XV) и Карим Гуль-мамадов (XVI) были мальчиками лет 14, ничем не выделявшимися из среды своих сверстников; персидскому языку они учились в интернате, русского не знали. Родители Ибрагима Мирбекова жили в Йолатанском районе, остальных — в Байрам-алийском, и по своему имущественному положению были не выше и не ниже среднего уровня. Последним из сказителей, со слов которого была записана вторая из сказок, помещенных в Записках Коллегии востоковедов, был некто Кечи-хан, — уже немолодой человек, занимавший раньше командную должность в персидской армии и в 1926 г. или 1927 г., бежавший оттуда в Советский Союз. В 1928 г. Кечи-хан жил в ауле близ железнодорожной станции Анненково (ныне Захмат), недалеко от Байрам-али, где он пользовался большим уважением среди односельчан, и был известен также, как недурной поэт и музыкант.

Ни одна из сказок не принадлежит сколько-нибудь выдающемуся сказителю или сказочнику-специалисту. За исключением Мамад-нура Каландарова, и то в одном только случае (II), никто из рассказчиков не мог указать, от кого и где была впервые услышана рассказываемая сказка, хотя все они обычно подчеркивали, что сказки не складывались ими самими, а были от кого-нибудь услышаны. Таким образом, публикуемые сказки не должны считаться принадлежащими к лучшим образцам белуджского сказочного творчества. Скорее они дают представление о том сказочном фонде, который находится в распоряжении рядового рассказчика и которым удовлетворяются художественные потребности массового слушателя (в данном случае, преимущественно, в кругу учащейся молодежи). При этом рассказ-

чики распоряжаются сказочным материалом, входящим в этот фонд, довольно свободно: отдельные эпизоды переносятся с места на место и из одной сказки в другую, сюжеты сливаются и переходят один в другой, создаются новые варианты одних и тех же сказок (образцом могут служить первые пять сказок настоящего сборника и вторая сказка из Записок Коллегии востоковедов). В результате получается тот средний и наиболее распространенный тип белуджской сказки, который представлен в публикуемом собрании.

Применяемая транскрипция обычна для иранских текстов, и пояснения требуют лишь некоторые детали. Долгота гласных *o* и *e* особо не обозначалась, так как эти гласные нормально долги, и при допускаемом иногда сокращении они заменяются соответственно гласными *u* и *i*. Точно также не обозначался заднеязычный характер артикуляции *n*, свойственный этому звуку перед *g* и *k*. С другой стороны, знаками *i* и *e* обозначаются лишь акустические оттенки одной и той же фонемы и ее большее или меньшее приближение к типу *i* или *e*. Точно также *å* (в отдельных случаях также *ä*) выражает лишь комбинаторные оттенки краткого *a*. Произношение гортанного *h*, обычно чуждого белуджской фонетике, отмечалось во всех случаях. Расхождения в записи одних и тех же слов не устранялись вполне сознательно, так как сопоставление и анализ этих расхождений могут помочь точнее определить фонетические границы фонемы (*ǰanik* || *ǰänik* || *ǰenik* || *ǰinik*) или разновидности слова (*bekan* || *pkan*, *pigr* || *pikr*). Сложные слова и обычно слитно произносимые словосочетания по большей части писались через малое тире (*š-amodā*), но далеко не во всех случаях можно было сделать нужную разбивку. Ударение обозначено всюду; слова, где оно не указано, нужно рассматривать как энклитики или проклитики.

Перевод, сопровождающий текст сказок, не претендует на литературную самостоятельность и имеет лишь научно-вспомогательное значение. Его основная задача, это—служить иранистам необходимым пособием при чтении и анализе текста, восполняющим недостаток словарей и других пособий, и этой цели лучше всего удовлетворял бы перевод дословный или наиболее к нему приближающийся. Однако желание сделать публикуемый материал доступным не только для иранистов, но также для фольклористов, интересующихся восточной сказкой, заставило во многих случаях отступить от дословной передачи текста и всецело подчинить перевод требованиям русского литературного стиля. С этой же целью местами сделаны

необходимые пояснения и вставки (всюду помещенные в скобках), и выделен курсивом перевод встречающихся в одной сказке специальных арабских выражений. При всем том перевод стремится передать с максимальной точностью не только мысль подлинника, но и способ ее выражения. Вместе с тем перевод рассчитан исключительно на подготовленных читателей, уже занимавшихся восточной сказкой, в частности персидской, и знакомых с особенностями и условностями мусульманского быта и восточной речи; поэтому довольно многочисленные персидские термины и своеобразные обороты оставлены без пояснений. Новым из сохраненных в переводе и специфически белуджским можно считать лишь термин бузланги́, обозначающий фантастическое чудовище, повидимому, сходное с персидским дивом.

При выборе наиболее точных и подходящих русских выражений большая помощь была оказана Д. К. Зелениным, С. Ф. Ольденбургом и Л. С. Ляпуновой, просмотревшими корректуру перевода; в отдельных случаях не отказали в ценных замечаниях И. Ю. Крачковский и Ф. А. Розенберг. И им всем в значительной степени обязан перевод, если его задачи разрешены удовлетворительно.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

I

būt na būt, ša mašmā̆ xudā́ getír kā́se na būt. yak pādšā́ at. amé pādšā dāšt yak gok-čaréne. amé gok-čarén pīramárde at. amé pīramárd dā́štī yak nuwāságe. amé nuwāságī šut go gokā́n. yak čunt waxt būt, amé pīramárdä̆ nuwāságä̆ dil omán kurt pa ǰinénā. š-amódinā átī bi watí pīrúkä̆ gisā́, go watí pīrúkā gúštī: pīró, ša ta maróčī a-loṭín ki brawā́̆ bi pādšā́ä̆yā, go pādšā́ bgúšä̆ ki ä̆ pādšā́, γábli ālám, ta watí ǰiníkā bdä̆ bi mnī nuwāságā. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárdä̆ nuwāság átī bi gorúmä̆yā, amé pīramárd āt bi pādšā́ä̆ gisā́. amé ki āt, dístī tā pādšā́ yak mardúme rā kušīt, yáke rā lāp tál a-dánt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná. amé pīramárd š-amódinā ǰist u āt bi watí gisā́. tārí́enā amé pīramárdä̆ nuwāság ātī ša gorúmä̆yā bi watí pīrúkä̆ gisā́, go watí́ pīrúkā gúštī: ä̆ pīró ǰān, ta maróčī šútä̆ bi pādšā́ä̆ gisā́? amé pīramárd ǰawā́b dā́tī bi watí́ nuwāságā ki pīró ǰān, man šútun bi pādšā́ä̆yā, ša dū́rā sä̆l kúrtun tā yáke rā kušít, yáke rā bandít, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná, man trusítun, pádā ǰístun u átun bi gisā́. amé pīramárdä̆ nuwāság gúštī: ta bā́ndā ukmánā mebā́ít, brawā́̆ bi pādšā́ä̆yā, go pādšā́ bgúšä̆ amā́ mnī abárā ki man go ta gúštun.

(I. О внуке старика, научившемся чародейству)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был пастух. Этот пастух был старик. У этого старика был внук. Этот его внук ходил с коровами. Прошло некоторое время, старикову внуку захотелось жениться. Он пришел в дом своего деда и сказал своему деду: «дедушка, сегодня я хочу от тебя, чтобы ты сходил к царю и сказал царю: „о царь, средоточие мира, отдай свою дочь за моего внука!“» Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук пошел к стаду, старик пошел в царский дом. Когда он пришел, то увидел, что царь одного человека убивает, другому вспарывает брюхо, третьего посылает в тюрьму. Старик выбежал оттуда и вернулся к себе домой. На утро стариков внук пришел от своих стад в дом своего деда и сказал своему деду: «голубчик дедушка, ты ходил сегодня в царский дом?» Старик ответил своему внуку: «голубчик внучек, я ходил к царю, посмотрел издали, как он одного убивает, другого захватывает, третьего отправляет в тюрьму, выбежал обратно и вернулся домой». Стариков внук сказал: «завтра тебе непременно нужно сходить к царю и сказать царю то, что я тебе сказал».

tārīenā būt, amé pīramárd ša watī gisá sar gipt u átī bi pādšáäi gisá. amé ki átī, bi pādšáäi gisái pānádā sar bútī, yak wār dístī tā čunén diwáne bi pādšáäiā ništág ant. amé pīramárd yak katráe oštát, dístī tā diwán alás būt, ar kas šut bi watī jāgá, amé pādšá tanā bi watī gisá mántī. yak wār amé pīramárd š-amódinā āt bi pādšáäi gisá, karár waš-āmáde čīze kúrtant. amé pādšá ša amé pīramárdā pursít ki ta pa čéwäi xātírā átag äi? amé pīramárd gúštī: äi pādšá γábli ālám, man dārín yak nuwāságe, amāī dil omán kurtagī pa tī jiníkā, anún mnā dem dātagī bi tīyā, anún ta čé a-gušái? amé pādšá gúštī: ta bra, amá watī nuwāságā bzūr u biyár bi mníyā. amé pīramárd badbáxt š-amódinā sar gipt u átī bi watī nuwāságäiyā, go watī nuwāságā gúštī: pīró, man šútun pādšáäiya, amá tī abárā go pādšá gúštun, pādšá am rāzī būt, gušt: ta bra, amá watī nuwāságā bzūr u biyár bi mníyā, anún biyá ki man u ta brawán. amé pīramárdäi nuwāság pa gāl-u-bal gokánā naz āúrtī, rādág kúrtī démi gisán. ar góke rā dāt bi wāúndäi dastáiš u amé ḍaul am go wāúndāniš am gúštī: bándā yáke watī gokā elá ma kant ki man bándā go gokánā na raín.

tārīenā būt, amé pīramárd u amé pīramárdäi nuwāság š-amódinā sar gíptant u átant bi pādšáäi gisá. dístant tā pādšá tanā bi watī gisá ništagī. pīramárd u amé pīramárdäi nuwāság átant pādšáäi gisái tā. amé pīramárdäi nuwāság salám dátī, pādšá alái̯k kúrtī. go pādšá wašāmáde kúrtant. yak

---

Наступило утро. Старик вышел из своего дома и подошел к царскому дому. Когда он дошел до царского дома, он сразу увидел, что у царя заседает какой-то важный совет. Старик немножко постоял, увидел, что совет закончился и что каждый пошел к себе, а царь остался дома один, и тотчас вошел в царский дом. Итак, они обменялись приветствиями, и царь спросил у старика: «ради чего ты пришел?» Старик сказал: «о царь, средоточие мира, у меня есть один внук; его сердце устремилось к твоей дочери, и вот он послал меня к тебе; что ты теперь скажешь?» Царь сказал: «иди, возьми своего внука и приведи ко мне!» Несчастный старик вышел оттуда, пошел к своему внуку и сказал своему внуку «внучек, я ходил к царю и сказал царю твои слова; царь остался доволен и сказал: „иди, возьми своего внука и приведи ко мне!“ Теперь давай, пойдем!» Стариков внук с радостью и весельем пригнал коров и отправил по домам. Каждую корову он вручал хозяевам, и говорил хозяевам таким образом: «завтра пусть никто не выпускает своей коровы, потому что завтра я с коровами не пойду».

Наступило утро. Старик и стариков внук вышли, пошли в царский дом и увидели, что царь сидит у себя дома один. Старик и стариков внук вошли в царский дом. Стариков внук поздоровался, царь ответил на приветствие.

sáte níštant. yak wār amé pādšā́ go pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: ta pa mnī ǰiníkā āšíx äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ān. pādšā́ go amé pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: man ša ta māl íčīyā na loṭín, yak šárte kanín. agár ta amā́ šartā́ kúrtäi̯, gúḍinā man trā watí ǰiníkā däín. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: bguš, pādšā́. amé pādšā́ gúštī: amíngūr yak mullā́e ast, bāz ilm dārít, agár ta ša amā́ mullā́äi̯ demā́ bi mníyā ilm āúrtäi̯, gúḍinā man watí ǰiníkā bi ta daín.

pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi watí gisā́, ódinā níštant, nān-mā́ne wártant u šapénā wáptant bi watí gisā́. tārínā š-amódinā sar gíptant u šútant bi mullā́äi̯ gisā́. tángāt sar na bū́t-atant ki pīramárdäi̯ nuwāság bi watí dilā́ pígrī kurt ki man š-āí demā́ čon ilm biyárīn? biyā́ ki man go watí pīrúkā e ḍau̯l bgúšīn ki pīró ǰān, ta ki ódinā mnā búrtäi̯, ta ma guš ki amā́ ātág-an ki ša tī demā́ ílm barán; ta ki mnā búrtäi̯, ódinā mullā́ā bguš ki man amé watí nuwāságā amédinā kilín, ta ameší rā gā waxtā́ yak káme sabáx bdäi̯. amé pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki sar bū́tant, yak wār mullā́ ša watí gisā́ dár káptī. salám u alā́i̯ke kúrtant, wašāmáde kúrtant. yak wār amé mullā́ amé pīramárdā u amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursít ki šmā pa čéwā átag-it? pa kārmáre yā pa digá číze ātág-it? amé pīramárd gúštī: mullā́ sāíb, man amé

Они обменялись с царем приветствиями и посидели часок, как вдруг царь сказал старикову внуку: «ты влюблен в мою дочь?» Стариков внук сказал: «да». Царь сказал старикову внуку: «я не требую от тебя никакого имущества, но ставлю одно условие; если ты это условие выполнишь, тогда я отдам тебе свою дочь». Стариков внук сказал: «говори, о царь!» Царь сказал: «в этой стороне есть один мулла, большой учености, и если ты принесешь мне знания от этого муллы, тогда я выдам за тебя свою дочь».

Старик и стариков внук пошли к себе домой, там посидели, поели, что пришлось, и ночь переночевали дома, а на утро вышли оттуда и пошли в дом муллы. Еще не дошли, как стариков внук стал про себя размышлять: «как это я от него приобрету знания? давай-ка, я скажу своему деду: „голубчик дедушка, когда ты меня туда отведешь, ты не говори, что мы, мол, пришли, чтобы вынести от тебя знания; когда ты меня отведешь, там ты скажи мулле, что я, мол, оставлю здесь своего внука, а ты иногда немного поучи его». Старик и стариков внук пошли в дом муллы. Когда они подошли, мулла сразу вышел из своего дому. Они поздоровались и обменялись приветствиями. Тотчас мулла спросил старика и старикова внука: «ради чего вы пришли? по какому-нибудь делу или ради чего другого?» Старик сказал: «почтенный мулла,

watí nuwāságā āúrtág-un bi tíyā; agár ta alás a-bayą̆ą, gā waxtá ameší rā sabáx bdąą. amé mullá kabūl kúrtī, gúštī: bāz ǰuwán int-a. amé pīramárd watí nuwāságā amédinā íštī u šútī bi watí gisá. anūn ša pīramárdā bil u ša nuwāságąą goš pkaš.

karár, amé pīramárdąą nuwásag a-gindít tā e mná sabáxā na dant. yak róče būt, amé mullą́ąą ǰiník átī bi amé zą́gąąyā, gúštī: trā tī pīrúk ídinā íštī ki ta bwą́nąą, anūn mnī pis trā pa če sabáxā na dant? ta maróčī yak dróge bguš ki bándā mnī pīrúk a-kąą́t, mnā bart, ta mnā sabáx bdąą. tārí́enā būt, amé pīramárdąą nuwāság go mullá gúštī: ąą mullá sāíb, mnī pīrúk mnā āúrtī bi tíyā ki ta mnā sabáx bdąąyą́ą! amé mullá amé pīramárdąą nuwāságā yak káme sabáx a-dátī, ša panč roč́á yak róče.

yak róče roč pešín bútī, yak wār amé mullá watí demá dátī bi roništínā u šútī. amé pīramárdąą nuwāság am bi amé mullą́ąą padá šútī. mullá bi demá u pīramárdąą nuwāság bi padá, amé ḍaųl šútant bi yak ǰāgą́e, bi yak daγalí́eyā. yak wār amé mullá ništ u zígrī kúrtī. dérā būt, yak wār amé ḍigár bi larzágā āt. yak wār amé mullá putrít bi ḍigárąą tā. amé pīramárdąą nuwāság amédinā oštātagí u są́ąl a-kant. dérā ḅūt, dístī, mullá ša ḍigárąą čérā dár káptī u yak pātiyáe kúrtī, ḍigár drūwá bútī. mullá ā rá išt u ša digá rą́e šut. amé pīramárdąą nuwāság šut, amódinā ki mullá ništ-át,

---

я привел к тебе своего внука, и если ты будешь свободен, ты иногда займись с ним!» Мулла согласился, сказал: «очень хорошо». Старик оставил здесь своего внука и пошел к себе домой. Теперь оставь старика и послушай про внука.

Итак, стариков внук видит: он ведь не дает мне уроков! Однажды случилось, что дочь муллы пришла к этому юноше и сказала: «твой дед оставил тебя здесь, чтобы ты учился, почему же теперь мой отец тебя не учит? сегодня ты ему налги, что завтра, дескать, придет мой дед и уведет меня, займись со мной!» Наступило утро. Стариков внук сказал мулле: «почтенный мулла, мой дед привел меня к тебе, чтобы ты мне давал уроки!» Мулла стал немного заниматься со стариковым внуком, из пяти дней один день.

Однажды было за полдень, вдруг мулла обратился лицом к заходу солнца и пошел. Стариков внук пошел вслед за ним. Мулла впереди, стариков внук сзади, так они пошли в одно место, на один пустырь. Вдруг мулла сел и стал совершать зикр (мистические призывания). Прошло много времени, вдруг земля задрожала, и мулла тотчас проник внутрь земли. А стариков внук стал и смотрит. Прошло много времени, он увидел, что мулла вышел из-под земли, совершил молитву, и земля стала, как была. Мулла покинул ту дорогу и пошел по другой дороге. Стариков внук пошел туда, где сидел мулла, сел и тоже

améš am šut, amódinā ništ u zígrī kurṭ. dérā būt, dístī tā ḍigár du kap būt, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság ér šútī bi ḍigáräi̯ tā, šútī bi ḍigáräi̯ tā, dístī tā yak mardúme ništagī́, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság salā́m dā́tī, amé mardúm alā́i̯k kúrtī, ša amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursítī ki ta ša guǰā́ngūr ātág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: man ša ānčén ǰāgā́e ātág-un. tā yak sā́te níštant, gúḍinā amé mardúm amé pīramardäi̯ nuwāságā gúštī: ta anū́n bra. amé pīramárdäi̯ nuwāság š-amódinā átī pádā bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki átī, amé mullā́äi̯ ǰiník pursítī ki ta guǰā́ būtág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: biyā́ ki man bi ānčén ǰāgā́e būtág-un. amé mullā́äi̯ ǰiník zántī ki amā́ ḍigáräi̯ čéräi̯ mardúm mnī pisái pīr būtagī́. gúštī: anū́n ta ša mnī pisā́ unár búrtäi̯, anū́n digá ā go ta íčī guštága na kant wa agár bzānt, trā kušít. amé ki tī pīrúk átī, bra go watí pīrúkā.

amé šapénā tārīenā pīramárd átī, go mullā́ gúštī: man anū́n watī nuwāságā barín, pa ce ki amā́i̯ māl u āl ódinā wā́i̯l ant u ič kas xizmátā na kántiš. amé mullā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a.

amé pīramárdäi̯ nuwāság go watí pīrúkā šútī, bi rää nazíkā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watí pīrúkā gúštī: pīró, ta bra demā́, man maiḍā́ne kanín u kāín. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a.

стал совершать зикр. Прошло много времени, он увидел, что земля разверзлась на двое. Стариков внук тотчас спустился под землю, пошел внутри земли и увидел, что там сидит человек. Стариков внук поздоровался, тот человек ответил на приветствие и спросил старикова внука: «откуда ты пришел?» Стариков внук сказал: «я пришел из такого-то места». Они посидели часок, потом тот человек сказал старикову внуку: «теперь иди!» Стариков внук оттуда вернулся в дом муллы. Когда он пришел, дочь муллы спросила его: «где ты был?» Стариков внук сказал: «подумай-ка только, ведь вот в каком месте я был!» Дочь муллы поняла, что тот подземный человек был пир (духовный руководитель) ее отца. Она сказала: «теперь ты отнял искусство у моего отца, и впредь он уже ничего тебе сказать не сможет, а если узнает (о происшедшем), убьет тебя! когда твой дед придет, уходи со своим дедом!»

На утро после этой ночи пришел старик и сказал мулле: «я заберу теперь своего внука, потому что там наше хозяйство запустело, и никто его не обслуживает». Мулла сказал: «очень хорошо».

Стариков внук пошел со своим дедом. Они приблизились к дороге, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «дедушка, ты иди вперед, а я схожу на двор и потом подойду». Старик сказал: «очень хорошо». Старик пошел к той дороге,

pīramárd démi amā́ rā́ šut. yak wār amé nuwāságī wat rā gipt, yak langén kargóške kurt u jist bi watí pīrúkäi̯ demā́. yak wār ameší pīrúk ki dístī, bi āí padā́ kapt, watí dilā́ gúštī, bálken e pa rāstíen kargóške. kapt bi padā́i̯, rasentá na kúrtī, karā́r šut. amé pīramárdā́i̯ nuwāság wat rā panā́ī kúrtī u mardúme kurt, xap-xápī kurt, āt, ša watí pīrúkā pádā būt. amé ki pīrúkī demā́ bū́tī, watí nuwāságā na dístī. yak wār amé nuwāságī šut, watí pīrúkā raséntī, gúštī: ta áxtī čée dístäi̯ ki padā́i̯ kápt-atäi̯? amé pīramárd gúštī: biyā́ ki man yak kargóške dístun, ar čẹ jān dā́tun, giptág na kúrtun, jístī ša mnī demā́. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: äi̯ pīró, zalár na dārít.

demtírā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watí pīrúkā gúštī: ta amé rāā̆ tā bra demtírā, gúḍinā man a-kāín. amé pīramárd go watí nuwāságā gúštī: ta čo watí axtíenā der ma kanā́i̯, zū̆tẹ biáā̆. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúšti: nápa bāz juwā́n int-a. amé pīramárd bi amé rāā̆ tā déḍẹ a-šut, yak wār amé nuwāságī gipt, wat rā langén āū̆e kurt u jist bi watí pīrúkäi̯ demā́. ameší pīrúk dístī tā alā́ āū̆e langén! yak wār bi padā́i̯ kapt. amé ki bi padā́i̯ káptī, tā yak ṭukúre rā́ šútī, yak wār jist, ša watí pīrúkā panā́ bū́tī u amédinā čer káptī. ameší pīrúk átī, ša amé rā́ šut. amé ki dístī tā mnī pīrúk ša man gwástī, wat rā mardúme kurt u jist u šut, watí

а его внук взял и обернулся в хромого зайца, и побежал навстречу своему деду. Как только его дед завидел его, он бросился за ним: он подумал, что это настоящий заяц. Он бросился за ним, но догнать не мог, и пошел потихоньку. А стариков внук укрылся и обернулся в человека; пригнулся, подошел и очутился сзади своего деда. Так как его дед был впереди, он не видал своего внука. Тотчас его внук пошел, догнал своего деда и сказал: «разве ты давеча что-нибудь увидел, что бросился вслед?» Старик сказал: «смотри-ка, я увидел зайца, но как ни старался, не смог поймать, и он убежал от меня!» Стариков внук сказал: «ну, дедушка, это ничего!»

Они пошли вперед, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «ты иди вперед по этой дороге, а я потом подойду». Старик сказал своему внуку: «только ты, как давеча, не запаздывай, а приходи поскорей!» Стариков внук сказал: «очень хорошо». Старик пошел себе по этой дороге. А его внук взял и обернулся в хромую газель, и побежал навстречу своему деду. Его дед стал смотреть: что́-де это? неужели хромая газель? и сразу бросился за ней. Когда он за ней бросился, его внук сначала некоторое расстояние бежал по дороге, а потом вдруг бросился, укрылся от своего деда и спрятался. Его дед достиг этого места и пошел дальше по дороге. Когда он увидел, что дед прошел мимо, он обернулся в человека и по-

pīrúkā raséntī, go watí pīrúkā gúštī: ta pa če áxtīy a-jístäi̯? ameší pīrúk gúštī: man yak āűe langén dístun, ar čę bi padäi̯ káptun, rasentág na kúrtun, ta bi pádā mánt-atäi̯. amé pīramárdäi̯ nuwāság go watí pīrúkā gúštī: amā́ kargóšk am u amé āű am mán atun. ta amā́ kārwánā gindäi̯? amé pīramárd gúštī: an. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta mnā suwā́r bā̃i̯, man wat rā yak zabrén leḍáe kanín. amé píramárd gúštī: ǰuwán int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta amā́ kārwānkášānā bguš ki kai̯ leḍáe zint? man watí leḍá bā́ kanín. agár am trā gúštant: pa čín-kasā dayä̃i̯? ta bguš: pa sad tumán a-daín u gúḍinā ā mnā ki ša ta zítant, ta amé mnī au̯sárā ma dā̃i̯ bi āwán. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā leḍáe kúrtī. pīramárd suwā́r bűtī, bi amé rāā̃ tā ai̯ kurt u burt. amé pīramárdäi̯ nuwāság pelík a-ǰát.

amé kārwānkáš ki nazík ā́tant, yak wār amé pīramárdā dístant tā čunén ǰuwānén leḍáe dārít. kārwānkáš go amé pīramárdā gúštant: ta amé watí leḍá bā́ na kanä̃i̯? amé pīramárd gúštī: bā́ kanín. amé kārwānkáš gúštant: pa čín-kasā daä̃i̯? amé pīramárd gúštī: pa sad tumā́n a-däín. amé kārwānkáš gúštant: amā́ zinán. amé ki zítant, amé pīramárd gušt: man amé au̯sárā šmā rā na daín. amé kārwānkáš gúštant: šar, ma däi̯. šútant, pīramárd am šut. anűn ša pīramárdā bil u ša kārwānkášān goš pkaš.

бежал; догнал своего деда и сказал своему деду: «зачем ты давеча бегал?» Его дед сказал: «я увидел хромую газель, но как ни преследовал ее, догнать не мог, а ты оставался сзади!» Стариков внук сказал своему деду: «и тот заяц, и эта газель, всё это был я! ты видишь тот караван?» Старик сказал: «да». Стариков внук сказал: «садись на меня верхом, а я превращу себя в хорошего верблюда». Старик сказал: «хорошо». Стариков внук сказал: «ты скажи караванщикам: „кто берет верблюда? я продаю своего верблюда“; если скажут тебе: „за сколько продаешь?“ ты скажи: „продаю за сто туманов“, а потом, когда меня от тебя возьмут, ты им не отдавай моей упряжи». Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук обернулся в верблюда, а старик сел на него верхом и погнал его по этой дороге. Стариков внук стал реветь по-верблюжьи.

Когда караванщики приблизились, они сразу заметили старика: какой, дескать, у него хороший верблюд! Караванщики сказали старику: «ты не продашь своего верблюда?» Старик сказал: «продам». Караванщики сказали: «за сколько продашь?». Старик сказал: «за сто туманов отдам!» Караванщики сказали: «мы берем». Когда они взяли, старик сказал: «я упряжи не отдам!» Караванщики сказали: «хорошо, не давай!» Они ушли, старик тоже пошел. Теперь оставь старика и послушай про караванщиков.

amé kārwānkáš šútant, bi ṭukúre rā́ yak wār er kúrtant. amé ki er kúrtant, amé leḍá am go e ušturā́n kaḭd kúrtant u íštant, wat wáptant. amé ki wáptant, yak wār amé pīramárdäḭ nuwāság wat rā mardúme kurt u watí kaḭdā́ páč kurt u jist u šut, wātí pīrúkā raséntī. ā u pīrúkī šútant bi watí gisā́.

tārī́enā átant yak pāléze pānā́dā pa kārā́, dédi kā́r a-kúrtant. yak wār amé mullā́, ta bzā́näḭ čón a-bīt, zānt ki pīramárdäḭ nuwāság ša man unár burt. wat rā bā́ze kant u bā́l a-kant u kāḭt. amé ki pīramárdäḭ nuwāság bāzā́ḭ tawárā uškítī, yak wār go watí pīrúkā gúštī: pīró, mullā́ int-a ki kāḭt, biyā́ ki mašmā́ bǰíyan. amé pīramárd gúštī: ta nápa bǰi, man a-raín bi gisā́. amé pīramárdäḭ nuwāság ǰístī, šut bi amé pālézäḭ pānádā, yak wār amé mullā́ am átī, er kapt bi ḍigárā. amé ki pīramárdäḭ nuwāság dístī ki ā er kapt, yak wār šut, wat rā galáuwe kúrtī. amé ki mullā́ dístī: ā wat rā galáuwe kurt, yak wār amé sauzwā́nā gúštī: ta bra, amā́ zardén galáuwā pa man biyā́r, man trā gúḍā yak ǰuwānén pātiyáe daín. amé sauzwā́n šut démi amā́ galáuwā. amé ki sarā́ ǰálī kurt bi amā́ galáuwā, yak wār amé galáu bāl kurt. amé sauzwā́n aiā́n mā́ntī ki galáu bāl kurt.

yak wār amé mullā́ wat rā šāīnáke kurt u bāl kurt, kapt bi pīramárdäḭ nuwāságäḭ padā́. yak wār amé pīramárdäḭ nuwāság šut bi pādšā́äḭ bāgā́nī

Караванщики пошли и, пройдя часть дороги, остановились. Когда они остановились, они привязали этого верблюда вместе с другими и оставили, а сами легли спать. Когда они заснули, стариков внук обернулся в человека, развязал свои путы, побежал и догнал своего деда. Он и его дед пошли к себе домой.

На утро они пошли на огород и стали уже работать. А мулла вдруг, — пойми, как это случится! — узнает: а ведь стариков внук отнял-таки у меня искусство! Он превращает себя в сокола, взлетает и приближается. Как только стариков внук услышал шум сокола, он тотчас сказал своему деду: «дедушка, это мулла приближается! давай, убежим!» Старик сказал: «ты, пожалуй, беги, а я пойду домой». Стариков внук добежал до края огорода, как вдруг приблизился и мулла и спустился на землю. Как только стариков внук увидел, что он спустился, он тотчас превратил себя в дыню. Как только мулла увидел, что тот превратил себя в дыню, он тотчас сказал огороднику: «сходи-ка, принеси мне вон ту желтую дыню, и я тогда дам тебе хорошую молитву». Огородник пошел к той дыне. Как только он нагнул голову к дыне, вдруг эта дыня полетела. Огородник изумился: как это так дыня полетела!

А мулла немедленно обернулся в королевского сокола, полетел и погнался за стариковым внуком. Тотчас стариков внук отправился в цар-

tā, wat rā yak gúle kurt. amé mullā́ āt, ar če säi̯ kurt, na zántī ki gu̯ám gul int-a. yak wār amé pādšā́äi̯ bāgwán átī pa gulā́i̯ čitínā, átī, sā́i̯lī kurt tā bāḅā! čunén ju̯wānén gúle sabz kurtagí! amé gulā́ sist u búrtī pa pādšā́. yak wār amé mullā́ zántī: amé gul ki bi pādšā́äi̯ bāgwánäi̯ dastā́ int, amā́ int-a. wat rā malánge kurt, gúštī: gulā́ mnā bdäi̯. amé padšâäi̯ bāgwán gúštī: na bīt, man e gulā́ barín pa pādšā́. burt, bi pādšā́ dátī. amé pādšā́ amé gulā́ dédi bó a-kúrtī, yak wār mullā́ āt, gúštī: ta amé gulā́ bi man bdäi̯. amé pādšā́ amé gulā́ ír dátī bi demā́i̯. yak wār amé gul arzún būt u pāš wart bi ḍigárā. yak wār amé mullā́ wat rā mādá-múrge kurt u bi dānúkäi̯ binā́ kúrtī, yak arzúne, ta bzánäi̯, bi padšā́äi̯ kau̯šā́i̯ tā kapt. yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā šagā́le kurt, amé murgā́i̯ sarágā sist. amé pādšā́ ai̯rán mānt. yak wār pīramárdäi̯ nuwāság wat rā mardúme kurt, go pādšā́ gúštī: man amā́ pīramárdäi̯ nuwāság-un ki ta mnā gúšt-atäi̯: bra, ša palāná mullā́äi̯ unár biyár, gúḍinā man watí jiníkā bi ta daín, man šútun, amā́ mullā́äi̯ jindā́ pa unár āúrtun, bi tI demā́ kúštun.

karār amé pādšā́ demā́i̯ čukítI u jārčínā gúštI: jār dí ki bándā ič kas pa kārā́ ma rå̄u̯t ki pādšā́ watí jiníkā gís a-dánt. amé jārčín jār játI ki bándā ič kas pa kārā́ ma rå̄u̯t ki pādšā́ watí jiníka gís a-dánt. tārínā ič kas

---

ский сад и превратил себя в цветок. Мулла подошел, но как ни всматривался, не мог узнать, какой он цветок. Вдруг подошел царский садовник набрать цветов, подошел, посмотрел: что за красивый цветок распустился! — сорвал этот цветок и отнес царю. Мулла сразу догадался: этот цветок, который в руках у царского садовника, это он! Он превратил себя в дервиша и сказал: «дай мне цветок!» Царский садовник сказал: «нельзя, я этот цветок отнесу царю». Он отнес его и отдал царю. Царь стал нюхать этот цветок, как вдруг подошел мулла и сказал: «дай мне этот цветок!» Царь бросил ему цветок. Тотчас этот цветок превратился в просо и рассыпался по земле. Мулла немедленно обернулся в курицу и бросился на зерна, — а тебе надо знать, что одно зернышко проса попало в царский туфель. Стариков внук обернулся в шакала и оторвал курице голову. Царь изумился. Вдруг стариков внук обернулся в человека и сказал царю: «я тот стариков внук, которому ты сказал: „иди и приобрети искусство у такого-то муллы, тогда я отдам за тебя свою дочь!“ а я пошел и своим искусством самого того муллу привел и убил пред тобой!»

Итак, царь поцеловал его в лицо и сказал глашатаю: «провозгласи, чтобы завтра никто не шел на работу, потому что царь, мол, выдает замуж свою дочь». Глашатай провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что царь выдает замуж свою дочь. На утро никто не пошел на работу.

pa kārā́ na šut, pādšā́ eší rā gísı dátī. tā apt šap u apt roč dol kúrtī. karār pīramárdäi̯ nuwāság bū́tī pādšāäi̯ zamā́s. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun, pa ta yak jiníke āúrtun.

II

būt u būt, ša xudā́ káse getír na"-at. yak wáxte yak Asán nā́men šwānáge at. eší apt säl go yak mardúme ramág a-čarént. aštumíen sālā́i̯ sará yak šápe wā́be dístī kẹ bẹ dastā́i̯ säi̯ dānág istā́r at. ša wābā́ kẹ āgā́ būt, ramágā ai̯ kurt démẹ wutí wazdā́räi̯ gisā́. šap nemágā ramágā wutí wazdā́räi̯ gisā́i̯ demā́ yälá kurt. wazdárī tawā́r kurt: äi̯ Asán, ta ganók būtág äi̯, či balā́? ta pa če ramágā šap nemágā gisā́i̯ dapā́ kā́räi̯? Asán gúštī: mnā íččī na būtá. man ša šapí āngūrí tī ramágā na čarenín. zóre dārái̯, utí zorā́ bẹ man mālū́m pkan, yā nai̯t, go man íčī abár ma däi̯. apt sāl tī ramágā čaréntun, nū́n-a na čarenín.ša täi̯ wazdárā bāz u bāz xāíšt a-kanín kẹ mnā yak pātẹyáe bẹdā́i̯, pa če kẹ pa ta bāz zāmát kaštā́ un, wa ruxsát bẹkanā́i̯. gúḍā ša ta bāz u bāz rāzí a-baín: mnī jínd am sä sad pas dārín, á um tī bayánt, āwā́nā man na loṭín. wazdā́re kẹ ar če zárī kurt, Asán kabū́lī na kurt. gúḍā Asánā yak pātẹyáe dátī, rādág kurt.

Царь его женил. Семь ночей и семь дней били в барабан. Итак, стариков внук сделался царским зятем. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел девупку.

(II. Об овчаре, сделавшемся царем)

Было-было, не было никого лучше бога. Когда-то жил овчар по имени Асан. Семь лет он пас стадо у одного человека. В начале восьмого года однажды ночью он видел сон, что у него в руках три звезды. Проснувшись, он погнал стадо к дому своего хозяина, и к ночи выпустил стадо перед домом своего хозяина. Его хозяин закричал: «Асан, ты с ума сошел, что ли? зачем ты к ночи приводишь стадо к дверям дома?» Асан сказал: «ничего со мной не случилось, но начиная с этой ночи я больше не пасу твоего стада; если у тебя есть власть, эту власть прояви надо мной; если же нет, нечего тебе со мной говорить; семь лет я пас твое стадо, больше не буду пасти. От тебя, как хозяина, я очень и очень хочу, чтобы ты дал мне благословение, потому что я много потрудился для тебя, и чтобы ты отпустил меня. Затем я тобою очень и очень доволен: у меня самого есть триста овец, пусть они будут твоими! я не требую их!» Как хозяин ни жаловался, Асан не согласился. Потом он благословил Асана и отправил его.

Asán watí laṭá, watí ṭapúrā zurt u rādág būt. šápe ǰáe, róče ǰáe, čunt šapá gúḍā bẹ yak šáre sár būt. šut, ämé šārā̆ tā yak darwāzágäi̯ dapá wapt. š-āí bil o š-ešī goš kaš.

amé darwāzáge kẹ e waptá, amé darwāzág wazíräi̯ gís int. wazír yak ǰiníke dārít. eší ǰiník go yak Asán náme amédā āšíx būtá. šapíen šapá ešánı ar duénānī wadá int kẹ š-é šārá beǰiyánt, sāáti dúwā šapā́i̯ā. ǰiník wutí māšūγá kẹ Asán bıt, gušțá: sáti dúwā šapā́i̯ā ta darwāzágäi̯ dapá kāā́i̯, man um ša argá ér a-kapín, mašmá ar duén rawán. Asán um šar gúštı. wazírä̆i̯ ǰiníkäi̯ māšūγáäi̯ nām am Asán at. ā šapí bil tā wāb brå̆ut, e šwānág ša guǰá-ángū bäi̯t, ämé darwāzágäi̯ dapá b"áspıt.

šap nemágā wazírä̆i̯ ǰiník ša "utí pisā́i̯ xazānágā du urǰín tilá wa zar zúrtı. āt bẹ darwāzágäi̯ dapá, dístī kẹ yak mardúme waptá. wazírä̆i̯ ǰiník "utí dilá gušt kẹ mnī māšūγá́ int kẹ waptá. íčī na gušt u pádā šut, "utí pisā́i̯ aspánī tā du ǰwānén aspá zénī kurt u āt bẹ darwāzágäi̯ dapá, dístī kẹ Asán āngá-ta waptá. karár dastā́i̯ gipt u ešá pā́dī kurt, gušt: búst kẹ roč būtá, zūt kan kẹ brawán. e γaríben šwānág ustát u rādág būt. gúštı: guǰá-ngūrí brawán? ǰiník gúštı: ta abár ma däi̯, ar guǰángū kẹ man a-räín, ta mnī padá biyá. Asán um padā́i̯ šut.

Асан взял свой посох, свою войлочную одежду и пустился в путь. Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней спустя, добрался он до какого-то города. Он пошел и улегся перед одними воротами. Оставь теперь его и послушай об этом.

Ворота, у которых он лег, — это ворота дома визиря, а у визиря есть дочь. Эта девушка была влюблена в некоего Асана, и у них обоих был уговор, что этой ночью они бегут из этого города, в два часа ночи. Девушка сказала своему возлюбленному Асану: «в два часа ночи приходи к воротам, я также спущусь из замка, и мы вдвоем отправимся». Асан сказал: «хорошо», — а имя возлюбленного дочери визиря было также Асан. Оставь его на ночь, пусть идет спать! а этот овчар, откуда бы он ни был, пусть спит в этих воротах.

К полуночи дочь визиря взяла из хранилищ своего отца две переметные сумы с золотом и деньгами, подошла к воротам и увидела спящего человека. Дочь визиря сказала про себя: это ведь спит мой возлюбленный! Она ничего не сказала; вернулась, из лошадей своего отца оседлала двух лошадей получше, подошла к воротам и увидела, что Асан все еще спит. Она осторожно взяла его за руку, разбудила его и сказала: «вставай, уже день! поторопись, мы едем!» Бедняга овчар встал, собрался и сказал: «куда мы поедем?» Девушка сказала: «молчи, и куда я ни поеду, ты следуй за мной!» Асан последовал за ней.

ša šārā́ kẹ dár bū́tant, wāzírä̰ ǰiník Asánı sará yak ṭúke kurt. Asán awā́b na dā́tı. ǰiník duwārág yak ṭúke kurt. duwārág Asán ǰawā́b na dā́tı. édā wazírä̰ ǰiník ä̰rā́n būt kẹ Asán pä če abárā na dāt. duwārág wazírä̰ ǰiník íčı na gušt, rādág būt. tárı kẹ roč būt, wazírä̰ ǰiník ešá sā̰́lı kurt kẹ e mnı māšūγá nä̰int. édā ǰẹník a̰rā́n būt kẹ nūn con kanín? ʷutí dilá píkrı kurt kẹ ä̰, ar če kẹ mnı pešānía xudā́ kurtá, amā́w a-bıt. aspā́ ǰátı yak čā-búke, ä̰ kúrtı, yak ṭukúre kẹ rā šut, ʷutí dilā́ gušt kẹ ta byā kẹ ešá āzmūíšt kanín kẹ e čẹ mardúme. yak ǰā́e átan kẹ ṭuén nä̰zā́re. wazírä̰ ǰiník gúštī kẹ čunén ǰwānén nä̰zā́re! ā burzágä̰ sará gokčarén ništá bū́tin, gok um édā bẹčartín ant! Asán gúštı: gu̯já? pādā̰́ nále bẹšútin! ǰiník zā́ntı kẹ e gokča-réne nä̰int. yak ṭukúre digár kẹ šútan, ešánı demā́ mazánen ǰikkíe pa̰dā́ būt. ǰiník gúštı kẹ čunén ǰwānén ǰikíe! ā burzágä̰ sará sarwā́n ništá bū́tin, édā uštúr bẹčartín ant! Asán ǰawā́b dāt kẹ gu̯já? sarwā́nä̰ pādā ǰíke bẹšútin. e ǰiník ʷutí dilā́ gušt kẹ e sarwā́ne am nä̰int. yak ṭukúre digá kẹ šútant, yak ǰwānén γúmä̰ sará bālā bū́tant. ǰiník sā̰́lı kurt kẹ čunén alápe dārít c γum, gúštı kẹ édā yak azārían ramā́ge bū́tin u yak ǰwānén nal-ǰánen šwānág édā tamāšá kurt! ya-gá Asán šıpóle kurt. édā wazírä̰ ǰiník zā́ntı kẹ e mardúm šwānáge. ämé rangá šútant.

Когда они очутились за городом, дочь визиря дотронулась до головы Асана. Асан не отвечал. Вторично девушка тронула Асана. Опять Асан не дал ответа. Тогда дочь визиря удивилась, почему Асан не говорит. Больше она ничего не сказала, поехала. На утро, когда рассвело, дочь визиря посмотрела на него: да ведь это не мой возлюбленный! Тогда девушка растерялась: что́, дескать, я теперь буду делать? стала раздумывать: «ну, пускай будет, что бог мне судил!». Она ударила лошадь плетью и погнала ее, а когда немножко проехала, сказала про себя: «дай-ка, я его испытаю, что он за человек!» Они подъехали к месту, где были большие тростниковые заросли. Дочь визиря сказала: «какие хорошие тростниковые заросли! сидеть бы наверху коровьему пастуху, а коровы паслись бы здесь!» Асан сказал: «где? в его ногу воткнулся бы тростник!» Девушка поняла, что он не коровий пастух. Они проехали еще немножко, и перед ними появились большие заросли колючего кустарника. Девушка сказала: «какие хорошие заросли колючки! сидеть бы наверху погонщику верблюдов, а здесь бы паслись верблюды!» Асан отвечал: «где? в ногу погонщика впились бы колючки!» Девушка сказала про себя: «он не верблюжий погонщик». Они еще немного проехали и поднялись на хорошие пески. Девушка посмотрела: что за трава на этих песках! и сказала: «быть бы здесь тысячному стаду овец, а молодой овчар играл бы здесь на дудке и любовался бы!» Сразу Асан присвистнул. Тут дочь визиря поняла, что этот человек овчар. Так они ехали

roč garm at, jiník tunnág būt. tawárī kurt: äi̯ Asan, man bāz tunág būtág un, yak káme āp pai̯dá kurtága na kanái̯? Asán gúštī: bāz jwán int, anūn man pa ta áp a-kārín, ič γusá ma war. Asán zūtī ʷutí tūrágā wa laṭá zurt u šut, pa āpá šūt, gašt, ápe pai̯dáī kurt, ʷutí mašká ápī kurt u āt kẹ rādág bīt. sái̯lī kurt kẹ āpái̯ rāsten pānádā yak číze guróg a-jánt. Asán gušt kẹ ta byā kẹ amá rā säi̯l kanín kẹ amé čée? šut, sái̯lī kurt kẹ yak čirége. Asán amāé rā ša āpái̯ tā zurt u rādág būt, démẹ jäníkā, āwúrtī. āpánā bẹjäníkā dátī. jäník kẹ wártī, Asán gúštī kẹ äi jäník, man yak číze š-āpái̯ sará distun. jäník gušt kẹ gúj int? ta byār kẹ säi̯l kanán kẹ čée. Asán amāé rā jäníkäi̯ dastá dāt. jänik kẹ sái̯lī kurt, durústī kurt kẹ e čīz pādšāéen číze, zurt ešá, ʷutí urjínäi̯ tā kurt, gúštī: bél tā bīt ämédā. Asán gušt: šar. šútant, yak u du šapá gúḍā bẹ yak šáre nazzíkā átant. wazíräi̯ jiník gúštī kẹ zánäi̯ kẹ muslát čé int? Asán gúštī: na. jäník gúštī: muslahát ämés int kẹ man tⁱrā sad tumán zár a-däín, ta bẹzūr u bẹrá bẹ šārá, man amédā nindín, ta yak jwānén gíse wa yak muzūre girái̯, gúḍā pa mnī padá bẹyá, gúḍā man šār a-raín. Asán gušt: šar. zar zurt u šut bẹ šārá. yak jwānén gíse wa yak muzūre gipt u gisá jwān pákī kurt u āt pa wazíräi̯ jiníkäi̯ padá, ešá zurt u šut bẹ šārá.

День был жаркий, девушка захотела пить. Она закричала: «Асан, я очень хочу пить, ты не можешь найти немного воды?» Асан сказал ей: «очень хорошо, я сейчас принесу тебе воды, ты не беспокойся». Асан быстро взял свою торбу и посох и пошел; пошел за водой, походил, отыскал воду, наполнил водой свой мех и собрался в путь, но увидел, что справа от воды что-то блестит. Асан сказал: «дай-ка, посмотрю, что это!» пошел, посмотрел: светильник! Асан вынул его из воды и пошел к девушке; принес и дал девушке воды. Когда она попила, Асан сказал: «девушка, я видел в воде одну вещь». Девушка сказала: «какую? давай, посмотрим, что это!» Асан передал ее девушке. Когда девушка посмотрела, она поняла, что это царская вещь. Она взяла ее, положила в свою переметную суму и сказала: «оставь ее, пусть лежит здесь!» Асан сказал: «хорошо». Они поехали и через одну или две ночи приблизились к какому-то городу. Дочь визиря сказала: «знаешь, что теперь делать?» Асан сказал: «нет». Девушка сказала: «нужно вот что: я тебе дам сто туманов денег, ты возьми их и отправляйся в город; я останусь здесь, а ты найми хороший дом и слугу и возвращайся ко мне, тогда и я поеду в город». Асан сказал: «хорошо». Он взял деньги и поехал в город; нанял хороший дом и слугу, хорошенько вычистил дом и вернулся за дочерью визиря, взял ее и поехал в город.

amá ǰáe kẹ Asán paḭdā kurt-at, šapí amódā wáptant, bándäḭ šapá wazíräḭ ǰäník ämé ʷutí muzūrā gušt: ta bra, yak ǰwānén mullée paḭdá bẹkán u bẹyár. muzūr šut u yak mullée paḭdáī kurt u āwúrt bẹ gisá. wazíräḭ ǰäník pa mullá yak ǰwānén nahára ǰódī kurt u dátī. ša nahárā gúḍā wazíräḭ ǰiník mullá gušt: zánäḭ, mullá sāíb, kẹ musla^{h}át čé int? mullá gušt: na. wazíräḭ ǰiník gušt kẹ go me Asán nām mnī aγdá band. gúštī: šar, magár man ša ta yak číze pursín, ta rāsténā bẹgušáḭ. wazíräḭ ǰiník gušt: ar čẹ kẹ pursáḭ, purs, man ʷuštātá-wun. mullá gušt kẹ ta ǰiníke wäḭ yā na? wazíräḭ ǰiník ǰawáb dāt kẹ man ǰiníke-wun. duwārág mullá sójī kurt kẹ ta digá dištáre dāráḭ yā na? ǰiník gušt: na dārín. mullá gušt kẹ nūn ta p-ämé mardúmā kẹ ämédā ništá Asán nām, p-ameší rāzí äḭ? wazíräḭ ǰiník ǰawáb dāt kẹ mullá sāíb, agár amáḭ aγdá bándäḭ, band, agár na bandáḭ kẹ bāz abárma däḭ, bust u bẹrá pa watí rahá. mullá gúštī kẹ äḭ jäník, ša mnī soǰ kurtínen čīzán tī dilá ma gīt, sabábi kẹ man mullée un, mnī ^{h}aḳ int kẹ amerangén čīzánā pursín.

šapí kẹ ešánī aγdá bástī, tárī kẹ roč būt, wazíräḭ jäník Asánā gušt: zānáḭ kẹ abár čé int? Asán gušt: na, na zānín. jäník gušt: abár äméš int kẹ ta maróčī ämé šamá bzūr u bẹrá bẹ pādẹšáe, ódā kẹ šútäḭ, ešá bẹ pādẹ-

---

В том доме, который нашел Асан, эту ночь они переночевали, а в следующую ночь дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи хорошего муллу». Слуга пошел, отыскал муллу и привел домой. Дочь визиря приготовила для муллы хороший обед и предложила ему. После обеда дочь визиря сказала мулле: «знаешь, почтенный мулла, что надлежит сделать?» Мулла сказал: «нет». Дочь визиря сказала: «обвенчай меня с человеком по имени Асан». Он сказал: «хорошо, но я спрошу у тебя кое-что, а ты говори правду». Дочь визиря сказала: «все, что ты имеешь спросить, спрашивай, я готова». Мулла сказал: «ты девушка или нет?» Дочь визиря отвечала: «я девушка». Вновь мулла задал вопрос: «есть у тебя другой жених или нет?» Девушка сказала: «нет». Мулла сказал: «а теперь ты согласна на брак с человеком, который здесь находится, по имени Асан?» Дочь визиря ответила: «почтенный мулла, если ты совершаешь этот брак, то венчай, если же нет, то не трать много слов, встань и иди своей дорогой». Мулла сказал: «дочка, не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю, потому что я мулла, и мое право спрашивать о таких вещах».

Ночью он совершил их брак, а на утро, когда рассвело, дочь визиря сказала Асану: «знаешь, о чем теперь речь?» Асан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «дело теперь обстоит так: возьми сегодня эту свечу и иди к царю,

šāäi demá bil u beyá. Asán gušt: šar. amáe rā zurt u šut be pādešáäi argá. ódā ke šut, salá́me dāt u ništ.

yak u du sāt ništ u gúdā šamá be pādešáäi demá išt. pādešá gušt: e čée, parzínd? Asán gušt: mán-a na zānín ke e če, tái pādešá ma zānái, mán-a na zānín. duwārág Asán um abár na dāt, pādešá am abár na dāt. čunt sāáttā gúdā Asán gušt: man nūn a-raín. pādešá gušt ke šar, ke rawái, murxás äi! Asán ustát u rādág būt, āt "utí gisá. jäník gušt: äi Asán, čon kurtái? Asán gušt ke íčči na kúrtun, búrtun, dátun u átun. š-āí bil u ša pādešá goš kaš.

Asán ša gisá ke dár būt, pādešá yak mardúme rā eší padá kurt ke eší gis gujángūr int. e mardúm āt u Asánī gisá paidái kurt u sáili kurt ke xānái xarāb, čunén jänéne dārít. e mardúm pádā šut u pādešáā gúštī: äi pādešá, ta apt jänén dārái, amá ar aptén Asánī jänénäi molíd ant. e rangén jänén ič be tī pādešáíäi mulkái tā näint. ämé mardúm ke Asánī gesá šút-at, pa pādešá bāz u bāz tārípī kurt Asánī jänénā. pādešá am pa Asánī jänénā āšíγ būt. "utí wazírā lotít ke e rangén abáre ast, nūn čon kanán? wazír gušt ke agár āe rā maróčī beyáräi, be dárā bejánäi, gúdā tī nām kámme gandág a-bīt. pādešá gušt: nápa čon kanán? čon āe rā ziyán a-kanái?

а когда туда придешь, поставь ее пред царем и приходи обратно». Асан сказал: «хорошо», взял ее и пошел в царский дворец. Когда пришел туда, он поздоровался и сел.

Он посидел час-другой, потом положил свечу перед царем. Царь сказал: «что это, дитя мое?» Асан сказал: «я не знаю, что это; раз ты царь и не знаешь, я тоже не знаю». Больше Асан ничего не сказал, царь тоже ничего не сказал. Через некоторое время Асан сказал: «я теперь пойду». Царь сказал: «хорошо, если хочешь, можешь итти». Асан встал и пошел. Он пришел домой, и девушка сказала: «ну, Асан, что сделал?» Асан сказал: «ничего не сделал! снес, отдал и пришел назад!» Оставь его и послушай про царя.

Когда Асан вышел из помещения, царь послал вслед за ним человека: где, дескать, находится его дом? Этот человек пошел, отыскал дом Асана и стал смотреть: что б ему пусто было! какая у него жена! Этот человек вернулся и сказал царю: «о царь, у тебя семь жен, но все семеро годны лишь в служанки жены Асана; такой женщины в твоем царстве вовсе нет!» Этот человек, который ходил к дому Асана, очень и очень расхваливал царю жену Асана, и царь влюбился в жену Асана. Он призвал своего визиря: такое, дескать, дело! что́ теперь будем делать? Визирь сказал: «если ты его сегодня приведешь и отправишь на виселицу, впоследствии твое имя несколько опорочится». Царь сказал: «что же

wazír gušt kẹ ta bándā āe rā bẹlóṭ, bẹgúš: amé šamáį adigá ballá ša ta loṭín. pādẹšá šar gúštī.

bándā āe rā loṭítī, gúšti: amé šamáį adigá ballá ša[t] ta loṭín. Asán gúštī kẹ e digá bálle na dārít. pādẹšá gušt: agá dārít yā na dārít, man ša ta loṭín, agár da ročáį sará āwúrtäį, kẹ íčī; agár náy-āwúrtäį, tī ǰān u zāg múčī pādẹšáí a-bīt, utí ixtiyárā dāráį. Asán šut utí gẹsá. ǰänénī pursítī kẹ pādẹšá ša ta čé soǰ kurt? Asán gušt kẹ ša man sóǰī kurt kẹ ämé šamáį adgá ballá bẹrá, biyár, man gúštun kẹ ā digá bálle na dārít. pādẹšá gušt kẹ dārít yā na dārít, man ša ta dā ročág loṭín, agár dā ročáį sará may-āráį, gúḍā tī ǰān u zāgá múčā pādẹšáíā kanín. ša man ämešánā sóǰī kurt. gúḍā ǰänénī gušt kẹ š-amódā kẹ ešá distág-äį, amá ǰā nūn baladí[y] a-kanáį? Asán gušt: baladí a-kanín, magá ódā š-ešán bāz u näint. ǰänén gušt kẹ äį, ar če int, ométā bẹ xudá bẹkán u bẹrá. Asán gušt: šar.

Asán sar gipt u šut, amá āpá paįdáī kurt, gáštī āpáį išk-uw-áškā, ya-ga amá rangén šáme dístī, zúrt u utí tūrágäį tā kurt u āt kẹ rādág bīt, utí dilá gušt kẹ ta byā kẹ amé āpáį išk-w-áškā múčā yak čáre bẹkanín, bārén e čunén ápe. šut, amé āpáį íšk-uw-áškā čárī kurt. ya-ga bẹ gošáį mardúmäį tawáre būt. ämédā yak kámme uštát, goš kašítī kẹ zántī kẹ ämédā mardúmäį tawáre

---

будем делать? как бы тебе его погубить?» Визирь сказал: «призови его завтра и скажи: „я требую от тебя пару к этой свече“». Царь сказал: «хорошо».

На следующий день он позвал его и сказал: «я требую от тебя пару к этой свече». Асан сказал: «у нее не имеется другой под пару». Царь сказал: «имеется или нет, я от тебя требую! если ты в течение десяти дней принесешь, тогда ничего; если же не принесешь, твоя жизнь и дети, все будет царским, поступай, как знаешь!» Асан пошел домой. Его жена спросила у него: «что у тебя спросил царь?» Асан сказал: «вот что царь спросил: „отправляйся и принеси к этой свече другую под пару“, я сказал, что ей нет пары; царь сказал: „есть или нет, только я требую ее от тебя в десятидневный срок, и если ты через десять дней не принесешь, тогда я тебя самого с детьми и со всем имуществом объявлю царским!“ Вот что он с меня спросил!» Тогда жена сказала: «ты узнаешь теперь то место, где ты нашел ее?» Асан сказал: «узнать-то узнаю, но там ведь больше их нет». Жена сказала: «ну, что бы там ни было, надейся на бога и иди». Асан сказал: «хорошо».

Асан собрался и пустился в путь. Он отыскал ту воду, обошел ее кругом, и вдруг увидел такую же свечу. Он взял ее, положил в торбу и уже собирался уходить, но сказал сам себе: «дай-ка, обойду со всех сторон! что это за вода такая?» Он стал прохаживаться вокруг этой воды, и вдруг до его ушей дошел человеческий голос. Он постоял там немного, прислушался и убедился,

šut, ämé singānī tā gašt, ya-ga dístī kẹ amédā yak singā̆i̯ gíse. šut, š-ämeší kaḍákā sā̆i̯lī kurt kẹ yak au̯lo-čámen jäníke amédā ništá. jäník ameší dístī. ya-ga jäník tawárī kurt kẹ ä̆i̯ musulmán, čéwā kanā̆i̯ kẹ édā átag ä̆i̯? bẹrá kẹ anū̆n buzlangí a-kāyánt, trā waránt, bra pa wat. Asán gúštī kẹ man ša ta getír ná-wun, trā alás ma kanín, na raín. jäník gušt kẹ ä̆i̯ musulmán, säi̯ sad pālawán pa mnī padá āt u pádā na šut, múčānā amé buzlangí wartág ant, ta kẹ yak bazzágen γaríben mardúme wä̆i̯! Asán gušt: man ša sä sad mardúmā getír ná-un, āwánā kẹ wartág ant, man um bẹ āwánī sará. jäník gúštī kẹ utí oná wat utí gardínā kanā̆i̯, pa man um γusáe kārā̆i̯! man trā nūn gujá čér kanín? Asán gušt kẹ ta pa man rää̆i̯ čápā jáe joḍ a-kanā̆i̯, ta ič γusá ma war, inšallá, trā š-ešánī dastá alás a-kanín, pa šártẹ kẹ ar če kẹ man trā gušín, ta bẹkanā̆i̯. jäník gušt: man a-kanín, agár trā kartū̆te bīt! Asán gušt: inšallá, yā trā alás a-kanín, yā amá sä sad pālawánä̆i̯ padá räín. jäník Asánā ämédā čérī kurt u šut utí jaá, Asánā gušt: bándā man a-kāín, ša ta yak awále girín. š-eší bíl u ša buzlangíyān goš pkaš.

buzlangí kẹ átant, dístan kẹ ādami-zátä̆i̯ bóe. jäníkä̆i̯ sará xášm kurtant kẹ édā maróčī kāy ātá, bẹgúš! jäník gúštī kẹ šumá mänā yak jáe āwurtág it

---

что это действительно человеческий голос. Он стал бродить среди скал и камней, и увидел каменное жилище. Он пошел туда и рассмотрел через щель, что там находится девушка с глазами молодой газели. Девушка его увидела и сразу закричала: «о мусульманин, что ты делаешь, придя сюда? уходи, потому что сейчас придут некие чудовища бузлангй и съедят тебя! иди своей дорогой!» Асан сказал: «я ведь не лучше тебя! пока тебя не освобожу, не уйду». Девушка сказала: «о мусульманин, триста богатырей приходили за мной и назад не вернулись: всех поели бузланги! а ты ведь только труженик и странник!» Асан сказал: «я ведь не лучше трехсот человек! если их поели, так и я за ними!» Девушка сказала: «ты сам льешь свою кровь себе на шею, а мне приносишь заботу! куда я теперь тебя спрячу?» Асан сказал: «приготовь для меня место слева от дороги и не беспокойся! бог даст, освобожу тебя из их рук! при условии, если ты сделаешь все, что я скажу». Девушка сказала: «я сделаю, если только у тебя хватит силы!» Асан сказал: «бог даст, или тебя освобожу, или последую за теми тремя стами богатырей!» Девушка спрятала тут Асана и пошла к себе. Она сказала Асану: «завтра я приду узнать о тебе». Оставь теперь его и послушай про бузланги.

Когда бузланги пришли, они почуяли человеческий запах. Они разгневались на девушку: говори, дескать, кто сюда сегодня приходил. Девушка

kẹ mnīyā ādamẹ-zā̆t ātága na kant. buzlangī ešā̆ bā̆zen dušmā̆ne dā̆tant u šútant, wáptant. bádi apt šapā̆ gúḍā mazániš ša wābā̆ ustát. e kẹ ustát, múčī sar gíptant u šútant pa šikā̆rā. ā kẹ šútant, ša pádā jäník Asánīyā šut. Asán gúštī: pa če dér ātäi̯? jäník gúštī kẹ man trā na gúštun kẹ ta pa man γussáe kārā̆i̯. Asán gušt: pa če? ta bẹgúš. jäník gúštī kẹ zī kẹ buzlangī kẹ átant, mnā bā̆zen dušmā̆ne dā̆tant kẹ édā ādamī̆äi̯ bóe. man gúštun: édā ādamī̆äi̯ bo čéwā lotít? Asán gušt kẹ man trā alā̆s kanī̆n, go mán a-rawā̆i̯? jäník gušt: agá ta mnā alā̆s kanā̆i̯, man tī xai̯rát a-baī̆n u go ta rä̆īn, agár ša tī dastā̆ bīt. Asán gušt: ämé čī̆ze kẹ man trā gušī̆n, ta amā̆ mnī abárā bzū̆räi̯, ma trusā̆i̯, bẹkänäi̯. man inšallā̆ pa xudääi̯ ukmā̆ trā alā̆s a-kanī̆n. jäník gušt: čon bẹkanī̆n, ta bẹgúš. Asán gúštī kẹ ta kẹ maróčī šútäi̯, nänäi̯ waxtā̆ nān ma war, pūx bā̆i̯, bigré, ā wat ša ta pursánt kẹ ta maróčī pa če pūx äi̯? ta bẹguš: man yak ādami-zā́te wun, šmā̆i̯ dastā̆ kaptág un, šmā um ročā̆ ráit pa gaštínā, man ämédā tanáka ništág un. gúḍā awā́nī mazán wat ša tā pursī́t kẹ ta ša man čéwā loṭā̆i̯? ta bẹgúš: man trā bāz u bāz dost dārín, ta watī́ napásā ämé kẹ pa šikā̆rā rawā̆i̯, bẹ man bẹdā̆i̯, kẹ tā wáxti kẹ táw a-kāā̆, man go māī́ utī́ ročā̆ gwāzenī́n. ā awálā trā́ abár

---

сказала: «вы привели меня в такое место, что ко мне не может прийти никто из человеческого рода». Бузланги ее сильно выбранили и пошли спать. Через семь ночей старший из них проснулся; когда он встал, все они собрались и пошли на охоту. Когда они ушли, тогда девушка пошла к Асану. Асан сказал ей: «почему ты поздно пришла?» Девушка сказала: «разве я тебе не говорила, что ты принесешь мне скорбь?» Асан сказал: «почему? скажи». Девушка сказала: «вчера, когда пришли бузланги, они меня сильно бранили: здесь, дескать, человеческий запах; я сказала: „какого вы захотели здесь человеческого запаху?“» Асан сказал: «я тебя освобожу, поедешь со мной?» Девушка сказала: «если ты меня освободишь, я для тебя пожертвую собой и пойду с тобой, если это будет в твоей власти». Асан сказал: «сделай то, что я скажу тебе, послушайся меня! не бойся! бог даст, я, по воле божьей, тебя освобожу». Девушка сказала: «скажи, что́ мне делать!» Асан сказал: «когда ты уйдешь отсюда, ничего не ешь во время обеда, будь печальна и плачь! они тебя спросят: „отчего ты сегодня печальна?“ ты скажи: „я человеческого рода и попала к вам в руки! а вы днем расходитесь, и я остаюсь здесь одна“; тогда старший из них спросит тебя: „чего же ты от меня хочешь?“ ты скажи: „я тебя очень и очень люблю; когда ты уходишь на охоту, отдавай мне свою душу, и я с ней буду проводить свои дни, пока ты не придешь“. Он сначала начнет

u dušmā̀n a-dant, gúḍā utí napásā bẹ ta na dant, trā digá yak číze dant, ta amáe rā ǰwān pā̀k bẹkanā̀i̯, ǰoḍ kan u psāt. ǰaníḳ gúštī: šar.

ǰaníḳ ša Asánäyā ustát u āt utí ǰāgā́, ništ u girét. buzlangí kẹ āt, sā̀i̯lī kurt kẹ eš a-girét, šut, pursítī kẹ ta pa če girewā̀i̯? ǰaníḳ gušt kẹ ta mnā yak ǰāe āwurtág äi̯ kẹ čap ša xudā́ káse édā näint, wat um ročā rawā̀i̯ pa šikárā. man ämédā ništā́g un tanā́, yak číze am näint kẹ go māí utí ročā́ barín. buzlangí gúštī kẹ ta čéwā loṭā̀i̯? bẹgúš, kẹ man pa ta paiḍā́ kanín kẹ duwārág ta go māí utí ročā́ bẹgwāzenā̀i̯. ǰaníḳ gúštī kẹ man trā bāz u bāz dost dārín, agá ta utí napásā bẹ man bẹdā̀i̯, man á̀e rā čo gulā̀i̯ā sātín. ya-ga buzlangí eší rā yak čapóḍe ǰátī, yak sāátā gúḍā ǰaníḳ ʷóšī kurt. buzlangí gušt: šar. šut u yak šīšáge āwúrt, gúštī: ämé mnī napás int, ar ka ämešā́ prošít, man am mirín. šīšágā ešā́ dāt u wat šut pa šikárā.

ā kẹ šut, ša pádā ǰaníḳ šīšágā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ čon kurtā̀i̯? ǰaníḳ gúštī kẹ buzlangí gúštī kẹ amé šīšág mnī napás int. Asán gúštī: duróg a-ǰánt, e āí napás näint. Asán gušt kẹ ta nūn yak kárе bẹkán. ǰaníḳ gušt: čon kanín? Asán gúštī: ta ämeší rā ǰwānén poš abrešūmíen bẹkán, wa digá puč am pkan, utí zānā̀i̯ sará bil. ā kẹ š-á̀ngū āt, bgíndīt

---

укорять и бранить тебя, и потом не тотчас даст тебе свою душу, а даст тебе что-нибудь другое, но ты и это хорошенько вычисти, прибери и береги». Девушка сказала: «хорошо».

Девушка поднялась, пришла от Асана к себе, села и заплакала. Когда бузланги пришел и увидел, что она плачет, он пошел и спросил ее: «почему ты плачешь?» Девушка сказала: «ты меня привел в такое место, где, кроме бога, больше никого нет, при этом ты сам днем уходишь на охоту, а я сижу здесь одна, и нет даже ничего, с чем бы я проводила свое время!» Бузланги сказал: «что же ты хочешь? скажи, чтобы я отыскал для тебя, и ты впредь проводила бы с этим свое время». Девушка сказала: «я тебя очень и очень люблю, и если ты отдашь мне свою душу, я ее буду беречь, как цветок». Бузланги вдруг дал ей пощечину, и только через час девушка пришла в чувство. Бузланги сказал: «хорошо». Он пошел, принес склянку и сказал: «вот это моя душа! как только она разобьется, умру и я!» Он дал ей склянку, а сам пошел на охоту.

Когда он ушел, девушка тотчас взяла склянку и пошла к Асану. Асан сказал: «что ты сделала?» Девушка сказала: «бузланги сказал: „эта склянка — моя душа“». Асан сказал: «он лжет, это не его душа!» Асан сказал: «теперь ты сделай одну вещь». Девушка сказала: «что сделать?» Асан сказал: «сделай для нее хороший шелковый футляр и еще другую обертку и положи к себе на колени; когда он вернется и увидит, что ты с ней хорошо обращаешься,

kẹ ta ešą́ zábr a-sātą́i̯, ā wat gúḍā utí napásā pa rāstí trā nišą́n a-dánt. āmé kẹ trā dátī, ta zūtẹ mníyā bẹyą́r, man gúḍā wat ǰoḍ a-kanín. ǰäník gušt kẹ šar, pádā šut, utí gisą́i̯ tā ništ.

čun sątā gúḍā buzlangí āt. buzlangí gisą́i̯ tā są́i̯lī kurt kẹ ǰäník čon āmé šīšágā zabr pošitá. buzlangí utí dilą́ gušt kẹ ämé ǰäník mnā bāz u bāz dost dārít, ta bẹyą́ kẹ pa rāstí utí napásā ešą́ nišą́n däín. ämé ḍannáą kámme uštą́t u są́i̯lī kurt u gúḍā gisą́i̯ tā šut, ǰänikäi̯ sarą́ tawą́rī kurt: äi̯ ǰáni man, imáni man, e čé kẹ ta eší rā e ráng ǰwān sātitág äi̯? ǰäník gušt kẹ e tī napás int kẹ man ǰoḍ kurtág un. buzlangí gušt kẹ e mnī napás näint, man trā räpéntun, ta bārīn čon a-kanąi̯ mnī napásā, nūn kẹ dístun, ta e rangą́ sātą́i̯, nūn trā nišą́n a-däín. ǰäník gušt: zānín, ša man trusítäi̯ kẹ awálā utí napásā mnā nišą́n na dátäi̯! buzlangí gušt kẹ ān. buzlangí gušt kẹ bẹyą́ kẹ bẹrawán, utí napásā trā nišą́n däín. ǰäník gušt: bẹrawán. ar duén ša gisą́ dár būtant u šútant. buzlangí demą́ būt u ǰänik bẹ padą́i̯. ešą́ búrtī bẹ yak mazánen draxtą́i̯ sarą́. buzlangí bālą́ būt u yak šīšáge ʸérī kurt, šīšágäi̯ dapą́ páčī kurt u ǰänikā tawą́rī kurt, gúštī: ta ämé šīságäi̯ tā säi̯l pkan kẹ čé ast. ǰäník kẹ są́i̯lī kurt, dístī kẹ yak kapóte ništá. buzlāngí gušt: če ast šīšágäi̯ tā? ǰäník gušt: yak kapóte amódā ništá. buzlangí gušt kẹ amą́ kapót

---

тогда он сам покажет тебе уже настоящую свою душу; как только он ее тебе даст, ты тотчас же ее принеси ко мне, и тогда уже я сам справлюсь». Девушка сказала: «хорошо», пошла назад и сидела дома.

Несколько времени спустя пришел бузланги. Бузланги взглянул в дом, и увидел, как хорошо девушка укутала склянку. Бузланги сказал про себя: «эта девушка очень и очень меня любит; попробую-ка я на самом деле показать ей свою душу!» Он немного пробыл снаружи, посмотрел, вошел в дом и позвал девушку: «душа моя, благополучие мое! что́ это, что ты так тщательно бережешь?» Девушка сказала: «это твоя душа, которую я так нарядила». Бузланги сказал: «это совсем не моя душа! я обманул тебя, чтобы посмотреть, что́ ты сделаешь; теперь, когда я увидел, что ты ее так бережешь, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «понимаю! значит, ты боялся меня, раз ты мне сразу не показал своей души!» Бузланги сказал: «да». Бузланги сказал: «давай, пойдем, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «пойдем». Оба вышли из дому и пошли. Бузланги был впереди, девушка сзади него. Он повел ее к большому дереву. Бузланги поднялся наверх, спустил вниз одну склянку, открыл ее горлышко, позвал девушку и сказал ей: «загляни-ка в эту склянку, что́ в ней?» Когда девушка посмотрела, она увидела, что там сидит голубь. Бузланги сказал: «ну, что в склянке?» Девушка сказала: «там сидит голубь».

mnī napás int, ar kas ämeší sará psindít, man am mirín. jäník gušt kẹ man āe rā pa ta xaịrát a-kanín kẹ ā eší sará psindít. buzlangí jäníkäị abárān kabūlī kurt u kapótā bẹ jäníkäị dastá dāt, gúštī: nūn tā roçá kẹ man édā ná-wun, go meší gwāzí bẹkān. jäník gušt: šar. ar du šútant bẹ gisá.

bāndénā buzlangí šut pa šikárā, ā kẹ šut, ša pádā jäník zūtī kapótā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ šer-äị rūbá? jänik gušt kẹ inšallā, šer un! e āí napás int kẹ ešá zítun. Asán gušt kẹ gúj int? jäník kapótā nišánī dāt. Asán kapótā ša dastáị zurt u sáịli kurt, jänikā gušt: zánäị kẹ nūn musla^{h}át çé int? jäník gúštī: na, man na zānín kẹ kār çé int. Asán gušt kẹ bẹrawán bẹ šmäị gisá. jäník gušt: man ša buzlangíā bāz u bāz a-trusín. Asán gušt: agá napásī āmé bīt, iç ma trus, bẹrawán. jäník gušt: bẹrawán.

ar du š-é gẹsá kẹ dár būtant démẹ buzlangíā gẹsá, ya-ga buzlangí ešánī demá dár āt, dístī kẹ mnī jänén go digá ādami-záte gardít, yak gašt démẹ amāwán rādág būt. tawárāị sará kẹ āt, jäník āe rā dist. Asán gušt: agá ämé kapót āí napás bīt, zabr int, agá má bīt, mašmá rā ar duwénānā wart. gúḍā Asán gušt: iç γusá ma war, tā ā nazík bäịt, gúḍā man go wāí abár a-däín. buzlangí kẹ nazík āt, Asán tawár kurt kẹ äị buzlangí, amódā bošt. buzlangí na wuštát u āt. ya-ga Asán kapótā áe rā

Бузланги сказал: «этот голубь и есть моя душа! как только кто-нибудь оторвет ему голову, я умру». Девушка сказала: «я принесу за тебя в жертву того, кто оторвет ему голову!» Бузланги поверил словам девушки и вручил голубя девушке, сказав: «теперь ты забавляйся с ним в те дни, когда меня здесь нет». Девушка сказала: «хорошо». Оба пошли домой.

Через нскоторое время бузланги пошел на охоту. Как только он ушел, тотчас же девушка быстро схватила голубя и пошла к Асану. Асан сказал: «лев или лисица?» Девушка сказала: «бог даст, лев! вот его душа, я достала ее». Асан сказал: «где?» Девушка показала голубя. Асан взял голубя у нее из рук и стал рассматривать; потом он сказал девушке: «знаешь, что́ теперь делать?» Девушка сказала: «нет, не знаю, что́ теперь?» Асан сказал: «пойдем в ваш дом». Девушка сказала: «я очень и очень боюсь бузланги!» Асан сказал: «если это его душа, ничего не бойся! пойдем!» Девушка сказала: «пойдем».

Оба направились из этого дома к дому бузланги. Бузланги сразу вышел к ним навстречу и увидел: да ведь это моя жена расхаживает с другим человеческим существом! Он тотчас пошел к ним. Когда он подошел на расстояние голоса, девушка его увидела. Асан сказал: «если этот голубь его душа, хорошо; если же нет, он съест нас обоих». Потом Асан сказал: «не беспокойся, пусть он приблизится, тогда я с ним поговорю». Когда бузланги подошел, Асан закричал: «эй, бузланги, стой там!» Бузланги не остановился

nišắn dāt. gúštī kẹ čón int kẹ anún tī sarágā psindín? būzlangí kẹ kapótā dist, tawárī kurt Asánā: ä̤ ādami-zắt, ar če a-loṭắ̤, man trā däín tā mnī kapótā ḅẹdắ̤. Asán gušt: man ša ta digá íčīyā na loṭín, magá yak šárte dārín. agá amäe rā bẹkanắ̤, gúḍā tī kapótā trā däín, agá má bīt, anún sarágä̤ā sindín. buzlangī gušt: bẹgúš, če árze dārắ̤, ar če bīt, man a-kanín. Asán gušt: tái buzlangí amắ rā ar duénānā ʷutí puštắ bẹkán, bẹ plānắ šārắ bar, gúḍā man tī kapótā däín. buzlangí gušt: šar, bẹyắit, mnī puštắ swār bắit.

Asán šīšágā prošt, kapótā watī́ dastắ kurt u demắ būt, ǰaníḳ um bẹ padắ̤. Asán duwārág buzlangí gušt: ä̤ buzlangí, agá ta šor bóräi̤, ti sarágā sindín. buzlangí gušt kẹ ič ma trus, man šʷmắ rā na warín. Asán ǰaníḳā gušt kẹ bẹyắ kẹ brawán, sawắr bäyán. ǰaníḳ gušt kẹ man a-trusín. Asán gušt kẹ ma trus, āī́ napás bẹ mnī dastắ int, pa če trusắ̤? ǰaníḳ nā ilắǰ būt, ša wutí ǰā ustát, Asánī padắ rādág būt, ar duén ắtant, buzlangíyā swār bū́tant u démẹ amắ šārắ kẹ Asánī gis int, buzlangíyā gušt: amāngūrí rādág bắ̤. buzlangí am amāngūrí rādág būt u šut. ämé kẹ šār paḭdắ būt, Asán gušt: nūn amắ rā ämédā ér kan. buzlangí kẹ ešánā ämédā ér kurt, gúštī: nūn bẹdắit mnī kapótā. Asán gušt kẹ ta ämédā

и продолжал подходить. Асан тотчас показал ему голубя и сказал: «что́, если я сейчас оторву тебе голову?» Как только бузланги увидел голубя, он закричал Асану: «о рожденный человеком, все, что ты захочешь, я дам тебе, только отдай моего голубя». Асан сказал ему: «я от тебя ничего другого не хочу, но только при одном условии; если ты его исполнишь, я отдам тебе твоего голубя; если же нет, сейчас же оторву ему голову». Бузланги сказал: «скажи, какое у тебя желание; каково бы оно ни было, я его исполню». Асан сказал: «ты, бузланги, посади нас обоих к себе на спину и отвези в такой-то город, тогда я отдам твоего голубя». Бузланги сказал: «хорошо, подходите и садитесь ко мне на спину».

Асан разбил склянку, взял голубя в руки и пошел впереди, а девушка за ним. Асан вторично сказал бузланги: «бузланги, если ты зашевелишься, я оторву тебе голову». Бузланги сказал: «не бойся ничего, я вас не съем». Асан сказал девушке: «давай, пойдем и сядем верхом». Девушка сказала: «я боюсь». Асан сказал: «не бойся, ведь его душа у меня в руках, чего же ты боишься?» Девушке ничего не оставалось делать, она встала со своего места и пошла вслед за Асаном. Оба они подошли, сели на бузланги, и Асан приказал бузланги двинуться к тому городу, где был дом Асана. Бузланги направился туда. Когда показался город, Асан сказал: «теперь здесь нас спусти». Когда бузланги их спустил, он сказал: «теперь отдайте моего голубя».

mnind, amā́ kẹ yak kámme šútan, amódā tī kapótā kilán u rawán, gúḍā ta biyā́, bra. buzlangí ɣaríb gušt: šar. e kẹ amā́ ḍigárā šútant, Asán kapótäi̯ sarā́ sist, buzlangí édā murt. Asán u ǰäník ar du šútant bẹ Asánī gẹsā́. amā́ wadáẹ kẹ go pādẹšā́ kurt-át, yak šap demā́ šut bẹ watí gisā́.

wazíräi̯ ǰäník kẹ āí ǰänén bīt, gúštī: äi̯ Asán, čon kurtā́i̯? šámā āwúrtäi̯ yā na? ya-ga Asán óšī kurt kẹ tūrág amā́ ǰáe kẹ go buzlangíyā awalīén sarā́ abár dátag ant, tūrág amódā be woš būtá. wazíräi̯ ǰäník gušt kẹ zūtẹ brá pa padā́i̯, bẹyáräi̯, agá má yārā́i̯, póšī pādẹšā́ mnā go tī gẹs u múčānā pādẹšāí a-kant. ämé nokén ǰäník gúštī kẹ šmā čunén abáre dārít go wat, man am sī bäín ša šmäi̯ abárā. wazíräi̯ ǰäník p-e nokén ǰänikā kẹ Asán ša buzlangíäi̯ demā́ alās kurtā́ wu āwurtá, nūn p-ämešī náɣl a-kánt, gúštī: äi̯ dādā́, yak wáxte amā́ āpā́i̯ sarā́ kẹ ta būtág äi̯, š-amāí sarā́ átan, Asán š-amódā yak šáme dist, āwúrtī, mnā dāt, man um zúrtun, urǰínäi̯ tā kúrtun. e šārā́ kẹ átan, man Asánā gúštun kẹ ämé šamā́ bar, bẹ pādẹšā́ bẹdā́i̯. Asán um burt, dāt u āt. yak šap gúḍā duwārág Asánā loṭítant. pāḍẹšā́ guštá kẹ ämešī adi̯gá ballā́ ša ta dā-šaṇág a-loṭín, agá dā šapā́i̯ sarā́ ma yārā́i̯, tī ǰān u zāgā́ múčā pādẹsāí a-kanín. nūn um Asán no šap int kẹ pa šamā́i̯ padā́ šuṭá, nūn

---

Асан сказал: «посиди здесь; когда мы немного отойдем, мы отпустим твоего голубя и пойдем; тогда и ты подойдешь». Бедняга бузланги сказал: «хорошо». Как только они пошли по земле, Асан оторвал голубю голову, и бузланги тут же умер. Асан и девушка пошли вдвоем в дом Асана. Он попал домой на одну ночь раньше того срока, который был назначен царем.

Дочь визиря, которая стала его женой, спросила его: «ну, Асан, что сделал? принес свечу или нет?» Асан сразу вспомнил, что он забыл торбу в том месте, где он в первый раз разговаривал с бузланги. Дочь визиря сказала: «скорей сходи за ней! если не принесешь, послезавтра царь отберет в казну и меня, и твой дом, и все имущество». Новая девушка сказала: «что вы разговариваете только между собой? я тоже хочу знать, о чем вы говорите»! Тогда дочь визиря стала рассказывать новой девушке, которую Асан освободил от бузланги и привел: «сестрица, однажды мы подошли к той воде, где ты находилась; Асан увидел там свечу, принес и дал мне; я взяла ее и положила в переметную суму. Когда мы пришли в этот город, я сказала Асану: „отнеси эту свечу и отдай царю“. Асан отнес, отдал и вернулся. Ночь спустя, опять потребовали Асана; царь сказал ему: „я хочу от тебя в десятидневный срок пару к ней; если ты в течение десяти дней не принесешь, я тебя самого, твоих детей и все имущество отберу в казну“. Сейчас уже девять ночей с той поры, как Асан отправился за свечей, и теперь он вернулся с пустыми руками,

órkā ātá, bándā pādẹšá ešá loṭít. ämé nokén jäník gušt: äi̯ dādá, ič γusá ma war, ā číze kẹ pädẹšá ša Asán loṭitá, bāz yak čize āsánen. ā rangén čīz go man bāz int, ič na ta γusá bor, na Asán. bándā kẹ roč būt, man pai̯dá a-kanín. wazíräi̯ jäník gušt: ā rang bīt, bāz u bāz jwanén kára bīt.

ämé nokén jäník wazíräi̯ jäníkā gušt: āi̯ dādá, man go ta yak muslaháte kanín, agá ta rāzí a-baái̯. wazíräi̯ jäník gušt: bẹgúš, dādá, ā čunén muslaháte bīt kẹ man rāzí ma baín. e jäník gušt: agá tī muslahát bīt, šapí yak mullá́e pai̯dá kan kẹ mnī aγdá go Asán bandít. wazíräi̯ jäník gušt: bāz u bāz jwán int, ta p-ameší gúštäi̯ kẹ agá tī muslahát bīt, eš u yak āsánen abáre, ta um mnī gwár äi̯, mašmá rā ar duénānā Asán a-sātít. nokén jäník gušt kẹ äi̯ dādá, mnī ák int kẹ ša ta salá kanín, pä če kẹ ta Asánī jänén äi̯, tī dilá ma gīt kẹ e jäník ša gujángū āt u be salá u be muslahátā mnī mardá gipt. wazíräi̯ jäník gušt: na, dādá, ā rang näi̯nt, albáta káse kẹ trā āwurtá, albát trā loṭít kẹ āwurtá. agá ma loṭítin, albatá š-amódā näyāwúrtī. ešánī abár ämédā alás būt.

wazíräi̯ jäník ʷutí muzúrā gušt kẹ beṛá, mullá́e pai̯dá bẹkán u biyár. muzúr šut, mullá́e pai̯dá kurt u āwúrt. nān kẹ wártant, wazíräi̯ jäník mullāā

а завтра царь его позовет!» Новая девушка сказала: «сестрица, не беспокойся ни о чем; то, что царь от Асана требовал, очень легко! у меня много таких вещей; не беспокойтесь ни ты, ни Асан! завтра, когда рассветет, я достану». Дочь визиря сказала: «если так будет, то будет очень и очень хорошо».

Эта новая девушка сказала дочери визиря: «сестрица, я хочу с тобоїі посоветоваться, если ты согласна». Дочь визиря сказала: «говори, сестрица! что́ это за совет может быть, на который бы я не соглашалась!» Девушка сказала: «если ты не возражаешь, отыщи вечером муллу, чтобы он обвенчал меня с Асаном!» Дочь визиря сказала: «очень и очень хорошо! потому-то ты и сказала мне: „если ты не возражаешь!“ но это ведь легкая вещь: ведь и ты моя сестра, и о нас обеих будет заботиться Асан». Новая девушка сказала: «сестрица, я должна у тебя спросить, потому что ты жена Асана и чтобы ты не обиделась, что вот, де, пришла откуда-то эта девушка и без разговоров и без спросу забрала моего мужа!» Дочь визиря сказала: «нет, сестрица, совсем не так! конечно, раз человек тебя привел, значит он тебя хочет, если привел! если бы не хотел, конечно, не привел бы оттуда!» На этом их разговор окончился.

Дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи муллу». Слуга пошел, отыскал и привел муллу. Когда они поели, дочь визиря сказала мулле:

gušt: mullā́ sāíb, ämé ǰäník kẹ tī demā́ ništá, go me Asán nām aγdā́i̯ band. mullā́ gušt wazíräi̯ ǰäníkā kẹ e ǰäníke yā ǰanozáne? wazíräi̯ ǰäník gušt: e ǰäníke. duwārág mullā́ gušt kẹ e ǰäník wat Asánā loṭít yā Asán āe rā loṭít? wāzíräi̯ ǰäník gušt kẹ awál amé ǰäník Asánā loṭít, gúḍā Asán āe rā loṭít. mullā́ gušt: šar. wābánī waxtā́ ešánī aγdá bast u šut.

tárī kẹ roč būt, ämé nokén ǰäník kẹ go Asán ātá, amā́ wutí pitínkānā gaš̌t, yak šáme paḭdáī kurt u Asánā dāt, gúštī: bar, pādẹšā́ bẹdā́y u byā́. Asán zurt u šut bẹ pādẹšā́ā́ gisā́. ódā kẹ šut, salā́me dāt u ništ. pādẹšā́ gušt: čon int tī awā́? Asán gušt: duwāgū́ wun šmā́i̯ sarā́. yak kámme ništ u gúḍā ämé šamā́ Asán ša watí tūrágäi̯ tā dárī kurt u pādẹšā́äi̯ demā́ išt. pādẹšā́ gušt: äi̯ Asán, e čé-ye? Asán gušt: e amā́ int kẹ mnā pa padā́i̯ dem dātäi̯. pādẹšā́ íččī na gušt. Asán bád[i] yak u du sātā gúḍā pādẹšā́ā gušt: anūn man ruxsát a-baín. pādẹšā́ gušt kẹ ruxsát äi̯, parzínd. Asán ustát u āt ʷutí gẹsā́. gẹsā́ ki sar būt, ar ḍu ǰänénī yak zubā́n a-pursítant kẹ šamā́ čon kurtā́i̯? Asán gušt kẹ íčī na kúrtun, šamā́ búrtun, dā́tun bẹ pādẹšā́, ā́tun. ǰänénī pursítant kẹ pādẹšā́ dẹgá íčī na pursít? Asán gušt: dẹgá ša man čéwā pursít? amā́ číze kẹ āí ša man loṭít, man búrtun, dā́tun. š-āí bil u š-eší goš kaš.

«почтенный мулла, обвенчай эту девушку, которая сидит перед тобой, с этим Асаном». Мулла сказал дочери визиря: «это девушка или вдова?» Дочь визиря сказала: «это девушка». Вторично мулла спросил: «эта девушка хочет Асана или Асан ее хочет?» Дочь визиря сказала: «во первых, эта девушка хочет Асана, а затем Асан ее хочет». Мулла сказал: «хорошо». Ночью он совершил их брак и ушел.

На утро, когда рассвело, новая девушка, которая пришла с Асаном, стала перебирать свои пожитки, нашла свечу, дала Асану и сказала: «отнеси царю, отдай ее и приходи». Асан взял и пошел к царю в дом. Когда он пришел туда, он поклонился и сел. Царь спросил: «как ты поживаешь?» Асан сказал: «молельщик о вашем благополучии!» Он немного посидел, потом вынул из своей торбы свечу и положил перед царем. Царь сказал: «что это, Асан?» Асан сказал: «это то, за чем ты меня посылал». Царь ничего не сказал. Асан через час или два сказал царю: «теперь я прошу разрешения!» Царь сказал: «иди, сынок». Асан встал и пошел домой. Когда он добрался домоії, обе жены в один голос стали спрашивать: «что ты сделал со свечой?» Асан сказал: «ничего не сделал; отнес свечу, отдал царю и пришел обратно». Его жены спросили: «царь больше ничего не спросил?» Асан сказал: «что́ еще ему с меня спрашивать? то, что он с меня требовал, я принес и отдал!» Оставь теперь его и послушай об этом.

bádi dā-bist ročā́ gúḍā yak nokáre Asánī gẹsā́ sará brābír būt, sā́ilī kurt kẹ e gẹsā́ tā čunén du juwānén jẹnén ništá. š-amédā šut, bẹ pādẹšā́ā gúštī: ä pādẹšā́, man maróčī yak číze dístun kẹ γuṭ ä́rán mántun. pādẹšā́ gušt: če distág ä, bẹgúš. nokár gušt kẹ ämédā yak mardúme ast, du jẹnén dārít, tái pādẹšā́ apt jẹnén dārā́, tī ar aptén jẹnén āí amā́ gandágen jẹnénä molíd ant. pādẹšā́ gušt: šar, bas int, bẹrá pa watí rāā́. nokár kẹ ša gẹsā́ dár būt, pādẹšā́ mardúme pa wazírä padā́ démī dāt. wazír kẹ āt, pādẹšā́ gušt: ämé Asán námā, čon ziyán pkanán? wazír gušt kẹ ta bẹyā́ kẹ ešā́ bẹgušán kẹ ša ta ša débi syáyī bāgā́ balgán dā šapág loṭín; agár da šapā́ sará ma yārā́, gúḍā tī gẹs u málā múčā pādẹšāí a-kanín. pādẹšā gušt: badén dalíre näint, šar, bándā loṭínī.

bándā kẹ roč būt, pādẹšā́ pa Asánī padā́ yak nokáre démī dāt, Asánā zurt u āt. Asán kẹ pādẹšāäyā āt, pādẹšā́ gušt kẹ ä Asán, man ša ta dā šapág ša débi s'yā́ bāgā́ balgán loṭín. agá dā šapā́ sará má yārā́, gúḍā tī gẹs u mālánā pādẹšāí a-kanín. Asán jawáb íčī na gušt u ša gẹsā́ dar būt, āt "utí gẹsā́. jẹnénī ša Asán pursítant kẹ pādẹšā́ ša ta čéwā loṭít? Asán gušt kẹ pādẹšā́ ša man dā šapág ša débi siyáī bāgā́ balgán loṭít, agá dā šapā́ sará ešā́ ma yārā́, gúḍā tī gẹsá ābādíyā pādẹšāí a-kanín. jẹnénī gúštant kẹ

Десять-двадцать дней спустя один слуга поровнялся с домом Асана и заглянул: что́ за две красавицы сидят в доме! Он пошел отсюда и сказал царю: «царь, я сегодня видел одну такую вещь, что прямо изумился». Царь сказал: «говори, что́ ты видел». Слуга сказал: «здесь есть один человек, и у него есть две жены; хотя ты царь, и у тебя семь жен, но все твои семь жен годны лишь в служанки его худшей жены». Царь сказал: «хорошо, довольно, иди своей дорогой». Когда слуга вышел из дому, царь послал человека за визирем. Когда визирь пришел, царь сказал: «как бы уничтожить этого Асана!» Визирь сказал: «давай, скажем ему: „я требую от тебя в десятидневный срок листьев из сада черного дива; если ты через десять дней не принесешь, тогда я отберу в казну твой дом и все имущество“». Царь сказал: «не плохой совет! хорошо, завтра я позову его».

На утро, когда рассвело, царь послал слугу за Асаном, тот забрал Асана и пришел обратно. Когда Асан пришел к царю, царь сказал: «Асан, я требую от тебя в течение десяти ночей листьев из сада черного дива; если ты через десять ночей не принесешь, тогда я твой дом и имущество отберу в казну». Асан ничего не сказал в ответ и удалился; пришел домой. Его жены спросили у Асана: «чего царь от тебя хочет?» Асан сказал: «царь требует от меня в течение десяти ночей листьев из сада черного дива: если ты, мол, не принесешь их через десять дней, тогда я твой дом и имущество отберу

ta débi sʲyā̆ī bāgā̆ distág äi̯? Asán gušt kẹ guǰā̆ man syā wu sẹpétī distág un? ǰẹnénī gušt kẹ nápā čón a-kanā̆i̯? Asán gušt: čón a-kanín? raín pa padā̆i̯, agá paidā̆ kanín, kārín; ma kanín, gúḍā pādẹšā̆ mnā kušít, šmā rā pa wat a-bárt. Asánī ar duén ǰẹnén gúštant kẹ amā̆ pādẹšā̆ā pa ta xäi̯rát a-kanán. amé abárānā dātant u Asán gušt: nūn man a-raín, bẹ débi syā̆ī šārā raín. ǰẹnénī gúštant: šar kẹ rawā̆i, beṛá. agá dístäi̯, säi̯l kanā̆ kẹ débi syā̆ī bāgā̆i̯ tā ar ḍåwlā̆i̯ ǰẹnawā́r paidā̆ bīt kẹ mardúm a-waránt. Asán gušt: äi̯ ǰẹnén, ar če kẹ mnī pešānī́y a-bīt, amā̆w a-bīt. amešā́nā gušt u Asán ša gẹsā́i̯ dar būt u šut.

šápe ǰā́e, róče ǰā́e, šut bẹ yak rodā́i̯ kirá, sā́ī kurt kẹ e rod čon púr int ša āpā́. yak káme ništ, dalírī kurt, utí dilā́, gušt kẹ äi̯, omét bẹ xudá, byā kẹ š-amé rodā́ bẹgwazín. watí pučā́nā kašít, utí sará bast u wat rā bẹ rodā́ ǰat. ša rodā́ kẹ gwast, ā́škäi̯ kẹrá dár būt, utí pučā́nā gwará kurt u šut. yak ṭukúre rā́ kẹ šut, ša dū́rā yak šā́re mālū́m būt, šut démẹ ämā́ šārā́. nema-šā́mī bẹ me šārā́ sár būt, ämédā yak koná gisā́ tā ništ. šap nemágā š-é gẹsā́ dar būt u ya káme rā́ kẹ šut, yak ga Asánī demā́ yak mardúme dar āt. Asán gušt: äi̯ beṛā́s! āí gušt: če? Asán pursít kẹ e šār kí int? ā mardúm ǰawā́b dāt kẹ e šār débi syā int, Asán íčī na gušt u pádā démẹ amaxtī́en gẹsā́ šut, pádā amā́é tā ništ.

в казну!» Его жены сказали: «ты видал сад черного дива?» Асан сказал: «где там я видывал черное и белое?» Жена сказала: «тогда что же ты будешь делать?» Асан сказал: «что́ буду делать? пойду за ними; если отыщу, принесу; не найду, — тогда царь меня убьет, а вас заберет к себе». Обе жены Асана сказали: «мы принесем царя в жертву ради тебя!» Они проговорили эти слова, и Асан сказал: «ну, теперь я пойду в город черного дива». Его жены сказали: «хорошо, раз идешь, иди! если найдешь, будь осторожен, потому что в саду черного дива находятся всякие звери, которые едят людей». Асан сказал: «эх, жены, что́ мне предназначено, то и будет!» Асан сказал это, вышел из дому и пошел.

Ночь в одном месте, день в другом месте, добрался он до берега одной реки и стал смотреть: «что это река так полноводна!» Он немного посидел, подумал, сказал про себя: «ну, надежда на бога, дай-ка, переправлюсь через эту реку!» снял свое платье, привязал к голове и бросился в реку. Он переправился через реку, вышел на том берегу, надел свое платье и пошел. Прошел он немного по дороге, вдали показался город; он пошел к этому городу, в сумерки добрался до города и остановился там в одном старом доме. К ночи он вышел из этого дома, и когда немного прошел по дороге, ему встретился один человек. Асан сказал: «эй, брат!» Тот сказал: «что?» Асан спросил: «чей это город?» Тот человек ответил: «это город черного дива». Асан ничего не сказал, пошел обратно к прежнему дому и там остался.

šap kẹ āxír būt, Asán ša gẹsā́ dar būt u démẹ débi syā́ī bāgā́ šut. bāgā́ dapā́ kẹ šut, dístī kẹ múčī γarāwū́l waptág ant. Asán karā́-karā́ šut bẹ débi syā́ī bāgā́ tā, š-amā́ číze kẹ pa kār dāšt, amā́e rā zurt u utí tūrágä tā kurt u ya káme dalírī kurt, utí dilā́ gušt kẹ ǟ, ta bẹyā́ kẹ ämé bālā́-xānáǟ sarā́ bālā́ bä́n kẹ čé ast. sad dilā́ yak dílī kurt, bālā́ būt. bẹ bālā́-xānáǟ sarā́ kẹ bālā́ būt, dístī kẹ yak gẹsā́ tā čirā́ge sučít. šut démẹ amā́ gẹsā́. gẹsā́ dapā́ páčī kurt u gẹsā́ tā šut, sā́lī kurt kẹ e gẹsā́ tā čunén ǰwānén ǰiníke waptá. yak čirā́ge sarū́nǟ yer int, yáke pādū́nǟ yer int wa eší gwarā́ čil ǰāmág ant wa čil šalwā́r ant wa bẹ sarā́ǟ čil dasmā́l bastá. Asán sarū́nǟ čirā́gā zurt, pādū́nǟ išt, pādū́nǟ čirā́gā zurt, bẹ sarū́nǟ išt, ša pučā́nī ša sarā́ǟ sī wu nó dasmā́lǟ páčī kurt, wa sī wu nó ǰāmágǟ zīyā́ pácī kurt wa sī wu nó šalwā́rǟ aiǹǰā́gā páčī kurt, yāk čúke š-é demā́ǟ gipt, yáke š-á demā́ǟ gipt u ustát. Asán kasānínyā yak káme wā́nt-at, yak káme xatā́ zā́ntī, na kẹ bāz. ämé gẹsā́ tā kāgád u γaláme yer at. Asán ämé kāgádān wa γaláme zurt u utí nāmā́ wa utí pisā́ nāmā́ wa guǰā́m šārā́ kẹ ništ, nimíst u amā́ kāgadā́nī tā išt, wat ša gẹsā́ dár būt. ič ka āe rā na dist, dár but u šut. amā́ rā́e kẹ ā́t-at, bẹ mā rā́ā pádā šut. š-āí bil u ša ǰeníkā́ goš pkaš.

Когда ночь была на исходе, Асан вышел из дома, пошел к саду черного дива, и когда подошел к воротам сада, увидел, что все сторожа спят. Асан потихоньку вошел в сад черного дива, взял, что́ ему было нужно, положил в свою торбу, немного подумал и сказал про себя: «дай-ка, я взберусь на вышку! что́ там такое?» Сто сердец соединил он в одном своем сердце и взобрался наверх. Когда он поднялся на вышку, он увидел, что в одной комнате горит огонь. Он пошел к этой комнате, открыл дверь комнаты, вошел в нее и посмотрел: что́ за красавица девушка спит в этой комнате! Один светильник стоит у нее в головах, другой в ногах, на ней сорок рубашек и сорок шальвар, а на голове сорок платков. Асан взял светильник от изголовья и поставил в ногах, а от ног светильник поставил к изголовью; из одежд раскрыл тридцать девять головных платков, расстегнул тридцать девять рубашек и распустил завязки у тридцати девяти шальвар; потом поцеловал ее один раз с одной стороны, другой раз с другой стороны, и встал. В детстве Асан немного учился и знал немного грамоту, не очень много. В этой комнате была бумага и перо. Асан взял бумагу и перо и написал свое имя, имя своего отца и в каком городе он жил, — все обозначил на бумаге и сам вышел из комнаты. Никто его не видал, он вышел и пошел назад по той самой дороге, по которой пришел. Оставь теперь его и послушай про девушку.

tárī kẹ roč būt, ǰẹník ša watí ǰāá kẹ ustát, púčī ša gwaráį̈ káptant. édā ǰẹník aįrán mānt kẹ e čonén káre būt. pučánā gwará kurt u šut bẹ γarāwűlānīyā, xášmī kurt. pa γarāwűlānī ǰāná gúštī: doší édā káį̈ ātá? γarāwűl gúštant: dóšī édā ič ka náį̈ ātá. ǰẹník ešánā bāzen dušmáne dāt u pádā šut utí gẹsá. gẹsáį̈ tā kẹ sáį̈lī kurt, dístī kẹ ämédā yak kāgáde kaptá. ǰẹník kāgádā kẹ zurt, sálī kurt kẹ e mardúmäį̈ nām Asán int. dalír a-kurt kẹ ešá čon paįdá kanín? yak gašt utí dilá gušt kẹ ta bẹyá kẹ bẹ padáį̈ bẹraín. yak ga utí ǰẹnén-zāgíen pučánā dárī kurt u utí gwará mardén-zāgíen puč kurt u ša gẹsá pa bānáäį̈ ammámā dár būt u šut, šāráį̈ tā š-é kūčá, s-á kūčá gwast, ya gašt ša šārá dár būt u démäį̈ Asánī rāhá utí demá dāt u šut.

yak čunt sāt rá šut. yak ga ešī ḍemá yak róde dár āt. e ǰẹník ämešī kẹrá gáštī pa gudáre kẹ š-ämé rodá bẹgwazít. ämé rangá šútī kẹ yak ga dístī kẹ bẹ demáį̈ yak mardúme ništá, amé gudáräį̈ sará ništá. ǰẹník nazík āt, Asán um wat rā bẹ rodá ǰat. yak ga ǰẹník ešá tawár kurt kẹ äį̈ mardúm, ta yak káme bošt kẹ man bẹyāín. Asán ǰẹníkā ǰawáb dāt kẹ ta ša man čéwā loṭáį̈ kẹ mnā ša mnī rá mātál a-kanáį̈. duwārág ǰẹník tawár kurt kẹ äį̈ bẹrás, pursitínā áį̈be

---

Утром, когда рассвело, как только девушка поднялась со своей постели, ее одежды с нее упали. Девушка изумилась: что такое случилось? Она надела на себя платье и отправилась к сторожам; рассердилась и сказала сторожам: «кто приходил сюда прошлой ночью?» Сторожа сказали: «прошлой ночью сюда никто не приходил». Девушка их сильно выбранила и пошла назад к себе домой; дома осмотрелась и увидела, что вот упала какая-то бумага. Девушка взяла бумагу, посмотрела и увидела, что имя этого человека Асан. Она стала раздумывать: «как бы мне его разыскать?» и сказала самой себе: «дай-ка, я отправлюсь вслед за ним!» Она сняла свои женские одежды, надела на себя мужское платье, вышла из дому будто бы в баню и пошла; походила по городу из одной улицы в другую, наконец, вышла из города, направилась в сторону Асановой дороги и пошла.

Несколько часов она шла по дороге. Навстречу ей попалась река. Девушка стала бродить по берегу в поисках брода, чтобы переправиться через реку. Так она ходила, как вдруг увидела, что с краю сидит человек; сидит у самой переправы. Девушка подошла близко; Асан бросился в реку. Девушка тотчас закричала ему: «эй, человек, подожди немного, я подойду!» Асан ответил девушке: «что́ ты хочешь от меня, что задерживаешь меня на моей дороге?» Вторично девушка закричала: «брат, ведь нет греха в вопросе! как

näint, tɪ nām ká int? Asán ǰawáb dāt kẹ albatá ke áibe näint, mnɪ nām Asán int. ǰẹník gušt: ša guǰám šār a-kāái? Asán ǰẹníkā ǰawáb dāt kẹ äi berās, ta mardúme ziyán kurtág äi, če kẹ sój a-kanái? ǰẹník gušt kẹ bálkẹ mardúme zyān kurtág un, ta bẹgúš kẹ ta ša guǰám šār a-kāái. Asán gušt kẹ man rāstínā gušín yā na? ǰẹník gušt: agá musulmáne baái kẹ rāstínā gušái, durógā na gušái, agá musulmáne ná-wäi kẹ āngūrí ʷutí ixtiyárā dārái. Asán gušt: rāstínā bẹgušín, man ša débẹ siyāī šārá kāín. ǰẹník gušt: nápa ta ar ǰā rawái, man tī padá wun. Asán gušt kẹ ta čunéne wäi kẹ mán-i bābáẹ γaríbäi padá kāái? ǰẹník gušt ke agá γaríbe wäi yā gadáe wäi, man tī padá wun, ar ǰā berawái. Asán dʷwārág gušt: äi mardúm, ta čunéne wäi? ʷutí nāmá wa utí aslá bẹguš. ǰẹník gušt kẹ man plāná pādẹšáā ǰẹník un kẹ bẹ débẹ syáī dastá kaptág un. säi sāl int kẹ man bẹ débẹ syáī dastá kaptág un, plāná šapá man bẹ bālá-xāná waptá būtá un, ta bẹ mnía náy átag äi? mnɪ čirágānā na gardéntag äi? gúḍā xáte na nimístag äi kẹ mnɪ nām Asán int, plāná kásɪ zāg un? xatá gẹsá tā na pẹréntag äi? ta amá mardúm ná-wäi? Asán gušt: ástun. ǰẹník gušt ke astái, ar ǰā kẹ ta rawái, man tī padá wun. Asán gušt: šar. e ar duén yak ǰā bútant u šútant.

тебя зовут?» Асан ответил: «конечно, греха нет! мое имя Асан». Девушка сказала: «из какого города ты идешь?» Асан ответил девушке: «брат, ты человека потерял, что ли, что так спрашиваешь?» Девушка сказала: «именно человека потерял; ты скажи, из какого ты идешь города?» Асан сказал: «по правде сказать или нет?» Девушка сказала: «если ты мусульманин, скажи по правде, не лги! если же не мусульманин, тогда поступай по своему усмотрению». Асан сказал: «сказать по правде, я иду из города черного дива». Девушка сказала: «ну, так куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «кто ты, что хочешь следовать за мной, бедным странником?» Девушка сказала: «если ты даже странник или нищий, я за тобой последую, куда бы ты ни пошел». Асан вторично сказал: «эй, человек, кто ты таков? скажи свое имя и происхождение». Девушка сказала: «я дочь такого-то царя, которая попала во власть черного дива, и вот уже три года, как я попала во власть черного дива; это я в такую-то ночь спала в вышке! разве ты не приходил ко мне? не переставлял мои светильники? не писал затем письма, что мое, де, имя Асан, сын такого-то? не оставлял затем в доме это письмо? разве ты не тот человек?» Асан сказал: «тот». Девушка сказала: «если ты тот, тогда куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «хорошо». Они сошлись вместе и пошли.

šápe ǰáe, róče ǰáe, čunt šapá gúḍā bẹ Asánī gẹsá́ šútant. ádā kẹ šútant, amé ǰẹník Asánā gúštī kẹ man trā gẹrín, mullá́e bẹlóṭ, mnā go wat aγd kan. Asán gúštī: man du ǰẹnén dārín, ta čon mnā girä́i̯? ǰẹník gušt kẹ agá dā ǰẹnén dāštá baä́i̯ kẹ yáke mán un. Asán ar če kẹ gušt, eší kabū́l na kurt. gúḍā Asánī awálen ar du ǰẹnén Asánā gúštant kẹ äi̯ Asán, ā ǰẹník ša watí pešāníā nán a-wárt, ta pa če āe rā gušä́i̯ kẹ man du ǰẹnén dārín? Asán káme dalír kurt utí dilá́, gušt: äi̯ bẹyá́ kẹ ešá́ am bgirín. ustát u šut, mullá́e āwúrt u e ǰẹníkā go wat áγdī kurt.

du šapá́ gúḍā amá́ balgánā zurt u šut bẹ pādẹšáäi̯ gẹsá́. ádā kẹ šut, salámī dāt u ništ, yak sáte kẹ ništ, gúḍā amé balgánā bẹ pādešáäi̯ demá́ išt. pādẹšá́ gušt: e čé-want, parzínd? Asán gušt: e amá́ balg ant kẹ mnā pa padä́i̯ dem dätäi̯, man šútun, āwúrtun. pādẹšá́ gušt: šar, parzínd, nūn ruxsát äi̯, bẹrá utī gẹsá́. Asán ustát u āt utí gẹsá́. gẹsá́ kẹ āt, ǰẹnénī pursítant kẹ čon kurtä́i̯? Asán gušt: íčī na kúrtun, balgánā dátun u átun.

yak čunt ročá́ gúḍā duwārág Asánī gẹsá́ yak nokáre āt. ya káme ništ u eší gẹsá́ wa ǰẹnénā sálī kurt u pádā šut. šut bẹ pādẹšáyā, gúštī: äi̯ pādẹšá́, Asán nūn go wat yak ǰẹnéne āwurtá kẹ āí awäläi̯ ar duén ǰẹnén wa tī ar aptén ǰẹnén ämé nokén ǰẹnén kẹ āwurtá, ameší molíd ant. pādẹšá́ gušt: ta

---

Ночь в одном месте, день в другом, через несколько дней они дошли до дома Асана. Когда они подошли, тогда девушка сказала Асану: «я тебя возьму (в мужья), позови муллу и обвенчай меня с собой!» Асан сказал: «у меня уже две жены, как же ты возьмешь меня?» Девушка сказала: «если бы у тебя было даже десять жен, так я буду одной из них!» Что Асан ни говорил, она не соглашалась. Тогда первые две жены сказали Асану: «эта девушка хочет испытать предназначенное ей! зачем же ты говоришь ей: „у меня уже две жены?“» Асан про себя немного подумал и сказал: «ну, давай, возьму и ее!» встал, пошел, привел муллу и обвенчал с собой эту девушку.

Через две ночи он взял те листья и пошел в царский дом. Он пришел туда, поклонился и сел; немного посидел и положил те листья перед царем. Царь сказал: «что это, сынок?» Асан сказал: «это те листья, за которыми ты меня посылал; я сходил и принес». Царь сказал: «хорошо, сынок, теперь ты свободен, иди к себе домой». Асан встал и пошел к себе домой. Когда он пришел домой, его жены спросили: «ну, что ты сделал?» Асан сказал: «ничего не делал, отдал листья и пришел».

Несколько дней спустя, опять в дом к Асану пришел один слуга; немного посидел, посмотрел его дом, его жен и ушел обратно. Он пошел к царю и сказал: «о царь, теперь Асан привел с собой такую жену, что его обе первые жены и все твои семь жен только служанки той новой жены, которую он привел».

čéwā gušā̆i̯? nokár gušt: ämé kẹ gušín, ämé rang ast. pādẹšā́ gušt: bra, wazírā tawár kan kẹ bäi̯t. nokár šut, wazírā gušt kẹ trā pādẹšā́ loṭít. wazír āt, bẹ pādẹšā́ gúštı: če? pādẹšā́ gušt: e mardákā čon ziyán a-kanā̆i̯? ešā́ kẹ ar sūne kẹ dém a-daā̆i̯ kẹ e ziyán bīt, e bāz š-amángū go wat yak-yak jwānén jánik a-kārít? ešī ilā̆jā čon a-kanā̆i̯? wazír gušt kẹ ta byā kẹ yak dalíre digár am mašmā́ bẹkanán. pādẹšā́ gušt: čẹ dalíre bẹkanán? wazír gušt kẹ tái pādẹšā́ Asánā bẹlóṭ, bẹgúš kẹ mán-i pādẹšā́ ša tái Asán dā ročág ša murdagén mardumán awā́l a-loṭín, kẹ awánī awā́l čón int, agá dā ročā́ sarā́ ma gušā̆i̯, gúdā tī sar u málā múčā pādẹšāí a-kanín. pādẹšā́ gušt: šar, ešā́ am kanín.

bándā kẹ roč būt, yak mardúme pa Asánī padā́ dem dāt. Asán kẹ pādẹšáyā kẹ āt, salā́me dāt u ništ. pādẹšā gušt: Asán, zānäi̯, muslā́t čé int? Asán gušt: na zānín kẹ muslā́t če int. pādẹšā́ gušt: muslā́t ämés int kẹ tái Asán dā ročág bāíd ša murdagán amā́ rā awā́l bẹdā̆i̯, agá dā ročā̆i̯ sarā́ awā́l ma daā̆i̯, gúḍā tī sar u málā múčā pādẹšāí a-kanín. Asáne γaríb ai̯rán būt kẹ e čunén abáre. ustát u šut démẹ utí gẹsā́. gẹsā́ kẹ sár būt, jẹnén pursítant kẹ pādẹšā́ ša ta čéwā loṭít? Asán gušt: pādẹšā́ ša man murdagánī awālānā pursít, mnā gušt kẹ ša ta dā ročág ša murdāgán awā́l

---

Царь сказал: «что ты говоришь?» Слуга сказал: «как я говорю, так и есть». Царь сказал: «иди, позови визиря, пусть придет». Слуга пошел и сказал визирю: «царь тебя требует». Визирь пришел к царю и сказал: «что?» Царь сказал: «как бы тебе уничтожить этого человечка? в какую сторону ты ни посылаешь его, чтобы он погиб, он оттуда опять приводит с собой красивую девушку; какое ты найдешь средство от него?» Визирь сказал: «давай, испытаем еще другое средство». Царь сказал: «какое же средство испытаем?» Визирь сказал: «ты, царь, позови Асана и скажи: „я, царь, требую от тебя, Асана, в десятидневный срок сведений о положении мертвых людей, каково их состояние; если ты через десять дней не скажешь, тогда я твою голову и имущество отберу в казну“». Царь сказал: «хорошо, сделаю и это».

На другой день, когда рассвело, он послал человека за Асаном. Асан пришел к царю, поклонился и сел. Царь сказал: «Асан, знаешь, в чем дело?» Асан сказал: «в чем дело, не знаю». Царь сказал: «дело в том, что тебе, Асану, надлежит в десятидневный срок дать нам сведения о положении умерших; если через десять дней не сообщишь, тогда твою голову и все твое имущество я отберу в казну». Бедняга Асан изумился: что это за слова! встал и пошел к своему дому. Когда он добрался до дома, его жены спросили: «что царь хочет от тебя?» Асан сказал: «царь спросил у меня о положении умерших! он сказал мне: „я требую от тебя в десятидневный срок сведений

a-loṭín. amā́ awalén ar du ǰenénī gúštant: pādeṣā́ ganóke yā ta Asán ganóke wäi̯? š-amā́ awálen ǰenénān yáke gušt: amé pādeṣā́ go ta čap kaptá, eš kā̆i̯t kẹ trā ziyán beḳánt. Asán gušt: šar, nūn muslā́t čé int? amé nokén ǰenénī gušt: čéwā muslā́t? Asán gušt: na kẹ pādeṣā́ ša man dā šapág murdagā́nī awā́l a-loṭít? amé nokén ǰenénī yak káme dalír kurt.

Asán šārā́ šut-át, ša šārā́ kẹ Asán āt, amé nokén ǰenénī ešā́ tawā́r kurt, gúštī: äi̯ mard, zānā́i̯ kẹ muslā́t čé int? Asán gušt: man nūn íčīā na zānín kẹ muslā́t čé int. ǰenénī gušt: man a-zānín, agá ta mnī abárā beẓūräi̯, man e gaští yā pādeṣā́ z'yán a-kanín yā trā. Asán gušt: mnī dastā́i̯ kā́re bīt, kanín; agá na, ša man zór būt, kẹ íčī. ǰeník gušt: bzūräi̯, abáre näi̯nt. Asán gušt kẹ beḡúš kẹ čunén abáre? ǰeník gušt: ta yak kámke paḭdā́ pkan, beyā́r. Asán kámke pāḭdā́ kurt u āwúrt. ǰeník gušt kẹ bar, bẹ maḭdánā mnādén, du yā säi̯ čugóg beḡír u beyā́r. Asán šut, du čugóg gipt u āwúrt, ǰeníkā dāt. ǰeník čugógānā zurt u čérī kurt. Asánā gušt: beṛá, pādeṣā́ beḡúš kẹ du azā́r uštúräi̯ bār dār paḭdā́ pkan wa sad man naptā́i̯ rogín, gúḍā man trā ša murdagā́n awā́l a-däín. pādeṣā́ du azā́r uštúräi̯ bār dār āwúrt, bẹ yak maḭdā́ne peṛént wa sad man naptā́i̯ rogín. Asánā loṭít. Asán sā̆i̯lī kurt u šut, utí

о положении умерших“». Первые две жены сказали: «или царь сошел с ума или ты, Асан, сумасшедший!» Из первых жен одна сказала: «царь с тобой не в ладах и хочет тебя погубить». Асан сказал: «хорошо, но что же теперь посоветуете делать?» Его новая жена сказала: «что же посоветовать?» Асан сказал: «так разве царь не требует с меня в десятидневный срок сведений о состоянии умерших?» Его новая жена немного задумалась.

Асан ходил в город, а когда он вернулся из города, его новая жена позвала его и сказала: «знаешь, муж, что надо сделать?» Асан сказал: «нет, что теперь делать, совсем не знаю!» Его жена сказала: «я знаю, и если ты послушаешь моих слов, на этот раз я или царя погублю или тебя». Асан сказал: «что́ смогу, сделаю; если же не смогу и окажется свыше моих сил, тогда ничего не поделаешь!» Девушка сказала: «сможешь, слов нет!» Асан сказал: «скажи же, в чем дело». Девушка сказала: «найди и принеси какую-нибудь птичью ловушку». Асан нашел ловушку и принес. Девушка сказала: «отнеси ее, поставь в степи, поймай двух-трех воробьев и принеси их». Асан пошел, поймал двух воробьев, принес и отдал девушке. Девушка взяла воробьев, спрятала и сказала Асану: «иди и скажи царю: „доставь две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, тогда я сообщу тебе об умерших“. Царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, сложил на площади и позвал Асана. Асан посмотрел, пошел к своей

ǰenénā gušt kę pādęšā́ du azā́r uštúrä̧ bār dār wa sad man naptā̧́ rogín āwurtá u plāná ma̧dā́nā ištá. ǰenénī gušt: šar, ta nūn yak ká́re bękán: šapí bęrá, amódā ar če kę naptā̧́ rogín ant, amāwā́nā bę mā dārā́nī sará pāš dä̧ yā bęréč, bíl, bęyá. Asán šut u amódā ar če naptā̧́ rogín átan, múčānā bę mā dārā́nī sará ret u pádā āt. tárī kę roč būt, Asánī ǰenén Asánā gušt kę bęrá, pādęšā́ bęgúš kę ar ka kę murdág dārít, bándā tái pādęšā́ á́e rā síy a-kanā̧́, kę bę mā dārā́nī ǰā bā̧́t. pādęšā́ am tárī šārā̧́ mardúmānā múčānā sī kurt kę ar kas kę murdáge dārít, tárī palāná dārā́nī ǰā bęrót. šārā̧́ mardúm tárī múčī bę mā dārā́nī ǰā šútant.

š-āí bil u ša Asánī ǰenénā goš pkaš kę Asánā pánt dátī kę mašmá kę šútan, ta bęgúš kę šmā mardúm múčę bę dārā́nī sará bālá̄ bä̧t; mardúm ķę bālá̄ bū́tant, gúḍā man am go ta kāín, čugógānā am go wat zū́ran, man u ta am ša āwā́n burzaktír a-rawán, koštán. wáxti kę šútan, oštā́tan, ta tawā́r pkan kę dęgár mardúm ast yā na; amé kę gúštant kę na, gúḍā ta bęgúš kę nápa šmā múčę sā̧l kanit kę man šmá rā ša šmä̧ murdagā́n awā́l a-däín. Asán u ǰenénī šútant bę dārā́nī sará bālá̄ bū́tant. Asán tawā́r kurt kę dęgá mardúm ast yā na? pādęšā́ gušt: nä̧nt, zūt pkan!

жене и сказал, что царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину и сложил на такой-то площади. Его жена сказала: «хорошо, теперь сделай вот что: сегодня ночью сходи туда и, сколько ни есть там керосину, весь его разбрызгай или разлей по дровам, оставь так и приходи». Асан пошел и, сколько там ни было керосину, весь его вылил на дрова и вернулся. Утром, когда взошло солнце, жена Асана сказала: «иди и скажи царю: „завтра ты, царь, объяви, чтобы каждый, у кого есть умершие, пришел к тем дровам!“» Царь утром же объявил всем жителям города, чтобы каждый, у кого есть умершие, отправился к таким-то дровам. На утро все жители города отправились к этим дровам.

Оставь это и послушай про жену Асана, которая дала Асану такой совет: «когда мы с тобой пойдем, ты скажи людям: „теперь все вы подымитесь на эти дрова“; когда они поднимутся, тогда придем и мы с тобой, и возьмем с собой воробьев; мы с тобой подымемся выше их и остановимся. Когда мы пойдем и уже остановимся, ты закричи: „есть еще другие люди или нет?“ когда скажут, что нет, тогда ты скажи: „ну, так, теперь вы все смотрите! я вам покажу состояние ваших умерших“». Асан и его жена пошли и поднялись на дрова. Асан закричал: «есть еще люди или нет?» Царь сказал: «нет, поторопись

ar číze dārā̆i̯, nišā́n bdäi̯. Asán gušt kẹ šmā múčẹ säi̯l pkánit, anū́n šmā rā ša šmäi̯ murdagā́n awā́l a-daín. Asán yak čugóge ɣälá kurt, yak sāṭ gúḍā ɣe digá čugóg yällá kurt, amé kẹ duyumíen čugógā yälá kurt, Asánī ǰẹnén Asánā gušt kẹ awlakí ma baā̆i̯, man trā zūrín, ǰālágā ér a-kapín. Asán gušt: šar. ya-ga Asánī ǰẹnén ša wutí bagálā gogírde dáṛ kurt u kašít u peṛént. Asánā čo bā́ze zurt, watí bagálā kurt u bẹ awā́ šut, dū́rā ša dārā́n, ša awā er āt, bẹ ḍegárā ništ u démẹ mardúmān säi̯l kúrtant kẹ e mardúm wa pādẹšā́ múčī ämédā bun giptág ant u sotág ant. káme sā̆i̯liš kurt u šútant watí gisā́. ā́dā kẹ šútant, Asánī adigá ar duén ǰẹnénī ša Asánā pursítant kẹ čon kurtít? Asán gušt kẹ íčī na kúrtan, pādẹšā́ wa waźírā wa bāzén mardúme rā go naptā́i̯ rogínā bun dátan u átan, digá kā́re na kurtá-yan.

säi̯ čār roč̆ā́ gúḍā ämé šārā́i̯ mardúme kẹ mā́nt-atant, amé mardúm Asánā ämé šārā́i̯ pādẹšā́ kúrtant. gúštant kẹ e mardúm bāz u bāz šīwā́ren mardúme-e. š-amódā ǰístun u átun. amé rang kẹ xudā́ Asánī murā́dānā dāt, ǰamí bandágäi̯ murā́dānā xudā́ bdant. ämé asmānákā man Mamat-nūr Kalandárī zāg ša Mīr-xān nā́men mardúmā zúrtun, bi Saráxsī watánā.

и показывай, что у тебя есть». Асан сказал: «вы все смотрите! теперь я покажу вам состояние ваших умерших». Асан выпустил одного воробья; немного спустя выпустил еще воробья. Когда он выпустил второго воробья, жена Асана сказала ему: «не торопись, я тебя возьму и спущу вниз». Асан сказал: «хорошо». Тотчас жена Асана стала вынимать из-за пазухи спички, зажигать и бросать их. Она взяла Асана, точно сокола, положила его за пазуху и поднялась на воздух, и опять спустилась с воздуха и села на землю уже далеко от дров. Они посмотрели на людей: и люди, и царь, все там зажглись и горели. Они немного посмотрели и пошли к себе домой. Когда они дошли туда, обе другие жены Асана спросили его: «что вы сделали?» Асан сказал: «ничего не сделали, только подожгли керосином царя и визиря и множество народу, и пришли, а больше ничего не сделали!»

Через три-четыре дня оставшиеся в городе жители сделали Асана царем этого города; они говорили: «этот человек большой разумник». Оттуда я выскочил и пришел. Как бог исполнил желания Асана, так да исполнит бог желания всех людей! Эту сказку я, Мамат-нур, сын Каландара, воспринял от человека по имени Мир-хан в Серахской области.

III

būt na būt, ša mašmā̆ xudā̆ getír káse na būt. yak pādišā̆e at. amé pādišā̆ yak šápe wā̆b a-gindít tā roč ša íngūr dár āt, ša íngūr ništ. bi amé watí wābā̆ tā am yak šuwānáge rā wā̆b a-gindít ki amé mnī wābā̆ mānīyā amā̆ zānt, digá ič kas na zānt. karā̆r tārīenā ša watí ǰāgā̆ ustát u šut bi amā̆ šuwānágäǰyā, amé šuwānágā gúštī: man doší ānčén wā̆be distág un. amé šuwā̆nag go amé pādišā̆ gúštī: ǰwānén wā̆be. amé pādišā̆ gúštī: doší man bi watí gisā̆ wápt-atun, wāb dístun tā roč š-éngūr dár āt, š-éngūr ništ. karā̆r amé watí wābā̆ mānīyā zabr pa amé šwānág gúštī. yak wār amé šwānág gúštī: ta anū̆n amé pasánā bzūr u bar ódinā bi mnī bādárä̆ gisā̆, mnī sad pas ant, amā̆ pasánā pa wat bzin. amé pādišā̆ gúštī: nápa bāz ǰwā̆n int-a. amé šwānág šútī bi yak šārā̆ pānádā.

yak wār šap bū̆tī. amé šuwānág am gušnág bū̆tī. karā̆r š-amódinā šut, bi yak gisā̆ pānádā, wat rā tikáī dátī. ta bzánä̆ yak ǰiníke u yak zā̆ge watí abárā yáke kurtág ant ki šapí bǰíyant. karā̆r amé šwānág dístī tā yak mardúme sä̆ γātír āúrtī u amé gisā̆ dapā̆ bástī u amédinā yak zanǰíre at, amé zanǰírā péš kašítī, yak wār amā̆ ǰinikó ša gisā̆ tā

(III. Об овчаре, сделавшемся царем, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. Этот царь однажды ночью видит сон, что солнце взошло с этой стороны и с этой же стороны зашло. В сне он видит также одного овчара, будто бы только он знает значение этого сна, а больше никто не знает. Поэтому на утро он встал, пошел к этому овчару и сказал: «вот какой сон я видел ночью!» Овчар сказал царю: «хороший сон!» Царь сказал: «ночью я спал у себя дома и видел сон, что солнце с этой стороны взошло и с этой же стороны село». Короче говоря, он обстоятельно рассказал овчару содержание своего сна. Овчар тотчас сказал: «возьми теперь этих овец и отведи их в дом моего хозяина! тут и есть моих сто овец, этих овец возьми себе!» Царь сказал: «очень хорошо!» Овчар же направился в другой город.

Наступила ночь; овчар проголодался. Он пошел и прилег около одного дома. А тебе нужно знать, что одна девушка и один юноша сговорились в эту ночь бежать. Поэтому овчар увидел, что один человек привел трех мулов и привязал к дверям дома; там была цепочка, он потянул эту цепочку, и девушка стала выбрасывать из дома одежды, а этот человек под-

ǰul prénti, amé mardúm amá ǰulánā áúrti, bi amé γātirā́nī sará laḍíti. ar če ki amá ǰinikó a-prént, amé mardúm a-kāúrt, bi γātirā́nī sará laḍít. yak wār amé mardúm žand bū́tī, amé watí išk u áškā sa̱ǰ́lī kurt, yak wār amé šwānágā dístī, go amé šwānágā gúštī: ä̱ǰ lālá, ta ídinā pa če wáptag ä̱ǰ? amé šwānág gúštī: man bāz gušnág un. amé mardúm gúštī: ta byā, go man amá ǰulánā bi γātirā́nī sará blaḍ, gúḍinā man trā nā́n a-däín. šwānág gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a, brawán. amé mardúm amé šwānágā zúrtī u áúrtī amédinā ki amé ǰinikó ǰulá préntī, gúštī: anū́n ta amé ǰulánā biyā́r bi γātirā́nī sará blaḍ ki man wat rā amédinā tiká däín tānáxten. amá mardúm šútī, wat rā bi amé gisá tiká dátī. amé šwānág amé ǰulánā ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág kāúrtī bi amé γātirā́nī sará laḍítī. ar če ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág a-kāúrtī, bi γātirā́nī sará laḍítī. amá mardúm ki tiká dā́t-atī, bí tā amódinā wāb bråu̯t.

karā́r amé ǰinikó ša gisá átī u amé šwānágā gúštī: bálken mnī yār améš int. gúštī: suwā́r bā̱ǰ, tā brawán ki agár mnī pis āgá bīt, man a-zānín ki mnā u trā kušít. amé šuwānág pa gāl u bal γātírā suwā́r bū́tī. ā u amé ǰinikó a̱ǰ kúrtant. šútant bi yak ǰāgā́e. amé ǰinikó watí dilá pigr kúrtī: e agár mnī yār bū́tin, tā anū́n go man yak abáre číze dátī, a^{m}má bi mnī dalírā e mnī yār náa̱ǰnt-a, ta byā ki man ameší rā pkāzmūín.

носил и вьючил эти одежды на мулов. Все, что девушка выбрасывала, этот человек приносил и вьючил на мулов. Потом этот человек утомился, стал смотреть вокруг себя, увидел этого овчара и сказал ему: «ты, братец, зачем тут лежишь?» Овчар сказал: «я очень голоден». Этот человек сказал: «пди и навьючь со мной эти одежды на мулов, тогда я дам тебе поесть». Овчар сказал: «очень хорошо, пойдем». Этот человек взял овчара, привел туда, где девушка набросала одежды, и сказал: «перенеси теперь эти одежды и навьючь на мулов, а я пока здесь прилягу». Этот человек пошел и прилег около дома, а овчар стал подносить и вьючить на мулов те одежды, которые девушка бросала. Оставь того человека, который там прилег, пусть спит там.

Итак, девушка пришла из дому и подумала про этого овчара: «конечно, это мой возлюбленный!» Она сказала: «садись верхом и поедем! если мой отец проснется, я ведь знаю, что он убьет и тебя и меня!» Овчар с радостью сел на мула. Он и девушка поскакали. Они доехали до одного места, и девушка стала задумываться: «если бы это был мой возлюбленный, он бы сказал мне что-нибудь до сих пор! пожалуй, это не мой возлюбленный, дай-ка, я его испытаю!»

amé ḍåu̯l bi rá šútant, amé ǰinikó dístɪ tā amédinā čunén erezí-e. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā̯i̯ másten, amédinā mnī pisā̯i̯ asp bū̆tin-ant, amé erezánā bwártin-ant, man am ódinā mníštin-un! amé šwānág íčī na gúštī. š-amódinā šútant bi yak ǰāgā̆e. amé ǰinikó dístɪ tā amédinā čunén ǰikíe. yak wār gúštī: bābā̯i̯ másten, amédinā mnī pisā̯i̯ uštúr bū̆tin-ant, ki amé ǰikánā bwártin-ant, man am bi ā dikā̯i̯ sará gwāzí pkúrtin-un! amé šwānág íčīyā na gušít. demtírā ki šútant, yak wār amé ǰinikó sā̯i̯lī kúrtī, dístɪ tā amédinā čunén baāríe. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā̯i̯ másten, amédinā mnī pisā̯i̯ ramág pčártin, man am ódinā gwāzī pkúr-tin-un! yak wār amé šwānág šipólī kúrtī, yak wār amé ǰinikó šut démi šwānágā, go amé šwānágā gúštī: awálā man na zántun ki ta čunén mardúme wä̯i̯, anūn ta ki mnā āúrtä̯i̯, anū́n a̯i̯ pkanán watí aspánā. agár anū́n mnī pisā̯i̯ pa̯i̯rá sí bayánt, gúḍinā kāyánt pa mašmā̯i̯ ǰāná. zū́te pkan, gisotág, ki mašmá brawán bi yak ǰāgā̆e ki duwārág mašmá rā mnī pis ma gindít. amé šwānág gúštī: nápa a̯i̯ pkan bi mnī padá tā mašmá brawán pa wat. amé ǰinikó a̯i̯ kurt bi amé šwānágä̯i̯ padá.

šútant bi yak ǰāgā̆e, žand bū́tant. amódinā er káptant. amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, ā barγakí a-gindā̯i̯? amé šwānág gúštī: gindín. amé ǰinikó gúštī: amé aspá suwár bā̯i̯ u bra, ša amá āpán pa mašmá āp bzūr u biyár. amé šwānág gúštī: mašmá máške na dārán. amé ǰinikó gúštī: dārán.

Так они ехали по дороге, пока девушка не увидела в одном месте: какой здесь замечательный клевер! Девушка сказала: «как было бы хорошо, если бы здесь находились лошади моего отца, ели бы эту траву, и я бы сидела тут же!» Овчар ничего не сказал. Оттуда они поехали в другое место, и девушка увидела: какая здесь верблюжья колючка! Она сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь были верблюды моего отца, ели бы эту колючку, а я бы играла на этом холме!» Овчар ничего не сказал. Они поехали дальше; вдруг девушка посмотрела и увидела: какая здесь роскошная зелень! Девушка сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь паслись овцы моего отца, и я бы тоже там играла!» Овчар вдруг свиснул; девушка тотчас обратилась к нему и сказала: «я сначала не знала, что ты за человек! теперь же, раз уж ты меня привез, погоним теперь своих лошадей, потому что, если слуги моего отца догадаются, они бросятся за нами. Поторопись, бездомный! поедем в такое место, чтобы мой отец нас больше не видел». Овчар сказал: «ну, так скачи за мной, и поедем!» Девушка поскакала сзади овчара.

Они доехали до одного места, устали и там остановились. Девушка сказала овчару: «подойди-ка, ты видишь там этот блеск?» Овчар сказал: «вижу». Девушка сказала: «садись на эту лошадь, съезди, возьми для нас воды и привези!»

amé maškā́ ǰinikó āúrtī, bi šwānágäi̯ dastā́ dāt. amé šwānág šut, ša amé aspā́n yáke rā gipt u suwā́r bū́tī u šútī pa āpā́. amé watí maškā́ ā́pī kúrtī. amé ki yak čánke āp zúrtī, dístī tā amé āp tilā́ bū́tant. yak wār amé šwānág gipt, amé tilánā, bi watí ṭapúräi̯ gošā́i̯ tā préntī u wat amé watí maškā́ zurt u burt, bi aspā́i̯ sarā́ kúrtī. wat am amé aspā́ suwā́r bū́tī u ai̯ kúrtī u šútī bi ǰinikóyäi̯yā. ódinā ki šut, go ǰinikóā íčī na gušt.

amé ǰinikó gúštī: bra, ódinā āptāwáge, amā́ āptāwágā biyā́r, yak káme āp bi tā́i̯ pkan u bi ātíšäi̯ sarā́ bil tā ǰoš pkanánt ki masmā́ yak káme čā bóran. amé šwānág šut, amā́ āptāwágā zurt u āúrtī, ša amé maškā́ yak káme āp kúrtī, burt, bi ātíšäi̯ sarā́ íštī tā ǰoš pkant. dār čumolí kúrtī u bi sarā́i̯ bír dāt. amé ki ǰoš kúrtī, ša ātíšäi̯ sarā́ āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demā́ íštī. ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, amā́ mašmā́i̯ urǰínäi̯ tā du piyālá astant, am-āwā́nā bzūr u biyā́r ki mašmā́ čā bóran. amé šwānág šut, š-amé urǰínäi̯ tā amé piyālánā dárī kúrtī u āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demā́ íštī u wat šut, dū́rā níštī. amé ǰinikó ar če amé šwānágā tawā́rī kúrtī ki biyā́, go man čā bor, amé šwānág náy-ātī. karā́r amé ǰinikó wat nān u čā wártī, pa amé šwānágā am káme íštī. amé ki wat wártī, wat rā sérī kúrtī, agdarā́nā íštī u wat šut, dū́rā níštī. amé šwānág átī, amé nānā́nā go amé čān wártī u šútī, pa duwārág dū́rā níštī.

Овчар сказал: «у нас нет меха». Девушка сказала: «есть». Девушка принесла мех и дала овчару. Овчар пошел, взял одну из лошадей, сел верхом и поехал за водой; наполнил водой свой мех. Как только он зачерпнул горсть воды, он увидел, что вода превратилась в золотые монеты. Овчар тотчас взял золотые монеты и завернул их в край копимы; взял также мех, отнес, положил на лошадь, а сам сел на лошадь, погнал ее и поехал к девушке. Когда он туда доехал, он девушке ничего не сказал.

Девушка сказала: «там есть кувшин, сходи-ка, принеси этот кувшин, налей в него немного воды и поставь на огонь, пусть закипит; мы попьем немного чаю!» Овчар пошел, взял кувшин, принес, налил в него немного воды из меха, отнес и поставил на огонь вскипятить; наложил дров и поставил сверху. Как только вода закипела, он снял с огня, принес и поставил перед девушкой. Девушка сказала овчару: «в нашей переметной суме есть две чашки, сходи-ка, возьми их и принеси, будем пить чай!» Овчар пошел, вынул чашки из сумки, принес и поставил перед девушкой, а сам пошел и сел поодаль. Сколько девушка ни звала овчара: приходи, дескать, пить со мной чай, овчар не приходил. Девушка сама поела и попила чаю, а немного оставила для овчара. Когда она поела и насытилась, она часть оставила, а сама пошла и села поодаль. Тогда овчар подошел, попил чаю и поел хлеба, а сам опять отошел и сел поодаль.

yak wār amé ǰinikó amé šwānágā tawár kúrtī u gúštī: ta bra, amé āptāwágā bzūr u bar. yak káme āp pkan u bar, bi ātíšäi̯ sará bil tā garm bayánt. amé šuwānág šútī, amé āptāwágā zúrtī, búrtī, ša maškā́ ápī kúrtī u āúrtī, bi ātíšäi̯ sará íštī, dār am bír dátī tā garm bayánt. amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, watí āpánā säi̯l pkan ki bārén zabr garm būtág-ant yā na. amé šwānág š-amódinā átí bi amé watí āpánīyā. amé watí āpánā sǟi̯lī kúrtī tā mnī āp čo garm būtág-ant. amé āpánā zúrtī u āúrtī bi ǰinikóäi̯yā, go amé ǰinikóā gúštī: mnī āp čo garm būtág-ant. amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta anūn watí pučánā pkaš, yā awálā watí pučánā ma kaš, awálā watí kulá dár pkan. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰwán int-a. karár awálā watí kulá kašítī. amé ǰinikó amé sorén āpánā bi amé šwānágäi̯ sará rétī. amé šwānág ar če grétī, amé ǰinikó nǟi̯štī. amé ǰinikó amé šwānágäi̯ sará zabr šúštī u zabr eší ǰāná šúštī, nokén puč bi amé šwānágäi̯ ǰāná dátī. gúštī: anūn ta bra, mašmǟi̯ aspánā biyár ki mašmá bladán, brawán. amé šwānág šut, aspána āúrtī, š-amódinā ladítant u šútant bi yak ǰāgáe.

šútant u šútant, bi yak šārǟi̯ pānádā ér kurtánt. amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, yak áspe rā suwár bǟi̯ u bra bi amé šārǟi̯ pādišääyā. amé ki šútäi̯ bi šārǟi̯ pānádā, ič íngūr u ángūr säi̯l ma kan, rástam démę amé watí aspǟi̯ gardínā säi̯l pkan, ódinā ki šútäi̯ bi pādišäǟi̯ gisá, awálā

Девушка позвала овчара и сказала: «сходи-ка, возьми кувшин, набери в него немного воды, снеси и поставь на огонь согреть». Овчар пошел, взял кувшин, понес, налил из меха воды, принес и поставил на огонь и наложил дров, чтобы согреть. Девушка сказала овчару: «сходи, посмотри воду, хорошо ли она нагрелась». Овчар пошел к воде и посмотрел свою воду: как хорошо она нагрелась! Он взял воду, принес девушке и сказал: «вот как нагрелась моя вода!» Девушка сказала овчару: «теперь ты разденься! или сначала не раздевайся, а сними свою шапку!» Овчар сказал: «ну, хорошо!» Сначала он снял свою шапку, а девушка стала лить ему на голову горячую воду. Как овчар ни плакался, девушка не переставала. Девушка хорошенько вымыла овчару голову и отмыла его тело, а потом дала ему новое платье и сказала: «теперь сходи и приведи наших лошадей, уложимся и поедем». Овчар пошел и привел лошадей, они выступили оттуда и поехали в другое место.

Ехали, ехали, остановились около одного города. Девушка сказала овчару: «садись на лошадь и поезжай к царю этого города, только, когда поедешь по городу, не глазей туда и сюда, а смотри только на шею своей лошади. Когда ты попадешь в царский дом, сначала с тобой поздороваются, потом прине-

wašāmád go ta kanánt, gúḍinā apt tām nān u seb u gošt u ame ḍåu̯lén číz a-kāránt pa ta, na ki ta čo watí awáläi̯ šwānagíäi̯ xayálā pkánäi̯, ša ar tåme yak-yak majmá bóräi̯, ā ḍåu̯l na ki pkánäi̯, ša ar tåme yak-yak lunká bóräi̯ ki ar káse ki trā bgindít, bzānt ki e pādišå zādáge. gúḍinā pādišå trā pursít ki äi̯ bābå, ta pa če átag-äi̯? ta gúḍinā bguš: äi̯ bābå, man pa amé xātírā átag-un bi tíyā: man ástun plāná pādišåäi̯ zāg. man átag-un bi tīyā, man ša watī piså zār būtág-un wa man dārín yak jinéne. anún ta amå rā bi amé watí šār u kalátäi̯ tā amå rā yak gíse bdåyäi̯, čo zabr int! ki amå-m bi tī pānáda mníndan.

amé šwānág šut, watí aspå āúrtī, zabr zen u lagåmī kúrtī u suwår būtī u äi̯ kúrtī u šútī. amé ki bi šārå̈i̯ pānádā ki rástī, rāstám démę amé aspå̈i̯ gardínā så̈i̯lī kúrtī, karår šútī bi pādišåäi̯ giså, amé ki šut, bi pādišåäi̯ giså̈i̯ demå ki rast, pādišåäi̯ muzúr dístant amé šwānágā. átant, amé šwanágäi̯ aspå gíptant u bástant u amé šwānág átī bi pādišåäi̯ giså. ān čoš ki átī, go pādišå yak wašāmáde kúrtī, yak katráe digár ki būt, pa ešī nān āúrtant apt tām. amé ki amé šwānágäi̯ dastånā šúštant, gúḍinā nānånā āúrtant, bi ameší pānádā íštant. pādišåäi̯ jind am átī, go amé šwānágā nān wártī. amé šwānág ša ar tåme yak-yak lunká wártī. amé pādišå amé

сут тебе семь различных кушаний: хлеба, яблок, мяса и тому подобных вещей. Только ты не поступай по своему прежнему пастушескому обыкновению, чтобы от каждого кушанья есть целое блюдо, так не поступай, а от каждого кушанья ешь по кусочку, чтобы каждый, кто тебя увидит, знал, что это царский сын. Потом царь тебя спросит: что, мол, сынок, с какой целью ты пришел? Тогда ты скажи: „батюшка, я пришел к тебе с таким намерением: я сын такого-то царя и пришел к тебе, потому что я поссорился со своим отцом; у меня есть жена, и если бы ты дал нам в своем городе и крепости какое-нибудь жилище, как было бы хорошо! и мы бы жили у тебя!“»

Овчар пошел, привел свою лошадь, тщательно ее оседлал и взнуздал, сел верхом, погнал и поехал. Когда он доехал до города, он глядел только на шею своей лошади и так доехал до царского дома. Когда он подъехал к царскому дому, царские слуги увидели этого овчара, подошли, взяли лошадь и привязали; овчар вошел в царский дом. Как только он вошел, он поздоровался с царем, и когда прошло немного времени, ему предложили кушанья, семь блюд. После того как овчару помыли руки, поднесли кушанья и поставили возле него. Сам царь также подошел и ел кушанья с овчаром. Овчар от каждого блюда ел по одному куску. Как только царь заметил, что овчар от каждого

šwānágā ki dist ki e ša ar tā́me yak-yak lunká wártī, amé pādišā́ aḭrā́n mā́ntī wa watí dilā́ gúštī: e ar ǰā́ int-a, pādišā́ zādáge. amé ki nān wártant, amé pādišā́ ša amé šwānágā pursít ki äḭ bābā́, ta maróčī pa čé átag-äḭ bi mnī gisā́? pa kār-mā́re yā na, wat átag-äḭ? amé šwānág gúštī: man plāná pādišā́äḭ zā́g-un wa man ša watí pisā́ zār būtág-un, wa man yak ǰinéne dārín, wa man anū́n átag-un bi tī šārā́. agár ta mnā bi watí šārā́ yak gíse bdā́yäḭ, čo zabr int-a! amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a. yak gíse bi amé šwānágā dátī. anū́n, gúštī, ta bra, watí ǰinénā am bzūr u biyā́r. amé šwānág gúštī: man anū́n yak muzū́re u yak āšpáze girín ki tānáxten amídinā pa amā́ nān pačít u tayā́r pkant. amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a.

karā́r pādišā́ pádā šútī bi watí gisā́, amé šwānág am šútī, du muzū́r gíptī u āúrtī, bi amé gisā́yā íštī. amé muzū́rānā gúštī: ša šmā yak tānáxten amé gísā pāk pkant u yáke digár am tānáxten pa amā́ nān u gošt pačít. amé šwānág šut, watí aspā́ suwā́r būtī u šut bi watí ǰinénäyā. amé ki átī bi watí ǰinénā, go watí ǰinénā gúštī: man šútun bi pādišā́äyā, pa mašmā́ yak gíse alā́s kúrtun wa du muzū́r am gíptun ki tānáxten pa mašmā́ nān pačánt wa yáke digár am tānáxten gísā pāk pkant. amé ǰinikó gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, anū́n bladán u brawán. e ladítant u šútant bi watí gisā́. amé ki rástant, dístant tā gisā́ čo zabr pāk kurtág-ant.

блюда ест только по одному куску, царь удивился и сказал про себя: «это во всяком случае царский сын!» Когда они поели, царь спросил у овчара: «с какой целью, сынок, сегодня ты пришел в мой дом? по какому-нибудь делу, или так себе пришел?» Овчар сказал: «я сын такого-то царя, и я поссорился со своим отцом; у меня есть жена; теперь я пришел в твой город, и если теперь ты мне дашь жилище в своем городе, как было бы хорошо!» Царь сказал: «ну, очень хорошо!» и дал дом этому овчару. «Теперь», сказал он, «иди, бери и привози свою жену». Овчар сказал: «теперь я возьму слугу и повара, чтобы он тем временем сварил и приготовил для нас кушанье». Царь сказал: «ну, очень хорошо!»

Итак, царь пошел к себе; овчар также пошел, взял двух слуг, привел и оставил у себя дома. Он сказал своим слугам: «один из вас пусть пока приберет дом, а другой испечет для нас хлеб и сварит мясо». Овчар пошел, сел на свою лошадь и поехал к своей жене. Когда он приехал к своей жене, он сказал: « я ходил к царю, снял для нас дом и взял также двух слуг, чтобы они испекли для нас хлеб, а чтобы другой тем временем прибрал дом». Девушка сказала: «ну, очень хорошо, теперь уложимся и поедем». Они уложились и поехали в свой дом и, когда приехали, увидели, как хорошо прибран дом.

amé ki putrítant bi watí gisą́ tā, amé ki nān wártant, yak wār amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta anūn bra, ša amé šārą́ tā yak mullắe rā paą́dą́ pkan u biyắr ki mašmą́ rā neké bdant. amé šwānág š-amódinā šut, bi amé pādišą́ą tā gáštī, bi šārą́ tā ič kasá nąint-a. karắr š-amódinā šut, amé pādišą́ą mīrzą́ āúrtī, gúštī: anūn ta amą́ rā neké bdąi. amé pādišą́ą mīrzą́ eší rā u amé ǰinikóā neké dątī, dístī tā amé ǰiník čunén ǰwānéne. amé šwānág watí dastą́ bi watí kitóā búrtī, yak tilắe kašítī, bi amé pādišą́ą mīrzą́ dątī. amé pādišą́ą mīrzą́ pa gāl u bal zúrtī u šútī bi pādisą́ąā. ódinā go pādšą́ gúštī: ąi pādšą́, γábli ālám, amédiną yak čoríe ast, ajában ǰinéne dārít, maróčī ątī pa mnī padą́, go man gúštī: byā, brawán, mnā bi mnī ǰinénā neké bdąi. man šútun, āe rā neké dątun u wat ątun. ān čoš ki neké dątun, amą́ čorí watí dastą́ bi watí kitóā búrtī, mnā yak tilą́ąi ṭukúre dątī. man zúrtun u āúrtun bi tíyā. anūn ta āe rā kušą́i yā na? amé pādišą́ watí muzūrānā loṭít, gúštī: šmā brą́it, amāe rā byárit. amé pādšą́ąi muzūr š-amódinā ątant bi amé zāgą́i gisą́, go amé zāgą́ gúštant: amą́ rā pādšą́ pa tī padą́ dem dātagí, ta byā ki mašmą́ brawán. amé zāg go amé pādšą́ąi muzūrān gúštī: šmā tānáxten brą́it, man gúḍā kāín. amé pādšą́ą muzūr š-amédinā ątant pádā bi pādišą́ą gisą́. amé ki rástant, bi pādšą́ąią ątant, gúštant go pādšą́: ąi pādšą́, amą́ zāg ki ā-róčī bi tī gisą́ ątī, amą́ int-a, yak katráe dⁱga ką́it.

Когда они вошли в свой дом и поели, девушка сказала овчару: «теперь сходи, отыщи в этом городе муллу и приведи, чтобы он нас обвенчал». Овчар вышел и стал ходить по городу этого царя, а в этом городе никого нет! Он пошел, привел царского писаря и сказал ему: «обвенчай нас!» Царский писарь повенчал его и эту девушку, и увидел, как хороша эта девушка. Овчар опустил свою руку в карман, вынул один золотой и дал царскому писарю. Царский писарь с радостью взял и пошел к царю. Там он сказал царю: «о царь, средоточие вселенной, здесь есть один юноша, и у него удивительная жена! сегодня он приходил за мной и сказал мне: „давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!“ Я пошел, обвенчал его и пришел; когда я его обвенчал, этот юноша опустил свою руку в карман и дал мне кусок золота; я взял и принес тебе; убьешь ты его теперь или нет?» Царь позвал своих слуг и сказал: «сходите, приведите его!» Царские слуги пришли в дом юноши и сказали: «царь нас послал за тобой, пойдем!» Юноша сказал царским слугам: «идите пока, а я приду попозже». Царские слуги вернулись оттуда в царский дом. Когда они подошли и вошли к царю, они сказали: «о царь, это тот самый юноша, который тогда приходил в твой дом! он придет, немного погодя».

karā́r, amé šwānágā amé ǰinikó pánte dant: amé ki ta šútäi̯, awálā maǰlís a-kánt, gúḍinā ki ta yak sā́te níštäi̯, gúḍinā wát a-gušít ki e mardā́ anū́n mašmā́ elá pkanán ki e mard nok arosíe. amé šwānág átī bi pādšā́äi̯ gisā́. amé ki rástī, dístī tā pādšā́ maǰlís kurtagí. amé ki wašāmáde číze kúrtant, yak sā́te digá būt, pādšā́ gúštī: e čoríyā anū́n mašmā́ elá pkanán ki brā́u̯t, pa če ki e čorí nok arosíe. yak sā́te digár būt, pādšā́ amé šwānágā gúštī: man ša ta loṭín yak maǰmáe tilā́, yak maǰmáe ǰuwā́i̯r, anū́n bra. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisā́. amé ǰinikó amé šwānágā pursítī: go ta pādšā́ čé gúštī? amé šwānág gúštī: pādšā́ ša man yak maǰmáe tilā́ u yak maǰmáe ǰuwā́i̯r loṭítī. amé ǰinikó gúštī: ta amā́ tilánā ša guǰámadā áúrtäi̯, pádā bra, š-amódinā byār.

amé šwānág š-amódinā šútī bi amā́ ǰāgā́ ki awálā tilā́ dísṭ-atī. amé ki bi amā́ čamágäi̯ pānádā šut, yak wār dístī, tā amédinā yak débe dédi yak ǰinikóe rā giptagí. yak wā́r a-bártī bi ā pānádā, kilít u wānít, amé ǰinikóäi̯ sar ǰitā́ bīt. pa duwārág kārít, yak ǰā kant, bāz duwārág wānít, amé ǰinikóā mardúme kant. ar če ki amā́ deb a-wā́nt, amāí wāntínānā amé šwānág zúrtī. amé ki roč nazík mānt ki mnindít, yak wār amé deb amé ǰinikóā gíptī, búrtī, bi watí demā́ ištī u wāntī. amé ǰinikóäi̯ sarág ángūr kapt, pā́dī

Между тем, эта девушка дает овчару совет: «когда ты придешь, сначала у него будет совет, а когда ты часок посидишь, он сам скажет, что, мы, дескать, отпустим теперь этого человека, потому что он новобрачный». Овчар пришел в царский дом. Как только он дошел, он увидел, что у царя собран совет. Когда они поздоровались и прошло некоторое время, царь сказал: «отпустим теперь этого юношу, пусть идет, потому что он новобрачный!» Еще через некоторое время царь сказал овчару: «я хочу от тебя одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей, а теперь иди!» Овчар пришел оттуда к себе домой. Девушка спросила овчара: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь потребовал у меня одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «сходи опять туда, откуда ты принес то золото, и принеси оттуда еще!»

Овчар опять пошел в то место, где нашел золото в самом начале. Когда он пришел к источнику, он сразу увидел, что там какой-то див схватил одну девушку. Один раз он тащит ее в одну сторону, оставляет ее, читает заклинание, и голова этой девушки отделяется; другой раз он ее приносит, складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком. Все, что тот див читал, все его заклинания овчар запомнил. Как только солнце было близко к заходу, див взял девушку, отнес, поставил перед собой и прочел заклинание. Голова девушки упала в одну сторону, ноги — в дру-

ángūr káptant u wat išt u šut. amé ki ša säi̯ koá áškā šut ki paná bűtī, yak wār amé šwānág gíptī, amé ǰinikóäi̯ sarág u pādágānā, āúrt, yak ǰā kúrtī, íštī, lagít bi al-u-úlā, al ǰátī, yak wār amé ǰinikóäi̯ sarág u pādág yak ǰā bűtant. ǰinikó drūá bűtī. amé ki drūá bűtī, yak wār sá̯ilī kúrtī, dístī tā amé mnī pānádā mardúme oštātagí. yak wār ša amé šwānágā pursít ki ta ša guǰángūr átag-äi̯? amé šwānág eší rā ǰawáb dátī: man ša plāná ǰā átag-un u man trā dístun ki e kāperén deb e ḍau̯lá kant, trā yak wār a-kušít wa yak wār zindág a-kánt. mnī dil pa ta sótī. anűn agár ta go man a-rawá̯i̯, biyá tā brawán. amé ǰinikó gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, man go ta raín, ta tānáxten amédinā mnind, man anűn a-räín, watí bālánā kārín, gúḍā mašmá rawán. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, bra, biyár watí bālánā. amé ǰinikó šut, watí bālánā āúrtī. amé šwānágā gúštī: nápa brawán. š-amódinā šútant.

amé ki yak ṭukúre rá šútant, yak wār amé šwānág gúštī: mnā pādšá dem dātagí pa tilá ki man p-āí tilá barín. amé ǰinikó gúštī: čínka tilá ta p-āíʸ a-bará̯i̯? amé šwānág gušt: yak maǰmáe tilá u yak maǰmáe ǰuwá̯ir. amé ǰinikó gúštī: ta ič γusá ma war, brawán, man pa ta tayár a-kanín. karár šútant amé šwānágäi̯ gisá. yak wār amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta amá maǰmánā bdäi̯ mnā. karár amé šwānág amá maǰmánā dátī. amé ǰinikó gipt amé maǰmánā, bi watí demá íštī. yak wār amé šwānágā

гую; он оставил ее, а сам ушел. Как только он ушел за три горы и скрылся там, овчар тотчас взял и принес голову и ноги девушки; сложил их вместе, оставил и принялся за отчитывания и заклинания, — немедленно голова и ноги девушки воссоединились, и девушка стала невредима. Когда она ожила, она посмотрела и увидела: возле меня стоит человек! Она тотчас спросила овчара: «откуда ты пришел?» Овчар ответил ей: «я пришел из такого-то места и увидел, что этот поганый див так поступает с тобой, то убивает тебя, то оживляет. Мое сердце воспылало к тебе. Теперь, если ты со мной пойдешь, давай, пойдем!» Девушка сказала: «очень хорошо, я пойду с тобой, но пока посиди здесь! я сейчас пойду, только принесу свои крылья, а потом мы пойдем!» Овчар сказал: «ну, хорошо, сходи, принеси свои крылья». Девушка пошла, принесла свои крылья и сказала овчару: «ну, пойдем!» Они оттуда пошли.

Когда они немножко прошли, овчар вдруг сказал: «меня ведь царь послал за золотом, чтобы я ему принес золота!» Девушка сказала: «сколько золота ты должен ему отнести?» Овчар сказал: «одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «ты не печалься, пойдем, я для тебя приготовлю». Они пошли в дом овчара. Девушка сказала овчару: «дай мне те блюда». Овчар дал блюда. Девушка взяла эти блюда, поставила перед собой и сказала

gúštī: anűn ta yak abáre bguš ki mnā andág bgīt. amé šwānág yak abáre dāt, yak wār amé jinikó andít, yak maǰmáe pur būt ša tilā́. pa duwārág gúštī: yak abáre digá bdäi̯ ki mnā andág bgīt. yak abáre digá dátī, amé jinikó andítī, yak maǰmáe digá pur būt ša ǰuwā́i̯rā. amé šwānág amé ǰuwā́i̯rānā búrtī bi pādšā́äi̯ gisá, dátī. amé ki pādšā́ dístī, ai̯rán mānt wa gúštī: eší gis bún gīt, e čunén balā́e! man eší rā gúštun: ta bra, pa man yak maǰmáe tilā́ biyā́r u yak maǰmáe ǰuwā́i̯r biyā́r, e šut, āúrtī!

karā́r pādšā́ eší rā gúštī: ša ta loṭín, ša mnī apt puštā́i̯ murdagán awā́l biyā́räi̯. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a. pa duwārág amé šwānág átī bi amé pādšā́äi̯ mīrzā́äyā, go amé mīrzā́ gúštī: ta biyā́, brawán, mnā go mnī jinénā neké bdäi̯. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ átī bi amé šwānágäi̯ gisá. amé šwānág gúštī: e mnī jinén int-a, ta anűn mnā neké bdäi̯. karā́r amé mīrzā́ sā́i̯lī kúrtī, dístī tā eší gis bún gīt, e ajáben jinikóe anűn āurtágī. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ amé zāgá u amé jinikóā neké dátī. amé šwānág pa duwārág watí dastá bi watí kitóā búrtī, yak tilā́e kašít u dátī bi amé pādšā́äi̯ mīrzā́. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ amé zarānā zúrtī u búrtī bi pādšā́äi̯ gisá. amé šuwānágäi̯ jinén ša šwānágā pursítī ki trā pādšā́ če gúštī? amé šuwānág gúštī: pādšā́ go man gúštī: man ša ta loṭín, bi amé du ročā́ ša mnī apt puštā́i̯ murdagán awā́le biyā́räi̯. amé jinikó go šwānágā gúštī: man pa ta

---

овчару: «теперь скажи мне что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Овчар сказал, девушка рассмеялась, и блюдо наполнилось золотом. Она вторично сказала: «скажи еще что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Он еще сказал, девушка рассмеялась, и другое блюдо наполнилось драгоценностями. Овчар отнес эти драгоценности в царский дом и отдал. Как только царь увидел, он удивился и сказал: «пусть сгорит его дом! что он за пройдоха! я ему сказал: „сходи, принеси для меня блюдо золота и блюдо драгоценностей!“ он пошел и принес».

Короче говоря, царь сказал ему: «я требую от тебя, чтобы ты принес известия о семи поколениях моих умерших!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо!» Овчар опять пришел к царскому писарю и сказал: «давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!» Овчар и царский писарь пришли в дом к овчару. Овчар сказал: «вот моя жена! теперь обвенчай меня». Писарь стал смотреть: что за удивительную девушку он теперь привез, пусть сгорит его дом! Царский писарь обвенчал юношу с этой девушкой. Овчар опять опустил руку в карман, вынул золотой и дал его царскому писарю. Царский писарь взял золото и отнес его в дом к царю. А жена овчара спросила: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь мне сказал: „я требую от тебя, чтобы ты в двухдневный срок принес сведения о семи поколениях моих умерших“». Девушка

yak xáte nimisín, ta amé xatā́ bzūr u bar u š-amódinā ki ta mnā āúrtäi̯, na ki rástam pa duwārág š-amódinā brawā́i̯ ki maróčī amā́ debā́i̯ waxt int-a ki kāi̯t. amé ǰinikó gipt, yak xáte nimíst u dátī bi amé šwānágäi̯ dastā́. go amé šwānágā gúštī: amé ki šútäi̯ ódinā bi goristánäyā, amé ḍåu̯l ki watí aspā́ suwā́r-äi̯, amé ḍåu̯l bošt u tawā́r pkan, bguš ki äi̯ Zar-bībí, ā wat ǰawā́b a-dánt, ta gúḍā bguš ki biyā́, e xatā́ bzūr ki plānā́ kas pa ta dem dātagí.

karā́r amé šwānág šut, ša watí aspán yáke rā zénī kurt u suwā́r būt u šútī. amé ki šútī bi goristánäi̯ sarā́, uštā́t u tawā́r kúrtī ki äi̯ Zar-bībí, äi̯ Zar-bībí! yak wār amā́ Zar-bībí ša yak gorā́ tā ustát u ǰawā́b dátī, gúštī: če? ta káy-äi̯? amé šwānág gúštī: biyā́, e xatā́ bwān ki pa ta ā̱tagí. amé Zar-bībí š-amódinā átī, amé xatā́ zítī ša šwānágäi̯ dastā́ u wántī. gúštī: anū́n man pa ta e xatā́i̯ māníyā nimisín, ta tānáxten amédinā bošt. Zar-bībí šut bi watí ǰāgā́, amé xatā́i̯ ǰawābā amé ḍåu̯l nimístī: amā́ pādšāäi̯ bún-pīrúk guǰā́ paḍā́ būtagí u ká int-a nāmī, amešānā gírdānā bi yak damā́ nimíst u āúrtī, bi šwānágäi̯ dastā́ dāt. amé šwānág dístī tā eší gis bún gīt, e čunén mazánen xáte nimistagí. amé xatā́ šwānág zurt u āúrt bi watí ǰinénäi̯ā. amé šwānágäi̯ ǰinén wānt wa gúštī: rást int-a, amé xatā́ bándā bzūr u bar bi pādšāäi̯ā. tārienā amā́ xatā́ ā zurt u burt bi pādšāäi̯ gisā́, bi pādšāäi̯ dastā́ dāt. amé pādšā́ ai̯rán mānt ki e čunén balā́e

---

сказала овчару: «я тебе напишу письмо, возьми это письмо и отвези туда, откуда ты меня привез, но только прямо поезжай туда, потому что сегодня время прихода дива». Девушка взяла, написала письмо, вручила овчару и сказала ему: «когда приедешь туда на кладбище, ты так и оставайся, как есть, верхом на лошади, и закричи: „о Зар-биби!“ Она сама отзовется; тогда ты скажи: „приди и возьми это письмо, которое такая-то тебе послала“».

Итак, овчар пошел, оседлал одну из своих лошадей, сел и поехал. Как только подъехал к кладбищу, он остановился и закричал: «о Зар-биби, о Зар-биби!» Вдруг эта Зар-биби встала из одной могилы, откликнулась и сказала: «что? ты кто?» Овчар сказал: «приди и прочти это письмо, которое пришло к тебе!» Зар-биби подошла оттуда, взяла письмо из рук овчара, прочитала и сказала: «я сейчас напишу тебе ответ на письмо, пока подожди здесь». Зар-биби пошла к себе и написала ответ на это письмо: где родился предок этого царя и каково его имя, — в один миг всех их написала, принесла и дала в руки овчару. Овчар увидел: какое большое письмо она написала, пусть сгорит ее дом! Овчар взял это письмо и принес своей жене. Жена овчара прочитала и сказала: «правильно! завтра это письмо возьми и отнеси царю». На утро он взял это письмо, отнес в царский дом и дал царю в руки. Царь изумился:

ki ša mnī apt puštā̆ murdagā́n awā́l āúrtī. pādšā́ loṭít watí mullā́nā wa gúštī: anū́n šmā amé xatā́ bwā́nit. amé šwānágā gúštī: anū́n ša ta loṭín bi daryā́bä Nílä tā yak gumúde tilā́ī wa yak gumúde ǰuwā̆rä̆ ǰoḍ pkánä̆.

amé šwānág š-amódinā šut bi watí gisā́. amé šwānágä̆ ǰinén ša šwānágā pursít ki pādšā́ če gúštī? amé šwānág ǰawā́b dā́tī: pādšā́ anū́n ša man a-loṭít bi āpā́ tā daryā́bä Nílä tā yak gumúde tilā́ī wa yak gumúde ǰuwā̆rä̆ ǰoḍ pkánä̆. amé šwānágä̆ ǰinén gúštī: tī e kārá amá ǰoḍ kurtága na kanán, amíngūr yak paríe ast, bi yak rodā̆ tā int. ta awálā bra, bi amá rodā̆ kirá mnind, gindā̆: roč nīm róč a-bít, yak paríe mazánen gindā̆, kā̆t, ābāzíʸ a-kant, ta amódinā čer pkap, gindā̆, amá wat rā prent bi rodā̆ tā pa ābāzíyā. amāí mūd, gindā̆, átant bi amé rodā̆ kirá. yak wār ta amāí mūdánā ḅgir. ā wát a-gušít ki bil, ta mä̆l. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, man anū́n a-raín.

átī, bi amá rodā̆ kirá, níštī, dístī tā roč nīm roč būtī, dístī, š-amíngūr yak mazánen paríe átī. amé šwānág amé ḍå̆l ki srapít-at, íčī na gúštī. amé parí wat rā bi āpā̆ tā préntī ki ābázī pkant. amé ki wat rā préntī bi āpā̆ tā, amé paríä̆ mūdánā amé āp šlap ǰat u āúrtī bi amé rodā̆ kirá ki amé šwānág ništ-átī. amé šwānág mūdánā ki dístī, yak wār watí dastá prent bi

---

что это за пройдоха, что он принес мне сведения о семи поколениях моих умерших! Царь позвал своих мулл и сказал: «прочтите теперь это письмо», а овчару сказал: «теперь я хочу, чтобы ты построил в реке Ниле одну башню из золота и одну башню из драгоценностей».

Овчар оттуда пошел домой. Жена овчара спросила: «что сказал царь?» Овчар ответил: «царь теперь от меня хочет, чтобы я в воде реки Нила построил одну башню из золота, а другую из драгоценностей». Жена овчара сказала: «это твое поручение мы не сможем выполнить, но здесь в одной реке есть пэри. Ты поди и сначала сядь на берегу той реки, и когда увидишь, что солнце подходит к полудню, ты увидишь, что подойдет большая пэри и станет купаться; а ты там спрячься, и как увидишь, что она бросится в реку купаться, и увидишь, что ее волосы достигают берега реки, тотчас хватай ее за волосы. Она скажет: „отпусти!“ но ты не отпускай!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо! я теперь пойду».

Он пошел, сел на берегу той реки, увидел, что солнце подошло к полудню, и увидел, что пришла большая пэри. Овчар был спрятан и ничего не сказал. Пэри бросилась в воду, чтобы выкупаться. Как только она бросилась в воду, вода понесла волосы этой пэри и принесла к берегу, где сидел овчар. Как только овчар увидел волосы, он опустил свою руку на волосы и потянул

amé mūdán wa amé mūdánā péš kašítī. yak wār bi amé paríyā mālūm būtī ki mnī mūdánā yáke peš kašítī. yak wār tawár kúrtī, gúštī: agár ta ādamíe wäḷ, agár ínse u ǰātūe wäḷ, mnī mūdánā bil ki trā íčīyā na kanín. amé šwānág näḷšt. pa duwārág tawár kúrtī ki bi azráti Slemánī čápäḷ aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág näḷštī. pa duwārág amé šwānág peš kašítī. yak wār amé parí gúštī: bi azráti Slemánī rástäḷ aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág íštī. amé ki íštī, amé parí āt pa amé šwānágäḷ ǰānā wa gúštī: ta ša guǰángūr átag-äḷ? amé šwānág ǰawáb dāt: man am yak musāpíre un ki ša watí rá kāín, améš int ki átun, dístun tā bi amé āpäḷ kirá mūdáḷ čúnde mālūm a-bít, yak wār man am watí dastá préntun bi amé āpäḷ tā, dístun tā amé mūd čo grán int-a. peš kašítun, dístun, ta tawár kurtäḷ. amé parī go ameší gúštī ki ta anūn go man kāre u číze na dāráḷ? amé šwānág gúštī: čẹ rā? dārín. ānčén pādšáe go man guštagí: ta mebāít bi daryábä Nílä tā pa man yak gumúde bǰánäḷ tilää wa yak gumúdẹ ǰuwáiräḷ bǰánäḷ. amé parí gúštī: nápa mašmá brawán bi tī gisá.

amé parí u amé šwānág átant bi šwānágäḷ gisá. amé ki átant bi šwānágäḷ gisá, amé parí amé šwānágā gúštī: ta bra, go pādšá bguš ki yak du roč sabr pkant ki man tānáxten watí kārá ǰoḍ a-kanín. amé ṣwānág š-amódinā šut bi pādšáäḷ gisá. amé ki átī bi pādšáäḷ gisá, go amé pādšá gúštī: äḷ pādšá,

---

их. Пэри поняла, что кто-то потянул волосы, она закричала: «человек ли ты или какой-нибудь дух, или ведьма, отпусти мои волосы, я ничего тебе не сделаю!» Овчар не отпускал. Она закричала вторично: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар не отпускал, но опять потянул. Пэри сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар отпустил. Как только он отпустил, пэри приблизилась к овчару и сказала: «откуда ты пришел?» Овчар ответил: «я странник, и иду своей дорогой; вот я подошел и увидел, что на берегу воды виднеется конец волос; я опустил руку в воду, посмотрел: какие тяжелые волосы! потянул и услышал, что ты закричала». Пэри сказала ему: «у тебя теперь нет ко мне какого-нибудь дела или чего-нибудь?» Овчар сказал: «почему так? есть! такой-то царь сказал мне: „нужно, чтобы ты воздвиг для меня в реке Ниле одну башню из золота и одну из драгоценностей“». Пэри сказала: «ну, пойдем к тебе в дом».

Пэри и овчар пошли в дом овчара. Когда они пришли, пэри сказала овчару: «иди, скажи царю, пусть подождет день-два, я тем временем устрою свои дела». Овчар пошел оттуда в царский дом. Когда он пришел в царский дом, он сказал

γábli ālám, ta mnā yak du roč ruxsát bdäi̯, gúḍā man pa ta yak gumúde ǰóḍ a-kanín. amé pādšā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisā́, go watí ǰinénā gúštī: pādšā́ mnā gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man yak du roč pa ta sábr a-kanín. amé šuwānágäi̯ ǰinén gúštī: man maróčī amé parīánā múčānā náz a-kārín wa gušín: bándā ar paríe yak xišt biyárant wa bi daryábä Nílä tā yak gumúde ǰoḍ pkánant. amé parí š-amódinā āt bi parīyánīyā wa go amé parīyā́n gúštī: ša šmā man loṭín: bándā ki ar paríe yak xíšte bzū́rit u biyárit bi daryábä Nílä tā, yak gumúde ǰoḍ pkánit. amé ki man säi̯ tawā́r kúrtun, bi awalíen tawā́r šmā wat rā āzír pkánit, bi dūmíen tawárā šmā ar kas bi watí xištā́i̯ pānádā bgírit, amé ki säyumíen tawárā kúrtun, šmā ar yáke watí xištá bzū́rit u dár pkánit. amé parí múčī gúštant: nápa baz ǰuwán int-a. amé parí amešánā gúštī: bándā tā roč dar ma yā́īt, ša šmā loṭín ki tayā́r pkánit u bílit. amé parí gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé paríäi̯ ǰind š-amódinā šut bi watí gisā́.

tāríenā ki tángāt roč dar náy āt-at, amé parí sā́i̯lī kurt, dístī tā gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant u tayā́r kurtág-ant. amé parí go amé watí šwānágen mardá gúštī ki gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant, ta bra, pādšā́ bguš ki bā́i̯t pa gumudánī säi̯lá. amé šwānág š-amódinā sar gipt u āt bi pādšāäi̯ gisā́, gúštī: äi̯ pādšā́ γábli ālám, man gumúdānā ǰoḍ kurtág-un, ta watí mullánā bzūr u

---

царю: «о царь, средоточие вселенной, дай мне отсрочку на день-два, тогда я построю для тебя башню». Царь сказал: «ну, хорошо». Овчар оттуда пришел домой и сказал своей жене: «царь мне сказал: „ну, хорошо, я ради тебя день-два потерплю“. Жена овчара сказала: «сегодня я соберу всех пэри и скажу: „завтра пусть каждая пэри принесет по кирпичу, и пусть построят башню в реке Ниле“». Эта пэри пошла к другим пэри и сказала: «я хочу, чтобы завтра каждая пэри взяла по кирпичу и принесла в реку Нил, и вы построили бы башню. Но когда я прокричу три раза, по первому зову вы приготовьтесь, по второму зову возьмитесь каждая за свой кирпич, и как только я в третий раз позову, вы возьмите каждая свой кирпич и вытащите». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри сказала им: «на утро, пока еще солнце не взойдет, я хочу, чтобы вы все приготовили и оставили». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри пошла оттуда домой.

На утро, пока еще солнце не взошло, пэри посмотрела и увидела, что башни построили и приготовили. Эта пэри сказала своему мужу-овчару: «башни приготовили, иди, скажи царю, пусть идет посмотреть башни». Овчар пошел оттуда в царский дом и сказал: «о царь, средоточие вселенной, я построил башни

go watí salātán, tā brawán. amé pādšá amé šwānágā gúštī: ta anún bra bi watí gisá, a^{m}má wát a-rawán. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisá, go watí ǰinénā gúštī: man go pa̤dšá gúštun, pa̤dšá mnā gúštī: anún ta bra, amá wát a-rawán. amé šwānágä̤ ǰinén gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a. amé ki amāí šār u kalátä̤ mardúm gírdī šútant pa gumúdānī sä̤lá, amé ki putrítant, gúḍinā man paríyānā tawár a-kanín tā ar paríe watí xištá bzúrīt u bart bi ǰāgáiš, bí tā pādšá go watí maxlúkān mirít. amé šwānág gúštī: ā ḍau̯l ki bīt, nápa bāz ǰuwán int-a.

yak katráe digár ki būt, amé šwānág sä̤lī kurt, dístī tā pādšá go mullán int-a u dém a-rå̤ut wa amé g^{i}da maxlúk ša padä̤ gírdī bi maxšá oštātág ant u rawánt. amé šwānág sä̤lī kurt, dístī, gírdī putrítant bi gumúdānī tā. yak wār amé šwānág átī, go watí ǰinénā gúštī: pādšá go watí maxlúkā putrít bi gumúdānī tā. amé šwānágä̤ ǰinén átī, sä̤lī kúrtī, dístī: bābá, tángāt mardúm a-kä̤t, amé šwānágā gúštī: ta tānáxten amédinā bošt, sä̤l pkan, amé ki dístä̤, amé pādšáä̤ maxlúk gírdī putrítant, ta gúḍinā mnā sí pkan. amé šwānág átī, bi yak gisá sará níštī u sä̤lī kúrtī, dístī, tángāt mardúm a-rå̤ut bi gumúdānī tā. tā du sāát níštī, gúḍinā dístī tā mardúm alás bútant. amé šwānág š-amódinā átī, bi watí ǰinénä̤yā gúštī: pādšáä̤ mardúm gírdī šútant bi gumúdānī tā. amé šwānágä̤ ǰinén āt, sä̤lī kurt, dístī tā rást a-gušít

---

возьми своих мулл и воинов, и пойдем». Царь сказал овчару: «иди теперь домой, мы сами пойдем!» Овчар пришел к себе домой и сказал своей жене: «я сказал царю, царь мне сказал: „теперь иди домой, мы сами придем“». Жена овчара сказала: «ну, очень хорошо. Как только все жители его города и крепости пойдут смотреть башни и войдут внутрь, я позову пэри, чтобы каждая пэри взяла свой кирпич и унесла на место, пусть царь со своим народом умрет!» Овчар сказал: «если так случится, очень хорошо!»

Когда прошло немного времени, овчар посмотрел и увидел, что царь с муллами идет впереди, а сзади построилось в военном порядке и идет все остальное население. Овчар посмотрел и увидел, что все вошли в башни. Тотчас овчар пришел и сказал своей жене: «царь со своим народом вошел в башни». Жена овчара подошла, посмотрела, увидела, что люди еще идут, и сказала овчару: «побудь пока здесь и посмотри; как только увидишь, что народ этого царя целиком вошел внутрь, тогда ты меня извести». Овчар пошел, сел на крыше одного дома, стал смотреть и увидел, что еще люди идут в башни. Часа два он сидел, потом увидел, что люди прошли. Овчар пошел оттуда и сказал своей жене: «народ царя целиком прошел в башню». Жена овчара пришла, посмотрела и увидела, что он говорит правду: все прошли

gírdī šutág-ant. amé šwānágäi̯ ǰinén šut, bi yak burzágā̆ sará oštát, tawári kurt. bi awalíen tawárā parí wat rā zabr ǰoḍ kurtánt, bi dūmíen tawárā yak wār parí watí dastá bi xištán sak kurtánt, bi säyumíen tawárā ar yáke watí xištá zurt u burt bi watí ǰāgá.

karár pādšá go watí maxlūkā bi daryábä Nílä tā murt. amé šwānág dístī tā pādšá múrtī, gúḍinā šut bi šār u kalátäi̯ tā, sái̯lī kúrtī, dístī tā ič kas bi šārái̯ tā náint-a. karár átī, watí gisá zurt u burt bi šārá. šārái̯ pādšá būtī. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imáne āúrtun, pa ta yak dištáre āúrtun.

IV

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pādšáe at. e pādšá ǰänén u zāg dāšt. eší ǰänén bẹ watí lāpá zāg dāšt. yak wáxte būt, nu mā u nu roč purrá būt, zāg dist. eší zāg ǰaníkᵉʸ at. ša säi̯ róčā guḍ e ǰaník biná kurt bi mālánī lāpái̯ čāk dātínā. dil u ǰagarániš wártī u gúḍā kāt pádā watí ǰāgá, biná kurt bẹ gretínā. eší más kāt tā dístī: zāg páč int. gúḍā zāgá bástī u šut pádā wáptī. tárī ki róč a-būt, maxlúk äi̯rán a-būt tā mālánī lāp čāk dātá. gúḍān e pādšá yak záge dáštī, eší zāg čār čam dāšt, gúḍā e zāg

---

Жена овчара пошла, стала на одной возвышенности и закричала. По первому зову пэри хорошенько приготовились, по второму зову пэри крепко взяли кирпичи в свои руки, по третьему зову каждая пэри взяла свой кирпич и отнесла на свое место.

Итак, царь со своим народом умер в реке Ниле. Овчар увидел, что царь умер, пошел в город и крепость, стал смотреть и увидел, что в городе никого нет. Он пришел, взял свою семью и отвез в город; сделался царем города. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме)

Было-было, кроме бога никого не было. Было время, был один царь. У этого царя была жена и сын. Его жена была беременна. Настало время, прошло полных девять месяцев и девять дней, и она разрешилась от бремени. Ее ребенок была девочка. Через три дня эта девочка начала вспарывать животы у скота. Она поедала у них сердце и печень, а потом возвращалась обратно на свое место и принималась плакать. Ее мать подходила, видела, что дитя раскрыто, запеленывала ребенка, возвращалась и вновь засыпала. На утро, когда наступал день, люди удивлялись, что животы у скотины вспороты. А у этого царя был еще сын, и этот его сын был четырехглазый. Однажды

yak šápe watí du čammá wāb prent, dúi gidá rā páč kurt, dístī tā mnī gwār ša ǰunṭáį tā wat rā páč kurt, šut, yak du gokáį lāpá čāk dátī u gúḍan dil u ǰagárāniš wártī u āt pádā watí ǰunṭáį tā, biná kurt bi gretínā, eší más āt tā dístī: zāg páč int, zāgá bástī u šut pádā wapt.

tárī ki roč būt, e pādšáāį zāg gúštī watí másá ki man yak abáre daín, agá tī dilá na gīt. eší más gúštī: mnī dilá na gīt, bguš. e čoriká gúštī: šarr, agá tī dilá na gīt, amé watí ǰäníkā zián pkánit kẹ pa šmā yak róče balée bīt. eší más gúštī: xudá trá zián pkant, čéwā loṭáį ša mnī ǰäníkā? yak ǰäníke xudá dātá, eší rā ta gušáį, zián pkánit! čẹ dušmanāíe dāráį go mnī ǰäníkā? š-amédā wat rā zián pkan! e čoriká š-amédā zār būt, gúštī: šmā rā yak róče gindín! yak áspe suwár bútī, š-amédā šut bi gidá yak šáre.

šut bi mā šāráį tā, pa wat yak másúe wadí kurt. yak čunt sāl go mā watí másúā níštī, p-āí kár a-kúrt. gúḍā yak čunt sāl gwástī, watí másúā gúštī: man čunt sāl int ki átá un, watí pisáį šār u kalátā na distá un, báre čon būtág ant. watí másúā gúštī: pa man du säį nān pač, man a-räín. eší mású p-eší säį čār nān pakkítī, eší urǰínäį tā kúrtī, aspáį pastárkā bast.

ночью этот сын двум своим глазам дал заснуть, а два других открыл и стал смотреть: вот моя сестра раскрылась, вышла из колыбели, вспорола животы у одной-двух коров, поела у них сердце и печень, вернулась в свою колыбель и заплакала. Ее мать подошла, увидела, что ребенок раскрыт, запеленала ребенка и вернулась спать.

На утро, когда наступил день, царский сын сказал своей матери: «я хочу сказать кое-что, если ты не обидишься». Его мать сказала: «я не обижусь, говори». Юноша сказал: «хорошо, если ты не обидишься, то уничтожьте эту свою дочку, потому что когда-нибудь она станет для вас несчастьем». Его мать сказала: «бог да уничтожит тебя! чего ты хочешь от моей дочери? одну дочку бог дал, и ты про нее говоришь: „уничтожьте!“ что́ за вражда у тебя к моей дочери? сгинь отсюда!» Юноша оскорбился и сказал: «когда-нибудь я вас еще увижу!» Он сел на лошадь и отправился отсюда в другой город.

Поехал он в тот город и сыскал себе приемную мать. Несколько лет он жил у этой приемной матери и работал для нее. Когда прошло несколько лет, он сказал своей приемной матери: «вот уже сколько лет, как я прибыл сюда и не видел города и крепости своего отца! что-то стало с ними?» Он сказал своей приемной матери: «испеки для меня два-три хлеба, и я поеду». Его приемная мать испекла для него три-четыре хлеба, положила к нему в переметную суму и привязала сзади седла. Были у него еще одна-две гончие собаки; своих гончих он

yak du tāzí am dáštī, watí tāzíānā am go wat zúrtī. watí māsūā gúštī: pa tī rusxáttā! māsūī gúštī: šútäi̯, xudá imána baái! šut.

šápe ǰáe, róče ǰáe, yak čunt roč rá šut, yak ǰáe āt, dístī tā säi̯ buz ant. e buzánī padá gíptī u šútī, yak ǰáe buz átant, čoriká dístī tā säi̯ jänén zág ant. ar säyén kór atant. ar yak buz bi yak jänén zāgäi̯ā āt u uštát. ar ka watí buzá métī. e čoriká am ša yak pānádā laggít, métī. jänikó dastá prent, säi̯l kurt tā dístī, buzái̯ agidá godán šīr na dārít. jänikó ai̯rán būt ki gúštī: e buzá báre kái̯ met? gúḍān watí gwārá gúštī: mnī buzá ta métag äi̯? ā gúštī: na, dādá, man tī buzá na mečín, watí buzái̯ šīránā wartága na kanín. gúḍān begáe duwārá buz átant watí wāūndānīyā, ar ka uštát watí wāūndäi̯ demá. agidá gwáre gušt: ar ka watí buzá āzír bīt, báre e čée ki buzánā mečít! bálkẹ bgíranī, agár amédā mečīt! gúḍān ar ka watí buzá met, tā yáke dístī kẹ mnī buzái̯ godánā yáke peš kašít. eš am dastái̯ čalápt, gúštī: ta jínne wäi̯, jātūe wäi̯, či balée wäi̯, ki ammái̯ buzánā mečái̯? e čoriká gúštī: na jínne un, na ǰātūe un, mardúme un. agár mnā pa brāsdārí kabūl kanít, man šmäi̯ brás a-baín. e jänikó gúštant ki agár ādamī-záte baái̯, trā pa brāsdārí kabūl a-kanán. e gúštī: man ādamī-záte un.

также взял с собой и сказал своей приемной матери: «ну, с твоего разрешения!» Его приемная мать сказала: «ну, раз едешь, будь под покровом божьим!» Он поехал.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней он ехал по дороге, приехал в одно место и увидел: там три козы. Он последовал за козами, поехал и увидел трех женщин; все три были слепы. Козы по одной подошли к каждой женщине и остановились. Каждая стала сосать свою козу. Юноша также подобрался с одной стороны и стал сосать. Девушка стала щупать рукой и заметила, что у козы с другой стороны в вымени нет молока. Девушка удивилась и сказала: «разве эту козу кто-нибудь уже высосал?» Потом она сказала своей сестре: «это ты высосала мою козу?» Та сказала: «нет, сестра, я не сосу твоей козы, мне и от своей козы не съесть молока». Вечером козы опять пришли к своим хозяйкам, и каждая стала перед своей хозяйкой. Другая сестра сказала: «пусть каждая последит за своей козой, кто это высасывает коз! поймаем его, если он здесь сосет!» Каждая стала сосать свою козу, пока одна не заметила, что кто-то потянул вымя козы. Она схватила его за руку и сказала: «джинн ты или ведьма? что́ ты за напасть, что высасываешь наших коз?» Юноша сказал: «я не джинн и не ведьма, я человек, и если вы меня примете в братья, я буду вашим братом». Девушки сказали: «если ты рожденный человеком, мы примем тебя в братья». Он сказал: « я рожден человеком».

gúḍā yak róče būt, e čoriká šut pa šikárā, yak ǰáe āt, dístī tā buzlangíe waptá bi bāgą̈ tā. šut, š-eší bāgą́ tā bāzén nīwáge wártī, bāzénī gidá čítī u watí urǰínā pur kurt. yak ga buzlangí āgą́ būt. āt pa čoríkäą̈ ǰānā́, gúštī: e bāg wāűnd dārít yā nā? čoriká gušt: š-e wāūndā́n sad bīt, čéwā kant? e buzlangí gušt: man trā nišā́n a-daín. yak γúrze dāšt, da pút a-kāt, γurzā́ bāl āúrt pa čoríäą̈ ǰānā́, čorí am be-γaą̈ratí na kurt, ešā́ yak zā́me prent, ša miyānǰínā du kap būt. gúḍān āt, watí aspā́ s"wār būṭ. āt watí gwārānīyā. amé nīwágān dátī ki wártan. yak ga yáke gúštī: wāxäą̈ ǰān, mnī čam páč bűtant. agidá gúštant: ammą̈ čám am páč bűtant.

gúḍān yak čunt waxt e čorí go me watí gwārúkān ništ, gā waxtā́ pa šikárā am šut. yak róče būt, e čorí gušt watí gwārānā́ ki man sapáre dārín, annűn man a-raín, šmā tā wáxte ki man a-kāín, amédā mníndit watí ǰāgā́. gwárī gúštant: čunén sapáre dārą̈? čorí gúštī: man yak wáxte šār u kaláte dāštā́ un wa siyā́d u brās dāštā́ un, na zānín kę bā́ren čón būtág ant. gwárī gúštant ki rawą̈, xudą̈ imā́na baą̈. amā́ int, čorí watí aspā́ suwár būt, watí gwārānā́ gušt ki mnī tāzíānā bandít. ar waxt ki dístit ki tāzí kulúnz-kulúnz kúrtant wa kalándiš zang ǰát-at, gúḍā zā́nit ki mnī sarā́ sakkíe ātá, tāzíānā yęlá kanit. gúḍā š-amódā rādág būt.

Потом наступил день, когда этот юноша отправился на охоту, попал в одно место и увидел, что в саду спит бузланги. Он пошел и поел много плодов из его сада, а еще много других нарвал и наполнил ими свою переметную суму. Вдруг бузланги проснулся, устремился на юношу и сказал: «есть хозяин у этого сада или нет?» Юноша сказал: «пусть хоть сотня будет этих хозяев, что же из того?» Бузланги сказал: «я тебе покажу!» У бузланги была палица весом пудов в десять; он замахнулся палицей на юношу. Юноша также не проявил малодушия, ударил его раз мечом, и тот раскололся на двое Потом он подошел к своей лошади, сел верхом, приехал к своим сестрам и дал им поесть этих плодов. Сразу одна сказала: «ах! мои глаза раскрылись!» Другие сказали: «наши глаза также раскрылись!»

Потом некоторое время юноша пожил у этих сестер; иногда ходил на охоту. Однажды юноша сказал своим сестрам: «мне предстоит путешествие, и я теперь поеду, а вы оставайтесь здесь на своем месте, пока я не приеду». Его сестры сказали: «что у тебя за путешествие?» Юноша сказал: «когда-то у меня был город и крепость, были родные и братья, и что́ сталось с ними, не знаю!» Сестры сказали: «если едешь, будь под покровом божьим!» Вот юноша сел на свою лошадь и сказал своим сестрам: «привяжите моих гончих, и если увидите, что они заскулили и их кормушка покрылась ржавчиной, тогда знайте, что надо мной стряслась беда, и пустите гончих». Затем он пустился в путь.

yak čunt waxt rā́ šut. āt bẹ watí pisā́ i̯ šār u kalátä i̯ nazínkā tā dístī: gis ānčo kúl ant, mardúm pa i̯ dā́ na bīt. amā́ int watí pisā́ i̯ gisā́ i̯ nazínkā átī tā dístī yak ṭuk-ṭúke. ā-kaštírā šut, yak ga ešī gwār kẹ mardúmānā mālánā wárt-at, ešā́ dístī, gúštī: wāx lālā́ jān, man pa tī γamā́n kór un, ta gu ǰā́ būtág ä i̯? brā́sī ša aspā́ er kapt, watí brāsā́ i̯ demā́ čukkítī u gúštī: bdä i̯, tī aspā́ barín, āp däín, lālā́. e čorí gúštī: bar, āp bdä i̯. aspā́ búrtī, bi āpā́ sár na kúrtī u yak pādā́ i̯ wártī u aspā́ pádā áurt go sä i̯ dast u pádā, watí brāsā́ gúštī ki tī asp go sä i̯ dast u pádā ātá, lālā́? ā gúštī: ān. katrā́ i̯ gidá būt, gúštī: tī asp āp a-wárt? čorí guštī: ān. aspā́ búrtī u bi rāā́ i̯ nemágā agidá pādā́ i̯ wart. āúrtī pádā, gúštī: tī asp go du dast u pádā ātá, lālā́? ā čorí gúštī: ān, dādā́, go du dast u pádā ātá. e čorí ša trusā́ íčīe na gúštī, ar če ki ā gúštī, e gúštī: ān. yak katrā́ i̯ gidá būt, gúštī: asp á̱p a-wárt, lālā́? gúštī: ān. aspā́ búrtī pa āpā́. rāä i̯ nemágā agidá lingā́ i̯ wart. duwārág āt pádā, gúštī: tī asp go yak pádā ātá. e gúštī: ān. yak katrā́ i̯ gidá būt, gúštī kẹ tī asp āp wart, lālā́? ā gúštī: ān. búrtī, agidá pādā́ i̯ am wart. sarágä i̯ go lāšáä i̯ káš kurt, āúrt, gúštī: tī asp go sīnágā ātá, lālā́?

Некоторое время он был в дороге. Когда он приблизился к городу и крепости своего отца, он увидел, что дома точно вымерли, и человека нельзя найти. Вот поблизости дома своего отца он услышал постукиванье. Он направился в ту сторону, как вдруг его сестра, которая поедала людей и скотину, его увидела. Она сказала: «ах, братец, я ослепла от тоски по тебе! где ты был?» Ее брат спустился с лошади, она поцеловала своего брата в лицо и сказала: «давай, братец, я отведу и напою твою лошадь». Юноша сказал: «отведи, напои». Она повела лошадь и еще не довела до воды, как отъела у нее одну заднюю ногу. Она привела обратно лошадь на трех ногах и сказала своему брату: «братец, твоя лошадь пришла ведь на трех ногах?» Он сказал: «да». Прошло немного времени, она сказала: «твоя лошадь ведь попьет воды?» Юноша сказал: «да». Она повела лошадь и на полпути отъела у нее еще ногу. Потом привела ее обратно и сказала: «братец, твоя лошадь пришла ведь на двух ногах?» Юноша сказал: «да, сестрица, она пришла на двух ногах». Юноша от страха сам ничего не говорил; что она ни говорила, он поддакивал. Прошло еще немного времени, она сказала: «твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь за водой и на полпути отъела у нее еще ногу. Она опять вернулась и сказала: «твоя лошадь пришла ведь на одной ноге?» Он сказал: «да». Прошло еще немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она отвела ее и отъела у нее еще ногу, а голову с туловищем притащила и сказала: «братец, твоя лошадь ведь на груди при-

e gúštī: ān. duwārág katrā̆ gidá būt, gúštī: tī asp ā̆p a-wá, lālā́? e gúštī: ān. búrtī, aspā̆ lāšā́ wártī, sarágä̆ káš kúrtī, āúrtī, gúštī: tī asp go sarágā ātá, lālá? ā gúštī: ān. e gaští gúštī: tī asp ā̆p a-wá, lālā́? e gúštī: ān. búrtī, sarágā rāā̆ nemágā wártī u átī pádā, aṷsárā káš kurt u āúrtī, gúštī: ta amé aṷsárā s^{u}wā́r būtág ä̆ u ātág ä̆? e guštī: ān. annūn ā watí abárā alás ku.

čorí gušt: man tunnág un, amé gečínā pa man āp pkan u biyā́r. gwā́rī gušt: šarr, man a-raín, āp a-kārín, ta tā wăxte amé tāsā́ ptlíngen. ā šútī, e tāsā́ amédā tlingéntī u níštī, yak ga ša kunḍā̆ tā múške dár kapt, gúštī ki ta bjí kan, ā bā̆t, trā wart. man tā wáxte go litṭíkā tlingenín. čorí š-amédā arkát kurt, šut bi watí pisā̆ inkénā, sä̆ sorā̆ kutág zúrtī wa yak srummadā́ne go šepáge u rādág būt. ā čorífā bil ki brot, abár š-āí gwārá bdä̆.

yak gašt, du gašt jänikó gečínā bę āpá jat. dístī tā íč āp ná ^{w}uštít. yak ga γārī ku, gečínā bál āwúrt u jat ḍigárā u rādág būt. gúštī: kusíe zāg, kāā̆ ki mnā brępenā̆. yak ga man sar bäín, pítṭe ^{w}on bi ḍigárā ma rečít! jinikó āt, dístī tā yak múške go litṭíkā tlin-tlíng a-kánt u brásī édā

шла?» Он сказал: «да». Опять прошло немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь, съела ее туловище, голову притащила и сказала: «твоя лошадь ведь на голове пришла, братец?» Он сказал: «да». И на этот раз она сказала: «братец, твоя лошадь ведь попьет воды?» Он сказал: «да». Она понесла голову, съела ее на полпути, вернулась, притащила конский убор и сказала: «ты ведь сел верхом и приехал на этом конском уборе?» Он сказал: «да». Теперь она закончила свои речи.

Юноша сказал: «я хочу пить, налей в это решето для меня воды и принеси». Его сестра сказала: «хорошо, я пойду, принесу воды, а ты пока поколоти в эту чашу». Она пошла, а он остался колотить в чашу, как вдруг из норы выскочила мышь и сказала: «беги, а то она придет и съест тебя! я пока постучу хвостом». Юноша поднялся оттуда, пошел к месту бывшей стоянки своего отца, взял там три золотых подножки для очага и мешочек для сурьмы с кисточкой и пустился в путь. Оставь этого юношу, пусть он идет, и расскажи про его сестру!

Раз или два девушка погрузила решето в воду. Она увидела, что вода в нем не держится, рассердилась, подняла решето, бросила его на землю и пустилась в путь. Она сказала: «порождение блуда, ты хочешь меня обмануть! я живо доберусь до тебя, даже капля твоей крови не прольется на землю!» Девушка пришла, увидела, что это мышь стучит хвостом, а ее брата там нет.

näi̯nt. ǰinikó zántī ki mnī brās ǰistá u kapt bi muškā̆i̯ padā̆. mušk putrít bi kundā̆i̯ tā. ǰinikó binā̆ ku bi pač dātínā. mušká gíptī, yak dapárī kurt u kapt watí brāsā̆i̯ padā̆. búrtī, yak ǰāi̯ ešā̆ rasént. ā am yak kutáge sorā̆i̯ prénti, eš am amā̆ kutágā zurt u pádā āt, e kutágā íštī u duwārág kapt bi aí padā̆. duwārág nazzínk kurt ā̆e rā. ā gidá kutáge prent, eš am zúrtī u pádā āt. duwārág kutágā íštī u kapt bẹ āí padā̆. duwārá ešā̆ nazzínk ku. e gidá kutáge prent, e kutágā am zurt u āwúrt pádā, íštī, duwārág káptī bi padā̆i̯.

tā wáxte āngā̆t e sar na bū̆t-at, yak ga čoriká šepágā bi ḍigárā ǰátī u sarā̆i̯ ništ u yak duā̆e kurt ki amé šepág yak dráxte būt ki sárī bi āsmánā rasít. ǰänikó am āt, gúštī: kū̆nī zāg, bi draxtā̆ bālā̆ būtág ä̈i̯, ša mnī dastā̆ alás a-baā̆i̯, wa binā̆ kurt bi draxtā̆i̯ arrá kurtínā go watí dantánān. brásī gušt: boš, dādá, pa^{t} ta šā̆re bgušín. gwárī gušt: bguš, šarr. čoriká gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā̆, kala-šéri man. e·ǰinikó gúštī: watí māsā̆i̯ mardánā tawā̆r a-kanā̆i̯ u binā̆ ku bẹ arrágä̈i̯ kurtínā. yak katráe arrá ku, čoriká gúštī: boš, dādá, pa^{t} ta šā̆re duwārág bgušín. ǰänikó gúštī: bguš. čoriká duwārá watí tāzí^{y}ānā tawā̆r a-kū̆rt u yak šā̆re gušt: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā, kala-šéri man. ǰänikó gúštī: watí māsā̆i̯ mardánā tawā̆r a-kanā̆i̯,

---

Девушка поняла, что брат убежал, и бросилась за мышью. Мышь спряталась в норе, девушка стала ее раскапывать. Она поймала мышь, разом ее проглотила и погналась за братом. В одном месте она его настигла; он бросил одну золотую подпорку для очага. Она взяла эту подпорку, вернулась, оставила эту подпорку и вторично бросилась вслед за ним. Вторично она приблизилась к нему; он бросил другую подпорку. Она взяла ее, вернулась, положила подпорку, бросилась вслед за ним и вторично приблизилась к нему. Он бросил еще другую подпорку. Она ее взяла, принесла обратно и опять бросилась за ним.

Пока она его еще не настигла, юноша бросил на землю кисточку для сурьмы и сел на нее. Он сотворил молитву, и кисточка сделалась деревом, вершина которого доходила до неба. Девушка подошла и сказала: «порождение блуда, ты забрался на дерево, чтобы выскользнуть из моих рук!» и принялась подпиливать дерево своими зубами. Ее брат сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку». Его сестра сказала: «хорошо, спой!» Юноша сказал: «лев мой, о мой лев, скорей приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» и принялась пилить. Когда она немножко попилила, юноша сказал: «подожди, сестрица, я еще раз спою тебе песенку». Девушка сказала: «спой!» Юноша вторично стал звать своих гончих и запел песенку: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей

pa mnī balāāḭ janíā tawár kanāḭ. duwārág biná kurt pa arrágäḭ kurtínā. ešá bil ki amédā arrág kant, ša tāzíʸān goš pkaš.

tāzí zānánt ki ammāḭ wāūndäḭ sará sakkíe ātá, biná kúrtant kulúnz-kulúnż kurtínā. eší gwār säḭl kúrtant ki kalánḍ zang jatá, tāzí am kulúnz-kulúnz a-kanánᵗ. yakḭga tāzíʸānā elá kúrtant. tāzíānā bil ki kam-kam biánt démę čoríā.

čorí dístī ki draxtá nazínk kurtá ki arrág pkant. duwārág gúštī ki boš, dādá, paᵗ ta šāre bgušín. e gúštī: bguš. duwārág čoriká šāre gušt pa watí tāzīán: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyá, kala-šéri man. yak gašt jänikó gúštī: watí māsāḭ mardánā tawár a-kanāḭ. duwārág laggít bi arrágäḭ kurtínā. tāzí am rasítant. čoriká gúštī: bgirít kúnīʸā! tāzí ešá gíptant ki tál dayánt. yak ga jänikó gušt ki brāsāḭ čámm a-gardánt u gwārá tāzí kāyánt ki tál dayánt. yak ga eší brās gušt: elá bdāitī! tāzí ešá elá dátant. eš am arkát ku, bi draxtá laččít u arrág kurt. duwārá čoriká gúštī: bgíritī! e gaští ar če gúštī, brásī gušt: čuk-čúkī pkanit. gwárī gúštī ki mnā kuštínā kušāḭ u yak abáre dārín, yak ga watí tāzíʸānā bguš kę bóštant. čoriká tāzíāna gúštī: elá kánitī! jänikó gušt: mnī gutṭāḭ rāá yak moráge ast, ar kadén ki mnā kúštant tāzí, gúḍān ta er kap u biyá, amé morága ša mnī gutṭāḭ rāá dūr

---

своей матери! и зовешь на мою погибель!» Она опять принялась пилить. Оставь ее, пусть здесь пилит, послушай про гончих!

А гончие понимают: «ведь с нашим хозяином случилась беда!» и заскулили. Его сестры увидели, что кормушка покрылась ржавчиной, а гончие скулят, и тотчас пустили гончих. Оставь гончих, пусть они постепенно приближаются к юноше!

Юноша увидел, что она уже почти распилила дерево. Он опять сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку!» Она сказала: «спой». Опять юноша запел песенку для своих гончих: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сразу сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» опять принялась пилить, но гончие уже подоспели. Юноша сказал: «хватайте ее за зад». Гончие схватили ее, чтобы растерзать. Девушка сказала: «брат глазеет, а сестру собираются растерзать гончие!» Ее брат сказал: «отпустите ее!» Гончие ее выпустили. Она рванулась, схватилась за дерево и стала пилить. Юноша опять сказал: «разорвите ее!» На этот раз, что́ она ни говорила ее брат сказал: «разорвите ее!» Его сестра сказала: «убивать меня убей, но я имею нечто сказать! скажи своим гончим, чтобы подождали!» Юноша сказал гончим: «отпустите!» Девушка сказала: «у меня в горле есть бусина; как только гончие меня убьют, ты спустись, подойди и вынь из моего горла

kan u bar, psóčī u urt kan u amắ watí pisặ́ šār u kalắtạ̈ miānǰínā pāš bdạ̈, gúḍā múčči māl u mardúm zindág a-bayánt. e ǰinikó ki watí abárā alás ku, čoriká tāzíānā gúštī: bgíritī. tāzí am ešắ ṭukkúr-ṭukkúr kúrtant u préntant.

čoriká ša draxtắ ér kapt u āt, amé morágā š-eší gutṭắ dūr kurt u šut bi watí pisặ́ šārắ pádā. morágā ṣótī u urt-úrtī kurt u āt bi šārặ́ miānǰínā, amé morágạ̈ purránā pāš dāt tā dístī, múčči zindág bū̃tant. gúštant: čon wápt-atan, ammắ rā pād kúrtạ̈! čoriká āt watí pis u mắsäyā, gúštī: wáxte ki man šmā rā gúštun ki watí ǰiníkā ziyán pkaníṭ, šmā pa mnī ǰānắ γár kurtit. dístit, šᵘmā rā čon ziyán kurt! mắsī gúštī: ammắ čéwā zántan kẹ ā é ḍaụlắ kant. annū́n ar ka bi ʷatí murádā rast, š-amódā ǰístun u bástun, pa wat imắn āwúrtun, pa ta dištáre.

V

būt na būt, ša mašmặ́ xudắ getíṛ káse na būt. yak pādišắe at. amé pādišắ dāšt sạ̈ zāg wa yak ǰinéne. amé pādišắạ̈ ǰinénā ič ǰiníkā na būt. amé pādišắ mudắm xudắ-xudắ kurt ki ạ̈ xudắ, ta mnā yak ǰiníke bdạ̈, bil

---

эту бусину; отнеси, сожги, измельчи ее и посыпь в середине города и крепости твоего отца,. тогда все оживут, и люди, и животные». Как только девушка окончила свои слова, юноша сказал гончим: «хватайте ее!» Гончие разорвали ее на куски и бросили.

Юноша спустился с дерева, подошел, вынул у нее из горла эту бусину и пошел к городу своего отца. Он сжег бусину, измельчил ее, пришел в середину города и рассыпал пепел от этой бусины; увидел, что все ожили. Они сказали: «как мы спали! ты разбудил нас!» Юноша подошел к своему отцу и матери и сказал: «когда я вам говорил, чтобы вы уничтожили свою дочь, вы на меня разгневались! теперь вы увидели, как она погубила вас!» Его мать сказала: «разве мы знали, что она так поступит?» Теперь каждый достиг своего желания. Я оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя невесту.

(V. О четырехглазом брате и сестре ведьме, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына и одна жена. Дочерей у жены этого царя вовсе не было. Царь все время призывал бога, говоря: «о боже, даруй мне дочку!

tā ǰātūe bīt yā ǰíne bīt, mul námī ǰiníke bīt. yak čunt waxt gwast, xudā bi eší ǰiníke dāt. amé ǰiník ǰātūe at. ša amé pādišāäi̯ säi̯én zāgán yáke nām Lālói̯ čār-čam at. amé Lālói čār-čam čār čam dāšt, watí du čamā wāpéntī wa go dúi digárā sāi̯l a-kúrt. amé Lālói čār-čam yak šápe at, amé watí pisāi̯ gisāi̯ dapā wapt. amédā ki wápt at, bi amé šapāi̯ nemágā amé ǰinikó ustát u wat rā ša bandókā páčī kurt u š-amédā šut. amé Lālói̯ čār-čámi pisāi̯ gisāi̯ ā pānāḍā uštúr ǰukít atant. amé ǰinikó šut, yak gaḍúke paḭdāī kurt u āúrt, yak gogírde am šut, paḭdāī kurt u āúrt. ātíše ǰátī, amé ušturánī ǰagár u dilānā kašít wa bi amé watí gaḍúkäi̯ tāī kurt u pakít u wart u š-amédā pádā bír gašt u šut, watí pučānā zurt u bi watí gwarā kurt u pa duwārág šútī, bi watí māsāi̯ bagálā wapt. amé Lālói čār-čam íčī na gušt.

šapí wáptant. tāríenā ustátant. amé Lālói̯ čār-čam go watí pisā gúštī: äi̯ bābā, man trā yak abáre däín, ta čéy a-gušāi̯? ta mnā na ǰanāi̯? ameší pis gušt: man trā ič waxtā na ǰanín. amé Lālói čār-čam gúštī: äi̯ bābā, amé tī ǰiník āxírā pa ta balāe bīt. ameší pis gušt: pa če, bābā? amé Lālói čār-čam gušt: amé tī ǰiník ǰātūe, man doší bi tī gisāi dapā āt-atun, wápt-atun. yak wār dístun tā amé tī ǰiník wat rā ša ǰunṭā prent u ustát, watí ǰulānā ša watí ǰānā préntī, wat š-amédā ustát u šut, amé mašmāi̯ gisāi̯ áškäi̯ ušturánī

пусть будет ведьма или джинн, лишь было бы название дочки!» Прошло некоторое время, и бог дал ему дочь. Эта дочь была ведьма. Из трех царских сыновей один был по имени Лалу четырехглазый. У этого Лалу четырехглазого было четыре глаза: двум глазам он давал спать, а двумя другими смотрел. Однажды ночью этот Лалу четырехглазый пришел ко входу в дом своего отца и лег спать. В полночь, когда он спал, девочка встала, раскрыла свои пеленки и вышла. А с той стороны дома отца Лалу четырехглазого спали верблюды. Девочка пошла, отыскала и принесла котел; пошла также за спичками, нашла и принесла их. Она развела огонь, вытащила из верблюдов сердце и печень, положила в котел, сварила и поела. Потом она вернулась, взяла свои одежды, завернулась в них и опять легла со своей матерью. Лалу четырехглазый ничего не сказал.

Ночь проспали, на утро встали. Лалу четырехглазый сказал своему отцу: «батюшка, я хочу тебе кое-что сказать! ты что скажешь? не побьешь меня?» Его отец сказал: «я тебя никогда не побью». Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, эта твоя дочка в конце концов будет для тебя несчастьем» Его отец сказал: «почему, сынок?» Лалу четырехглазый сказал: «эта твоя дочь — ведьма: я ночью подошел к дверям твоего дома и лег спать, как вдруг увидел: твоя дочь выскочила из колыбели, встала и сбросила с себя свои пеленки; пошла оттуда, вытащила сердца из верблюдов с той стороны нашего

dilā́nā kašítī, āúrtī u šut, yak gaḍúke paḭdáī kurt u āúrt u amé dilā́nā bi tā́ḭ préntī u š-amédā šut, yak γábe gogírd paḭdáī kurt u āúrt, amé goštánā pakít u wártī, pa duwārág padóī bir gáštī u átī, watí ǰulánā bi watí gwará kurt u š-amédinā šut, bi watí māsā́ḭ bagálā wáptī. amé pādišā́ go watí zāgā́ go Lālói čār-čam gúštī: man aláu̯-balā dārín yak ǰiníke, anūn ta káyäḭ ki ameší rā pa man mā́ḭläḭ! amé Lālói čār-čam gúštī: bābā́, pa man e tī ǰiník, amā́ amé tī ǰiník āxírā pa ta yak balā́e bīt. amé pādišā́ go Lālói čār-čam gúštī: e tī kār nā́ḭnt-a, ta ša mnī gisā́ ar ǰā ki rawā́ḭ, bra!

karár amé Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi yak ǰāgā́e, gušnág būtī. amé watí kitóā sā́ḭlī kúrtī, dístī tā bi amé mnī kitóā apt dānág urmā́g ast. amé urmā́gānā kašítī u wártī u amé gaḍágāniš bi yak ǰuwā́ḭ kirrá kúrmī kurt u wat š-amódinā šut bi yak ǰāgā́e, dístī tā amédinā yak koná táme ast. yak wār amé Lalói čār-čam š-amédinā šut bi amé koná támäḭyā, dístī tā amédinā säḭ ǰinén zāg ast. karár amé Lālói čār-čam íčī na gúštī u amédinā srapítī, šapí amédinā níštī, dístī: ša āsmánā säḭ nān kapt. amé Lālói čār-čam ša amé nānán yak-yak lunká pa wat próštī u íčī na gúštī. dístī tā š-amé gisā́ḭ tā säḭ kor átant, amé nānána pa wat búrtant. amé Lālói čār-čam, yak sáte digár būt, dístī tā š-amíngūr säḭ buz átant. yak wār amé Lālói čār-čam amé buzánā

дома и принесла их. Потом она пошла, отыскала и принесла котел, положила в него сердца; опять пошла за коробкой спичек, нашла и принесла их; это мясо она сварила и съела, а потом она вновь вернулась, завернулась в свои пеленки и легла спать к своей матери». Царь сказал своему сыну, этому Лалу четырехглазому: «всего-то и есть у меня одна дочь, а теперь ты хочешь и ее у меня не оставить!» Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, для меня она твоя дочь, но в конце концов эта твоя дочь станет для тебя несчастьем!» Царь сказал Лалу четырехглазому: «это не твое дело, уходи из моего дома, куда хочешь!»

Итак, Лалу четырехглазый пошел оттуда в другое место. Он проголодался, стал смотреть у себя в кармане и увидел, что в кармане есть семь штук фиников. Он вынул и съел эти финики, а косточки закопал на берегу одной канавы. Оттуда он пошел в другое место и увидел, что там есть старая постройка. Лалу четырехглазый пошел к этой старой постройке и увидел, что там три женщины. Лалу четырехглазый ничего не сказал, спрятался здесь, пробыл здесь ночь и увидел, что с неба упало три хлеба. Лалу четырехглазый отломал для себя по кусочку от этих хлебов и ничего не сказал. Потом он увидел, что из этого дома вышли три слепых (женщины) и унесли эти хлебы с собой. Прошло некоторое время; Лалу четырехглазый увидел, что с этой

gipt u š-ar buzą̄ą̈ māígā yak-yak glum šīr wártī u gúḍinā amé buzą́nā elá kúrtī. yak katráe digár ki bū́tī, dístī: amé kor á̄tant, amé buzą́nā búrtant, dúštant, dístant tā buz šīr zabr na dāránt. múčī go wat gúštant ki pa če buz maróčī šīr na dāránt? amé ki watí nānánā säą̈l kúrtant, dístant tā ša nānánī čunḍą́ am dūr kurtagí. karár amé kor gúštant: mašmą́ maróčī amé watí gisą̄ą̈ tā bgardán, ar ḳas ki bīt, mašmą́ āí rā wát a-gindán. amé kor gírdī yak ǰā bū́tant u amé watí gisą̄ą̈ čār daṛą́ gíptant u yak wār amé Lālói čār-čą́mā dístant. amé ki dístantī, yak wār amé Lālói čar-čam gúštī: šmā mṇā íčī má kanit, man am šmäą̈ yak bráse un. amé säyén kor gúštant: ā ḍol ki bīt, amą́ ıī xaą̈rát a-bayán! amé náne ki pa amą́ kāą̈t, amé nānánā go amą́ bor, amé buzą́nā bar pa čarentínā.

amé zāg amé buzą́nā búrtī pa čarentínā. dístī tā amé buz amíngūṛ a-rawánt. ā íčī na gúštī u amé buzą́nā elá kúrtī tā šútant. wat am amé buzą́nī padą́ šútī. šútī, šútī, bi yak ǰāgą́e dístī: amédinā yak bą́ge. amé Lālói čār-čam šútī, putrít bi amé bāgäą̈ tā, dístī tā amédinā yak gisídäą̈ dráxte ast. amé Lalói čār-čam go wat gúštī: man maróčī ša amé gisidą́n agár pa watí gwārą́n ma barín, íčča na bīt. amé Lālói čār-čam bi amé draxtą̄ą̈ sará bālą́ būt. ta bzą́näą̈ bi amé draxtą̄ą̈ čérā yak buzlangíe wą́b int-a u bi amé

стороны пришли три козы. Лалу четырехглазый схватил этих коз; попил понемногу молока из вымени каждой козы и отпустил этих коз. Когда прошло еще немного времени, он увидел, что слепые подошли, отвели коз, стали доить и заметили, что у коз нет, сколько следует, молока. Все они сказали друг другу: «что это сегодня у коз нет молока?» Когда они стали ощупывать свои хлебы, они заметили, что и у хлебов края отломаны. Наконец, слепые сказали: «поищемте у себя дома: кто бы он ни был, мы его найдем!» Слепые собрались вместе, окружили свой дом и нашли Лалу четырехглазого. Когда они нашли его, Лалу четырехглазый сказал: «ничего со мной не делайте, я тоже один из ваших братьев!» Эти трое слепых сказали: «если так, то мы для тебя готовы пожертвовать собой! ешь вместе с нами этот хлеб, который к нам попадает и води этих коз пастись».

Юноша повел коз пастись. Когда он повел их пастись, он увидел, что козы идут в сторону. Он ничего не сказал, позволил козам итти и сам пошел вслед за ними. Шел, шел и увидел, что в одном месте есть сад. Лалу четырехглазый пошел туда, вошел внутрь сада и увидел, что там есть дерево из кораллов. Лалу четырехглазый сказал про себя: «никак нельзя, чтобы я сегодня не унес этих кораллов для своих сестер». Лалу четырехглазый взобрался на верх этого дерева. А тебе нужно знать, что под этим деревом спит

buzlangíäḭ lāpā́ḭ sará yak tāse brinǰíen ast. amé ki Lālói čār-čam amé draxtā́ḭ gisídānā sístī, yak wār yak gisídäḭ dānáge sist u kapt bi amé tāsā́ḭ sará. amé tās tlang u tawā́r kúrtī, yak wār amé buzlangí ustátī, sā́ḭlī kúrtī, dístī tā aní Lalói čār-čam bi amé draxtā́ḭ sará int-a. yak wār amé kāperén buzlangí amé Lālóī čār-čámī dastá gipt, ša amé burzágäḭ sará érī kurt u amé Lālói čār-čámī dast u pādā́nā go čilúkā bástī u yak ašt čābúk āúrtī u bi amé Lālói čār-čámā ǰátī. amé Lālói čār-čam gúštī: bābá, pa e čābúkäḭ wašíyā! yak wār amé bīyáklen buzlangí bāwár kúrtī wa go amé zāgá gúštī: man anū́n trā páč a-kanín, ta gúḍinā mnī pādā́nā band. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé buzlangí amé Lālói čar-čámī pādā́nā páčī kúrtī wa wat rā préntī bi ḍigárā, go Lālói čār-čam gúštī: anū́n biyá, mnī dast u pādā́nā band. amé Lālói čār-čam amé čilúkānā āúrtī u amé buzlangíyäḭ dast u pādā́nā sak go čilúkā bástī u amé čābúkānā zúrtī, látī kúrtī bi amé buzlangíyäḭ ǰānā́. yak wār amé buzlangí gúštī: anū́n bás int-a! amé zāg gúštī: bas näḭnt-a, man trā kušín. yak wār amé buzlangí gúštī: ta ki mnā kušā́ḭ, nápa ǰuwā́n int-a, magár amé mnī guṭā́ḭ rāäḭ dapá yak säḭ sabzén morág ástant, ta amé morágānā dár pkan u bar, psá u amíngūr säḭ ǰiník ant kóren, bi amá ǰinikā́nī čamā́n muš, gúḍinā amá ǰinikā́nī čam drūá bayánt. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a.

бузланги, и на животе у этого бузланги медная чаша. Как только Лалу четырехглазый стал рвать кораллы с дерева, вдруг одна штука кораллов оторвалась и упала на эту чашу. Чаша зазвенела и зазвучала, бузланги встал, осмотрелся и увидел, что Лалу четырехглазый на верху дерева. Тотчас этот поганый бузланги схватил Лалу четырехглазого за руку, спустил его сверху и связал ему веревкой руки и ноги. Потом он принес штук восемь плетей и стал бить Лалу четырехглазого. Лалу четырехглазый сказал: «спасибо, батюшка, за сладость этой плети!» Глупый бузланги поверил и сказал юноше: «я теперь тебя развяжу, а ты свяжи мне ноги». Лалу четырехглазый сказал: «хорошо!» Бузланги развязал ноги Лалу четырехглазому, лег сам на землю и сказал Лалу четырехглазому: «ну, теперь иди и свяжи мне руки и ноги». Лалу четырехглазый принес веревки, крепко связал веревками руки и ноги бузланги, взял плети и стал бить бузланги по телу. Бузланги сразу сказал: «теперь довольно!» Юноша сказал: «нет, не довольно, я тебя убью!» Бузланги сказал: «раз уж ты меня убиваешь, хорошо! только у меня в горле есть три зеленых бусины, ты эти бусины вынь, отнеси и истолки, — а здесь есть три слепые девушки, — так ты помажь ими глаза этих девушек, и их глаза исцелятся». Лалу четырехглазый сказал: «очень хорошо».

yak wār amé buzlangíyā kúštī u amé säén morágānā ša amé buzlangíyäḭ guṭáḭ rá dūrī kúrtī u búrtī bi amá watí gwāránīyā. amé ki búrtī bi wátī gwāránīyā, go amé watí gwārán gúštī: äḭ dādán, agár man šmäḭ čamánā drūá pkanín, šmā mnā čéwā dáit? amé kor gúštant: agár, lālá, ta amáḭ čamánā drūá kúrtäḭ, ša amá säḭl pkan, guǰám ǰuwānéne, amáe rā bgir. amé Lālói čār-čam šut, yak sínge paḭdáī kurt u āúrt, amé morágānā gipt u kuṭít, zabr úrtī kúrtī u sáptī u šut, yak káme āp āúrtī, amé morágānā āp kašít u búrtī, amé säén koránī čamánā piṭént. amé kor drūá bútant. amé Lālói čār-čam ša amešánī tā yak ǰiníke rā gíptī, agdár am pa eší kár a-kúrtant.

karár yak čunt waxt bútī, amé Lālói čār-čam pa wat du tāzí zítī u āúrtī bi watí gisá, go amé watí ǰinénā gúštī: man anún a-raín bi watí pisáḭ šārá ki čón int-a āí awá. amé ǰinénī gúštī: ǰuwán int-a, bra. Lālói čār-čam gúštī: ar waxt dístäḭ tā amé māšmáḭ tāzí klunz-klunz kúrtant, gúḍinā ta bzánäḭ ki bi mnī sará sakíe ātagí, ta amé tāzīyánā elá pkan.

karár Lālóī čār-čam š-amódinā šútī bi watí pisáḭ šārāḭyā. amé ki átī bi watí pisáḭ šārāḭ pānádā, uštát, góšī kašít, íčīyäḭ tawár náḭnt-a, yak ášš̈äḭ tawáre ast, digár íčīyäḭ tawár náḭnt-a. karár átī, dístī tā amídinā yak áspe go zená bastagí. amé Lālói čār-čam amé aspá suwár bútī u áḭ kúrtī u šútī

Он убил бузланги, вынул из его горла эти три бусины и отнес их своим сестрам. Когда он отнес их своим сестрам, он сказал им: «сестрицы, что́ вы мне дадите, если я вылечу ваши глаза?» Слепые сказали: «братец, если ты вылечишь наши глаза, посмотри сам, и которая из нас хороша, ту и возьми». Лалу четырехглазый пошел, отыскал камень и принес его; взял эти бусины, раздробил, растолок и хорошо измельчил их; сходил и принес немного воды, полил воды на эти бусины и накапал в глаза трем слепым. Слепые исцелились. Лалу четырехглазый взял из них одну девушку в жены, а другие на нее работали.

Прошло некоторое время. Лалу четырехглазый приобрел себе двух гончих собак, привел к себе домой и сказал своей жене: «я теперь отправлюсь в город своего отца, как-то он поживает?» Его жена сказала: «хорошо, отправляйся!» Лалу четырехглазый сказал: «как только ты увидишь, что наши гончие заскулили, тогда знай, что со мной случилась беда, и отпусти этих гончих».

Итак, Лалу четырехглазый отправился в город своего отца. Как только он приблизился к городу своего отца, он остановился и стал прислушиваться: ничего не слышно, слышен только стук ручной мельницы, никаких других звуков нет. Он подошел и увидел, что здесь привязана оседланная лошадь. Лалу четырехглазый сел на эту лошадь, погнал ее и поехал в город. Вдруг он

bi šārą́yā, yak wār dístī tā mnī ǰātűen gwār átī. ā go watí brāsą́ gúštī: ą̈ lālą́, tī asp tunág-u nąint-a? amé Lālói čār-čam gúštī: tunág int-a, dādą́. amé aspą́ zurt u burt démę āpą́. bi āpą́ sarą́ na búrtī wa amé aspą́ du dastą́ wártī. amé ki du dastą́ wártī, gúḍinā amé aspą́ zurt u āúrtī bi pádā bi Lālói čār-čámīyā wa gúštī: ą̈ lālą́, ta watí aspą́ bi du pādą́ sarą́ āurtág ą̈? amé Lālói čār-čam gúštī: ān, dādą́. amé aspą́ bi pádā búrtī. yak wār amé Lālói čar-čam są́ilī kúrtī, dístī tā bi amé mnī pisą́ šārą́ tā ič kas na māntagí, múčānā e be-dín wartagí.

yak katráe digár būt, amé ǰātű átī bi Lālói čār-čámīyā, gúštī: ą̈ lālą́, ta tunág-u ná wą̈? yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man tunág un. amé ǰātű, amédā yak gečíne átī, amé gečínā zurt u burt ki āp pkant u biyárīt. amé ki ā āngūrí šut, yak wār yak múške átī, amé Lālói čār-čámā gúštī: ą̈ gisotág! ta bra, ša purán yak káme bzūr u bi yak pučą́ tā band u biyár. amédinā lakatáb pkan u wat bǰī, ša amé sorą́ kutágān am bzūr u bǰī. agár ā bą̄it, gisotág trā kušít. amé Lālói čār-čam šut, yak káme pur āúrtī, bi amé pučą́ tāī kurt u pučą́ dapą́ bástī u āúrtī, amédinā lakatábī kúrtī u wat šut, są̈ sorą́ kutág zurt u šut.

увидел: это ведь подошла моя сестра-ведьма! Она сказала: «братец, твоя лошадь не хочет пить?» Лалу четырехглазый сказал: «она хочет пить, сестрица». Она взяла лошадь и повела к воде. Как только она стала вести ее к воде, еще до воды ее не довела, как съела у этой лошади обе передние ноги Когда она съела ее передние ноги, она взяла лошадь, привела ее обратно к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты ведь свою лошадь привел только о двух задних ногах?» Лалу четырехглазый сказал: «да, сестрица». Она повела лошадь обратно. Когда она повела ее обратно, Лалу четырехглазый стал смотреть и увидел, что в городе отца никого не осталось: всех переела эта неверная!

Прошло немного времени, эта ведьма вернулась к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты не хочешь пить?» Лалу четырехглазый тотчас сказал: «я хочу пить». Там было решето, эта ведьма взяла это решето и понесла, чтобы набрать и принести воды. Когда она туда пошла, вдруг подошла одна мышь и сказала Лалу четырехглазому: «о горемыка, иди, набери немного золы, набей ею что-нибудь из одежды и принеси и повесь ее здесь, а сам беги! захвати с собой сколько-нибудь из этих золотых подпорок для очага, и беги! ведь если она придет, она убьет тебя, горемыку!» Лалу четырехглазый пошел, взял немного золы и насыпал ее в одежду, завязал отверстия одежды, принес и повесил ее, а сам пошел, взял три золотых подпорки для очага и ушел.

dérā ki būt, amé ǰātū́ átī, sā̤ilī kúrtī, dístī tā Lālói čār-čam ídinā nā̤int-a. yak wār amé ǰātū́ š-amódinā šut bi gisánī tā. amé ki amé puránā dístī, e gúštī: bálken amé Lālói čār-čám int-a! yak wār amé ǰātū́ arkátī kurt pa amé puránī ǰāná, dístī, tā amé pur bi mnī čamán rétant. tānáxten ki e wātí čamánā múštī, amé Lālói čār-čam panč parsáx rá šútī. gúḍinā e ki bālá bū́tī, amé gisā̤i sará, dístī tā Lālói čār-čam guǰám-ādiná int-a ki rā̤ut. yak wār amé ǰātū́ bi amé Lālóī čār-čámī padá káptī u šútī, raséntī. amé ki raséntī, ā am yak sorā̤i kutáge rā gipt u prošt u préntī. amé ǰātū́ amé tilā̤ā̤i kutágā̤i čunḍá āúrtī padá.

yak wār amé Lālói čār-čam š-amódinā ǰist u šut bi amá watí draxtánīyā. amé ki átī bi amé draxtánīyā, yak wār bi amé draxtā̤i sará suwár bū́tī, sā̤ilī kúrtī, dístī tā ǰātū́ a-ǰít u kā̤it. amé ki ǰātū́ átī, bi amé draxtā̤i sará sā̤ilī kurt, dístī: ā Lālóī čār-čám int-a ki bi draxtā̤i sará suwár būtagí. yak wār amé ǰātū́ go watí dantánān amé draxtá arágī kurt. yak wār Lālói čār-čam ǰístī u šútī, bi agdá draxtā̤i sará bālá bū́tī. yak wār amé ǰātū́ šútī bi amá draxtā̤iyā ki arág pkant go watí dantánān. yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man yak šā̤re gušín. amé ǰātū́ gúštī: bguš. amé Lālói čār-čam gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zū biyá kal-šéri man. yak wār amé

Когда прошло много времени, эта ведьма пришла, стала смотреть увидела, что Лалу четырехглазого здесь нет, и пошла по домам. Когда она увидела эту золу (в подвешенной одежде), она сказала: «наверное, это Лалу четырехглазый!» Она двинулась к туловищу, набитому золой, и стала рассматривать, как вдруг эта зола посыпалась ей в глаза. Пока она протирала свои глаза, Лалу четырехглазый прошел уже пять Фарсахов. Она поднялась на верх жилища, и тогда увидела, в какую сторону направился Лалу четырехглазый. Тотчас она устремилась вслед за ним и стала догонять его. Когда она уже догоняла его, он взял одну из золотых подставок для очага, разломал и бросил. Эта ведьма отнесла обратно золотые обломки.

А Лалу четырехглазый сразу побежал оттуда и направился к тем своим деревьям (выросшим из финиковых косточек). Как только он добрался до этих деревьев, он тотчас залез на верхушку дерева, стал смотреть и увидел, что ведьма уже подбегает. Когда ведьма приблизилась и посмотрела на верхушку дерева, она увидела: да ведь это Лалу четырехглазый уселся на верхушке дерева! Тотчас эта ведьма принялась распиливать дерево своими зубами. А Лалу четырехглазый соскочил, побежал и забрался на верхушку другого дерева. Тотчас эта ведьма направилась к этому дереву, чтобы и его распилить своими зубами, как вдруг Лалу четырехглазый сказал: «я спою песенку!» Ведьма сказала: «спой!» Лалу четырехглазый запел: «лев мой, о мой лев, скорее приходи,

Lālói čār-čámī tázī átant, yak wār amé Lālói čār-čam go amé watí tāzíyān gúštī: bgíritī, lāpą́ tál bdą́t u pkúšitī. amé ǰātū́ gúštī: ta yak wār mnā ma kuš, man go ta yak abáre däín. Lālói čār-čam gúštī: nápa ǰuwán int-a, bguš. amé ǰātū́ gúštī: ta ki mnā kušą́, amé mnī guṭą́ rāą́ dapá yak morége. ta amá morágā bzūr u psa u āp kaš u bar bi watí pisą́ šār u kalátą́ demá piṭén. gúḍinā tī pis u tī más gírdī zindág a-bayánt. amé Lālói čār-čam go amé watí tāzíyān gúštī: anū́n pkúšitī. amé ar duén tāzí gíptant amé ǰātūā kúštant.

amé ki kúštantī, yak wār amé Lālói čār-čam amá morágā ša ǰātū́ą́ guṭą́ rá zúrtī u búrtī bi watí pisą́ šāráyā. ódinā amé morágā go yak sínge urt kúrtī u go yak badráe ápa am āúrtī. amé morágā búrtī, bi amé āpánī tā préntī u amé āpánā búrtī, bi watí pisą́ šar u kalátą́ išk u áškā rétī. ameší pis zindág bū́tī wa múčī zindág bū́tant. karár amé Lālói čār-čam ša watí pisá pursítī ki ą́ bābá, ǰiník zábr int yā zāg? amé pādišá gúštī: sad ǰiníkā xaírát pkanín pa yak zāgą́ sará, zāg zábr int-a! Lālói čar-čam šut, watí ǰinénā zúrtī u átī bi watí pisáyā, go watí pisá mántī. man š-amódinā jístun, bástun, pa wat yak imáne āúrtun.

о мой лев!» Тотчас прибыли гончие Лалу четырехглазого, и он сказал им: «схватите ее, разорвите ей живот и убейте ее!» Ведьма сказала: «погоди немного убивать меня, я хочу тебе сказать кое-что!» Лалу четырехглазый сказал: «хорошо, говори!» Ведьма сказала: «раз уж ты убиваешь меня, — а у меня в горле есть одна бусина, — так ты эту бусину возьми, истолки, полей ее водой, отнеси и посыпь на поверхность города и крепости твоего отца, и тогда твой отец и мать, и все оживут!» Лалу четырехглазый сказал своим гончим: «теперь убейте ее!» Обе гончие схватили и убили ее.

Когда они ее убили, Лалу четырехглазый вынул бусину из горла ведьмы и отнес к городу своего отца. Там он камнем измельчил эту бусину, принес ведро воды и бросил бусину в воду, а воду отнес к городу и крепости своего отца и повсюду полил. Его отец ожил, и все ожили. Тогда Лалу четырехглазый спросил у своего отца: «ну, батюшка, кто лучше, дочь или сын?» Царь сказал: «я сто дочерей пожертвую за одного сына, сын лучше!» Лалу четырехглазый пошел, взял свою жену, вернулся к своему отцу и остался у отца. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

VI

būt na būt, ša mašmā̆ xudā́ káse getír na būt. yak pādšā́ᵉ at, kór at, do ǰänén dāšt, sä̆ zāg dāšt. do zāg ša yak ǰänéneʸ at, yak zā́ge ša yak ǰänéneʸ at, ā ʷam gárre at.

yak wáxte pādšā́ bāgā́ tā wapt-át. daraxtā̆ sará do totū́ āt o ništ. go wat abár a-dátanᵗ ki e pādšā́ čonén ǰuwānén mardúme at, kę čámmä̆ kór int. adgá totū́ gušt ki ša Nošīrwáni-ādíläˇ bāgā́ dᵃraxtánī balgán bīt, biárä̆, b-eší čammán múšä̆, čámmī š-awáleā getír a-bayánt. pādšā́ ša wābā́ āgā́ būt, watí zāgánā tawárī ku: ä̆ parzindán, man annū́ yak wábe dístun kę ša Nošīrwáni-ādíläˇ bāgā́ˇ dᵃraxtánī balgán bū́tin, mnī čam ročán a-bū́tant, šᵘmā āwurtága kanít? zāg gúštant: šär, bābā́, aᵐmá yā ut rā zⁱyán a-kanán, yā š-amá balgán a-kārán. ammá rā duʷ asp, do tūpák wa zarr bdä̆ kę mā rawán. yak zā́ge digá kę ša digá ǰänénā at, āí gušt: man am raín, bābā́, mnā am áspe, tūpáke, zarr bdä̆, man am raín. brásī gúštant: ta má yā kę gandágen rā́ʸe, sakkén. eší gušt: ʰar če sak bīt, man ša šmā getír ná un, go šmā raín. písiš gúštī: šär, bābā́, e ki go šmā rå̆ut, báritī go wat. zāg gúštant: e ša guǰá š-aᵐmā̆ demá ziyán bīt be

---

(VI. О Ша-нияз-хане)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, он был слеп. У него было две жены и три сына. Двое сыновей были от одной жены, один сын был от другой жены; он был плешив.

Однажды царь спал в саду. На дерево прилетели два попугая, сели и стали друг с другом разговаривать: какой, дескать, этот царь хороший человек, только слеп на оба глаза. Другой попугай сказал: «будь листья с деревьев из сада Нушир вана справедливого, принести бы их и приложить, и его глаза станут лучше прежнего!» Царь проснулся и призвал своих сыновей: «дети, я сейчас видел сон, что если бы были листья с деревьев из сада Нушир вана справедливого, мои глаза прозрели бы, — вы сможете их достать?» Сыновья сказали: «хорошо, батюшка, мы или себя погубим или достанем тех листьев. Дай нам две лошади, два ружья и денег, и мы отправимся!» А тот сын, который был от другой жены, сказал: «я тоже отправлюсь, батюшка, дай мне тоже лошадь ружье и денег, и я тоже отправлюсь!» Его братья сказали: «ты не ходи, потом что дорога плохая, трудная». Он сказал: «как бы ни было трудно, я не лучше вас и поеду с вами!» Их отец сказал: «хорошо, дети, раз он едет с вами, возьмите его с собой». Сыновья сказали: «он еще где-нибудь погибнет на наших

āp o ɒe nānäyā, bẹ čolén rāhā́! zāg gúštī: ʰar če bīt, mán a-räín go šmā. ā gúštant: šarr.

e sar gíptant o šútant. čunt waxt rā́ šútant, yak wáxte bẹ do-rāʸíe sará brābír bū́tant. dístant: amédā yak sínge. singā́i̯ sará nimíst at ki ar kas dásti rāst brā́ut, pádā kā̆i̯t, ar kas dásti čap brā́u̯t, pádā ná ā̆i̯t. édā ar säi̯ʸén brās muslaʰát kúrtanᵗ gº wat. watí čalláwānā nišāní singā́i̯ čérā íštant: ar kas demá āt, adgäräi̯ čalláwā bzū́rīt. amé duʸén ki ša yak māsá átant, bẹ rāstén rāhā́ šútant. amé yáke ki ša yak māsá at, čappén rāʰá šut. ša āwā́n bill o š-ešī goš pkaš.

e yakkén šut bẹ me rāʰá. šápe ǰáʸe, róče ǰáye, yak wáxte bẹ yak čóle tā dístī, yak mardúme ša dū́rā kā̆i̯t. karā́-karā́ āt o salā́m-alā́i̯ke kúrtant o amé pīramárd sójī ku: äi̯ parzínd, ta guǰá rawā́i̯? zāg gúštī: äi̯ bābā́, čéʷā kanā́i̯, ša mán a-pursā́i̯? gúštī: na, parzínd, ar ǰā rawā́i̯, bguš go man. gúštī: šarr, gušín. mnī pisā́i̯ čam kór ant, man a-raín ki ša Nošīrwā́ni-ādíläi̯ bāgā́i̯ dᵃraxtánī tā yak dᵃráxte š-amāí balgā́n pᵃ watí pisā́i̯ čamā́n kārín kẹ bálkẹ rošán a-bít. gúštī: äi̯ parzínd, sakkén rā́ye, dū́r ᵘm ast, maʳ ra b-é rāʰá, sakkén rā́ye, gandágen. gúštī: äi̯, omét bẹ xudā́, räín.

глазах без воды и без пищи, в пустынной дороге!» Юноша сказал: «что́ бы там ни было, я поеду с вами!» Они сказали: «хорошо».

Они выступили и отправились. Некоторое время они ехали по дороге. Однажды они доехали до распутья и здесь увидели камень. На камне было написано, что каждый, кто поедет вправо, вернется, а кто поедет влево, тот не вернется. Здесь трое братьев стали советоваться друг с другом. Они положили под камень свои перстни: кто раньше придет, тот возьмет и перстни других. Те двое, которые были от одной матери, отправились по правой дороге, а тот, который был от другой матери, отправился по левой дороге. Оставь их и послушай про него.

Он одиноко поехал по этой дороге. Ночь в одном месте, день в другом, однажды в пустынном месте он увидел, что издали подходит какой-то человек. Он медленно подошел. Они поздоровались, и этот старик спросил: «дитятко, куда ты едешь?» Юноша сказал: «батюшка, что́ тебе, что ты меня спрашиваешь?» Тот сказал: «нет, дитятко, куда ни едешь, скажи мне!» Он сказал: «хорошо, скажу: мой отец слеп, и я еду, чтобы с какого-нибудь из деревьев сада Нушинрвана справедливого привезти листьев для глаз своего отца, может быть, тогда он прозреет!» Тот сказал: «трудная дорога, дитятко к тому же и далеко, не езди по этой дороге, трудная дорога, плохая!» Он сказал: «надежда на бога! я все же поеду». Тот сказал: «хорошо, раз едешь, по-

gúštī: šarr, ki rawā̆i̯, bra, pa šárte kẹ man trā yak číze gušín kẹ amā̆ čīzā́nā paiḍā́ pkanäi̯: yak arráge o yak tešáge, amāwánā g° wat bzūräi̯, gúḍā š-āī ki šútäi̯, tī rā^{h}ā́ sarā́ yak šéräi̯ pādā nále šutá, ta amā́ šéräi̯ pādā́i̯ nalā́ búrräi̯, gúḍā ar če trā tawā́r kurt: biyā́ mní^{y}ā, ta ma^{r} ra. ar wáxte aikálle rástā sogínd wártī, gúḍā ta brá. gúštī: šarr.

e zāg šut, dístī: yak róčäi̯ rāhā́ yak číze tawā́r int. e démẹ amā́ tawárā šútī, yak wáxte bẹ māí^{y}ā sar būt, dístī kẹ šére. pādā́i̯ nále šutá. e zāg gúḍā arrágā o tešágā zúrtī, ameší pādā́i̯ nalā́ burrítī, alāsī kurt. gúḍā šer tawárī kurt: äi̯ kas, ta čonéne wäi̯ kẹ mnā š-erangén jáye alās kúrtäi̯? äi̯, gušt, man ādámi-zāte un. šarr, gúštī, ar čonéne astā́i̯, biyā́ mní^{y}ā, ar če a-loṭā́i̯, man trā däín. e zāg trusítī, na šut. duwārág šer sogínd wart: mnā bẹ aptẹkálli rāst sogínd, trā ^{h}íčči na kanīn. gúḍā e zāg šut āí^{y}ā. šer gúštī: tī nām kā́i̯ int? gúštī: mnī nām Šā-niyā́z-xān int. gúštī: šarr, äi̯ Šā-niyā́z-xān, ta ma trusā́i̯, mnind amédā, man ar če šer ast, āwánī mazán-un, annū́^{n} múčānā tawā́r a-kanín, ta ma trusā́i̯. gúštī: šarr. e šer ar če ki šer at, játī nāráye. bẹ me sāáttā múčči átant, jam būtant. gúštī: äi̯ Šā-niyā́z-xān, trā yak šére daín. ar jā brawā́i̯, go ta góñ bīt. gúštī: šarr. šerā́nī ma-

---

сжай, но только я тебе скажу одну вещь: раздобудь и возьми с собою пилу и топор; когда ты после этого поедешь, — а у одного льва на твоем пути в ногу попала заноза, — так ты эту занозу из ноги льва вырежь, но потом, сколько бы он ни кричал: „поди ко мне“, ты не подходи, а иди только тогда, когда он поклянется на своей правой ладанке». Он сказал: «хорошо».

Юноша поехал и увидел, что на расстоянии дневного пути кто-то кричит. Он поехал по направлению к тому крику, добрался туда и увидел, что это лев и что в его ногу попала заноза. Юноша тогда взял пилу и топор, вырезал занозу из его ноги и освободил его. Тогда лев закричал: «эй, кто ты, что высвободил меня из такой напасти?» — «Я», он сказал, «сын человека». — «Хорошо», сказал тот: «кто бы ты ни был, поди ко мне, и я тебе дам все, что ты захочешь». Юноша побоялся и не пошел. На второй раз лев поклялся: «клятва на правой ладанке, я тебе ничего не сделаю!» Тогда юноша подошел к нему. Лев сказал: «как твое имя?» Он сказал: «мое имя Ша-нияз-хан». Он сказал: «хорошо, Ша-нияз-хан, не бойся! я ведь, сколько ни есть львов, их набольший, теперь я их всех созову, ты не бойся!» Он сказал: «хорошо». Этот лев издал рыканье, и сколько ни было львов, в тот же час все они пришли и собрались. Он сказал: «Ша-нияз-хан, я дам тебе одного льва, и куда ты ни пойдешь, он будет с тобой». Он сказал: «хорошо». Глава львов ударил по спине одного

zán dastā̆ bẹ yáke puštā̆ ǰat, kẹ ar ǰā Šā-niyáz-xān šut, ta eší amrā̆^{y} ä̆, go-ší bra. šer gušt: šarr. xudā-āpizí kúrtant, šútant. čunt waxt guḍ rā̆ a-šútant.

yak róče nīmróčā bẹ yak d^{a}ráxte siā̆^{i}gā wáptant. e daraxtā̆ sarā̆ sä̆ sāl at kẹ yak sīmúrγe amédā ā-múrγ a-kú wa čūčág a-kúrt. eší čūčágānā kẹ wáxte sīmúrγ geābánā pa šikárā kẹ šut, ša pádā yak aždiyā̆re kátī, eší čūčágānā wártī. maróčī Šā-niyāz-xān amédā draxtā̆ čérā átī, wáptī. yak wáxte dístī pušpúse mārā̆. čo sā̆lī ku, dístī, mā̆re bẹ daraxtā̆ peč-péč a-bít o rā̆ut bẹ daraxtā̆ sarā̆. Šā-niyāz-xān ša ^{w}atī ǰāhā̆ ustát, zāmā̆ zúrtī, ǰátī, e mārā̆ kúštī, búrtī, yak singā̆ čérā íštī.

yak wáxte sīmúrγ átī watí čūčagánīyā, dístī, ādami-zā̆te daraxtā̆ čérā waptá. sīmúrγ watí dilā̆ gúštī kẹ ^{h}ar sāl mnī čūčágānā amé ādami-zā̆t kā̆t o wart, šut pádā, yak ṭuén sínge zúrtī, āúrtī kẹ ame Šā-niyāz-xā̆nī sarā̆ prénīt. čūčágī čeγ-o-čáγ kúrtant. sīmúrγ gúḍā watí dilā̆ pikr ku: e mnī čūčág pa če čeγ-o-páγ a-kanánt. singā̆ pádā búrtī, bẹ mā ǰā̆e íštī. pádā āt, čūčágānā pursítī: šumā̆ pa če čeγ-o-páγ kúrtit? čūčág gúštant: ta čon sínge rā zúrtä̆ kẹ ādamíä̆ sarā̆ prénä̆? e ādamí pa mā nekí bā̆zī kurt. sīmúrγ gušt: pa šmā čẹ nekí kurt? čūčág gúštant: a^{m}mā̆ rā yak

---

передней лапой: «куда бы, дескать, ни пошел Ша-нияз-хан, ты его спутник, и иди с ним». Лев сказал: «хорошо». Они простились и пошли. Потом они некоторое время шли по дороге.

Однажды в полдень они легли под тенистым деревом. А уже было три года, как на этом дереве одна симург-птица несла яйца и выводила птенцов, и как только она уходила в пустынные места на охоту, вслед за ней приходил дракон и поедал ее птенцов. Ша-нияз-хан пришел сюда под это дерево и заснул. Вдруг он услышал шипение змеи. Он посмотрел и увидел, что одна змея извивается по дереву и ползет на вершину дерева. Ша-нияз-хан встал со своего места, схватил меч, ударил и убил эту змею; отнес и положил ее под камень.

Через некоторое время симург-птица подошла к своим птенцам и увидела, что под деревом спит какой-то человек. Симург-птица сказала про себя: «значит, это вот человеческое порождение каждый год приходит и поедает моих птенцов!» Она пошла обратно, взяла и принесла огромный камень, чтобы сбросить его на Ша-нияз-хана. Ее птенцы подняли шум. Симург-птица подумала про себя: «почему это мои птенцы шумят?» Она отнесла обратно камень и положила на место. Потом она вернулась и спросила птенцов: «почему вы подняли шум?» Птенцы сказали: «как это ты взяла камень, чтобы бросить на человека? ведь этот человек сделал нам много добра!» Симург-птица сказала: «какое он вам сделал добро?» Птенцы сказали: «одна змея при-

mā́re ā́tī kẹ bʷwārt, amé ādamí mārā kúštī, búrtī, amā́ singā́i̯ čérā kúrtī. gúḍā sīmúrγ zā́ntī kẹ ar waxt mnī čūčágānā amé mār wártī. gúḍā ša e Šā-niyāz-xā́nī sarā́ tawā́r kurt: ǟi̯ ādamí, ta édā čéwā kanā́i̯? Šā-niyāz-xān ǰawā́b dāt: ǟi̯ sīmúrγ, čéwā loṭā́i̯, ša man a-pursā́i̯? sīmúrγ gúštī: ar niyátte dārā́i̯, bguš. Šā-niyāz-xān gúštī: man pᵃlānā́ šārā́ raín. sīmúrγ guštī: bāz zabr int, xǟi̯r bīt, man š-amé watí čūčágān trā yáke daín, ʰar ǰā brawā́i̯, tī sarā́i̯ sāʸewā́n bīt. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr. sīmúrγ š-amé čūčágā yáke rā dátī. Šā-niyāz-xān sar gipt o šut.

čunt ayā́m guḍ bẹ mā šārā́ matlabíenā sar būt. ročā́ amāí nazzíkā wáptī. wābánī waxtā́ šútī bẹ mā̄ matlabíen bāgā́. gúḍā Šā-niyāz-xān bāgā́i̯ tā putrít, gáštī, amā́ dᵃráxtā matlabíenā paḍā́i̯ ku, š-amāí balgā́n čítī, urǰínā púrrī ku, gúḍā watí dilā́ píkrī kurt: man amé argá ša wat ma kanín, na bīt. gúḍā šérā wa sīmúrγā wa watí urǰínā amédā íštī, šut démẹ argā́. dístī, yak kóreǟi̯ dastā́ čil dānág kẹlí astant, amédā ništá. Šā-niyāz-xān kẹ ešā́ dístī, zāmā́ kašítī, ǰat, ešā́ kúštī, kẹlíyānā ša dastā́i̯ zítī. arg čil darwāzág dārít. ʰar darwāzágǟi̯ dapā́ yak buzlangí wapt-át. Šā-niyāz-xān ʰar čillénānā kúštī, šut bẹ argā́i̯ sarā́.

ходила, чтобы пожрать нас, но этот человек убил змею, снес ее и положил под тот камень». Тогда симург-птица поняла: значит, это змея поедала каждый раз моих птенцов! Потом она́ закричала Ша-нияз-хану: «эй, человек, что ты тут делаешь?» Ша-нияз-хан ответил: «о симург, что́ тебе, что ты спрашиваешь меня?» Симург-птица сказала: «скажи всякое желание, какое ты имеешь?» Ша-нияз-хан сказал: «я направляюсь в такой-то город». Симург-птица сказала: «очень хорошо, да будет тебе благо! я дам тебе одного из своих птенцов, и куда ты ни пойдешь, пусть он будет тебе защитой от солнца!» Ша-нияз-хан сказал: «хорошо». Симург-птица дала ему одного из своих птенцов. Ша-нияз-хан собрался и пошел.

Через некоторое время он достиг вожделенного города. День он проспал поблизости от него, а ко времени сна пошел к вожделенному саду. Ша-нияз-хан проник в сад, стал искать, нашел нужное дерево, нарвал его листьев и наполнил свой мешок. Потом он стал думать про себя: «нельзя мне не овладеть этим замком!» Тогда он оставил здесь льва и птицу-симург и свой мешок, и пошел к замку. Он увидел, что в руках у одного слепца сорок ключей, а сам он здесь сидит. Как только Ша-нияз-хан его увидел, он выхватил меч, ударил и убил его, а ключи взял из его рук. Замок имел сорок ворот, и у каждых ворот спало по одному бузланги. Ша-нияз-хан всех их сорок убил и поднялся на вершину замка.

dístī, yak ǰäníke mā-o-rə́čen waptá, yak čirā́ge tillā́e sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, yak naʰā́re sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, čil šalwā́r pādā́i̯ at, čil ǰāmág gwarā́i̯ at, čil dasmā́l sarā́i̯ bast-át. Šā-niyāz-xān sī o nú šalwā́räi̯ ānǰágā páčī ku, sī o nú ǰāmágäi̯ zīyā́ páčī ku, sī o nú dasmā́lā páčī ku, sarū́näi̯ naʰā́rā pādū́nā íštī, pādū́näi̯ naʰā́rā sarū́nā íštī. yak lunkáe š-eší wártī, yáke š-āí. čúkke š-é deme gíptī, čúkke š-á deme, xáte nimíštī: ai̯ dilbár, tī duz mán un, Šā-niyāz-xān un, plāná pādšáʸäi̯ zāg un, pa digá káse ma gardā́i̯, plāná šārá nindín. nimíst o dár būt, šut bāgā́i̯ tā, balgánā, šerá, sīmúrγā zurt o ša bāgá dár būt, kaš kurt o pádā watí rāhá šut. šápe ǰáye, róče ǰáye, āt amá watí du-rāyā́ sará, singā́i̯ čérā sā́i̯lī ku, dístī kę mnī brāsánī čallá āngát-a singā́i̯ čérā ant. watíʸā zúrtī, āwánīyā íštī. š-eší bill o š-āwán goš kaš.

ā duʸén kę šútant, šápe ǰáye, róče ǰáye, gúḍā bę yak šáre sar būtant. šārā́i̯ darwāzágäi̯ dapá yak ǰaníke xumár-bázen ešánā kę dístī, kāyánt, gúštī: čonén ǰʷwānén warná ant! wáxte kę ā bę darwāzágā sar būtant, ǰaník tawárī ku: ai̯ šā-zādagán, bʲyáit kę man šapí šmā rā memāníʸ a-kanín. šā-zādág gúštant: šarr. šapí sátę núā ešánā búrtī bę gisá. naʰáre dāt, ša nahárā gúḍā gúštī: ai̯ šā-zādagán, bʲyā kę mašmá šapí yak gwāzíye pká-

---

Он увидел, что там спит девушка, подобная луне и солнцу; в головах у нее один золотой светильник, а в ногах другой, один завтрак у изголовья, а другой у ног, на ногах у нее сорок шальвар, на теле сорок одежд, а на голове повязано сорок платков. Ша-нияз-хан распустил тридцать девять поясов у шальвар, расстегнул у рубашек тридцать девять воротников, снял тридцать девять платков, переставил завтрак от изголовья в ноги, а завтрак от ног переставил в изголовье, отведал кусок от одного и кусок от другого, сорвал один поцелуй с одной стороны, второй — с другой, и написал письмо: «о пленяющая сердца, твой вор, это — я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя! не ищи никого другого! я живу в таком-то городе». Написал и вышел; пошел в сад, взял листья, льва и симург-птицу, вышел из сада и устремился прямо в обратный путь. Ночь в одном месте, день в другом, он пришел к тому распутью, посмотрел под камнем и увидел: перстни-то моих братьев до сих пор еще под камнем! Он взял свой, а их оставил. Оставь его и послушай про них.

А те двое, как отправились, так ночь в одном месте, день в другом, достигли, наконец, одного города. При входе в городские ворота одна разгульной жизни девушка, как только завидела, что они приближаются, так сказала: «какие пригожие молодцы!» Когда они достигли ворот, девушка закричала: «эй, царевичи, приходите! ночью я приготовлю вам угощение!» Царевичи сказали: «хорошо». Ночью в девять часов она повела их в дом, дала им ужин, а после ужина ска-

nan. šā-zādá gúštant: če gwāzíye pkánan? ǰäníkˌ ǰawā́b dāt: man yak šárte dārín. šā-zādá gúštant: če šárte dārā́i̯? ǰäníkˌ gúštī: man yak pišíke dārín, amāé rā kārín, amāí puštá čirágā killín. agár čirágā tā tárī čappí kurt, har če blóṭit, šmā rā däín, agár čirágā čappí na kúrtī, gúḍā šmäi̯ aspánā wa tūpákkānā wa zarránā múččānā ša šmā zinín. šā-zādá gúštant: šarr. bẹ me karárā yáke bẹ adgárā xat dátant. ǰäníkˌ šut, peśíkā āúrtī, čirágā bẹ puštā́i̯ íštī, ǰäníkˌ o šā-zādág tā tárī sa̯ubátt a-kúrtant. šā-zādág dístant kẹ bābā́i̯! e pišík čirágā čappí na kurt, roč būt. ǰäníkˌ ša šā-zādágān aspániš wa tūpákāniš wa zarrániš múččānā zítī, ešánā rādágī kurt. šā-zādág šútant šārá. watí póšānā bā́iš kurt. säi̯ čār roč xarǰí kúrtant. gúḍā xarǰíiš alás būt. gúḍā yáke šut, nānwáye muzūr būt, róče yak karán muzūr būt. yáke digár šut, āšpáze muzūr ḅūt, ā ham róče yak karán. amédā muzūr būtant.

Šā-niyāz-xān átī singā́i̯ sará, dístī: mnī brāsánī čalló ʸér ant, watíʸā zúrtī, āwánīʸā íštī, āt bẹ ešánī padá. šápe ǰáye, róče jāye, átī bẹ me šārá, sójī kurt yak mardúme rā: du me-rangén mardúm na dístit? mardúmān ǰawā́b dātant: du me-rangén kas āt, magár go plāná ǰänikkā xumár ǰátant, ǰäníkˌ āwánā búrtī. nūn yáke nānwáye muzūr int, yáke āšpázäi̯ muzūr int.

зала: «царевичи, давайте-ка, поиграем сегодня ночью!» Царевичи сказали: «в какую игру поиграем?» Девушка ответила: «я буду держать заклад!» Царевичи сказали: «о чем будешь держать заклад?» Девушка сказала: «у меня есть кошка, я ее приведу и поставлю ей на спину светильник. Если она до утра перевернет светильник, я вам дам все, что вы захотите. Если же она не перевернет светильника, тогда я возьму от вас ваших лошадей, ружья и все деньги». Царевичи сказали: «хорошо». В этом уговоре они дали друг другу расписку. Девушка пошла, привела кошку и поставила ей на спину светильник. До утра девушка и царевичи беседовали. Царевичи увидели, что, увы! кошка не перевернула светильник, а день наступил. Девушка отобрала от царевичей их лошадей, ружья и все деньги, а самих выпроводила. Царевичи пошли в город, продали свою одежду и жили на эти средства три-четыре дня, потом их средства иссякли. Тогда один пошел и поступил в услужение к одному пекарю и стал получать один кран в день. Другой пошел и поступил на службу к одному повару, также за один кран в день. Оба поступили здесь в услужение.

Ша-нияз-хан подошел к камню, увидел, что вот они, перстни моих братьев свой взял, а их оставил и пошел по их следам. Ночь в одном месте, день в другом, он подошел к этому городу и спросил у одного человека: «не видели ли вы двух вот таких человек?» Люди отвечали: «два таких человека приходили, только они стали играть с такой-то девушкой, девушка их обыграла, и теперь один в услу-

gúštī: bāz j^{u}wān int. Šā-niyāz-xān átī šārā̆ tā, gáštī, āwánā dístī. híččī na gúštī, pádā šut, ša šārá dár būt. du mušk gíptī, watí bagálā kúrtī, zurt o āt bę šārá, sójī kurt, amá jäník kę xumár a-jánt gujá int. áe rā jawáb dátant kę ádā int.

Šā-niyāz-xān namáz-šámā šut bę jäníkkäą̆ā. gúštī: aą̆ jäník, šapí memánā na lóṭäą̆? jäník jawáb dāt: tī am-rángäą̆ memán bāz ātá o ^{w}úrka pádā š^{u}ta. Šā-niyāz-xān guštī: man š-āwán getír ná un. jänik gúštī: šarr, biyá, mnind. Šā-niyāz-xān níštī, na^{h}ár wártant. Šā-niyāz-xān gúštī: har sobátte dārā̆ą̆, bguš. jäník gúštī: man yak pęšíke dārín, yak čirá́ge. amá pišíkā kārín bę majlísā, čirágā bę puštā̆ą̆ killín, agár čirágā čappí kurt, har če blóṭäą̆, man trā däín, agár čirágā čappí na kurt, tī aspá wa tūpákkā wa zarránā ša ta zinín. Šā-niyāz-xān gúštī: bāz zábr int. agár čirágā čappí kurt, amá duyén šā-zādágäą̆ asp o tūpákkā wa zarránā pádā bdäą̆ bę man. agár čappí na kúrtī, mnī asp o tūpákk o zarr — tī. gúštī: šarr. yak o adigárā xat dátant, jäník šut, pęsíkā o čirágā āúrtī, pišíkā gúštī: pišt. pišík jā bę jā uštát. čirágā bę puštā̆ą̆ íštī. jíndiš pa sąubáttā bútant. šap kę nemá būt jäníkkā wābá gipt. Šā-niyāz-xān dastá bę bagálā kurt. yak múške rā watą̆

жении у пекаря, а другой—у повара». Он сказал: «очень хорошо». Ша-нияз-хан вошел в город, стал искать и нашел их. Он ничего не сказал, вернулся и вышел из города; поймал двух мышей, положил к себе за пазуху, взял и пришел в город; спросил, где та девушка, которая ведет разгульную жизнь. Ему ответили: вон там!

Ша-нияз-хан во время вечерней молитвы пошел к девушке и сказал: «девушка, не хочешь ли гостя сегодня ночью?» Девушка ответила: «вроде тебя много гостей приходили и порожнем уходили обратно!» Ша-нияз-хан сказал: «я не лучше их!» Девушка сказала: «хорошо, заходи, садись!» Ша-нияз-хан сел, они поужинали. Ша-нияз-хан сказал: «какой ни есть у тебя разговор, говори!» Девушка сказала: «у меня есть одна кошка и светильник. Я привожу эту кошку к гостям и ставлю ей на спину светильник. Если она уронит светильник, я дам тебе все, что пожелаешь. Если же не уронит, я возьму от тебя твою лошадь и ружье и деньги». Ша-нияз-хан сказал: «очень хорошо, если она уронит светильник, ты отдай мне лошадей, ружья и деньги тех двух царевичей; если же не уронит, тогда моя лошадь и ружье и деньги—твои». Она сказала: «хорошо». Они дали друг другу расписку. Девушка пошла, принесла кошку и светильник и сказала кошке: п-ш-т! Кошка неподвижно стала на месте. Она поставила ей на спину светильник, а сами они принялись беседовать. Когда половина ночи прошла, девушкой овладел сон. Ша-нияз-хан сунул руку за пазуху, взял

dastā́ kurt. muškā́ démăi̯ pẹšíkā kurt. pẹšík kẹ muškā́ dístī, gošā́nā kúrrī kurt. Šā-niyāz-xān muškā́ yālá kurt. pẹšík āt kẹ arkát pkant, jäník gúštī: pẹšt, jā bẹ jā! pišík watí jāhá wuštā́t. Šā-niyāz-xān gúštī: yā xudā́, amédā yak ābrū́ʸe.bdā́äi̯! duwārág dastā́ bẹ bagálā kurt. adigá muškā́ ša bagálā kašítī, dastā́ kurt, jäník um giḍḍít. Šā-niyāz-xān muškā́ démẹ pišíkā táčk a-kánt. do säi̯ gašt pẹšíkā gwāzí dāt. gúḍā muškā́ yālá kurt. pẹšík čirágā čappí kurt, muškā́i̯ padā́ kapt. jäník ai̯rán mānt: e čonén kā́re būt!

gúḍā Šā-niyāz-xān watí brāsánī asp o tūpák o zarránā pádā zítī. ša jänikäi̯ sará dár būt, šut bẹ šārā́. e asp o tūpákkān o zarránā yak jā́ye íštī, wat bẹ šārá āt. watí yak brā́se rā dístī kẹ āšpázäi̯ muzū́r int. šut, tawā́re ku, āi̯ rā gúštī: ai̯ siyā́d, édā čéwā kanā́i̯? brā́sī jawā́b dāt: man amédā muzzū́r un. gúštī: róče činka dārā́i̯? gúštī: róče yak γarán dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: man trā mā́ye dā tumán däín o yak áspe o tūpáke o jⁿwānén puč trā däín, agár mnī nau̯kár bayā́i̯. gúštī: šarr, ta čunᵗ nau̯kár a-girā́i̯? gúštī: man du nau̯kā́r a-girín. gúštī: šarr, ā rang bīt, man digá brā́seʸ am dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr, āi̯ rā biyā́r, gujā́ int? gúštī: nānwā́ye muzū́r int. gúštī: bra, tawārī pkan kẹ bā̄i̯t. eší šut, watí brāsá tawārī kurt.

одну мышь в руки и подвинул мышь к кошке. Как только кошка завидела мышь, она насторожила уши. Ша-нияз-хан выпустил мышь. Кошка было шевельнулась, но девушка сказала: «п-ш-т! на место!» Кошка осталась на своем месте. Ша-нияз-хан сказал: «о боже! даруй честный исход!» Он опять сунул руку за пазуху, вытащил другую мышь из-за пазухи и стал держать ее в руках; девушка все еще дремлет. Ша-нияз-хан протянул мышь к кошке. Два-три раза он подразнил кошку, потом выпустил мышь. Кошка сбросила светильник и бросилась вслед за мышью. Девушка изумилась: как это так случилось?

Потом Ша-нияз-хан получил обратно лошадей, ружья и деньги своих братьев. Он вышел от девушки и пошел в город. Лошадей и деньги и ружья он оставил в одном месте, а сам пришел в город и нашел того своего брата, который был слугой у повара. Он пошел, позвал его и сказал: «что ты здесь делаешь, земляк?» Его брат ответил: «я здесь в услужении». Он сказал: «сколько ты получаешь в день?» Тот сказал: «в день я получаю один кран». Ша-нияз-хан сказал: «если ты будешь моим слугой, я дам тебе в месяц десять туманов, и, кроме того, дам тебе лошадь и ружье и хорошую одежду». Тот сказал: «хорошо, сколько слуг ты берешь?» Он сказал: «я беру двух слуг». Тот сказал: «если так, то у меня есть еще брат». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, приведи его, где он?» Тот сказал: «он в услужении у одного пекаря». Он сказал: «иди, позови его, пусть придет». Тот пошел, позвал своего брата и

gúštī: beyā́ édā, yak káse naukár a-gít, máye dā tumā́n o asp o tūpák o libā́s a-dánt. gúštī: gujā́ int? brawán. gúštī: ā́dā ništá. ā́tant Šā-niyāz-xā́nīyā. Šā-niyāz-xān guštī: raít go man? gúštant: ān. Šā-niyāz-xān ešā́nā zurt o šut watí jāhā́.

jā́hā ke šútant, Šā-niyāz-xān gúštī: ai siyādā́n, man yak šárte dārín. āwán gúštant: če šárte dārā́i? Šā-niyāz-xān gušt: mnī šart améš int: har gujā́mī ripágā yak dā́ge kanín. agár šumā́ p-ameší rāzí it, man šmā rā naukaríyā kabū́l dārín, agár rāzí ma baít, šmā rā naukára na kanín. e duyén brās go wat muslahát kúrtant: ai, biyā́ ke bóštan, bill tā dāg pkant. pádā átant Šā-niyāz-xánīyā, gúštant: šarr, ammā́ tī šartá kabū́l dārán. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, watí morá sórī kurt, har gujámī ripágā yak dā́ge kurt. gúdā ešánā jᵘwānén libā́s zítī o dátī. asp o tūpákk um dátī. nūn, gúštī, brawán. ša šará dár bū́tant, šútant.

šápe jā́ye, róče jā́ye, čunt šapá gud be mā do-rāʸíʸā sará sar bū́tant. amé duyén brās Šā-niyāz-xánā gúštant: ta amédā bošt, ammā́ amé singā́yā rawán o kāyán. gúštī: šarr. e šútant, singā́i čérā säil kúrtant ke Šā-niyāz-xánī čallā́u édā näint. pádā ke átant, Šā-niyāz-xān guštī: šmā pa če šútit ódā? ša man čer ma kanít, gušít! gúštant: šarr, číze ke ša xudā́

сказал ему: «иди сюда, один человек набирает слуг, дает в месяц десять туманов, лошадь, ружье и одежду». Он сказал: «где он? пойдем!» Тот сказал: «там сидит». Они подошли к Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан сказал: «идете со мной?» Они сказали: «да». Ша-нияз-хан взял их и пошел к себе.

Когда они шли к месту назначения, Ша-нияз-хан сказал: «у меня есть одно условие, землякп». Они сказали: «что за условие?» Ша-нияз-хан сказал: «мое условие таково: каждому из вас я поставлю клеймо. Если вы согласны на это, я принимаю вас в слуги, если же вы не согласны, я не беру вас на службу». Двое братьев посоветовались друг с другом: «эх, давай, останемся! пусть его ставит клеймо!» Они вернулись к Ша-нияз-хану и сказали: «хорошо, мы принимаем твое условие». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо», раскалил свою печать и поставил каждому по клейму. Потом он взял для них хорошую одежду и дал им, дал также по лошади и ружью. «Теперь», сказал он, «отправимся!» Они выступили из города и поехали.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько ночей спустя, они добрались до того распутья. Те двое братьев сказали Ша-нияз-хану: «ты побудь здесь, а мы сходим к этому камню и вернемся». Он сказал: «хорошо». Они пошли, посмотрели под камнем и увидели, что Ша-нияз-ханова перстня там нет. Когда они вернулись, Ша-нияз-хан сказал: «зачем вы туда ходили? не скрывайте от

čer näint, ša ta pa če čér kanán? ammá yak wáxte säi brās átan, š-utí šārá kẹ dar bū́tan tā mé do-rāyíäi sará yak jā átan, gúḍā watí čalláwānā amé singái čérā íštan, amá do brās bẹ yak ráye šútan, yak bráse ammái bẹ yak ráye šut. ar kas, gúštan, demá āt, āí čalláwā bzū́rīt. annū́ ammái amá brāsái čallā́u édā näint. Šā-niyāz-xān gušt: šmäi brās mán un. ʸédenā wat rā yáke adigárā durúst kúrtant. gúštī: šarr, nūn brawán. šútant.

säi čār šapá guḍ bẹ yak čóle šútant. ʸe duʸén brās go wat maslahát kúrtant: Šā-niyāz-xān ā wáxte kẹ mašmá ša gisá sar gíptan, Šā-niyāz-xān gúštī: man go šmā kāín, mašmá gúštan: ta ma yā go mā, gujá š-ammái demá ziyán baʸái, gúḍā ā pa zor go mašmá āt. nūn balgánā āí āúrt, yak šére am dārít, yak sīmúrγe am dārít, mašmá rā am gulāmíʸen dágī kurt. mašmā pa če xajālattí-guší brawán. ta biyá, mašmá eší rā ziyán pkánan. adigá brásī gušt: čon ziyánī pkánan? gúštī kẹ mašmá maróčī āp ma dayán ešá, wat ša tunn mẹrít.

šútant bẹ čolén rāhá, nīmróčī Šā-niyāz-xān tunnág bū́tī, gúštī: biyá, lālá, kẹ āp bʷáran. brásī gúštant: āp näint. Šā-niyāz-xánā āp na dátant. bāz tunnág bū́tī, gúštī: äi brāsān, man pa šmā če badí kúrtun?

меня, скажите!» Они сказали: «хорошо! что́ не скрыто от бога, зачем будем скрывать от тебя? Когда-то нас было трое братьев, и когда мы вышли из своего города, то до этого распутья мы шли вместе. Потом мы положили свои перстни под этот камень, и мы, двое братьев, пошли по одной дороге, а один наш брат пошел по другой дороге. Мы сказали, что кто раньше придет, тот и возьмет перстень. Теперь здесь нет перстня нашего брата». Ша-ниязхан сказал: «ваш брат, это — я!» Тут они узнали друг друга. Он сказал: «хорошо, теперь отправимся!» Они отправились.

Спустя три-четыре ночи они пошли по пустынному месту. Те двое братьев стали друг с другом совещаться: «когда мы выступали из дому, Шанияз-хан говорил: „я пойду с вами“, мы же говорили: „не ходи с нами, еще пропадешь где-нибудь с нами!“ он потом силой пошел с нами, а теперь он достал листья, и у него еще есть лев и симург-птица, а на нас он поставил клейма рабов! на какое поношение мы пойдем! давай-ка, мы его сгубим!» Другой брат сказал: «как же нам его сгубить?» Тот сказал: «мы ему сегодня не дадим воды, и он сам помрет от жажды».

Они пошли по пустынной дороге. В полдень Ша-нияз-хан захотел пить и сказал: «давайте, братцы, попьем воды!» Братья сказали: «воды нет!» и не дали воды Ша-нияз-хану. Он почувствовал сильную жажду и сказал: «братья,

mašmá brás an. nūn mnā ápa na däḷt. brásī gúštant: šarr, trā áp a-dä̆án pa yak šárte kẹ ta bílläḷ kẹ tī yak čámme rā pkášan, gúḍā trā áp a-däḷán. Šā-niyāz-xān gušṭ: šarr, lālá, bʲyáḷt, mnī čammá pkášit. átant, yak čammáḷ kašíttant, préntant, gúḍā kámme āp go wādá yak jā kúrtant, dátant Šā-niyāz-xánā. Šā-niyāz-xān wártī, gúštī: äḷ dar-pa-dárān, e čé-w-atant, mnā dátit? gúštī: áp atant. gúštī: e āp ná-w-atant, wád atant! gúštant: šarr, ta biyá, tī adigá čammá am pkášan, gúḍā trā áp a-däḷán. gúštī: šarr, biáit, pkášit! e digá čammáḷ átant, kašíttant, préntant. duwārág kámme āp o wādá yak jā kúrtant, dátantī. gúḍā balgánā zúrtant, šútant watí šārá.

šútant démẹ watí šārá. šápe jáe, róče jáe, watí šārá sár bűtant. balgánā watí pisáḷ čammán múštant. pādšáen čamm šᵃ awálā getír bűtant. pādšá gúštī: Šā-niyāz-xān gúj int? gúštant kẹ ā bẹ digá ráe šut, ammá bẹ digá ráe šútan. duwārág sí na bűtan š-āí. Šā-niyāz-xánī más gúštī: gúj int šmäḷ brās? gúštant: na zānán, ā digá ráe šut, ᵃmā digá ráe. Šā-niyāz-xánī más dād o bedád kúrtī o grétī, šut watí gẹsá. š-āí bil, ša pādšáäḷ jänúkā goš pkaš.

какое зло я вам сделал? ведь мы братья, а вы теперь не даете мне воды!» Его братья сказали: «хорошо, мы тебе дадим воды, но с условием, что ты позволишь вырвать себе один глаз, тогда мы тебе дадим воды». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, братцы, идите, вырывайте глаз!» Они подошли, вырвали у него один глаз и бросили, а потом смешали немного воды с солью и дали Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан выпил и сказал: «эй, бродяги, что́ это было, что вы мне дали?» Они сказали ему: «вода была!» Он сказал: «это была не вода, это была соль!» Они сказали: «хорошо, давай, вырвем у тебя еще один глаз, а потом дадим тебе воды». Он сказал: «хорошо, идите, вырывайте!» Они подошли и вырвали у него другой глаз и бросили. Опять они смешали немного воды и соли, и дали ему. Потом они забрали листья и отправились в свой город.

Они пошли к своему городу, ночь в одном месте, день в другом, добрались до своего города. Они приложили листья к глазам своего отца, и царские глаза стали лучше прежнего. Царь сказал: «где Ша-нияз-хан?» Они сказали: «он пошел по одной дороге, а мы пошли по другой дороге, и больше не имели о нем известий». Ша-нияз-ханова мать спросила: «где ваш брат?» Они сказали: «мы не знаем, он пошел по одной дороге, а мы по другой». Ша-нияз-ханова мать стала жаловаться и сетовать, заплакала и пошла к себе домой. Оставь ее, послушай о царской дочери.

pādšāāi ǰäník tárī ša wābá ustát, dístī: sī o nu šalwárī ša pādái kapt, sī o nu ǰāmágäi zī páč ant, sī o nu dasmálī ša sarái kapt, watí išk-w-áškā sáilī kurt, dístī ke sarúnäi čirág pādúnā-int, pādúnäi čirág sarúnā-int. ādénkā zúrtī, watí demá sáilī kurt, dístī, yak ká^{s}se ša mnī demá čúkke giptá, gesái tā watí išk-w-áškā sáilī kurt, dístī: xáte nimistá, diwálāi demá laččentá, šútī, xa^{t}tá wántī ke xattá nimistá: äi bībí, tī duz mán-e Šā-niyāz-xān p^{a}lāná pādšāāi zāg un, p^{a}lāná šárá nindán, digá káse rā be-gunáe rā azziyát ma kanái. ǰäník e xa^{t}tá wántī, srená watí^{y}ā bástī, ša argá ér kapt, dístī, čillén buzlangí^{y}ānā yak ǰā kuštáī šuta. gúḍā ǰäník trúmmā ǰátī, ^{h}ar če γošún dáštī, ǰámī kurt. šewág būt démi Šā-niyāz-xánī pissái šárá.

šápe ǰáe, róče ǰáe, āt, Šā-niyāz-xánī pisái šárá rast. xáte nemíštī, pa pādšá démī dāt, gúštī: man yak dúzze tī šárá dárín, amáe rā tā bándā mnī dastá ma daái, tī šárá čappí o rāstíy a-kanín. ǰäník xaimáānā ǰíkkiš kurt, watí ǰindái xaimáái demá azár gāmái kasá ša abréšumíen γālínā gíptī. š-āí bill o ša Šā-niyāz-xān goš pkaš.

Царская дочь утром встала от сна и увидела, что тридцать девять шальвар спали с ног, на рубашках раскрыты тридцать девять воротников, тридцать девять платков упало с головы. Она огляделась кругом и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах; взяла зеркало, посмотрела на свое лицо и увидела: кто-то целовал меня в лицо! она стала смотреть вокруг себя в комнате и увидела, что какое-то письмо написано и прикреплено к стене. Она пошла и стала читать письмо, а в письме написано: «о госпожа, твой вор, это—я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя, мы находимся в таком-то городе, никого другого без вины не обижай». Девушка прочитала письмо, снарядилась, спустилась с замка и увидела, что все сорок бузланги убиты. Тогда девушка собрала все войско, какое имела, и отправилась к городу Ша-нияз-ханова отца.

Ночь в одном месте, день в другом, она подошла и достигла города Ша-нияз-ханова отца. Она написала письмо и отправила царю, сказала: «у меня есть в твоем городе один вор, и если ты завтра его мне не выдашь, я разорю твой город». Девушка разбила шатры и на тысячу шагов покрыла шелковым ковром пространство перед своим шатром. Оставь ее и послушай о Шанияз-хане.

wáxte kẹ Šā-niyāz-xā́nī brās kẹ čammā́nī kašítant, préntant, amā́ waxtā́ šer čammā́nı zurt, watí zuwā́näi̯ čérā kurt. Šā-niyāz-xā́n amédā kápt-at, šér a-šut, ša āpsārā́n watí dummā́ tárr a-kurt o kāúrt Šā-niyāz-xā́nı dilā́i̯ sarā́ wa sar o demā́i̯ pā́š a-dāt. duwārág watí dummā́ tárrī ku, āwúrt Šā-niyāz-xā́nī sar o démā pā́š a-dāt. Šā-niyāz-xạ̄n dummā́i̯ gipt, ustát. šer rādág būt démäi̯ āpsárā. Šā-niyāz-xánā búrtı, āpsárā sárī kurt. Šā-niyāz-xā́n ápī wart, gúštī: šukrⁿ alhámdul-illā́. duwārág gúštī: akikáttā sẹzā́i nekí badí int. Šā-niyāz-xā́n anū́ dᵃraxtā́i̯ čérā wapt, šer pānádäi̯ wapt.

do sīmúrg āt o ame āpā́i̯ sarā́ níštant. yáke gúštī: ajáben warnáe, čámmī kór ant. yáke digá gúštī: ša pᵃlāná pādšáe bāgā́i̯ dᵃraxtánı balgā́n bıt, čammā́nī sarā́i̯ pkášäi̯, zábr a-bít. adigá gúštī: čammā́nī ṭıṭū́kī bayánt, gúḍā rošán a-bít. édā šer šⁿ-u̯tí zⁿwánäi̯ čérā Šā-niyāz-xánī īnj̆ā́i̯ tā kéxī kurt. Šā-niyāz-xā́n watí čamánā zúrtī kẹ gúštī: ai̯, armā́n, š-amé balgā́n um kámme būtin! yak gašt dastā́ bẹ kitóā kurt, dístī kẹ balg kitóäi̯ tā ast, balgánā zúrtī, čammánā íštī bẹ j̆ā́äi̯š, balgánā múštī bẹ sarā́i̯, čámmı š-awáleā i̯getír rošán būt. ustát, āp wártī, dastā́ bẹ šerā́i̯ puštā́ j̆átī, rādág būt démi watí šārā́.

Когда Ша-нияз-хановы братья вырвали и бросили его глаза, в то время лев подобрал его глаза и сунул себе под язык. Ша-нияз-хан здесь упал, а лев ходил, мочил в источнике свой хвост, приносил воды и брызгал Ша-нияз-хану на сердце, голову и лицо. Потом он опять мочил свой хвост, приносил воды и опять брызгал Ша-нияз-хану на голову и лицо. Ша-нияз-хан ухватился за его хвост и поднялся. Лев направился к источнику, повел Ша-нияз-хана и доставил его к источнику. Ша-нияз-хан попил воды и сказал: «благодарение и хвала богу!» и вновь сказал: «по истине награда за добро зло!» Ша-нияз-хан заснул теперь под деревом, а лев лег сбоку.

Приблизились две симург-птицы и сели возле воды. Одна сказала: «удивительный молодец, а слепой!» Другая сказала: «будь листья с садовых деревьев такого-то царя, приложить бы их к глазам, и он поправился бы!» Другая сказала: «если бы были зрачки, он был бы зрячим!» Тут лев сплюнул из-под своего языка в полу Ша-нияз-хана. Ша-нияз-хан взял свои глаза и сказал: «ах! если бы было хоть немножко тех листьев!» Он тотчас опустил руку в карман и увидел, что в кармане есть листья. Он набрал листьев, вставил глаза на место, приложил к ним листья, и его глаза стали видеть лучше прежнего. Он встал, попил воды, положил руку льву на спину и направился в свой город.

šápe ǰáe, róče ǰáe, āt, watí šārą́ nazzíkā ništ. šap kẹ āxír būt, sar gipt, karą́-karą́ āt, watí māsą́ gẹsą́ sar būt. darą́ ǰátī, másI go: ta^{k} ką́ äą? gúštī: ar kas un, darą́ páč pkan. másī Šā-niyāz-xánī tawárā durúst kurt. darą́ páčī ku. Šā-niyāz-xán gẹsą́ tā šut. másī guṭṭą́ kapt. dād-bedą́d kúrtī. Šā-niyāz-xān gúštī: másI, mnā lóṭäą, ^{h}ẹč tawár ma kan. másī be tawár būt. Šā-niyāz-xán gúštī: šarr, másI, če awą́l ast édā? másI gušt: yak ǰäníke go čil azár γošúnā ātá, šārą́ ḍannā́ xaąmą́nā watí^{y}ānā amódā ǰíkk kurtá. xáte pa^{t} tī pisą́ nimistá o dem dātá: man bẹ^{t} tī šārą́ yak dúzze dārín, agár amé mnī duzzą́ paądą́ má kaną́ą, bẹ man má daą́ą, tī šārą́ čappí o rāstí^{y} a-kanín. gúštī: šarr, brās mnī ātág-ant yā na? máši ǰawáb dāt: ātág-ant, balgą́nā am ā^{w}urtág-ant, tī pisą́ą čam am rošán bū́tant. gúštī: zānáą, másī, nūn čón int? yak sundū́xe mazánen paądą́ pkan o biyár zū́tẹ· másī šut, yak ṭūén sundū́xe paądą́ ku, āúrt. Šą́-niyāz-xān watí māsą́ gúštī: mnā amé sundū́xäą tā pkan. másī gušt: šarr. sundū́xäą dapą́ páčī ku, Šā-niyāz-xánā sundū́xäą tā kurt. šérā o sīmúrgā digá ǰáe čér ku.

tárī kẹ roč būt, ša ǰäníkkā digá xáte āt: äą pādšą́, amą́ káse kẹ balgą́nā ša mnī šārą́ ā^{w}urtáī, bẹ me sāáttā ša^{t} ta loṭínī. pādšą́ loṭít watí ar do zāgą́nā,

---

Ночь в одном месте, день в другом, он подошел и остановился вблизи своего города. Когда ночь приблизилась к концу, он поднялся, потихоньку подошел, достиг дома своей матери и постучался в дверь. Его мать сказала: «кто ты?» Он сказал: «кто бы я ни был, открой дверь». Его мать узнала голос Ша-нияз-хана и открыла дверь. Ша-нияз-хан вошел внутрь, мать бросилась ему на шею, стала жаловаться и сетовать. Ша-нияз-хан сказал: «матушка, если хочешь меня сохранить, не голоси!» Его мать замолчала. Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, матушка, каковы здесь обстоятельства?» Его мать сказала: «подступила некая девица с сорокатысячным войском, расставила свои шатры снаружи города и написала и послала твоему отцу письмо: „у меня-де в твоем городе имеется вор, и если ты этого моего вора не сыщешь и мне не выдашь, я твой город в конец разорю“». Он сказал: «хорошо, а мои братья пришли или нет?» Его мать сказала: «пришли, принесли листья, и глаза твоего отца прозрели». Он сказал: «знаешь, матушка, что́ теперь? сыщи-ка какой-нибудь большой ящик и принеси поскорей». Его мать пошла, сыскала и принесла огромный ящик. Ша-нияз-хан сказал своей матери: «спрячь меня в этом ящике». Его мать сказала: «хорошо». Она подняла крышку ящика и поместила Ша-нияз-хана в ящик, а льва и симург-птицу спрятала в другом месте.

На утро, когда наступил день, пришло другое письмо от девушки: «о царь, я сейчас же требую от тебя того человека, который достал листьев из моего города». Царь призвал обоих своих сыновей и сказал: «сыновья, кто из вас

gúštī: äi̯ zāgán, balgánā ša šmā guǰám yakkén š-amé ǰänikkäi̯ bāgá āwúrtiṭ? mazánen zágī go: man āúrtun, bābá. gúštī kẹ ta ā^{w}urtág äi̯, bra, ǰawáb bdäi̯. gúštī: šarr. zāg šut, áspī s^{u}wār būt, šut ǰänikkäi̯ā. š-amé ráe kẹ γālín prént-atant, š-ešánī saŕá na šut, ša ḍigárā šut. šut ǰänikäi̯ā, salámī dāt, wuštát. ǰäník gúštī: balgánā ša guǰá āwúrtäi̯? eší go: ša tī bāgá ā^{w}úrtun. če nišání dārái̯? čorí gúštī: nišání amé nīšaní int: šapá átun bāgái̯ tā, balgánā čítun, zúrtun, átun. ǰäník gúštī kẹ š-amé ráe kẹ ātág-äi̯, pádā bra, ma ^{w}ošt. čorí bír gašt.

ǰäník duwārág xáte nẹmístī pa pādšá^{h}ā kẹ zútẹ, trā šīn, mnī duzzá paḍá pkan, mnī dastá bdäi̯. pādšá duwārág zāgánā loṭít, gúštī: äi̯ bābá rāst gušít, Šā-niyāz-xān gúǰ int? zāg ǰawáb dátant: ā ǰeṭáen ráe šut, amá ǰeṭáen ráe šútan, duwārág ša yáke adigárā sí na bútan, kẹ ā guǰá šut, ā ša ammá sí na būt, ammá guǰá šútan. gúštī: nápa, e balgánā käi̯ ā^{w}úrtī? amé gwanḍén zágе go: man ā^{w}úrtun. písī go: napá, pa če zī na šútäi̯, ǰänikā ǰawáb na dátäi̯? zāg gúštī: balgánā man āwúrtun, magár watí mastíren brāsái̯ nāmá kúrtun. gúštī: napá, maróčī bra, ǰäníkā ǰawáb bdäi̯. zāg s^{u}wār būt o šut démi ǰänikkā, ša šárá kẹ dár būt, xaimánā dístī kẹ če bāzén xäimá-e. š-amé dúrā šut ǰaníkäi̯ā, salámī dāt o uštát. ǰäník gúštī kẹ tá wäi̯

достал листья из сада этой девушки?» Старший сын сказал: «я достал, батюшка». Он сказал ему: «коли ты достал, так иди и отвечай!» Тот сказал: «хорошо». Юноша пошел, сел верхом на лошадь и отправился к девушке. По той дороге, где были набросаны ковры, он не пошел, а пошел по земле. Он пошел к девушке, поклонился и остановился. Девушка сказала: «откуда ты достал листья?» Он сказал: «из твоего сада достал». — «Какое у тебя доказательство?» Парень сказал: «доказательство? вот какое доказательство: ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и пришел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и уходи обратно, не оставайся!» Парень вернулся.

Девушка опять написала царю письмо: «я тебе говорю, скорее отыщи моего вора и выдай мне». Царь опять призвал сыновей и сказал: «дети, скажите правду, где Ша-нияз-хан?» Сыновья ответили: «он пошел по одной дороге отдельно от нас, а мы пошли отдельно от него по другой дороге, и больше мы друг о друге не имели известий: мы — куда он пошел, а он — куда мы пошли». Он сказал: «кто же достал эти листья?» Младший сын сказал: «я достал». Отец сказал: «почему же ты вчера не пошел и не отвечал перед девушкой?» Юноша сказал: «листья достал я, но от имени своего старшего брата». Он сказал: «ну, так сегодня иди и отвечай перед девушкой». Юноша сел верхом и отправился к девушки. Когда он выехал из города, он увидел: какое множество шатров! Он направился к девушке, и еще издали по-

mnī duz? čorí gúštī: ʰān, mán un. gúštī: balgánā čon āʷúrtäi̯, nišāní bdäi̯. čorí gúštī: šapá átun bāgái̯ tā, balgánā čítun, zúrtun, pádā átun. jäník gúštī: digá če dístäi̯? čorí gušt: digá íččī na dístun. jäník go: š-amé rắe kẹ ắtág-äi̯, pádā bra.

jäník duwārág pa pādšắ xáte nẹmístī: äi̯ pādšắ, mnā masxará[h] a-kanắi̯, ānčo āškắr mālűm pkan bẹ man, yā näi̯nt, duzzắ mníā tā begắi̯ paidá a-kanắi̯, yā näi̯nt, jawắb bdäi̯. pādšắ watí zāgánā loṭít, gúštī: äi̯ parzẹndắn, šmā bzánit o xudá, aslí duróg ma gušít, awál éš int kẹ Šā-niyāz-xắn gúj int? doʰúm éš int kẹ amé balgánā kắi̯ āʷurtá? rāst gušít, bezắr int ša mnī rošanívā, man š-eší, kor bűtin un, getír āsūdág atun. jäník xáte duwārág dem dắtī: äi̯ pādšắ, ʷutí kārắ tayắr pkan kẹ man ustát un, yā näi̯nt, bẹ me sāʰáttā duzzắ dátäi̯, dátäi̯, na dátäi̯, jawắb bdäi̯, man watí kārá bzánīn.

Šā-niyāz-xān watí māsá gúštī: másī, če abár ast? ta bra, goš pkaš o biʸá. másī šut, pisắi̯ gẹsá dístī: xáte wānánt kẹ amé sāʰáttā duzzắ tá-i pādšắ bdắäi̯, mnī dastá bdắi̯, yā näi̯nt, jawắb bdắi̯. másī āt, gúštī: amé rangén awắle ast. Šā-niyāz-xắn gušt: če awál ast? másī gušt: jäníkka xáte dem dātá kẹ amé sāʰáttā kẹ tá-i pādšắ, duzzá mnī dastá dátäi̯, dátäi̯, na

---

клонился и остановился. Девушка сказала: «это ты мой вор?» Парень сказал: «да, я». Она сказала: «как ты достал листья? представь доказательства!» Парень сказал: «ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и вернулся». Девушка сказала: «что еще ты видел?» Парень сказал: «больше ничего не видел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и ступай обратно».

Опять девушка написала царю письмо: «о царь, ты надо мной смеешься! ты открыто извести меня: либо ты до вечера отыщешь моего вора, либо нет, дай ответ!» Царь призвал своих сыновей и сказал: «дети, известно вам и богу, не лгите! во-первых, где Ша-нияз-хан? во-вторых, кто достал эти листья? скажите правду! я раскаиваюсь в своем прозрении: если бы я был слеп, я был бы более спокоен! Девушка опять прислала письмо: „о царь, делай свое дело, потому что я уже собралась; если ты сейчас же выдашь вора, то выдавай, если не выдашь, дай ответ, и я буду знать, что делать“».

Ша-нияз-хан сказал своей матери: «матушка, каковы новости? сходи-ка, послушай и приходи!» Его мать пошла и заглянула в дом его отца, а там читают письмо: сейчас же, дескать, ты, царь, выдай моего вора и вручи мне, если же нет, дай ответ. Его мать пришла и сказала: «положение вот каково!» Ша-нияз-хан сказал: «каково положение?» Его мать сказала: «девушка послала письмо: „ты, царь, если выдаешь мне вора, то выдавай сейчас же, а

dátäi̯, ǰawáb bdäi̯. tī pis ai̯rán at, če ǰawáb bdant. Šā-niyāz-xán gúštī: másī, be tawáre bra, mnī pisá bguš: biyá, brawán gẹsá, trā yak mardúme loṭít.

másī šut, Šā-niyāz-xánī pisá gúštī: trā ódā yak mardúme loṭít. āt bẹ gẹsá. másī sundűxäi̯ dapá páčī ku. Šā-niyāz-xán ša sundűxā dár kapt, salám-alä̆ike kúrtant. Šā-niyāz-xán gúštī: äi̯ bābá, tī čam zabr būtág ant? písī go: äi̯ bābá, bezár at mnā š-ānčén rošaníʸā. gúštī: pa če, bābā? písī go: yak ǰaníkke go čil azár γošűnā átá édā, mnī sará γazáb kurtá kẹ amá káse kẹ balgánā āʷurtá ša mnī šārá, amāé rā mnī dastá bdäi̯. Šā-niyāz-xān gúštī kẹ balgánā nápa kái̯ āʷúrt? písī gušt: tī brās āʷúrtant. gúštī: pšútin ant, ǰawáb bdátin ant! písī gušt: šútant, ǰawáb dātág na kúrtant, pádā átant. Šā-niyāz-xān gúštī: nūn zánäi̯, čon int, bābā? písī go: čon int, bābā? Šā-niyāz-xān gúštī: bẹ me sāʰáttā čil sᵘwār pai̯dá pkan, man ǰawáb a-däínī. gúštī: šarr.

zűtī čẹl sᵘwār pai̯dá kúrtī, ʰar čillén sᵘwāránī aspái̯ nālá ša zarrá gíptī, míʸäi̯ jāhá laṭṭíen mī kúrtī. gúḍā š-āí, čil sᵘwárā čil čapóx o čil gogírd o tammák dátī. sᵘwāránā gúštī kẹ ʰar kas čilīm-káš int wa ʰar kas kẹ näint, ʰar mnűte yak gašt čapóxā pur pkánit, bréčit γālīnánī sará. suwár gúštant: bāz ǰᵘwān int. Šā-niyāz-xán demá būt, suwár bẹ padái̯ bűtant. ša šārá kẹ

если не выдаешь, так дай ответ!“ Твой отец в недоумении, что́ ему ответить». Ша-нияз-хан сказал: «матушка, потихоньку сходи и скажи моему отцу: „давай, сходим домой, тебя зовет один человек“».

Его мать пошла и сказала отцу Ша-нияз-хана: «тебя там зовет один человек». Он пришел домой; его мать открыла ящик; Ша-нияз-хан вышел из ящика, и они поздоровались. Ша-нияз-хан сказал: «что, батюшка, поправились твои глаза?» Его отец сказал: «ох, сынок, отрекаюсь я от такого прозрения!» Он сказал: «что́ так, батюшка?» Его отец сказал: «одна девица подступила сюда с сорокатысячным войском и разгневалась на меня: выдай, дескать, мне того, кто достал листья из моего города!» Ша-нияз-хан сказал: «кто же достал листья?» Его отец сказал: «твои братья достали». Он сказал: «пускай бы они пошли и ответили бы!» Его отец сказал: «ходили, но ответить не смогли, пришли обратно». Ша-нияз-хан сказал: «теперь знаешь что́, батюшка?» Его отец сказал: «что, сынок?» Ша-нияз-хан сказал: «собери сейчас же сорок всадников, я буду отвечать пред ней». Он сказал: «хорошо».

Он быстро набрал сорок всадников, и для лошади каждого из сорока всадников взял золотые подковы, а вместо гвоздей приделал деревянные шпильки. Потом он дал сорока всадникам сорок трубок, сорок коробок спичек и табаку, и сказал всадникам: «каждый, кто курит, и каждый, кто не курит, все вы ежеминутно набивайте трубки и бросайте на ковры!» Всадники сказали: «очень хорошо». Ша-нияз-хан поместился впереди, а всадники сзади него. Когда

dár bū̆tant, Šā-niyāz-xā́n dístī, če γālíne bę ḍigárā tanákk int! š-amé γālīnā́nī sarā́ rāstā́m aspā́ aḭ kúrtī, čilím am ʰar jā kašíttant o rétant, čappíʸ a-kúrtant. asp kę watí pādā zúrtant, nāliš ša pādā́iš káptant.

jäník dístī kę, če suwā́re kę š-amé γālīnā́nī sarā́ kā́ḭt! jäník watí dilā́ gúštī kę duzd amé̆š int, kā́ḭt. trus bę jänékkäḭ dilā́ kapt. Šā-niyāz-xā́n nazzíke átī, salā́m préntant yak o adigárā. jäník gúštī kę duzz tá wäḭ? Šāniyāz-xā́n jawā́b dátī: bále, mán un. jäník gúštī: bguš nišānīānā! Šā-niyāzxā́n gúštī: ʰāzír. awalíʸen nišānī́ amé̆š int-a kę korā́ kúštun, kilíʸānā ša dastā́ḭ zítun. domíen nišānī́ amé̆š int kę har čillén buzlangíʸānā kúštun; säḭmíen nišānī́ amé̆š int kę bę argā́ bālā́ bū̆tun. agár lóṭäḭ kę adigárānā ʰam bgúšīn. jäník xayā́l ku watí dilā́: akikáttā kę šā-zādág-e. gúštī: bás int, adigárānā ma guš. Šā-niyāz-xā́nī jindā́ gardéntī, čil suwā́räḭ čil xalʰát dátī, ruxsát kúrtī: šᵘmā brā́ḭt, Šā-niyāz-xā́nā šapí ruxsátta na kanín. Šāniyāz-xā́n um watí suwā́rānā gúštī: brā́it, ruxsát-it. jäník watí γošúnā yak jā ruxsátī kurt: brā́it pádā watí šārā́.

jäník mullā́e loṭít: zū́tę mnī aγdā́ go Šā-niyāz-xā́n band. mullā́ ešā́nī aγdā́ bástī, gúḍḍā Šā-niyāz-xā́nī pis Šā-niyāz-xā́nīā āt pa mubārakíā. gúḍḍā

они очутились вне города, Ша-нияз-хан увидел, какие на земле тонкие ковры. Он погнал лошадь прямо по этим коврам, а они повсюду курили и рассыпали табак и разворачивали. А когда лошади поднимали ноги, подковы падали с их ног.

Девушка взглянула: что́ это за всадник приближается по этим коврам? Девушка сказала про себя, что это, наверное, приближается подлинный вор. Смятение запало в сердце девушки. Ша-нияз-хан подъехал близко, они бросили привет друг другу. Девушка сказала: «это ты вор?» Ша-нияз-хан ответил: «да, я». Девушка сказала: «говори доказательства!» Ша-нияз-хан сказал: «сейчас! первое доказательство, это то, что я убил слепого и взял из его рук ключи; второе доказательство то, что я убил всех сорок бузланги; третье доказательство то, что поднялся в замок, а если захочешь, скажу еще другие!» Девушка про себя подумала: «действительно, это царевич!» и сказала: «довольно, других не говори!» Самого Ша-нияз-хана она удержала, а сорока его всадникам пожаловала сорок одежд и отпустила: «вы идите, а Ша-нияз-хана на сегодняшнюю ночь я не отпущу!» Ша-нияз-хан также сказал своим всадникам: «идите, вы свободны!» Девушка вместе с тем отпустила свое войско: «идите обратно в свой город!»

Девушка призвала муллу: заключи, дескать, поскорее мой брак с Ша-нияз-ханом. Мулла заключил их брак. Потом пришел Ша-нияз-ханов отец с поздра-

watí sarą́ tą́jā pādšāʸénā zúrtī, Šā-niyāz-xą́nī sará íštī, gúštī: bābá, ša maróčī ą́ngū pādšá ʷutí mulką́ą astą́ą. Šā-niyāz-xą́n gúštī: ša mnī dastá na bīt pādšāʸí, bābá. písī gušt: agá bīt o na bīt, ša maróčī ą́ngū ixtiʸár walāʸáttäą bęᵗ tą́ int, watí ixtiʸárā dārą́ą ą́ngūrí. Šā-niyāz-xą́n gušt: šarr, nápa, ā rang int, man bęᵗ tī šārá do gulą́m dārín, šaᵗ ta xāhíšt a-kanín, amá mnī gulą́mą̄nā bęᵐ man bdą́ą. písī gušt: tī gulą́m ká-int? mnī gulą́m tī ar do zāg ant. gúštī: šarr, bābá, bą́ndā kārínіš.

bą́ndā ar do zāgą́nā watíʸānā āʷúrtī bę majlísā. Šā-niyāz-xą́n sad mardúmi digár bę dīwą́nā lotítī. mardúm kę átant, jám būtant, Šā-niyāz-xą́n gúštī: äą áli majlís, ammá yak wáxte säą brás atan, bę yak ráe šútan. šápe jáe, róče jáe, yak wáxte du-rāʸíäą sará šútan. mnī do brās bę yak ráe šut, man bę yak ráe šútun. watí čilláwānā — amédā sínge ʸ at, amé singą́ą sará nimist-át: ar kas rāstén rā bråut, pádā bą̄ą́t, ar kas čappén rāʰá bråut, pádā náʸ-ą̄ą́t, — čalláwānā bę mā singą́ą čérā íštan nišānī. ar kas demá bą̄ą́t, adigäräą čalláwā zūrít. mánę Šā-niyāz-xą́n čappen rāʰá šútun o činka-činka sakkén kār mnī sará āt. xudá mnā šapá dāt, ʰíččī na būt.

влением к Ша-нияз-хану. Он взял с своей головы царскую корону, возложил ее на голову Ша-нияз-хану и сказал: «отныне и впредь, сынок, ты царь своего государства!» Ша-нияз-хан сказал: «батюшка, несподручно мне царствование!» Его отец сказал: «сподручно или нет, отныне и впредь тебе принадлежит распоряжение страной! впредь твоя воля!» Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, и если так, то у меня в твоем городе есть два раба, и я хочу от тебя, чтобы ты выдал мне этих моих рабов!» Его отец сказал: «кто твои рабы?» — «Мои рабы — оба твои сына!» Он сказал: «хорошо, сынок, завтра я их приведу».

На другой день он привел обоих своих сыновей в собрание. Ша-нияз-хан призвал на совещание еще сто человек. Когда люди пришли и собрались, Ша-нияз-хан сказал: «члены совета! когда-то нас было три брата. Мы вместе пустились в путь. Ночь в одном месте, день в другом, однажды мы дошли до распутья. Мои два брата пошли по одной дороге, а я пошел по другой дороге. Тут был некий камень, и на том камне было написано: кто пойдет по правой дороге, тот вернется, а кто пойдет по левой дороге, тот не вернется. Под тот камень мы положили для приметы свои перстни: кто прежде придет, тот возьмет и другие перстни. Я, Ша-нияз-хан, пошел по левой дороге, и сколько тяжелых трудов пришлось на мою долю! Бог даровал мне избавление, и ничего не случилось!

pádā kẹ átun duʳ-rāʸíäi̯ sará, dístun, mnī brāsánī čallắw amédā āngắ ér ant. man watíʸā zúrtun, āwánī padắ šútun, bẹ yak šắre sóč kúrtun ša yak mardúme: do e rangén warnắ na dístit? gúštant: do ame rangén warnắ kẹ gušắi̯, amédā átant. amédā yak ǰäníkke xumār-bázen, go mā ǰäníkkā xumắr ǰátant, ǰäník āwánī māl o zarr o asp o tūpákkānā búrtī. nūn yákẹ nānwāye muzzūr int, yake — āšpázāi̯. bāz juwán int. šútun bẹ ǰäníkäi̯ā, šapénā xumắr ǰátun, xudắ mnā ābrū dāt, ešánī asp o tūpákkānā wa zarránā pádā zítun, átun šārắi̯ tā, yáke rā ša āšpázäi̯ dukkánā, yáke rā ša nānwāyäi̯ dukkánā dár kúrtun, búrtun dallákäi̯ā, sar o ríšäi̯š tráštun, búrtun xai̯átäi̯ dukkánā p-ešán juwānén läbás dā tumāníen wa bist tumāníen ešánī gwará dátun. gúḍā ešána āúrtun watí mänzílā, ar guǰáme yak asp o yak tūpák, yak zām dátuniš, go wat brābír kúrtuniš. š-é šārắ dár bū́tan, átan. yak wáxte bẹ ǰáe rast kẹ mnī ar do čammánā kašíttant, mnā bẹ yak čóle tā préntant o átant.

awál xudắ, pai̯éni xudắ yak šére dárín wa yak sīmúrge. amešán mnā duwārág pa xudắäi̯ amrắ rošán kúrtant. agár bāwár na dārít, ar doʸénānī ripágānā säi̯l pkánit kẹ dāg dāránt yā na dāránt. písiš ripágāniš säʲl ku, dístī, ar guǰáme ripágā yak gulāmíen dāg aṣt. áli maǰlísā gúštī kẹ rāst ant

---

Когда я вернулся к распутью, я увидел, что перстни моих братьев еще лежат тут. Я взял свой и пошел вслед за ними. В одном городе спросил у одного человека: „не видели ли вы двух вот таких юношей?“ Мне сказали: „сюда пришли двое таких юношей, как ты говоришь; но здесь есть одна разгульная девушка, они стали играть с этой девушкой, и девушка выиграла у них имущество, деньги, лошадей и ружья, и теперь один в услужении у пекаря, а другой — у повара“. Очень хорошо, я отправился к девушке, ночью играл с ней, бог отличил меня, и я отобрал обратно их лошадей, ружья и деньги. Потом пришел в город, и одного извлек из съестной лавки, другого извлек из пекарни, сводил к цырюльнику и побрил им головы и бороды, сводил к портному и одел их в хорошую одежду по десять и двадцать туманов. Потом привел их на свою стоянку, дал каждому по лошади, по ружью и мечу, сравнял их с собою. Мы вышли из города и пошли. Однажды в одном месте довелось так, что они мне вырвали оба глаза, бросили меня в пустынном месте и ушли.

Прежде всего бог, а после бога у меня есть один лев и одна симург-птица. Они меня вновь, с помощью божьей, сделали зрячим. Если же мне не верите, то посмотрите у обоих, есть у них клейма или нет!» Их отец посмотрел и увидел, что на каждом есть клеймо раба. Он сказал членам совета:

yā durógant mnī abár? majlís gúštant: rāst ant tī abár. Šā-niyāz-xán gúštī: e zamānágā sẹzáị nekí badí int. amé rang kẹ ā bẹ murádā rastá, awál trā, gúḍā mnā, gúḍā āli ǰāmí bandagíäị murádā xudá bdant.

VII

būt na būt, ša mašmáị xudá getír káse na būt. yak pādšáe at. e pādšá dāšt du zāg. amé zāgánī nām yáke Gull at, yáke Momín at. amé Gull u Momínī más yak róče būt, murt. amé Gull u Momín šútant bi digá šáre pa wāntínā. yak čunt waxt amódā bi šarā wántant. yak róče amešánī pis gis kúrtī, digá ǰinéne gíptī, go watí ǰinénā gúštī: man dārín du zāg, yáke nām Gúll int-a u yáke nām Momín int-a. amé pādšáäị ǰinén go pādšá gúštī: ta yak xáte binmís, dém bdäị pa watí zāgánī padá, bí tā biáyant ki man āwánā bgíndīn. amé pādšá yak xáte nimíst u dem dáti pa watí zāgánī padá.

amé xat ki ódinā rast bi zāgánī dastá, zāg ki wántant, zántant ki ammáị pis gis kurtagí, go wat abár dátant ki biyá ki anún mašmá brawán ki mašmáị pis gis kurtagí. š-amódinā sar gíptant u átant, sar bútant bi watí pisáị gisá, dístant tā amáị pis ídā náịnt-a. yak wār amešáni mátó go pādšáā mazánen zāgá go Gullá gúštī: bí tā tī gwanḍén brās amódinā mníndīt, ta

---

«правда или ложь мои слова?» Совет сказал: «твои слова правда!» Шанияз-хан сказал: «в эти времена воздаяние за добро зло!» Так же, как он достиг желаемого, пусть бог подаст исполнение смиренных желаний сначала тебе, затем мне, а потом всем вообще.

(VII. О Гуле и Момине)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было два сына. Имена этих сыновей были: одного — Гуль (цветок), другого — Момин. Настал день, и мать Гуля и Момина умерла. Гуль и Момин отправились в другой город учиться. Там в городе они некоторое время учились. Между тем их отец женился, взял другую жену и сказал своей жене: «у меня есть два сына; один по имени Гуль, другой — по имени Момин». Эта царица сказала царю: «напиши письмо и пошли за своими сыновьями, пусть придут, и я повидаю их». Царь написал письмо и послал за своими сыновьями.

Когда это письмо попало в руки сыновей, сыновья прочитали и узнали, что отец женился. Они стали говорить друг другу: «давай, поедем теперь, потому что наш отец женился». Они выступили оттуда, пошли и дошли до дома своего отца и увидели, что отца дома нет. Вдруг их мачеха сказала старшему царевичу, Гулю: «пусть твой младший брат посидит там, а ты подойди сюда».

ídinā biʸá. amé Gull gúštī: ammá ič waxt ša wat jitá na būtág an, anűn am jitá na bayán. amešánī mātó gúštī: amé yak dayīyá ta biʸá ki man go ta yak abáre dārín. amé Gull go Momín gúštī: ta, lālá, amédinā mnind, man anűn a-kāín. amé padšáäi̯ mazánen zāg šútī bi watí mātóäi̯yā, guštī: ta ša man čé a-loṭái̯? ameší mātó go Gullá gúštī ki man trá girín. yak wār amé Gull jawáb dāt ki na bīt, ta mnī māsái̯ jāgá wäi̯, man trā ič waxtá na girín. ameší mātó gúštī: na bīt, mebāét, bgíräi̯. amé Gull dístī: mnā nái̯līt! gúštī: ammá anűn a-rawán bi watī maktábā, watí kalukalána zūrán u kārán, gúḍinā man trā girín. amé mātóī rāzí būt, Gullá š-amódinā elá kúrtī. Gull átī, go Momín gúštī: biá ki e ḍau̯lén abáre ā go man dátī. Momín gúštī: brawán, lālá, ki mašmái̯ kār darbád a-bít. Gull u Momín pádā átant bi watí maktab-xāná.

yak čunt waxt gwast. pādšá āt bi watí gisá, ša watí jinénā pursít ki ta mnī zāgánā dístäi̯? ameší jinén jawáb dāt ki ān, tī zag battíri tí ant: amé pādšá gúštī: pa če? amé jinénī jawáb dāt ki tī zāg amé ki átant, čo gušnágäi̯ā lagítant bi parzonágäi̯ sará. amé pādšá xajallát būt, gúštī: man anűn pa āwán yak xáte binmisín u dem bdäín, ta bí tā biánt. amé pādšáäi̯ jinén gúštī: nápa bāz juwán int-a, binmís. amé pādšá yak xáte

---

Гуль сказал: «мы никогда друг с другом не разлучались, и теперь не разъединимся». Их мачеха сказала: «ты подойди на минутку, потому что у меня есть тебе что-то сказать». Гуль сказал Момину: «братец, ты посиди здесь, а я сейчас приду». Старший царевич подошел к своей мачехе и сказал: «что ты от меня хочешь?» Его мачеха сказала Гулю: «я тебя беру (вместо мужа)!» Гуль сразу ответил: «нельзя, ты мне вместо матери, и я тебя никогда не возьму (как жену)!» Его мачеха сказала: «невозможно! необходимо, чтобы ты взял меня (вместо жены)!» Гуль увидел, что она не отстанет, и сказал: «мы теперь отправимся в свою школу, заберем и привезем свои пожитки, а потом я тебя возьму (как жену)». Его мачеха согласилась и отпустила отсюда Гуля. Гуль пришел и сказал Момину: «посмотри-ка, какого рода разговор она со мной имела!» Момин сказал: «братец, уйдем, потому что дела наши запутываются». Гуль и Момин вернулись в свою школу.

Прошло некоторое время. Царь вернулся к себе домой и спросил свою жену: «ты видела моих сыновей?» Его жена ответила: «да, твои сыновья хуже, чем ты!» Царь сказал: «почему?» Его жена ответила: «как только твои сыновья пришли, они точно голодные, бросились к скатерти (с угощением)». Царь был пристыжен и сказал: «я сейчас напишу и пошлю им письмо, а ты позволь им прийти!» Жена царя сказала: «очень хорошо, напиши!» Царь на-

nimíst u dem dátī pa watí zāgán. amé xat šut, rast bi pādšáäi̯ mazánen zāgái̯ dastá bi Gullái̯yā. amé ki Gull wántī, gúštī go Momín: äi̯ lālá, biyá ki ša mašmái̯ pisá yak xáte āt. ā u Momín wánt-atant, tā pis nimistagí ki mutlaxán biáit. amé Gull u Momín go wat abár dátant: brawán, lālá. ar duén brās rāzí bū̆tant, š-amódinā átant bi watí pisái̯ gisá.

amé ki átant, dístant tā bi pisái̯ gisá dīwáne ništagí. amé ki bi gisái̯ tā putrítant, yak wār pādšá go watí mardumán gúštī: bgíritiš, ar duénānā pkúšit. yak wār amé pādšáäi̯ wazíl go pādšá gúštī: pa če ta ešánā kušái̯? ma kuš, kau̯šéš čapí pkan tā brawánt. go amé mardumán gúštī: šmā bgírit, amé Gullái̯ kau̯šá čapí pkánit u Momínī kau̯šá čapí má kanít. amé mardúm gíptant, Gullái̯ kau̯šánā čapí kúrtant u Momínī kau̯šánā čapí na kúrtant. yak wār amé Gull ša gisá dár káptī ki brau̯t, Momín am ša gisá dár káptī ki brau̯t. amé ki pādšá dístī ki Momín am dár káptī, yak wār go watí mardumán gúštī: bráit, Momínā biárit go zanǰírā bandít. amé mardúm šútant, Momínā čár dátant u áurtant, go zanǰírá sak bástant. yak katráe digár ki bū̆t, amé Momín gipt, amé zanǰírāna sist u watí pisá gúštī: ta ki āí pis am ná-wäi̯, mnī am ná-wäi̯, š-amódinā ǰist u šut. tāngāt Gull ša šárá dár ná kápt-at ki Momín raséntī. Gull gúštī go Momín ki ta pa če átäi̯? Momín gúštī: ā ki tī pis am näi̯nt-a, mnī am näi̯nt-a.

писал письмо и отправил своим сыновьям. Письмо пошло и попало в руки старшего сына, Гуля. Когда Гуль прочитал, он сказал Момину: «смотри-ка, братец, пришло письмо от нашего отца!» Он и Момин стали читать; отец: написал: «непременно приходите». Гуль и Момин поговорили между собой: «отправимся, братец!» Оба брата были довольны и пошли оттуда к дому своего отца.

Когда они подошли, они увидели, что в доме их отца заседает совет. Как только они вошли внутрь дома, тотчас царь сказал своим людям: «схватите их и обоих убейте!» Царский визирь немедленно сказал царю: «за что ты их убиваешь? не убивай, а вели перевернуть им туфли (в знак немилости), и пусть они уходят!» Он сказал своим людям: «возьмите и переверните туфли Гуля, а туфли Момина не переворачивайте». Эти люди взяли, перевернули туфли Гуля, а туфли Момина не перевернули. Гуль сразу вышел из дому, чтобы уйти. Момин также вышел из дому, чтобы уйти. Как только царь увидел, что Момин тоже вышел, тотчас он сказал своим людям: «идите, приведите Момина и закуйте в цепи!» Эти люди пошли, окружили Момина, привели и крепко заковали в цепи. Немного погодя, Момин взял, порвал цепи и сказал своему отцу: «раз ты ему не отец, ты и мне не отец!» Он выбежал оттуда и пошел. Гуль еще не вышел из города, как Момин его догнал. Гуль сказал Момину: «зачем ты пришел?» Момин сказал: «раз он тебе не отец, он не отец и мне!»

karár Momín u Gull šútant bi yak ǰāgáe, ešánā šap gipt. Gull u Momín amé šapénā go wat abár dátant, dérā wáptant. yak wār amé Gull ša wābá ustát u šut pa šikárā, šikárī kurt yak kargóške u amé kargóškā áurt bi watí brāsáiyā. yak wār šut, yak káme dār áurt, amé kargóškā zabr pakítī u tayár kúrtī u gúḍinā watí brāsá pádī kúrtī. Momín ustátī, amé kargóškäi goštánā ā u Gull wártant, pa duwārág Momín gúštī: anún wārí mní int-a. amé Momín tūpá^{k}kā zurt u šut pa šikárā. amé Gull amédinā ki wápt-atī, bí tā amédinā wāb raut, ta bzánäi ša guǰángūr yak aždiyáre brābír a-bít u kāit pa amé Gullái ǰāná, Gullá bó a-kánt. yak wār amé Gull amédinā bát a-bít. yak wār am amé Momín ša šikár a-kái, yak wār dístī: wā wäilán, gújint-a mnī brās! yak wār amé Momín ǰat bāzéne bi watí sarágā u gret. yak katráe digá būt, amé Momín š-amódinā šut pa wat.

amé Momín a-rắut bi yak daryábe pānádā. amé daryábäi pānádā, ta bzánäi, mardúm būtág aut. amé mardúm Momínā gindánt, yak wār a-kāyánt, Momínā baránt bi watí gisá. amé ki baránt, yak čunt waxt bīt, gúḍinā amešánī pādšá mirít. amé mardúm a-giránt, Momínā watí pādšá a-kanánt. amé Momín ar čę ki gull ast bi amé šārái tā, Momín āwánā gīt u ziyán a-kant yā na, bi digá šārán dém a-dánt, náilīt bi watí šārá. anún ša Momín bil u ša Gullá goš pkaš.

Итак, Момин и Гуль пошли в другое место. Их застигла ночь. Гуль и Момин разговаривали друг с другом и заснули поздно. Вдруг Гуль встал и пошел на охоту. Он добыл зайца и принес этого зайца своему брату; пошел еще, принес немного дров, хорошенько изжарил этого зайца и приготовил и потом уже разбудил своего брата. Момин встал; он и Гуль поели заячьего мяса. На второй раз Момин сказал: «теперь моя очередь!» Момин взял ружье и пошел на охоту. Тут Гуль лег спать. Оставь его, пусть он засыпает, только знай, что откуда-то появляется дракон и подходит с умыслом на Гуля. Он обнюхивает Гуля, и тут же Гуль превращается в кашу. Тотчас же подходит с охоты и Момин: увы! где же мой брат? Много бил себя по голове и плакал Момин. Прошло еще несколько времени. Момин пошел оттуда своей дорогой.

Момин идет к берегу большой реки. А тебе надо знать, что на берегу этой реки были люди. Эти люди видят Момина, тотчас приближаются и забирают Момина к себе домой. Пока они его ведут, проходит некоторое время, и тем временем их царь умирает. Эти люди берут и делают Момина своим царем. Момин тогда, сколько ни есть цветов в его городе, все их берет и уничтожает или же отправляет в другие города, а в своем городе не оставляет. Теперь оставь Момина и послушай про Гуля.

yak róče yak malánge ša guǰángūr eší sár a-kapít, kāi̯t bi amé Gullá̤i̯ sará̤, gindít tā aǰáben ǰuwānén warnáe índinā murtagí, yak wār amé maláng yak hū̆e kašít wa gušít: yā xudá̤, amé čoríyā zindág pkánäi̯. yak wār xudá̤ am amé malángäi̯ arzá̤ zúrtī u amé Gullá̤ zindág kurt. amé ki Gull ustát, sá̤i̯lī ku tā mnī brās índinā näi̯nt-a, yak wār amé malángā pursítī, gúštī: gúǰint-a mnī brās? amé maláng gúštī: man čé zānín ša tī brāsá̤, man ič á̤e rā na distág un. man ki á̤tun, ta índinā murt-átäi̯. amé Gull gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, anū̆n mán a-raín. amé maláng watí dastá̤ ǰat bi amé Gullá̤i̯ puštá̤, gúštī: bra, xudá̤ go ta amrá̤ bīt u ič kas trā āzá̤r ma dant. maláng pa wat šut u Gull pa wat šut.

amé Gull šut, bi yak daryábe pānádā dístī tā amédinā yak ǰiníke. amé ǰiník ki Gullá dístī, átī bi Gullá̤i̯ā, dast bi mardí u ǰinení dátant. yak wār ša amé rodá̤i̯ á̤škā mardúm kištíe u yak sundū̆xe rā bi säi̯ mardúmäi̯ dastá̤ dém a-dayánt ki šmā bráit, awálā Gullá bgúšit: suwár bā̤i̯ kištíyā ki trā bgwazénan ša rodá á̤škā, amé ki Gull bi kištíyā suwár būt, šmā á̤e rā biyárit bi rodá̤i̯ mānǰínā bi sundū̆xäi̯ tā pkánit u bi āpá̤i̯ tā elá bdá̤it. amé säén mardúm amé kištíyā āúrtant, Gullá gúštant: suwár bā̤i̯ kištíyā tā brawán bi á̤škā. Gull amé kištíyā ki suwár bū̆tī, yak wār amé säén

---

Однажды откуда-то появился дервиш; он подходит к Гулю и видит, что тут умер удивительно красивый юноша. Сразу этот дервиш взывает к богу и говорит: «о боже, оживи этого юношу!» Бог тотчас же внял молитве дервиша и оживил Гуля. Когда Гуль встал, осмотрелся и увидел, что брата здесь нет, он сразу спросил дервиша: «где мой брат?» Дервиш сказал: «что́ я знаю о твоем брате? я вовсе его не видал! когда я подошел, ты уже был здесь мертвым». Гуль сказал: «ну, очень хорошо, я теперь пойду!» Дервиш ударил Гуля рукой по спине и сказал: «иди, бог да будет с тобой, и никто тебя не обидит!» Дервиш пошел своей дорогой, и Гуль пошел своей дорогой.

Гуль пошел и на берегу одной большой реки увидел девушку. Когда эта девушка увидела Гуля, она подошла к Гулю, и они дали друг другу руки, как муж и жена. Между тем люди, которые были на той стороне реки, вручают трем человекам лодку и один ящик: вы, мол, отправляйтесь и сначала скажите Гулю: «садись в лодку, мы тебя переправим на ту сторону реки», а когда Гуль сядет в лодку, вы его привезите на середину реки, поместите в ящик и пустите в воду. Эти три человека пригнали лодку и сказали Гулю: «садись в лодку, и мы поедем на ту сторону». Как только Гуль сел в лодку,

mardúm amé kištíyā bi āpā́ dátant u á̋tant bi amé āpā́i̯ mānǰínā. yak wār amé mardúm gíptant, amé Gullā́ bi sundű̄xäi̯ tā kúrtant u bi āpā́i̯ damā́ dátant tā amé á̋p a-bárt, á̋tant bi ǰiníkäi̯yā. amé ǰiník gúštī: tā mnī mard mā̋it, man ī-ǰā na raín, amédẹnā nindín. karā́r amé mardúm šútant pa wat. amé ǰinikó amédinā pa wat yak γásre ǰat u amédinā ništ. anű̄n ša ǰinikóā bil u ša Gullā́ goš pkaš.

karā́r amé Gullā́ á̋p a-bart, bi yak gudáre dapā́, yak mardúme watí aspā́ kārít ki āp bdant. gindít tā asp rúmm a-kánt. amé mardúm bi amé watí aspā́i̯ gošā́ bāzén γamčúne ǰant ki daű̄säi̯ asp pa če rúm a-kánt. amé ki kā̋i̯t bi gudáräi̯ dapā́, gindít, alā́! čunén ǰwānén sundű̄xe bi rodā́i̯ tā kaptagí. yak wār á̋tī, ša watí aspā́ ér káptī u āt, amé sundű̄xā ša āpā́ kašítī u burt, bāl āúrtī u bi amé aspā́i̯ sarā́ kúrtī, aspā́ suwā́r bű̄tī u šut bi watí gisā́. ódinā amé sundű̄xäi̯ dapā́ páčī kúrtī, dístī ajáben ǰwānén čoríe bi amé sundű̄xäi̯ tā wā́b int-a. yak wār amé Gullā́ pād kúrti ki bust. amé Gull ustát, amé mardúmā gúštī: ta pa man yak káme gull paidā́ pkan u biyā́r. amé mardúm gúštī: agár amā́i̯ pādšā́ búškint, amā́ rā ša sarā́ póst a-kánt, pa če ki āí brāsā́i̯ nām būtagí Gull. anű̄n āí brās murtagí, pa amé̄šā ídinā gullā́ nā́i̯līt. amé Gull gúštī: ta bra, biyā́r, man

---

эти три человека сразу пустили лодку в воду и попали на середину реки. Вдруг эти три человека схватили Гуля, сунули его в ящик и пустили по течению, чтобы его унесла вода, а сами вернулись к девушке. Девушка сказала: «пока мой муж не придет, я никуда не пойду, а останусь здесь». Итак, эти люди отправились во свояси, а эта девушка построила для себя замок и осталась тут. Теперь оставь девушку и послушай про Гуля.

А Гуля вода уносит к месту переправы, и какой-то человек в это время приводит сюда свою лошадь на водопой. Он видит, что лошадь пугается. Этот человек нещадно бьет плетью по ушам свою лошадь: чего, дескать, пугается эта распутная лошадь! Когда он подъезжает к месту переправы, он видит: ах! какой красивый ящик упал в воду! Он тотчас приблизился, сошел с лошади, подошел и вытащил ящик из воды; отнес его, поднял и нагрузил на лошадь; сел верхом и поехал домой. Там он открыл крышку ящика и увидел, что в ящике спит удивительно красивый юноша. Он тотчас разбудил Гуля: вставай, мол. Гуль встал и сказал этому человеку: «принеси мне немножко цветов!» Этот человек сказал: «если наш царь услышит, он сдерет нам кожу с головы, потому что имя его брата было Гуль (цветок), а теперь его брат умер, и потому он не терпит здесь цветов». Гуль сказал: «ты сходи, принеси, а я сам буду отвечать

wat āí ǰawā́b a-daín. amé mardúm gúštī: man awál a-raín, ša pādšā́ pursín, gúḍinā pa ta kārín. Gull gúštī: nápa, bāz ǰwā́n int-a.

amé mardúm átī bi pādšā́i̯yā, go pādšā́ gúštī: ǟi̯ pādšā́, γábli ālám, ānčén mardúme rā zī man bi āpā́i̯ tā dístun, bi sundū́xǟi̯ tā at, ā́p a-kāúrt, man kašítun u āúrtun bi watí gisā́, ānčén ǰwānén čoríe, amā́ čorí ša man gull loṭít, anū́n man átun bi tíā, ta amā́ rā murxás a-däyā́i̯ yā na? amé pādšā́ guštī: ta bra, amāí rā bzūr u biyā́r. amé mardúm átī, amé Gullā́ gúštī: biyā́ ki brawán mašmā́ bi pādšā́i̯yā. ā u Gull átant bi pādšā́i̯yā. amé ki Momín u Gull wat rā dístant, grétant, tā du sāt dast bi gardín bū́tant u grétant, déra go wat wašāmáde kurtant. ša yak u agdárā pursítant ki čón int-a tī awā́. Gull gúštī: zabr int. Gull Momínā pursít: čón int-a tī awā́? Momín gúštī: zabr int-a. karā́r Gull go Momín gúštī: ǟi̯ lālā́, man dārín yak ǰinéne, amā́ mnī ǰinén bi plānā́ ǰā́ int-a, mašmā́ brawán, āe rā biyā́ran. Momín ašt salā́t-a zurt u šútant. karār Gull mānt go watí brāsā́. eší rā Momín zabr gísī dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant. man am bi amā́ arosíā čap kúrtun, š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun, pa ta yak ǰiníke ā́úrtun.

перед ним». Этот человек сказал: «я сначала пойду спросить у царя, а потом уже принесу тебе». Гуль сказал: «очень хорошо».

Этот человек пришел к царю и сказал царю: «о царь, средоточие мира, вот какого человека я вчера нашел в воде! он был в ящике, и вода его несла, а я вытащил и принес к себе домой, такой красивый юноша! этот юноша просит у меня цветов, вот я и пришел к тебе, дашь ты ему разрешение или нет?» Царь сказал: «иди, возьми его и приведи». Этот человек пришел и сказал Гулю: «давай, пойдем к царю!» Он и Гуль пошли к царю. Как только Момин и Гуль увидели друг друга, они расплакались, часа два обнимались и плакали и долго обменивались приветствиями и спрашивали один у другого: «как ты поживаешь?» Гуль сказал: «хорошо» и спросил Момина: «как ты поживаешь?» Момин сказал: «хорошо». Наконец, Гуль сказал Момину: «братец, у меня есть жена, эта моя жена в таком-то месте, поедем, привезем ее!» Момин взял восемь солдат; они отправились и привезли жену Гуля. Итак, Гуль остался со своим братом, Момин пышно справил его свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабаны. И я на этой свадьбе плясал, оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благоденствие, для тебя доставил девушку.

VIII

būt na būt, ša mašmą̄ xudá getír káse na būt. yak pādšá^{ey} at. e pādšá dáštī yak zá̄ge. e zá̄gī yak róče būt, šut pa šikárā, šut, dístī amédā yak róde, są̄lī ku tā čé paríe ābāzí a-kanánt. e są̄lī ku tā mešánī tā čonén ǰuwānén paríe ābāzí a-kánt. e watí dilá pígrī ku, gúštī ki man go ešán bándā kār dārín. e š-amédā šut bi watí gisá. yak búnḍe rā kaḍá^{k}ke ku, zabr ǰóḍī kurt wa tāríenā āúrtī, bi gudárą̄ dapá išt. wat bi^{t} tą̄ būt. pārí átant pa ābāzíā, watí puččánā kašítant. agidá bi ḍigárā íštant, amé ǰwānén parí watí puččánā bi bunḍą̄ sará išt, watí amránā gúštī ki šmā am biyárit, watí puččánā bi bunḍą̄ sará billit. ā gúštant ki na, ammá amédā killan. e gúštī: ǰwán int. e watí puččánā dárī kúrtī, išt, wat šut pa ābāzíā. amé čorí ša bunḍą̄ tā dár kapt, šútī, amé paríā puččánā zúrtī, ā^{w}úrtī, bi bunḍą̄ tāī kurt, wat bi bunḍą̄ tā būt. parí ša āpá dar káptant, átant, watí puččánā gwará kúrtant wa rādág bútant. amé ǰ^{n}wānén parí átī, są̄lī ku tā mnī puč édā ná ^{w}ant, watí amránā sóǰī ku ki mnī puččánā ką̄ zurtą̄? ā gúštant ki ammá na zānán.

(VIII. О пэри Шар-шару)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был царь, у этого царя был сын. Однажды этот сын отправился на охоту. Он шел и увидел реку; посмотрел: там купаются пэри. Посмотрел еще: ух! какая красивая пэри купается среди них! Он подумал и сказал сам себе: «ужó завтра я с ними сделаю что-нибудь!» Он отсюда пошел домой, выдолбил бревно, хорошенько обделал его и на утро принес и поместил его у переправы, а сам спрятался внутри. Пэри пришли купаться и сняли с себя одежду. Другие положили ее на землю, а эта красивая пэри положила свою одежду на бревно и сказала своим подругам: «вы тоже принесите и положите свою одежду на бревно». Они сказали: «нет, мы оставим здесь». Она сказала: «ну, хорошо!» Она разделась и положила свою одежду, а сама пошла купаться. Этот юноша вышел из бревна, взял одежду этой пэри, положил в бревно и спрятался сам в бревне. Пэри вышли из воды, подошли, оделись и собрались уходить. Подошла и эта красивая пэри, посмотрела: нет моей одежды! Она спросила своих подруг: «кто взял мою одежду?» Они сказали: «мы не знаем».

ā šútant, e mántī, íngo sáilą ku, ángo sáilī ku, íččī na dístī, átī bi me bunḍáą̄ā, gúštī ki ta ínse ʷäą, jínse ʷäą, agár ādamíe ʷäą, mnī puččánā zurtág-äą, bdáäą! ā gúštī ki man na ínse un, na jínse un, ādamíe un, tī puč go mán ant. gúštī: mnī puččánā bdäą. ā gušt: na däín tī puččánā. gúštī: bdäą pa brāsí o gwārí. ā gúštī ki na däín. gúštī: bdäą pa nākó-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäą pa trū brā-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäą pa mardí o jänení. gúštī: jwán int, tī puččánā däín, tī bālánā na däín. puččánā dátī, ešť rā bi bunḍáą táī ku, bunḍáą dapá bast. wat bunḍá baḍḍáī kurt, búrtī, bi watí pissáą gisáą dapá íštī. watí māsá gušt ki mnā dost dārít, plāná paą̄γummárā dost dārít, amé bunḍá na ki dast dáit. másī gušt ki jwān int.

e š-amédā šut bi bāzárā, šut, gáštī, gáštī padóī āt. watí māsá gúštī ki pa man ārt bāz drúššit, ki man gís a-kanín. ešť mās gušt: ta káą rā giráą? e gúštī: man amé bunḍá girín. ešť mās go: ta padšáäą yakén zágе, ta čon búnḍe rā giráą? e gúštī: na, māsí, man amé bunḍá girín. gúštī: jwān int.

p-ešť ārt-u-bār tayár kúrtant. ešť rā gis dátant. búrtant bi killá. tāríenā roč būt, bi molíde dastá gul dém dátant, bi yákäą dastá purr dém dátant.

Они ушли. Она осталась, посмотрела там и сям, ничего не нашла, подошла к бревну и сказала: «дух ли ты какой-нибудь или же человеческого рода, кто взял мою одежду, — отдай!» Он сказал: «я отнюдь не дух, я человеского рода, и твоя одежда у меня». Она сказала: «отдай мою одежду!» Он сказал: «не дам твоей одежды!» Она сказала: «отдай ради побратимства и посестримства!». Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений дяди к племяннице!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений тетки к племяннику!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради супружества!» Он сказал: «хорошо, я отдам тебе одежду, но твоих крыльев не дам». Он отдал ей одежду, поместил ее в бревно, закрыл вход в бревно, потом взвалил бревно себе на спину, отнес, положил у входа в дом своего отца и сказал своей матери: «если вы любите меня и любите такого-то пророка, то не прикасайтесь руками к этому бревну!» Его мать сказала: «хорошо!»

Он пошел на базар, походил, походил, вернулся назад и сказал своей матери: «намелите мне побольше муки, потому что я женюсь». Его мать сказала: «кого ты берешь?» Он сказал: «я беру это бревно». Его мать сказала: «ты единственный сын у царя! как можешь ты брать какое-то бревно!» Он сказал: «нет, матушка, я возьму это бревно!» Она сказала: «хорошо!»

Для него приготовили муку и прочее, поженили его и отвели в помещение для новобрачных. На утро рассвело. С одной служанкой послали ему цветов, а с другой послали золы и сказали: «отнеси цветы и посыпь

gúštant: gulánā bar bi čorïä̯ sará breč, purránā bar, bunḍä̯ sará breč. e š-amédā búrtant, sä̯il kurtant tā čorïä̯ pānádā čonén ǰwānén warnä́e ništá. e ki dístant, γiš kurtant. parí átī, watí dasmálā námmī ku, bi ešánī demá pāšítī, eš sár kúrtant, padoí šútant. parí gulánā zúrtī, burtī, ā u̯ čorí watí sará bār kúrtant. e molíd šútant bi gisá, ódenā gúštant go čorïä̯ māsá: bībí, bībí, bībí šmā näi̯t, bībí á int ki mnī wāǰä̯ demá ništá. e gúštī: watí rangá γäi̯b pkan š-amédā, ta ammá rā ša búnḍe kamtír a-kanä̯! e gúštī: na, bībí, bībí šmā näi̯t, bībí á int ki mnī wāǰä̯ demá ništá. e š-amédā šútant ódenā p-āí säi̯lá. ódā dístant tā rāstí bībí ammá ná ʷan, bībí améš int. pa duwāráǵ eší rā ša sáräi̯ nok gis dátant. tā apt šap o apt roč dol kúrtant.

e čoríā apt šap, apt roč bűd bűtī, gúštī go watí māsá ki äi̯ māsí, man a-räín pa kārwán-kašíʸā, mnī ǰänén biᵗ tī dastá int. agár mnā dost dārä̯i, pᵃlāná päi̯γummárā dost dārä̯i, na ki mnī ǰänénā bālánā bdää̯i ki ā bāl a-kánt o rot. eší mās gušt: na, māsí, man ič waxt āí bālánā na däín. gúštī: ǰwān int, man digá räín. ǰáni tá wa ǰáni mnī ǰänénā! ki ā bāl má. kant o má rot, ki ič ka āí sará sar-zorí ma kant. gúštī: ǰwán int, māsí, man ič kasá nä̯ilīn ki āí sará sar-zorí kant. e čorí š-amédā šut.

голову юноше! отнеси золу и высыпь на бревно!» Они отнесли и стали всматриваться: что это за молодая красавица сидит рядом с юношей! Как только они рассмотрели ее, они лишились чувств. Пэри подошла, намочила свой платок и побрызгала им в лицо; они очнулись и пошли обратно. Пэри взяла цветы и унесла; она и юноша разделили их между собой. А служанки пошли домой и сказали матери юноши: «госпожа, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Она сказала: «сгинь отсюда! ты считаешь нас хуже какого-то бревна!» Та сказала: «нет, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Они пошли туда посмотреть на нее и там увидели: ведь правда! не мы госпожи, а она госпожа! Вторично и снова его поженили. Семь ночей и семь дней били в барабан.

Когда истекло семь ночей и семь дней, юноша сказал своей матери: «матушка, я отправляюсь с караваном, а моя жена остается у тебя на руках; если ты любишь меня и любишь такого-то пророка, ты не отдавай крыльев моей жене, а то она взлетит и исчезнет!» Его мать сказала: «нет, сынок, я ни в каком случае не отдам ей крыльев». Он сказал: «хорошо, тогда я пойду, но ради твоей души и души моей жены! пусть она не летает и не уходит и пусть никто ее не притесняет!» Она сказала: «хорошо, я никому не позволю, чтобы ее притесняли». Юноша ушел.

tārīenā bi digá alke arūsíe būt. amé alkā̤ ǰäníḳ wat rā ǰóḍ kurtánt. e wat rā ǰóḍī na kurt. eší duskíč āt, gúštī: ä̤ Šar-šarū, ta pa če wat rā ǰóḍa na kanā̤ ki mašmá b'rawán bi arūsíā. e gúštī: tā mnī bāl má bayánt, man ič ǰā šutága na kanín. e gúštī: ǰwān int, man tī bālánā kārín, ta tānáxte wat rā ǰoḍ pkan. e gúštī: ǰwān int. e š-amédā šútī watí māsā̤ā̤, gúštī: ä̤ī māsí, eší bālánā bdä̤ī! másī gušt: na, māsí, agár man āí bālánā bdāīn, ā bál a-kánt o rot ki tī brās a-kā̤t, ša man awál a-gít ki gúǰ int mnī ǰänén? gúštī: man bālánā na däín. gúštī: na, māsí, bālánī bdä̤ī ki ammá rawán bi arūsíā wa zūti kāyán. gúštī: ǰwān int. eší bālánā dátī, e š-amédā bālánā āúrtī, watí nišárā dátī. eší nišár pa gal o bal zúrtī watí bālánā, š-amédā rādág būtant ki šútant bi arūsíā, šútant bi arūsíā panádā. e gúštī ki šmā brāit, man annūn a-kāín. yak wār bálī ku, šut bi awá. e sä̤l kúrtant ki wā wä̤lán! ā bálī kurt o šut. e wassūī o duskíčī wat rā ǰátant o grétant ki ā šútī, bándā na, póšī Šä̤-kalandár a-kā̤t, ša amā awál a-gít ki gúǰ int mnī ǰänén. ammá áe rā čę ǰawáb däyán. amé Šar-šarū bi awää demá, abárī dāt ki man räín, ša apt daryábā áškā bäín. amín-kasī gušt wa šut. eší más yak sorén búze rā kúštī, burt, górī kurt.

На утро в другом селении была свадьба. Девушки этого селения принарядились, а она не наряжалась. Ее золовка пришла и сказала: «Шар-шару, почему ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!» Она сказала: «пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти». Она сказала: «хорошо я принесу тебе крылья, а ты пока принарядись». Она сказала: «хорошо!» Та пошла к своей матери и сказала: «матушка, отдай ей крылья!» Ее мать сказала: «нет, дочка, если я отдам ей крылья, она полетит и исчезнет, а твой брат вернется и спросит про нее: где, мол, моя жена? Нет», — сказала она, — «я не отдам крыльев!» Та сказала: «нет, матушка, отдай ее крылья! мы сходим на свадьбу и скоро придем!» Она сказала: «хорошо!» Она дала ей крылья; та принесла крылья и отдала своей невестке. Ее невестка с радостью взяла свои крылья. Они собрались на свадьбу и пошли. Она сказала: «вы идите, я сейчас приду», а сама вдруг взлетела и очутилась в воздухе. Они взглянули, но увы! она взлетела и летит. Ее свекровь и золовка стали себя бить и плакать: «она ушла, а не завтра, так послезавтра вернется Ша-каландар и спросит у нас про нее: где, мол, моя жена? какой ответ мы ему дадим?» Шар-шару уже в воздухе сказала: «я ухожу и буду по ту сторону семи рек!» только это сказала и улетела. Его мать зарезала красную козу, отнесла и закопала.

tārī́enā būt, Šäi̯-kalandár āt, gúštī: äi̯ māsí, man čunt sāl int ki šutā́ un pa kārwā́n-kašī́ʸā. eší más gušt: zī na, parérī šútäi̯ pa kārwā́n-kašī́ʸā. gúštī: na, māsí, e du sā́l int ki man šutá un pa kārwā́n-kašī́ʸā. gúštī: šarr, māsī, watí nānā́nā bor. gúštī: mnī jänén gúj int-a? māsí gušt: ā u tī gwār šútant bi alkā́ wa annū́n a-kāyánt, ta watí nānā́nā bⁿår. gúštī: jwān int, māsí. e ki watí nānā́nā wártī, māsī gúšt: číze ki ša xudā́ čer näi̯nt, šaᵗ ta um čéra na bīt: tī jänén šaᵗ tī γamā́ múrtī. gúštī: gujā́madā gór kurtā́ it? mnā bárit, āí gorā́ nišā́n bdäit. eší rā búrtant, gorā́ nišā́n dátant ki amédā tī jänén murtáī. eš tā apt šap o apt roč amédenā káptī ameší gorā́i̯ sarā́.

yak róče būt, átī bi gisā́, amédā sūgí níštī, yak jänén zā́ge watí jäníkkā dušmā́n dátī ki annū́ trā čo Šare̯-šarū́i̯ā bāl a-däín. e uškítī, šútī, amā́ jänén zāgā́ lote̯ítī. gúštī ki Šar-šarū́ bálī kurtá magá? ā jänén zāg gušt: tā magá sí na dārā́i̯? ā gúštī: na, man sī na dārín. jänén zāg gušt: palāná ročā́ yak arūsíe būt, ammā́ wat rā jóḍ kurtan ki brawán bi arūsíā. Šar-šarū́ wat rā jóḍī na kurt, tī gwār āt, gúštī ki äi̯ nišā́r, ta pa če wat rā jóḍa na kanā́i̯ ki mašmā́ brawán bi arūsíā? ā gúštī ki äi̯ duskíč, tā mnī bāl ma bayánt, man ič jā šutága na kanín. ā gúštī ki man tī bālánā kārín, ta tānáxte wat rā joḍ pkan, man annū́n tī bālánā kārín. e wat rā jóḍī kurt. ā am šut, bālánī āúrt

---

Настало утро. Ша-каландар вернулся и сказал: «о матушка, сколько лет прошло уже, как я ушел с караваном!» Его мать сказала: «не вчера, так позавчера ты ушел с караваном!» Он сказал: «нет, матушка, уже два года, как я ушел с караваном!» Она сказала: «ну, хорошо, сынок, кушай свой хлеб!» Он сказал: «где моя жена?» Его мать сказала: «они пошли с твоей сестрой по селению и сейчас придут, кушай свой хлеб!» Он сказал: «хорошо, матушка». Когда он поел, его мать сказала: «что́ от бога не скрыто, не должно быть скрыто также от тебя! твоя жена с горя по тебе умерла». Он сказал: «где вы ее похоронили? отведите меня и покажите ее могилу!» Его повели и показали ее могилу: вот здесь, дескать, твоя мертвая жена! Десять ночей и десять дней он лежал здесь, на ее могиле.

Однажды случилось, что он пришел домой и сидел здесь в горе, а одна женщина ругала свою дочку: «я теперь тебя, как Шар-шару, заставлю улететь!» Он услышал, пошел, позвал эту женщину и сказал: «разве Шар-шару улетела?» Та женщина сказала: «разве ты не знаешь?» Он сказал: «нет, не знаю». Женщина сказала: «в такой-то день была свадьба, и мы принарядились чтобы итти на свадьбу, а Шар-шару не наряжалась; твоя сестра подошла и сказала: „невестка, что же ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!“ она сказала: „золовка, пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти“; та сказала: „я принесу твои крылья! ты пока принарядись, а я сейчас

u dāt. e watí bālánā zurt, gúštī ki brawán. e š-amédā šútant bi arūsíā pānádā. āwánā gúštī ki šmā brä̤t, man annūn a-kāín. ā š-amédā šútant ki e yak wā bálī ku, šut bi awá wa bi mā awää demá gúštī ki man raín, ša apt daryábā áškā bäín. e Šä̤-kalandár gúštī ki man annūn a-räín pa āí padá.

Šä̤-kalandár šútī, wat rā malangí póšī kurt wa šútī, šútī bi yak čóle. dístī tā yak molíde áp a-kašít. gúštī: ä̤ dādá, mnā yak kámme āp bdä̤. e gúštī: bra, gum bā̤, tī dil ušk bīt, Šar-šarūä̤ nimáz kazá bīt, man trā ápa bdäín! e gúštī ki bra ki tī āp ón bayánt. e š-amédā watí āpánā búrtī ódenā, tā mnī āp ón ant! pa duwārág watí maškā̤ āpánā rétī, pa duwārág átī bi čää sará. e čorí gušt: ä̤ dādá, ta mnā yak kámme āp bdä̤. a gúštī: bra, gum bā̤, tī dil ušk bīt, Šar-šarūä̤ nimáz ódā kazá bīt, man trā āp bdä̤n! ā gúštī: bra ki tī āp rem bayánt. ā watí āpánā burt, ódenā säil ku, tā mnī āp rem ant! watí maškā̤ āpánā gipt, rétī, átī padā bi čää̤ sará, watí maškā ápī ku. e čorí gúštī: ä̤ dādá, ta mnā yak kámme āp bdä̤. e gúštī bra, gum bā, tī dil ušk bīt, ki Šar-šarūä̤ nimáz ódā kazá bīt! e gúštī: brā ki tī āp čirk bayánt. e š-amédā watí āpánā burt bi ódenā.

принесу твои крылья"; она принарядилась; та пошла, принесла крылья и отдала; она взяла свои крылья и сказала: „пойдемте!" они пошли на свадьбу, и она сказала им: „вы идите, а я сейчас приду"; они пошли, и вдруг она взлетела на воздух и уже в воздухе сказала: „я ухожу и буду по ту сторону семи рек!"» Ша-каландар сказал: «теперь я пойду за ней!»

Ша-каландар пошел, оделся в дервишеское платье и ушел. Пошел он в пустынное место, увидел, что одна служанка набирает воду, и сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, значит, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в кровь!» Она понесла отсюда свою воду: — «да ведь моя вода, это кровь!» Она вылила воду из меха и вторично пришла к колодцу. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, по твоему, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в гной!» Она понесла туда свою воду и посмотрела: «да ведь моя вода, это гной!» Она взяла и вылила воду из своего меха, опять пришла к колодцу и набрала воды в мех. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода станет грязью!» Она понесла отсюда свою воду.

Šar-šarū gušt: ta zūti pkan, pa man āptāwágäḭ tā āp pkan wa biár ki man dásti-nimáz bgirín. e šut, watí āpánā sāḭlī ku, tā mnī āp čírk ant! Šar-šarū́ gúštī ki zūti pkan, āp biár. pa duwārág gúštī: tī āp pa če ón ant u čirk ant u rem ant? ā ǰawáb dāt ki bi čāā́ḭ sará yak malánge ništá u ǰwānén sūratíen mardúme, ša man ā́pe loṭít u man ā́e rā gúštun: bra, gum bāḭ, tī dil ušk bīt, Šar-šarū́äḭ nimáz ódā kazá bīt wa man trā édā āp bdā́īn! ā gúštī: bra ki tī āp on u čirk bayán[t]. Šar-šarū́ gušt: ta bra, ā́e rā āp bdäḭ, ziyātíānī ma réčäi, pa man biäräḭ.

e š-amédā šútī bi čāā́ḭ sará tā čorī ništá-ī. watí maškā́ ā́pī kurt. e čorí gušt ki äḭ dādá, mnā yak kámme āp bdäḭ! e molíd gúštī: äḭ lālá, ta yak wā bošt ki man watí maškā́ḭ dapá bandín, gúḍā trā ā́p a-däín. watí maškā́ḭ dapá bast, eší rā āp dāt, gúštī: watí ziyātíyānā ma réčäḭ ki Šar-šarū go man guštā́ḭ ki āí ziyātíyānā biäräḭ pa man. e šá xudá loṭít ki e molíd mnā e ḍolén abáre dāt. eší dem ki āngūrí gašt, e watí čalláwā gíptī, bi āpánī tā préntī, wa e molíd āpánā búrtī, bi Šā́ri-šarū́ dāt.

Šar-šarū́ wártī, sāḭlī ku tā allá! e čalló mní int-a! e čalláwā zúrtī, átī bi čāā́ḭ sará, sāḭlī ku tā e Šäḭ-kalandár int-a. gúštī: äḭ ādamí, múrg

---

Шар-шару сказала: «поскорее налей воды в кувшин для омовений и принеси, потому что я уже собираюсь встать на молитву!» Она пошла и посмотрела на свою воду: «да ведь моя вода, это грязь!» Шар-шару сказала: «скорее неси воду!» и сказала еще: «отчего это у тебя вместо воды то кровь, то гной, то грязь?» Она ответила: «у колодца сел один дервиш, человек молодой и красивый, он попросил у меня воды, а я ему сказала: „уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена, пока я буду здесь тебе давать воду!“ он сказал: „иди, и пусть твоя вода будет кровью и грязью!“» Шар-шару сказала: «иди и дай ему воды, а остатки не выливай, а принеси мне».

Она пошла отсюда к колодцу; юноша еще сидит. Она наполнила свой мех водой. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Служанка сказала: «братец, подожди немножко, я завяжу свой мех и тогда дам тебе воды». Она завязала отверстие своего меха, дала ему воды и сказала: «остатки не выливай, потому что Шар-шару мне сказала: „что́ после него останется, принеси мне!“» Это он выпросил у бога, чтобы служанка произнесла такие слова Как только она отвернулась, он взял свой перстень и опустил в воду. Служанка отнесла воду и дала ее Шар-шару.

Шар-шару стала пить, взглянула: «ах, да ведь это мой перстень!» Она взяла перстень, пошла к колодцу и стала смотреть, а там Ша-каландар. Она

be bāl, ta édenā čon átäi̯? e gušt: man amé ḍol átun. ešĭ rā gíptī, sūččnī kurt, bi watí zīᵛáī jat. š-amédā šútī bi watí jāgā́. parí átant, gúštant ki äi̯ Šar-šarū́, boi̯, boi̯ ādamí! e gúštī ki brā́it, gum bäi̯t, édā gúj int ādamíe? e gúštant ki na, Šar-šarū́, boi̯, boi̯ ādamí! Šar-šarū́ gúštī ki brā́it, gum bā́it pa wat, édā ādamí nā́int-a wa múččī parí ant. e š-amédā šútant pa wat.

Šar-šarū́ š-amédenā šútī bi dū́rā, ešĭ rā gíptī, bi watí bālán játī, bā́lī kúrtī, šútī bi watí jāgā́. ódenā mās u písī gúštant ki āᵛúrtäi̯ watí jänénā? ā gúštī: ān, šⁿmā go man bāz gandágen kār kúrtit ki man watí jänénā bi šmäi̯ dastā́ dátun, šmā go man e ḍol kúrtit. š-amódenā man jístun u bástun, átun, bi watí jāgā́, níštun.

IX

būt būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír ič kas na būt. yak pādšā́e at, e šútant pa gardíštā. e pādšā́ oš ku: mnī tazbí édā näi̯nt, gisā́ māntá, ša šmā yáke brā́it, mnī tazbíā biyárit. wazíl gu: äi̯ pādšā́, man a-räín, tī tazbíā kārín. pādšā́ gúštī: bra, tazbíā biár. e wazíl šut, der kúrtī. Šā-trasán gúštī ki

---

сказала: «о человек, птица без крыльев! как ты попал сюда?» Он сказал: «вот так и попал!» Она взяла его, обратила в иголку, воткнула себе в воротник и пошла отсюда к себе. Подошли пэри и стали говорить: «о Шар-шару, запах! человечий запах!» Она сказала: «уходите, пропадите! откуда здесь человечье!» Они сказали: «нет, Шар-шару, запах! человечий запах!» Шар-шару сказала: «уходите, убирайтесь к себе! здесь человечьего нет, все пэри!» Они ушли отсюда к себе. А Шар-шару пошла отсюда подальше, взяла его, поместила к себе на крылья, взлетела и отправилась к себе домой. Там его мать и отец сказали: «ты привел свою жену!» Он сказал: «да! вы со мною очень скверно поступили: я поручил вам свою жену, а вы так со мной поступили!» Оттуда я выскочил, завязал, пришел к себе, уселся.

(IX. О Ша-трасане)

Было-было, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. (Однажды царь и его приближенные) отправились на прогулку. Вдруг царь спохватился: «здесь нет моих четок, они остались дома; кто-нибудь из вас пусть съездит и привезет мои четки». Визирь сказал: «царь, я съезжу и привезу твои четки». Царь сказал: «поезжай и привези четки». Визирь поехал, но задержался. Тогда Ша-трасан сказал: «я съезжу и привезу четки». Царь сказал

man a-räín, tazbíā kārín. pādšā́ gúštī: bra, zū́ti biáäi̯. Šā-trasā́n šútī, rástī ódenā bi pādšáäi̯ gisā́, dístī ki wazíl go padšáäi̯ jänénā jant u wart. e zū́tī ku, tazbíā zúrtī u amé wazíläi̯ linguṭá go tazbíā zúrtī u áspe rā suwā́r būt u šut. wazíl zū́tī kurt, šútī, ša bāzárā pa wat linguṭáe zítī, watí sarā́ bast, átī, ša kamándā áspe gíptī, suwā́r būt u áī ku, šut, ša Šā-trasā́n demā́ bū́tī, šut bi pādšáäi̯ā. pādšā́ gúštī: mnī tazbí gúj int? wazíl gu: pádā go Šā-trasā́n int, ā kārítī. gúštī: šarr. yak sāáte būt, Šā-trasā́n āt.

š-amédā šútant, átant bi yak jáe, dístant ki ajáben jwānén ḍigáre. wazíl gu ki e ḍigár bábi tī šār u kalát-a dārít, tī šār u kalát edená bīt! pādšā́ gušt: kār kí kār ant? wazíl gu: kār Šā-trasánīʸ ant. pādšā́ gúštī ki äi̯ Šā-trasā́n bābā́, če a-gušái̯? Šā-trasā́n gušt ki ilā́je na dārín. pādšā́ gúštī ki kanā́i̯ yā na? gúštī ki kanín. e pādšā́ u wazíl šútant, Šā-trasā́n tanā́ mántī, šútī, dástę nimáz gíptī, átī, nimáz kúrtī. yak pīramárde átī, gúštī: äi̯ bābā́, édā ta čéw a-kanā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki pādšā́ bi mnī sarā́ úkme kurtá ki ta édenā šár u kaláte jóḍ kanā́i̯. e pīramárd gušt: äi̯ bābā́, ta pa eší sargardā́n äi̯? Šā-trasā́n gúštī ki ān, bābā́, man p-ameší sar-gardā́n un. e pīramárd watí asá zúrtī, bi ḍigárā yak wār čóší kašít, šār u kaláte jóḍ būt.

ему: «поезжай, но возвращайся скорее». Ша-трасан отправился, прибыл в царский дворец и увидел, что визирь забавляется с царской женой. Он поспешил, взял четки и вместе с четками захватил чалму визиря; сел верхом и поехал. Визирь заторопился, вышел, купил на базаре для себя чалму, повязал голову, взял лошадь из конюшни, сел на нее, погнал, поехал, опередил Ша-трасана и подъехал к царю. Царь сказал ему: «где мои четки?» Визирь сказал: «сзади, у Ша-трасана, он привезет». Он сказал: «хорошо». Прошло некоторое время, Ша-трасан подъехал.

Они отправились оттуда; приехали в одно место и увидели, что местность удивительно хороша. Визирь сказал: «эта местность подходит для устройства поселения и города, пусть здесь будет основан твой город!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода!» Царь сказал: «что же, сделаешь или нет?» Он сказал: «сделаю». Царь и визирь уехали. Ша-трасан остался один, совершил омовение и стал на молитву. Подошел один старец и сказал: «что ты здесь делаешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «царь приказал мне, чтобы я заложил здесь город». Старец сказал: «этим-то ты расстроен, сынок?» Ша-трасан сказал: «да, отец, я этим расстроен». Старец взял свой посох, провел один раз по земле, и образовался город.

bándā pādšá átī pa säi̯lá, sái̯lī ku ki ajáb jwānén šār u kaláte-e. e wazíl dist, go pādšá gúštī: äi̯ pādšá, e šār u kalát bábi dráxtę gul-xandún u gul-gurún dārít ki édenā dráxtę gul-xandún bútin. pādšá gu ki kār kí kār-ant? wazíl gu ki kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gu ki äi̯ bābá Šā-trasán, če a-gušái̯? Šā-trasán gušt: iláje na dārín, mebāét pkanín. e šútant.

Šā-trasán mānt u šútī, dast-nimáz gíptī, nimázī ku, pīramárd átī Šā-trasánīyā, gúštī: äi̯ bābá, pa če sar-gardán äi̯? Šā-trasán gušt ki ša man dráxtę gul-xandún u gul-gurún a-loṭánt. gúštī: p-ameší sar-gardán äi̯? gúštī: ān. gúštī: bra š-amédenā, bę palāná jā yak buzlangí-e, pādái̯ ṭūén nále sabz kurtá, amá nalái̯ čérā pa wat kúrme dę, wat bi mā kurmá[i] tā mnind, amé nalái̯ rīšágā go watí dastá bgir, péš kaš, ā buzlangí wat paryád a-kánt. buzlangí, káyant, amédenā kót a-bayánt. šant ki bi azráti Sleimánī čápäi̯ aptekállā sogínd ki trā íččīa na kanán, ar kas-ái̯, dár kap, biá, trā íččīa na kanán. ta mäi̯l, pa duwārág péš pkaš. ā wat a-gušánt: bi azráti Sleimánī rástäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanán. gúḍinā ta bil. Šā-trasán gúštī: nápa bāz jwán int-a.

На следующее утро царь прибыл для осмотра и усмотрел, что поселение и город удивительно хороши. Визирь поглядел и сказал царю: «царь, этот город вполне достоин дерева с цветами смеха и плача (гуль-хандун и гуль-гурун)! если бы здесь было это дерево!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что ты скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, приходится сделать». Они уехали.

Ша-трасан остался, совершил омовение, сотворил молитву. Явился старец и сказал: «ну, сынок, чем ты расстроен?» Ша-трасан сказал: «с меня требуют дерева с цветами смеха и плача». Он сказал: «так ты этим расстроен?» Он сказал: «да». Он сказал ему: «иди отсюда; в таком-то месте есть один бузланги, и в ноге у него вырос большой отросток; ты под тем отростком выкопай для себя яму, сядь в яму, захвати рукой корни отростка и потяни: тот (бузланги) закричит, и другие бузланги придут туда к нему на помощь и скажут: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем! кто бы ты ни был, выйди наружу и подойди, мы тебе ничего не сделаем!“ ты не отпускай, а опять потяни; они снова скажут: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем!“ тогда ты отпусти». Ша-трасан сказал: «очень хорошо!»

š-amódinā šútī bi amā́ nalā́i̯yā ki bi amé buzlangíäi̯ pādā sabz kurt-át. šut, amāí čérā pa wat yak kúrme ǰátī u bi amā́ kurmā́i̯ tā wat čer káptī u amā́ nalā́i̯ rīšágānā gipt, péš kašít u yak wār amé buzlangí grétī u čičál kúrtī. yak wār buzlangí gírdī átant, tawā́r kúrtant ki ta ādamíe wäi̯ yā ínse wäi̯ yā ǰínse wäi̯, ar čée wäi̯, bil. bi azráti Sleiṃánī čáppäi̯ aptekállā sogínd, trā́ íččia na kanán, bil. e nā́i̯štī, pa duwārág peš kašítī, pa duwārág amé buzlangí čičál kurt. yak wār amé buzlangí gírdī gúštant: bę azráti Sleiṃánī rástäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa nà kanán. e dár kapt. gúštant ki äi̯ ādamí, ta š-e badbáxtā če loṭā́i̯ ki e badbáxtā e ḍol sizā́ dārā́i̯? čę dard dārā́i̯ b-ešī? e gušt ki man yak murā́de dārín, ki šmā āsíl pkaníṭ. buzlangí gúštant ki čę murā́de dārā́i̯? e gušt kę man amé murā́dā dārín ki dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nā ša man pādšā́ loṭít. e gúštant: tī murā́d amé̄š int? Šā-trasā́n gúštī ki ān. gāmǰánā gúštant ki eší rā bzūr u bar, bi dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nī sarā́ s"wār kan, dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n rā ša rīšágā pkaš u bar, bi pādšā́äi̯ šārā́ bil u wat biā́. eš Šā-trasánā búrtī, bi draxtā́i̯ šarā́ s"wār kurt, búrtī, bi pādšā́ä šārā́ íštī, wat bi pádā átī.

šäi̯pū́r tawā́r ku, poǰ átant pa säi̯lā́. säi̯l kúrtant, wazíl dist, go pādšā́ gušt: äi̯ pādšā́, e dráxtā gul-xandū́n u gul-gurū́n bāb dāšt· kę p-eší yak

---

Оттуда он пошел к тому тростнику, который вырос на ноге у бузланги. Пошел, вырыл под ним для себя яму, спрятался в яме, схватил корни тростника и потянул; тотчас бузланги заплакал и застонал. Сразу подошли все бузланги и закричали: «человек ли ты, или дух, кто бы ты ни был, отпусти! клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем, отпусти!» Он не отпускал, а потянул вторично. Вторично тот бузланги застонал. Тотчас все бузланги сказали: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем!» Он вышел. Они сказали: «человек, что́ ты хочешь от этого бедняги, что ты этого беднягу подвергаешь такому наказанию? какую обиду он причинил тебе?» Он сказал: «у меня есть одно желание, которое вы могли бы исполнить». Бузланги сказали: «какое у тебя желание?» Он сказал: «у меня такое желание, что царь требует от меня дерево с цветами смеха и плача». Они сказали: «таково-то твое желание?» Он сказал: «да». Они сказали скороходу: «возьми его, отнеси и посади на дерево смеха и плача, вытащи с корнем дерево с цветами смеха и плача, снеси и поставь в царском городе, а сам приходи». Он понес Ша-трасана, посадил его на дерево, отнес и поставил в царском городе, а сам вернулся.

Протрубили в трубу, и стража пришла для осмотра; стали осматривать. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево с цветами смеха и плача требует,

bálle bűtin, dráxti čil-muγám édenā bűtin. pādšá gušt: kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gušt ki äi̯ bābá Šā-trasán če a-gušäi̯? Šā-trasán gušt ki man iláje na dārín, amé kārá kanín. gúḍā e šútant.

Šā-trasán šut, dastę-nimáz gipt, nimáz ku, spe-ríše átī, gúštī: äi̯ bābá, édā če^{w} a-kanäi̯? gúštī ki pādšá go man guštáī ki dráxti čil-muγámā ša^{t} ta loṭín. gúšti ki p-ameší γussá warái̯? Šā-trasán gušt ki ān. gúštī ki bra, p^{a}lāná jā yak buzlangía jänéne nān a-pačít, amé ki pádäi̯ girdágā mān bast, ta bgir, ša pádā godánānī čuš-čúšā biná pkan. āí nān a-sučánt, ā gušít ki ta ar kas-äi̯, bil, ki mnī nān sótant, ta mäi̯läi̯, āí nān sučánt, ā wat a-gušít: bi azráti Sleimánī čápräi̯ aptekállā sogínd, trā íčča na kanín, ar kas-äi̯, bil, ta mäi̯l. amé ki nánī bāz sótant, ā wat gušít ki bi azráti Sulei̯mánī rástäi̯ aptekállā sogínd, trā íčča na kanín. guḍā ta am bä^{i}l.

Šā-trasán átī bi jänákäi̯ā, dístī ki nān a-pačít, uštátī. pádäi̯ girdágā ki mān bast, ša pádā godánānī čuš-čúšā biná kurt. eší nān sótant, gúštī: ta ar kas-äi̯, bil, ki mnī nān sótant. e nä^{i}štī, buzlangía jänénä nān sótant. gúštī: ta ar kas-äi̯, bi azráti Sleimánī čápräi̯ aptekállā sogínd ki trā íčča na kanín, bíl, ki mnī nān sótant. e näi̯štī. nánī bāz sótant, gúštī:

чтобы для него была пара! если бы здесь было дерево сорока песней!» Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь сказал: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «что скажешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «у меня исхода нет, сделаю и это». Они уехали.

Ша-трасан пошел, сделал омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «что здесь делаешь, сынок?» Он сказал: «царь сказал мне: „я хочу от тебя дерево сорока песен“». Тот сказал: «ты этим опечален?» Ша-трасан сказал: «да». Тот сказал: «иди! в таком-то месте жена бузланги печет хлеб; как только она прилепит последнюю лепешку, ты изловчись и примись сзади сосать ее грудь; ее хлеб будет сгорать, и она скажет: „кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!“ ты не отпускай; ее хлеб будет сгорать, и она снова скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, кто бы ни был, отпусти!“ ты все же не отпускай; когда хлеб сильно подгорит, она снова скажет: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ тогда ты отпусти».

Ша-трасан пошел к женщине, увидел, что она печет хлеб, встал, и как только она прилепила последнюю лепешку, принялся сзади сосать ее грудь. Ее хлеб стал подгорать, и она сказала: «кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал, хлеб жены бузланги горел. Она сказала: «кто бы ты ни был, клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал. Ее хлеб сильно подгорел, и она

bi azrátī Sleịmánī rástäị aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín, bil. eš am íštī. eší rā sūčéne kúrtī, ḫi watí kulấī ǰat. watí nānấnā pač sist, búrtī bi watí gisấ, zấgī átant, gúštant: másī, másī, boị, boị ādamí. mấsī gušt: albát šmā ādamíe čīz wartág-it ki bi šmā gīnấ ast. ā gúštant: na, mấsī, boị, boị ādamí. mấsiš gušt ki yak ādamíe ast, eš am čo šᵘmấịā yak brấse.

eší rā dárī kurt, āwúrtī, b-ešánī mānǰínā íštī. e gúštant: äị lālấ, če murấd dārấị? e gušt: man yak murấde dārín, agár šᵘmā āsíl pkanít. e gúštant ki če murấde. e gušt: mnī murấd dráxti čil-muγấm ast. e gúštant: ammấ yak murấde dārán, agár ta āsíl kanấị. e gušt: če murấde? e gúštant: yak buzlangíe ast ki ammấị dištárā wāūndí kurtá, bi amấ na dant, agár ta brawấị, š-āí ammấị dištárā alás pkanấị, amấ-m tī murádā āsíl a-kanán. e gušt: ša šmā yáke go man bäịt, mnā nišāní bⁱdánt. e gúštant ki ammấ trusán, na rawán. amé ammấị tūlá biᵗ tī demấ bīt, trā bart rāstám bẹ māí sarấ. e gúštī: nápa ǰuwấn int. tūlá b-eší demấ bűtī, eší rā búrtī, rāstám bi buzlangíäị sarấ.

ódā šut, säịl a-kú ki čāấ tā buzlangí waptá, jänikkű sarấịā paṭṭít, jänikkű eší rā dist, gušt: man bi balấe kaptá un, ta wat rā bi balấe

---

сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти». Он ее отпустил. Она его превратила в иголку и воткнула в свою шапку, а свой хлеб вынула и отнесла домой. Ее дети подошли и сказали: «матушка, матушка, запах! человеческий дух!» Мать сказала: «должно быть, вы поели какой-нибудь человечины, что вам чудится запах!» Они сказали: «нет, матушка, запах! человеческий дух!» Их мать сказала: «здесь есть один человек, но он, подобно вам, один из братьев».

Она его вынула, подвела и поставила между ними. Они сказали: «какое у тебя желание, братец?» Он сказал: «у меня есть одно желание, только исполните ли вы его?» Они сказали: «какое желание?» Он сказал: «мое желание — дерево сорока песен!» Они сказали: «и у нас есть одно желание, исполнишь ли ты его?» Он сказал: «какое желание?» Они сказали: «есть один бузланги, который овладел нашей невестой и не дает ее нам; если ты пойдешь и освободишь от него нашу невесту, и мы твое желание исполним». Он сказал: «пусть один из вас пойдет со мной и покажет мне». Они сказали: «мы боимся и не пойдем, а вот наш щенок будет впереди тебя и отведет тебя прямо к нему». Он сказал: «ну, хорошо». Щенок шел впереди и повел его прямо к местообитанию бузланги.

Он пошел туда, стал смотреть и увидел в колодце спящего бузланги; девушка перебирает у него волосы на голове. Девушка его увидела и сказала: «я попала

ma pren. e gúštī: man náʸ-átun ki napás drūāén pádā barín, yā eší rā kušín, yā na kẹ e mnā kušít. watí zāmā́ bi buzlangíä pa̯dā́ índ dāt. buzlangí gúštī ki mnī pādā́ bódẹ wart. gúštī go jänikkū́ā kẹ amé boḍā́ bgir. ā badtír pādā́i̯ tā ind dāt. e gušt ki trā gušín: boḍā́ bgir. ā gušt: e bódẹ näint, watí burzágā säi̯l pkan. e ki sā́i̯lā kurt tā mardúme bi mnī sarā́i̯ čérā uštātá, ša čā arkát ku, dár kapt. e gúštī: ta dẹ mnā! ā gúštī: ta dẹ mnā. Šā-trasán gu ki wārí tí-int, ta mnā dẹ! buzlangí Šā-trasánā játī zā́me, e zām Šā-trasánā ṭap na kurt, e zām šut bi ḍigárā. Šā-trasán bi buzlangíā gušt ki tī zāmā́i̯ jatín améš būt? buzlangí gu: mnī zāmā́i̯ jatín améš int, ta wat rā bⁱšān. Šā-trasán wat rā šānt. buzlangí dist ki b-eší ṭap na kurtá. Šā-trasán gušt kẹ annūn wārí mní-int. buzlangí gušt ki ān. Šā-trasán eší rā jat yak zā́me. eš gúštī: tī zāmā́i̯ jatín améš būt? Šā-trasán gu: ān. Šā-trasán gúštī: wat rā pšān. buzlangí wat rā šántī, néme éškā kapt, néme áškā kapt. adigá buzlangí dístant ki dūt ziyán būt, ā am rástant, jänikkū́ā kašítant, búrtant, gām-jánā gúštant ki eší rā bar, bẹ dráxti čil-muγámä sará sⁿwár kan, dráxtā ša buná pkaš, bar, bi pādšáäi̯ γasrá dapá dẹ. e Šā-trasánā gúštī ki brawán ódenā bi dráxti čil-muγámäi̯ā, eší rā búrtī, bi dráxti čil-muγámäi̯

в беду, хоть ты себя в беду не вверга́й!» Он сказал: «я не затем пришел, чтобы уходить назад здравым и невредимым: или я его убью, или же он меня убьет!» и своим мечем уколол бузланги в ногу. Бузланги сказал: «меня в ногу укусила вошь!» и велел девушке: «убери эту вошь!» Он еще хуже уколол его в ногу. Он сказал: «я тебе говорю, убери вошь!» Она сказала: «это не вошь, посмотри над собой!» Как только он рассмотрел, что над его головой стоит человек, он поднялся из колодца и вышел наружу. Этот сказал: «ударь меня!» и тот сказал: «ударь меня!» Ша-трасан сказал: «очередь твоя, ты меня ударь!» Бузланги нанес Ша-трасану удар мечом. Этот удар не поранил Ша-трасана, меч ушел в землю. Ша-трасан сказал бузланги: «так-то ты бьешься мечом!» Бузланги сказал: «я так бьюсь мечом, ты отряхнись!» Ша-трасан отряхнулся, бузланги увидел, что он его не поранил. Ша-трасан сказал: «теперь моя очередь!» Бузланги сказал: «да». Ша-трасан нанес ему удар мечом. Он сказал: «так-то ты бьешься мечом!» Ша-трасан сказал: «да». Потом Ша-трасан сказал: «отряхнись!» Бузланги отряхнулся, и одна половина упала на одну сторону, другая — на другую. Другие бузланги увидели, что поднялся большой дым. Они также приблизились, девушку взяли и увели с собою, а скороходу сказали: «отведи его, посади на дерево сорока песен, а дерево выдерни с корнем, снеси и посади у входа в царский замок». Он сказал Ша-трасану: «отправимся к дереву сорока песен!» повел его и посадил на дерево сорока песен;

sará s^{u}wárī ku, dráxti cil-muγám rā ša buná kašítī, búrtī, bi padšáäḷ γasráḷ dapá íštī.

tārīenā šäḷpúr tawár ku, poǰ átant pa säḷlá. wazíl dist, go pādšá gušt ki e dráxti čil-muγám u dráxti gul-xandún u gul-gurún u e tī šār bāb dāšt, duxtári Šāri-sabz édā bútiṅ. pādšá gu ki kār kí kār ant? wazíl ǰawáb dāt ki kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gu ki äḷ bābá Šā-trasán, če a-gušáḷ? Šā-trasán gušt: iláje na dārín, mebāyét pkanín. pādšá gušt: kanáḷ yā na? Šā-trasán gušt: kanín. gúštī ki nápa ǰwān int. ā šútant.

Šā-trasán šut, dast-nimáz gipt, nimázī kurt, pīṛamárd átī, gúštī: äḷ bābá, pa če sargardán äḷ? Šā-trasán gušt: pādšá ša man duxtáre Šāri-sábzā ša man loṭíta-ī. e gúštī: ta p-ameší γussá warāḷ? Šā-trasán gušt: ān. watí ar pančén čangúlānā bi puštáḷ ǰátī, gúštī: bra, pa xudáḷ ukmá ādamīzát wa zinda-ǰán tī puštá bi ḍigárā kurtá ma kant.

Šā-trasán š-amédā šútī, yak ǰáe buzlangíe dédę yak náne prenít bi wārá, yáke kašít u wart. Šā-trasán gušt ki ta pa če e ḍol a-kanáḷ? ā gúštī ki man e ḍåḷl a-kanín, bálkę zor paḷdá a-kanín ki go Šā-trasán kuští bgirín. Šā-trasán gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastáḷ

вытащил с корнем дерево сорока песен, отнес и посадил у входа в царский замок.

Утром затрубили в трубу, и стража пришла для осмотра. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево сорока песен, это дерево с цветами смеха и плача, этот твой город требуют, чтобы здесь была девушка из Зеленого города». Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь ответил: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «ну, что скажешь, сынок Ша-трасан?» Ша-трасан сказал: «у меня нет исхода, я должен сделать!» Царь сказал: «сделаешь или нет?» Шатрасан сказал: «сделаю». Он сказал: «ну, хорошо». Они уехали.

Шатрасан пошел, совершил омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «чем ты расстроен сынок?» Ша-трасан сказал: «царь потребовал с меня девушку из Зеленого города». Тот сказал: «так ты этим опечален?» Шатрасан сказал: «да». Он ударил его всеми пятью пальцами по спине и сказал ему: «иди! по божьему повелению, никто, рожденный от человека и с живою душой, не сможет положить тебя спиной на землю!»

Ша-трасан пошел отсюда. В одном месте бузланги один хлеб бросает в золу, а другой хлеб вынимает и ест. Ша-трасан сказал: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы приобрести силу, потому что я буду бороться с Ша-трасаном». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много

nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntä̰, Šā-trasán am wāpenä̰́. eš ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanǰárā kašit ki pkúšītī. e gu: mnā ma kuš ki man tī yakumíen brās un. Šā-trasán gušt: ǰwān int.

š-édenā e ar duén šútant, bi yak ǰáe dístan^{t} tā yáke š-é watánā tå̰r a-ǰánt bi^{y}-ā́ watánā, š-ā́ watáṅā tå̰r a-ǰánt b-é watánā. eší rā pursítant ki ta pa če e ḍå̰l a-kánä̰́? e gušt ki man e ḍå̰l a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demā́ ma ǰīt, ki man g^{w}a āí kuští^{y} a-girín. Šā-trasán gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastä̰́ nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntä̰, Šā-trasánā wāpenä̰́. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšītī. buzlangí gu ki mnā ma kuš, man tī dūmíen brās un. gúštī: napá ǰwān int.

š-amédā šútant, bi yak ǰáe dístant tā yak buzlangíe š-é watánā goš a-kašít bi^{y}-ā́ watánā, š-ā́ watánā goš a-kašít b-é watánā, eší rā pursítant: ta pa če e ḍå̰l a-kanä̰́? e gúštī ke man e ḍå̰l a-kanín, ki Šā-trasán ša mnī demā́ ma ǰīt ki man g^{w}a āí kuští^{y} a-girín. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastä̰́ nānā́ wartā́ un, bi^{y}ā́ ki man u ta kuští bgíran. ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšītī. e gušt: mnā ma kuš ki man tī säyumíen brās un. gúštī ki ǰwān int.

кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня свалишь, то повалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим первым братом». Ша-трасан сказал: «хорошо».

Отсюда они отправились вдвоем, и в одном месте увидели, что кто-то мечет пращей из этой страны в другую страну, а из той страны мечет пращей в эту страну. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Он сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан не убежал от меня, потому что я с ним буду бороться». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня повалишь, то свалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим вторым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они отправились отсюда и в одном месте увидели, что какой-то бузланги из этой страны слушает, что делается в другой стране, а из той страны слушает, что́ в этой стране. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал, потому что я с ним буду бороться». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они стали бороться. Ша-трасан его повалил и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим третьим братом». Он сказал: «хорошо».

š-amédenā šútant kẹ yak ǰáe dístant tā yak buzlangíe š-é watánā gām a-ǰánt biʸ-á watánā, š-á watánā gām a-ǰánt b-é watánā. eší rā gúštant: ta pa če e ḍåu̯l a-kanáį̯? e gúštī: man e ḍåu̯l a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demá ma ǰīt. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasánī dastáį̯ nāná wartág un, biʸá ki man u ta kuští bgirán. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšitī, e gušt ki mnā ma kuš ki man tī čārumíen brās un. gúštī: nápa ǰwān int.

šá-į̯denā šútant, bi yak ǰáe dístant tā bāzén morínke ant. awálā amédā yak ǰūwáke būtá, āp na dāštá, amé morínk š-amédenā šútant u átant. maróčī amé ǰūwák āp dāštá, amé morínk némiš bi éškā mántant, némiš bi áškā mántant. Šā-trasán watí asá gíptī, bi ämé ǰūwákä sará išt. morínk gírdī š-ameší laṭṭáį̯ sará gwástant, áškā šútant, ša pádā amešánī mazán āt, gúštī: š-amé mnī puṭán yak kámme bzūr, ar ǰā dūt pkánäį̯, man āzír a-bäín.

e š-amédā šútant, bi ǰänikkū́äį̯ γasrā́į̯ pānádā er kúrtant. Šā-trasán gušt: äį̯ gām-ǰan, šat ta loṭín kẹ mnā bi ǰänikkū́äį̯ā barā́į̯. Šā-trasán š-amédenā go gām-ǰánā šútant. gām-ǰán Šā-trasánā go dastá gipt, ša gisā́į̯ sar-xolū́kā Šā-trasánā érī ku. Šā-trasán átī, sarū́näį̯ čirágā bi pādū́nā išt, pādū-

---

Они пошли отсюда, и в одном месте увидели, что какой-то бузланги как шагнет из этой страны, так прямо в другую страну, а из той страны, как шагнет, так прямо в эту. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они принялись бороться. Ша-трасан его повалил и вытащил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим четвертым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они пошли отсюда и в одном месте увидели много муравьев. Раньше там была канава без воды, и муравьи с этой стороны уходили и приходили. В этот день в канаве была вода, и половина муравьев осталась с этой стороны, а половина с той. Ша-трасан взял свой посох и положил его через канаву. Все муравьи перешли по его посоху и пошли на ту сторону. Потом пришел их старейшина и сказал: «возьми немного из моих волосков, и как только ты заставишь их дымиться, я тотчас явлюсь».

Они отправились отсюда по направлению к замку девушки и остановились. Шатрасан сказал: «скороход, я требую от тебя, чтобы ты меня доставил к девушке». Ша-трасан отправился вместе со скороходом. Скороход взял Ша-трасана за руки, и спустил его через отверстие в крыше. Ша-трасан подошел и светильник от изголовья переставил в ноги, а светильник от ног переставил

näi̯ā bi sarū́nā išt, ša brinǰā́nī yak du lunká wart, gúḍā ša ǰänikkū́ä demá yak du čuk gipt. gām-ǰán eší rā bālá kašít, búrtī pádā.

tāríenā ǰänikkū́ ustát ša wābá, dístī ki sarū́näi̯ čirág pādū́näi̯ ér int, pādū́näi̯ čirág sarū́näi̯ ér int. šapénā ki wápt-at, wāb díst-at ki amé mardúmā nām Šā-trasán ast, pᵃlāná pai̯γammárä ar pančén čangúl bi puštái̯ zilä ǰatá, bi mā wābá ki tāríenā kustít, watí dast u démā šodít, ādénkā zūrít, säi̯l a-kánt tā bi mnī demá ṭápe ast. molídānā gúštī ki šⁿmā albát mnī demá čukkítag it. molíd gúštant ki na, bībí, amá ič waxt e ḍåu̯lén kār na kanán. ǰänikkū́ gu: albát gisái̯ dapá kulp na kurtág it. molíd gúštant ki na, kilí b-ẹmmái̯ dastá int, ša gisái̯ dapá ič kas nái̯-ātá. ǰänikkū́ gušt: šarr, nápa brā́it, ša kassábā pīg biárit. e šútant, pīg āʷúrtant. édenā e pīgánā koṭítī, amé čāxū́nā gipt, pa γast bi watí čangúlā mān dátī. čangúläi̯ čāxū́n burt. e gípt, pīgánā bi molídānī dastá dāt. amé čangúlā ki čāxū́n búrt-at, gipt, wād rétī. amé wād e dastái̯ sótant, šapí na wapt.

Šā-trasánā duwārág gām-ǰán āúrtī b-e ǰänikkū́äi̯ā. e Šā-trasán sarúnäi̯ čirágā pādū́nā íštī, pādū́näi̯ čirágā sarū́nā íštī, ša brinǰán yak du lunká wártī, e átī ki ǰänikkūäi̯ demá pčúkkīt. ǰänikkū́ dastái̯ bandái̯ gipt, gúštī: xabardá-

---

к изголовью, съел горсть или две рису и поцеловал раз-другой лицо девушки. Потом скороход вытащил его наверх и отвел обратно.

На утро девушка пробудилась от сна и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах. А когда она ночью спала, она видела во сне, что имя этого человека Ша-трасан и что такого-то пророка все пять пальцев оставили след на его спине. Как только она пробуждается от сна, она умывает лицо и руки, берет зеркало и видит, что на ее лице остался след. Она сказала служанкам: «вы, должно быть, целовали меня в лицо?» Служанки сказали: «нет, госпожа, мы никогда не совершим такого поступка!» Девушка сказала: «должно быть, вы не заперли дверь на замок?» Служанки сказали: «нет, ключ в наших руках, и через двери никто не приходил». Девушка сказала: «ну, хорошо, идите и принесите от мясника сала». Они пошли и принесли сала. Она стала резать его, взяла нож и нарочно приложила его к своему пальцу. Нож обрезал палец. Она взяла сало и отдала его служанкам, а на палец, который был порезан ножом, посыпала соли. Эта соль жгла ее руку, и ночью она не спала.

Скороход вторично привел Ша-трасана к девушке. Ша-трасан от изголовья светильник переставил в ноги, от ног светильник переставил к изголовью, съел одну-две горсти рису и собирался поцеловать лицо девушки. Девушка схватила его за кисть руки и сказала: «будь осторожен! здесь птица теряет

räi̯ ta bīt, kẹ murg édā parr a-rečít, mār édā post a-prenít, ta édā čon átäi̯? Šā-trasán gušt: ādamí múrge be bál int, man ki āšíx un, ātá un ki trā barín. ǰänikkū́ gu: ta magár ša mnī pisá sí na dārái̯? Šā-trasán gušt kẹ na, man sī na dārín. ǰänikkū́ gušt: mnī pis säi̯ šart dārít, agár amá šartánī búrtäi̯, mnā um barái̯. Šā-trasán gušt: tī pis če šart dārít? ǰänikkū́ gušt: mnī pisái̯ säi̯ šart ant ki ānčén tī amrangén warná bāz ātá, e šartánā burtá na kurtá. Šā-trasán gušt: magár man am š-á warnán getír ná un. ǰänikkū́ gušt: man watí pisái̯ šartánā go ta gušín. mnī pisái̯ säi̯ šárt astánt kẹ ar šárte sákk int. e Šā-trasán gušt ki magár če ḍåu̯lái̯ šart ant? ǰänikkū́ gušt ki yak man gallá go yak man arzúnā yak ǰā kant, tárī tā begáī ešánā mebāét ǰitá pkanái̯. gúštī: ešánā man dārín. gúḍā gúštī ki e gidá šártī čé int? e gušt: e gidá šártī: tī gāmǰánā go watí gāmǰánā dem a-dánt, ar kasā́ gāmǰán ša plāná ǰā demtírā angū́r āúrtī, šartá amá a-bárt. e gúštī: š-e šartái̯ uddá man dár a-kāín, e gidá šártī če int? ǰänikkū́ gušt: e gidá šártī: tā begáī kassābčí pas a-kušánt, nānwá nān a-pačánt, āšpáz góšt a-pačánt, ešánā tárī tā begáī magá bóräeš. Šā-trasán gušt: š-ešánī uddá man dár a-kāín. ǰänikkū́ gušt: mnī pisái̯ šart améš ant. gāmǰán Šā-trasánā ša gisá zúrtī, bālá kašítī, búrtī bi watí ǰāgá.

перья, змея сбрасывает кожу! ты как сюда попал?» Ша-трасан сказал: «человеческая птица без перьев, а я, влюбленный, пришел, чтобы взять тебя!» Девушка сказала: «разве ты ничего не знаешь о моем отце?» Ша-трасан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «мой отец ставит три условия, и если ты их исполнишь, то получишь меня». Ша-трасан сказал: «каковы условия твоего отца?» Девушка сказала: «три условия моего отца таковы, что приходило много юношей, подобных тебе, но удовлетворить условиям не смогли». Ша-трасан сказал: «я ведь не лучше тех юношей!» Девушка сказала: «я скажу тебе условия моего отца, все три условия таковы, что одно другого труднее». Ша-трасан сказал: «но какого же рода условия?» Девушка сказала: «смешивается один ман пшеницы и один ман проса, и нужно, чтобы ты разобрал их от утра и до вечера». Он сказал: «с этим я справлюсь». Потом он сказал: «каково другое условие?» Она сказала: «вот другое условие: он посылает твоего скорохода вместе со своим скороходом; чей скороход раньше с такого-то места принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Он сказал: «с этим требованием я также справлюсь, каково еще условие?» Девушка сказала: «вот еще условие: с утра до вечера мясник режет баранов, пекарь печет хлеб, повар варит мясо, и ты должен это съесть от утра и до вечера». Ша-трасан сказал: «с этим я также справлюсь!» Девушка сказала: «условия моего отца таковы!» Скороход взял Ша-трасана из дома, вытащил наверх и отвел его на место.

tārīenā roč dar ắtī, eš šútī bi pādšắäi̯ā. pādšắ gušt: äi̯ bābắ, édā če a-loṭắi̯? e gúštī: man ắtag un kẹ tī jäníkkā barín. e gušt: man säi̯ šart dārín, agár ta mnī šartắnā barắi̯, man watí jäníkkā bi^{t} ta däín. eš gušt ki watí šartắnā bguš. pādšắ gušt: mnī säi̯ šart ant: yak šárte améš int ki yak man gallá go yak man arzúnā yak jắ kanín, ta tārī tā begắī agár ešánā jitắ kúrtäi̯, man trā watí jäníkkā däín. yak šárte digár améš int ki tārī tā begắī kassābčī pas a-kušánt, nānwắ nān a-pačánt, āšpáz gošt a-pačánt, tārī tā begắī ešánā bóräi̯. eš gušt: ešánā man mardúme dārín ki b^{u}årt. pādšắ gušt: yak šárte digár dārín. eš gušt: watí šartắ bguš. pādšắ gušt ki mnī šart améš int ki tī gāmi̯ánā go watí gāmi̯ánā dem a-däín, ar kasắi̯ gāmi̯án demắ angűr āúrt, šartắ amắ bart. Šā-trasắn gúštī ki bāz jwān int.

tārīenā būt, Šā-trasắn āt go watí mardúmān. pādšắ go kassābčíā, go nānwắ, go āšpázān gúštī ki š^{u}mā tārī tā begắī nānwắ nān pačít, kassābčí pas pkušít, āšpaz gošt pačít. e tārī tā begắī nān u gošt pakítant, tayắr kúrtant, go Šā-trasắn gúštant: biắr watí mardúmā kẹ ešánā buắrt. Šā-trasắn loṭít wārīxórā. wārīxór laggít b-ešắnī sarắ, tārī tā begắī ešánā alắsī ku. maxlűk šābắš kašítant ki Šā-trasắn pādšắäi̯ jäníkkā burt.

На утро взошло солнце, и он отправился к царю. Царь сказал: «что хочешь, сынок?» Он сказал: «я пришел взять твою дочь!» Тот сказал: «у меня три условия, и если ты мои условия выполнишь, я выдам за тебя свою дочь». Он сказал: «скажи свои условия!» Царь сказал: «вот мои три условия: одно мое условие таково, что я смешаю один ман пшеницы с одним маном проса, и если ты от утра и до вечера их разберешь, я дам тебе свою дочь; другое условие таково, что с утра до вечера мясник будет резать баранов, пекарь будет печь хлеб, повар варить мясо, и ты от утра и до вечера должен это съесть». Он сказал: «у меня есть человек, который сможет съесть это». Царь сказал: «у меня есть еще условие». Он сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «мое условие таково, что я пошлю твоего скорохода со своим скороходом, и чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан сказал: «очень хорошо».

Наступило утро. Ша-трасан пришел со своими людьми. Царь сказал мяснику, пекарю и поварам: «пусть с утра и до вечера пекарь печет хлеб, мясник режет баранов, повар варит мясо!» Они с утра до вечера пекли хлеб и варили мясо, изготовили и сказали Ша-трасану: «приведи своего человека, пусть съест это!» Ша-трасан позвал золоеда. Золоед подошел к этим кушаньям и от утра и до вечера прикончил их. Люди закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

e gidá šartá pādšá gallánā go arzúnān yak jáe ku, āúrtī bi Šā-trasánīā. Šā-trasán dūt ku morínkäi puṭá, morínk átant. Šā-trasán gušt: ša šmā loṭín, tárī tā begáī ešánā, ša yak digárā jitá pkanít, gallánā édenā kot pkanít, arzúnānā éškā kot pkanít. eš tárī tā begáī gallánā u arzúnānā jitá kúrtant ša yak u agdárā, gallánā éškā kot kúrtant, arzúnānā áškā kot kúrtant. pādšá átī, go Šā-trasán gúštī kę alás kurtäi? Šā-trasán gúštī: ān. tranzūā ā^{w}úrtī, ešánā kašítī tā arzún nem dānág kammí kúrtant. šābáš kúrtant ki pādšá šartá burt. Šā-trasán gušt: äi pādšá, mnā nem daγīγá mulhát bdäi. pādšá gúštī: šarr. morínkäi dapá amá nem arzún átī, āúrtī, íštī. pa duwārág tranzūā āúrtant, kašítant tā brābír āt. šābáš kašítant ki pādšáäi jäníkkā Šā-trasán burt.

édā pādšá gušt: man yak šárte digár dārín. Šā-trasán gušt: watí šartá bguš. pādšá gušt: tī gāmjánā u watí gāmjánā yak jā dem a-däín, ar kasá gāmján demtírā angúr āúrtī, šartá amá bart. Šā-trasán watí gāmjánā u pādšáäi gāmjánā dem dāt pa angúrā. e š-amédā šútant bi angúräi draxtáiā, sar būtant, pādšáäi gāmján angúr čit, Šā-trasánī gāmján bi draxtái čérā wapt, pādšáäi gāmján čit u rādág būt. Šā-trasán dístī ki e dér kúrtant. bi goš-kašókā gúštī ki goš kaš. goš-kašók goš kašít, dístī ki pādšáäi

---

Для другого испытания царь смешал пшеницу с просом и доставил Ша-трасану. Ша-трасан заставил дымиться муравьиные волоски; муравьи пришли. Шатрасан сказал: «я хочу, чтобы вы от утра и до вечера отделили их друг от друга: пшеницу соберите здесь, а просо соберите с той стороны». Они от утра и до вечера отделили друг от друга пшеницу и просо: с этой стороны собрали пшеницу, а с той стороны просо. Царь пришел и сказал Ша-трасану: «кончил?» Ша-трасан сказал: «да». Принесли весы, взвесили; вышло, что проса на ползерна меньше. Закричали ура: царь выиграл, мол, заклад! Ша-трасан сказал: «царь, дай мне полмгновения отсрочки». Царь сказал: «хорошо». Та половина зерна была во рту у муравья, ее принесли и положили. Вторично принесли весы и взвесили, оказалось поровну. Закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

Тут царь сказал: «у меня есть еще условие». Ша-трасан сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «я одновременно пошлю твоего скорохода и своего скорохода; чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан послал за виноградом своего скорохода и царского скорохода. Они отправились. Дошли до виноградного куста, и царский скороход сорвал виноград, а скороход Ша-трасана улегся под деревом. Царский скороход сорвал и пустился в путь. Ша-трасан увидел, что они запоздали. Он сказал слушальщику: «прислушайся». Слушальщик прислушался, понял, что еще немножко осталось,

gāmǰán nazík māntá ki brasít. tåur-ǰánā gúštī ki uštátag äį? tåur-ǰán ḍónke bi tåurāį tā ku, ǰat, bi āí pādá laggít. ā yak sar arkát kurt. ša watí jā ustát, sāįlī ku tā ā ša^{m} man demá angūr burtá, amé angūräį draxtá ša buná kašít u búrtī š-āí demtírā. šābáš kašítant ki Šā-trasán šartá burt. édenā pādšá Šā-trasánā gis dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant.

eš gúḍā watí ǰänénā zúrtī ki man a-räín bi watí ǰāgá. š-édenā šútant, bi rāā čérā mántant, yak šápe wáptant, eš amé watí zāmá gipt, bi mānǰínā išt. ǰänikkū gušt: ta pa če e ḍåulá kanāį? Šā-trasán gušt: man trā pa wát-a na barín. ǰänikkū gušt: man agár bzántin-un ki ta mnā pa wat na barāį, kåuli ki ta sar drūāén ma^{y}-āwurtín-äį! Šā-trasán gušt: man trā barín pa pādšá, ta albátta z^{n}wān dārāį. pādšá ša ta pursít ki ta mnā a-girāį yā Šā-trasánā girāį? ta bguš ki xudá ič muzūre rā be ak ma kant u ič šwānáge rā be muz ma kant. albát ā am bi watí dilá zānt ki Šā-trasán zāmát bāz kašitágī, albát trā gušít ki parzíndi man, ta bábę Šā-trasán dārāį. eš am gušt ki bāz ǰwān int.

š-amédā šútant bi pādšāäįā. pādšá gušt: äį bābá, ta mnā girāį yā Šā-trasánā? e gušt ki xudá ič muzūre rā be ak ma kant wa ič šwānáge rā be muz ma kant, man Šā-trašánā girín pa če ki ā zāmát bāz kašitágī,

---

и царский скороход вернется. Он сказал пращнику: «ты готов?» Пращник вложил в пращу комок земли, бросил и попал ему в ногу. Тот сразу встрепенулся, вскочил с места и посмотрел: да ведь он раньше меня унёс виноград! Он с корнем выдернул виноградный куст и отнес раньше его. Прокричали ура: Ша-трасан выиграл заклад! Потом царь справил Ша-трасанову свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабан.

Потом он взял свою жену: пойду, дескать, к себе. Они отправились отсюда и на пути остановились и заночевали; он взял свой меч и положил посередине. Девушка сказала: «почему ты так делаешь?» Ша-трасан сказал: «я тебя беру не для себя». Девушка сказала: «если бы я знала, что ты берешь меня не для себя, даю слово, что ты не сносил бы головы невредимой!» Ша-трасан сказал: «я тебя беру для царя, а у тебя ведь есть язык! царь спросит у тебя: ты, мол, меня предпочитаешь или Ша-трасана? ты скажи, что бог никакого слугу не лишает его прав и никакого пастуха не оставляет без вознаграждения; конечно, он сам поймет, что Ша-трасан понес много трудов, и, наверное, скажет тебе: „дитя мое, ты подходишь к Ша-трасану“». Она сказала: «очень хорошо».

Отсюда они отправились к царю. Царь сказал: «ну, дочка, ты меня предпочитаешь или Ша-трасана?» Она сказала: «бог не оставляет без награды никакого слуги и никакого пастуха не лишает вознаграждения! я предпочитаю Ша-трасана, потому что он понес много трудов, даже мог быть убит на этом

bálki bi me rā́ kuštá bū́tin, ā zāmát bāz kašitá. pādšā́ gušt ki ta bábi amāí dārā́i̯. Šā-trasánā pa duwārág gis dāt, tā apt šap u apt roč dol ku.

gúḍā ki būt, yak wáxte wazíl dístī, go pādšā́ gúštī kẹ e tī šār u kalā́t, e tī dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n wa dráxtẹ čil-muγā́m bāb dāšt ki áspẹ čil-kurrá édā bū́tin, go čillén kurrágān gáštin. e gušt ki kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasánī kār ant. pādšā́ gušt: ǟi̯ bābá Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasán gušt ki ilā́je na dārín, räín.

š-amédā šut, nimáze ku, amā́ spe-ríš átɪ, gúštī: ǟi̯ bābā́, édā če a-loṭā́i̯? gúštī ki pādšā́ ša man áspẹ čil-kurrá loṭitagí. gúštī ki ta p-ameší γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ān. gúštī: bra, š-amédenā apt bār uštúrǟi̯ pašm bzū́r, bar, pᵃlānā́ čammágǟi̯ dapā́ pren. ā wat maróčī kā̄i̯t, sárā jā́l a-kant ki āp bᵘårt, gindít ki āp gandágen tā́me däyánt, š-amédā gúḍā padoí a-rót. tárī bāz b-e ā́pā kā̄i̯t, gindít ki tāngā́t āp gandágeṅ tām a-däyánt, gušít ki bi azráti Sᵘleimánī čáppǟi̯ aptẹkállā sogínd ki ar kas-ā́i̯, trā íččīā na kanín, āpā́i̯ dapā́ páč pkan. ta páč ma kan, maróčī am rot, tárī kẹ š-amā́ngū paḍā́ bīt, tawā́r a-kánt ki ar kas-ā́i̯, āpā́i̯ dapā́ páč pkan! bi azráti Sᵘleḍimáni rástǟi̯ aptẹkállā sogínd, trā íččīā na kanín. ta gúḍā āpā́i̯ dapā́ páč pkan!

пути! он много вытерпел!» Царь сказал: «ты подходишь к нему». Вторично сыграли свадьбу Ша-трасана, семь ночей и семь дней били в барабан.

После того как это случилось, однажды визирь посмотрел и сказал царю «это твое поселение и город, это дерево с цветами смеха и плача, это дерево сорока песен требуют, чтобы здесь была и здесь бы бегала лошадь с сорока жеребятами!» Царь сказал: «чье же это дело?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, братец, Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, отправлюсь».

Он пошел отсюда и сотворил молитву. Пришел тот же старец и сказал: «чего ты хочешь здесь, сынок?» Он сказал: «царь потребовал от меня лошадь с сорока жеребятами». Тот сказал: «этим-то ты озабочен?» Шатрасан сказал: «да». Тот сказал: «иди, возьми отсюда семь вьюков верблюжьей шерсти, свези и брось в такой-то колодец; как раз в этот день эта лошадь сама придет, чтобы напиться воды, наклонит голову, увидит, что вода издает гадкий запах, и уйдет обратно; на утро она опять придет к этой воде, увидит, что все еще вода издает гадкий запах, и скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, кто бы ты ни был, я ничего тебе не сделаю, открой воду!“ но ты не открывай, и в этот день она также уйдет; на утро она, как только оттуда покажется, закричит: „кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ только тогда ты открой воду».

š-amédenā Šā-trasán šut, apt bār uštúräḭ pašm zúrtī, búrtī, plāná čammágäḭ dapá bástī, wat amódā srappítī, dístī ki áspę čil-kurrá go watí čillén kurrágān átī bi āpá, sará ǰálī ku, dístī ki āp gandágen táme dayánt, āp na wart, išt u šut. tārīenā būt, š-amángūr átī, gúštī ki bi azráti S^{u}leḭmánī čáppäḭ aptękállā sogínd, trā íččīā na kanín, ar kas-ắḭ, āpắḭ dapá páč pkan. eš páč na kúrtī, átī, sará ǰāl ku, dístī ki āp gandágen táme däyánt, š-āmédenā padoí šut. tārīenā pa duwārág átī wa gúštī ki ta ar kas-ắḭ, āpắḭ dapá páč pkan, bi azráti S^{u}leḭmánī rástäḭ aptękállā sogínd ki trā íččīā na kanín. eš zūtī kurt, āpắḭ dapá páč kurt, gandágen āp šut, ǰ^{u}wānén āp āt, áspę čil-kurrá āp wart, go watí čillén kurrágān wat rā šād-áp kúrtant. áspę čil-kurrá watí kurrágānā gúštī ki e mardúm Šā-trasán int-a, eš šmā rā bart, awálā go watí ǰindắḭ γošúmā, go watí maxlūkā swār a-bīt, šmā ánčo brắit ki múrge āzár ma gindít, ša pádā pādšá go watí maxlūkā s^{u}wār a-bít, pa āí^{y}-am amé ḍol brắit ki múrge āzár ma gindít, š-āí padá wazíl go watí maxlūkā s^{u}wār a-bít, du gām ǰéit, gúḍā bál kanít, bi awá brắit. bgúšit-iš: agár šmá rā bi āpá deyán yā bi kóā. agár gúštant: ammá rā bi āpá dit, šmā āwánā bi koá dit. gúštant: ǰwān int.

Ша-трасан пошел отсюда, взял семь вьюков верблюжьей шерсти, свез и заткнул отверстие у такого-то источника, а сам спрятался там же и увидел, что пришла лошадь со своими сорока жеребятами. Она нагнула голову к воде, увидела, что вода издает гадкий запах, не стала пить воды и ушла. Наступило утро; она пришла оттуда и сказала: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю! кто бы ты ни был, открой воду!» Он не открыл; она подошла, нагнула голову, увидела, что вода издает гадкий запах и ушла обратно отсюда. На следующее утро она опять пришла и сказала: «кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю!» Он поторопился и открыл воду; гадкая вода ушла, хорошая вода пришла. Лошадь с сорока жеребятами попила воды и со своими сорока жеребятами в волю насладилась водой. Потом лошадь с сорока жеребятами сказала своим жеребятам: «этот человек — Ша-трасан; он уведет вас и сядет верхом сначала со своей свитой и со своим людьми, и вы так бегите, чтобы даже курица не могла пострадать; потом на вас сядет царь со своими людьми, и для него вы тоже так скачите, чтобы и курица не пострадала; после него сядет визирь со своими людьми, — тут вы сделайте два шага, а потом взлетите, поскачите по воздуху и скажите им: „сбросить вас в воду или на горы?“ если они скажут: „сбросьте нас в воду!“ вы их бросьте на горы». Они сказали: «хорошо».

Sā-trasán āwánā āúrtī bi pādšáäi̯ā. pādšá gušt: awálā ta go watí γošúmā sᵘwār bā̄i̯. Šā-trasán go watí γošúmā sᵘwār būt. amé ḍol šútant ki múrge š-ešán āzár na dist. ša pádā wazíl go watí γošúmā sᵘwār būt. du gām šútant, säyumíenā bāl kúrtant bi awá. ešánā búrtant bi awá, gúštant ki šmā rā bi āpá ḍeyán yā bi kóā. e gúštant: ammá rā bi āpá dit. ešánā ǰátant bi koá. ešánī burrág kásä gošā̆š būt. š-amódenā Šā-trasán āsūdág mānt, wazíläi̯ xatá kórī ku. man am āsūdág būtun.

X

yak pādšáe at, ič āí rā zágă na būt. pikr u xayál a-ku, šut, tandūräi̯ sará ništ, maxlūk kátī, gúštī: ä pādšá, ta édenā purránī sará pa če ništág-äi̯? gúštī: šmā rā kára näi̯nt. būt yak wáxte, yak malángeʸ āt, gúštī: ä pādšá pa če ništág-äi̯ purránī sará? gúštī: ä maláng sāíb, trā kára näi̯nt. gúštī: äi̯ pādšá, ta pa če édā ništág-äi̯, ta pādšáe astäi̯, watí pādšāíā birá, bar. pādšá gúštī: maláng ǰān, ša xudá am čer näi̯nt, šaᵗ ta am čer näi̯nt, awál xudá pkant, pāyéni xudá tá wäi̯: mnā ič zágе na bīt. gúštī: äi̯ pādšá, zāg biᵗ tī pešāníʸā ič näi̯nt. agár bīt, yak murdáge, zindagéne näi̯nt. pādšá gušt:

Ша-трасан привел их к царю. Царь сказал: «сначала поезжай ты со своими людьми». Ша-трасан со своими людьми поехал. Они так бежали, что и курица не могла бы пострадать. Потом визирь со своей свитой сели верхом. Они прошли шага два, а на третьем взлетели на воздух и понесли их по воздуху. Понесли их по воздуху и спросили: «сбросить вас в воду или на горы?» Те сказали: «сбросьте нас в воду!» Они сбросили их на горы, и клочки их были не больше их ушей. После этого Ша-трасан освободился, даже след визиря исчез. Я также освободился.

(X. О Джантеге и Деде-гаргашанге)

Был один царь, и у него совсем не было детей. Он думал и размышлял; пошел и сел около очага. Люди подходили и говорили: «о царь, зачем ты сел здесь на пепле?» Он говорил: «вам нет дела». Однажды случилось, что подошел один дервиш и сказал: «о царь, зачем ты сел на пепле?» Он сказал ему: «почтенный дервиш, тебе нет дела до этого!» Тот сказал ему: «о царь, зачем ты сел здесь? ты ведь царь, иди, правь своим царством!» Царь сказал: «голубчик дервиш, что́ от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! сначала творит бог, а после бога ты; у меня нет детей!» Тот сказал ему: «о царь, тебе вовсе не предназначено детей; а если бы и был ребенок, то мертвый, а не

šarr, murdáge bīt. man bräín bi mā goristánā ki, pādšá gušt, man bi me goristánā yak záge dārín. maláng gušt: šarr, pādšá, ta bāz na mānáį. yak sébe dátī, gúštī: bar, eší rā ar ǰanénā ki tī dost int, amāé rā bdäį, tā bᵘårt. ǰanénī sebá wart.

yak sāl gwast. pādšáäį ǰanén zāg dist. awál búrtant pa pādšá ki tī ǰanén zāg distá. gúštī: šarr, bra, mnī zāgá biárit tā man bgíndīn, čonén číze. šútant ki biárantī, zāgá šúštant, maǰmáį tā kúrtant. Azrāíl átī, zāgá burt āsmánäį demá. awál búrtant pa pādšá: tī zāgá Asrāíl búrtī. pādšá gušt: mnī kismát zána náį-atī ki bgíndīn. Azrāíl eší rā burt, zindágī kurt, ki zāg ṭū bútī.

čunt sāl gwast, Azrāíl átī, gúštī: äį J̌ānteγ, ta watí piˢsáįā na rawáį? gúštī: man če a-zānín, ki píˢse dārín yā na. Azrāíl gúštī: ta murdáge būtág-äį ki man trā āʷúrtun. gúštī: šarr, mnā baráį. gúštī: ān, trā barín tī pissáį šará. eší rā búrtī, āí pisáį šáráį kiníkkā íštī. gúštī: á tī pissáį šár int. Azlāír padá šútī, watí ǰindáį gisā.

J̌āntéγ šut, tā dístīt yak uštúr-suwáre dádę engūrí a-káįt. J̌āntéγ gúštī ki tī nām ká-įnt? gúštī: mnī nām Istārá-šnás int. gúštī: guǰá rawáį? gúštī:

живой!» Царь сказал: «хорошо, пусть будет мертвый! я могу пойти на то кладбище, думая, что у меня», — сказал царь, — «на этом кладбище есть ребенок». Дервиш сказал: «хорошо, о царь, ты не долго будешь оставаться (бездетным)!» Он дал ему яблоко и сказал: «отнеси его той жене, которая тебя любит, и дай ей, пусть она съест!» Его жена съела яблоко.

Прошел год, и жена царя родила ребенка. Царя известили: «твоя жена родила ребенка!» Он сказал: «хорошо, сходите за моим сыном, посмотрю, каков он!» Пошли, чтобы его принести, ребенка вымыли и положили на блюдо. Появился Азраил и унес ребенка на небо. Царя известили: «твоего сына унес Азраил!» Царь сказал: «значит, не судьба была мне его увидать!» Азраил его отнес и оживил; ребенок вырос.

Прошло несколько лет. Азраил пришел и сказал: «Джантег, ты не хочешь сходить к своему отцу?» Он сказал: «разве я знаю, есть у меня отец, или нет?» Азраил сказал: «ты был мертвым, когда я принес тебя!» Он сказал: «хорошо, отведи меня!» Тот сказал: «да, я отведу тебя в город твоего отца!» Он повел его, оставил на краю отцовского города и сказал ему: «это город твоего отца!» Азраил вернулся к себе домой.

Джантег шел, пока не увидел, что кто-то приближается верхом на верблюде. Джантег сказал: «как твое имя?» Тот сказал: «мое имя Звездочет». Он сказал ему: «ты куда едешь?» Тот сказал: «я еду за девушкой Волосы-

räín pa Čil-gaz-mŭdäi̯ padá. J̌ántéγ gúštī: man um räín p-amāí padá. gúštī: šarr, ša yáke do getír ant. ar duén dast bi brāsí dátant. maróčī tā begáī šútant, bándā dístant: yak asp-suwáre ánčo ʰäi̯ kurtá u kāi̯t. šä eší pursítant: ta gu̯já a-rawái̯? gúštī: man pa Čil-gaz-mŭdäi̯ padá räín. J̌ántéγ gúštī ki ammá duén um rawán. āí nām Āu̯-šnás at, gúštī: šarr, do brās šmá it, säyumíen man un.

e du säi̯ roč šútant, šapénā wáptant amódā, šap néme J̌ántéγ ustát, gušt: äi̯ lālá, man sardí a-warín. säi̯l kúrtant tā dŭrā yak ātíše sučít amángū. gúštī: äi̯ lālá, bráit, pa man yak ātíšā š-amódā biárit. amá yak brásī šútī tā dístī ki amé ātíšäi̯ sará buzlangíe ništá. buzlangíā salám dāt. buzlangí gušt: agár tī salám ma bŭtin, trā yak lunkáe kúrtun. Istārá-šnás gušt ki mnā ātíše bdäi̯. gúštī: bzūr š-amódā! Istārá-šnás āt ki ātíšā bzŭrīt, buzlangí áe rā gipt, watí mozágäi̯ tā kurt.

J̌ántéγ dist ki mnī brās näy átī, der kurt. J̌ántéγ Āu̯-šnásā rāí kurt. Āu̯-šnās átī, buzlangíäi̯ā sár būt. Āu̯-šnās buzlangíā salám dāt. buzlangí gúštī: agár tī salám ma bŭtin, trā yak lunkáe kúrtun. Āu̯-šnās gušt: mnā ātíše bdäi̯. buzlangī gušt: š-amódā bzŭr. amé ki āt ki ātíšā bzŭrīt, eší rā am gipt u e digá mozágäi̯ tā kurt.

в-сорок-аршин». Джантег сказал: «я тоже поеду за ней!» Тот сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они дали друг другу руки и побратались. В тот день они ехали до вечера; на другой день увидели, что кто-то приближается верхом на лошади, и гонит-гонит. Они спросили его: «ты куда едешь?» Он сказал: «я еду за девушкой Волосы-в-сорок-аршин». Джантег сказал: «и мы оба едем за ней же» Его имя было Водовед; он сказал: «хорошо, два брата вы, а третий — я!»

Ехали они два-три дня, на ночь остановились ночевать. В полночь Джантег встал и сказал: «братья, мне холодно!» Они стали смотреть и увидели что вдали горит огонь. Он сказал: «братья, сходите и принесите для меня оттуда огня!» Один из братьев пошел и увидел, что у огня сидит бузланги; он поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Звездочет сказал: «дай мне огня!» Тот сказал: «вон там возьми!» Звездочет потянулся за огнем, как вдруг бузланги схватил его и сунул в сапог.

Джантег увидел: не вернулся мой брат, задержался! Он послал Водоведа. Водовед дошел до бузланги, приблизился к нему. Водовед поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Водовед сказал: «дай мне огня!» Бузланги сказал: «вон там возьми!» Как только он собрался взять огня, он и его схватил и сунул в другой сапог.

J̌āntéγ dist ki mnī brās dér kurtant. wat pa āwánī padá šut, āt, buzlangíäi̯ā, sar būt. amé ki buzlangí J̌āntéγā dístī, ustát, J̌āntéγā salám dāt. J̌āntéγ gušt: alái̯kum salám, mnī brās gúǰ ant? buzlangí gúštī: man sī na dārín. J̌āntéγ gušt: ā mnī brāsánī asp u uštúr ant. buzlangí gúštī: ta ki watí brāsánā bgíndäi̯, drúst a-kanái̯? J̌āntéγ gúštī: ān. buzlangí brāsánī ša mozágäi̯ tā kašít, J̌āntéγäi̯ dastá dátī, gušt: e tī brās ant. tárī roč būt. buzlangí gušt: säi̯ brās šmā it, čārumíen man un. J̌āntéγ gušt: čārumíen ta wäi̯, watí pasánā b^{u}ár. buzlangí J̌āntéγā gušt: šmā yak páse pa wat ná kušit? J̌āntéγ gušt: kušán. gúštī: yak ǰuwānén páse biár ki pkúšan. buzlangí šut, yak úke āwúrt. J̌āntéγ gušt: äi̯ murdár, ešī rā gui̯á āwúrtäi̯? gúštī: äi̯ lālá, bra, ar gui̯ám ǰuwānéne biár, man na zānín. J̌āntéγ šut, yak ǰuwānén páse āúrtī, kúštant ešī rā, tānāden ki ešī rā pakkítant, buzlangí watí pasánā múččānā wart, átī J̌āntéγäi̯ā, gušt: brawán, man watí pasánā wártun. J̌āntéγ watí goštánā wártant, alás kúrtant, nūn pa wat šútant.

do säi̯ šap ki šútant, dístant ki šáre. amé šārái̯ nazdíkā ki átant, dístant: pādšáái̯ ǰaník go čil gulámā, go čil maǰmá brinǰá pa aždiárā baránt.

Джантег увидел, что запоздали, де, мои братья! отправился сам вслед за ними, дошел до бузланги и приблизился к нему. Как только бузланги увидел Джантега, он встал и приветствовал его. Джантег сказал: «и тебе привет! где мои братья?» Бузланги сказал: «понятия не имею!» Джантег сказал: «а вон лошадь и верблюд моих братьев!» Бузланги сказал: «если ты увидишь своих братьев, ты их узнаешь?» Джантег сказал: «да». Бузланги вытащил его братьев из сапог, вручил Джантегу и сказал: «вот твои братья!» На утро взошло солнце. Бузланги сказал: «вас трое братьев, я буду четвертым!» Джантег сказал: «если ты четвертый, съешь своих баранов!» Бузланги сказал Джантегу: «а для себя вы не убьете барана?» Джантег сказал: «убьем». Потом он сказал ему: «приведи-ка хорошего барана, и мы его зарежем». Бузланги пошел и привел кабана. Джантег сказал: «ах, ты, падаль! куда ты привел его?» Тот сказал: «братец, сходи ты и приведи, что ни есть наилучшего, я ведь не понимаю!» Джантег пошел и привел хорошего барана. Его зарезали, и пока его варили, бузланги съел всех своих баранов, подошел к Джантегу и сказал: «пойдем, я всех баранов съел!» Джантег (и его товарищи) стали есть свое мясо, покончили и пошли своей дорогой.

Две-три ночи они шли, потом увидели город. Как только они приблизились к городу, они увидели, что ведут к дракону царскую дочь, вместе с сорока

J̌āntéγ pursít: guǰā räwít? gúštī: maróčī gazák pādšā int ki mnā pa aždiārā rāī a-kánt ki kámme āp billít ki ǰūāi tā bʲāit ki maxlūk tunnág ant. J̌āntéγ gušt: šmā bír gardít, ki man tanā räín. mardúm padūī šútant. J̌āntéγ šut, tā dístī ā aždiār int. yak ṭapúre watí ǰānā sakk patápt, zāmā watí dastā sātít, amāe šut aždiārā kiníkkā, aždiār dístī, gúštī: maróčī yak näʰáre ziʸātí āt. J̌āntéγ gušt: agár wartág kanāi, zabr int. aždiār damā kašít J̌āntéγā ki bʷártī. zāmā watí pešāníā sātít at. aždiār āt pa J̌āntéγäi ǰānā. amé ki átī, wártī, aždiār du kap būtī. J̌āntéγ tā yak sāát γiš ku, gúḍā ustát, silúme ša aždiäräi ǰānā kašít. amā buzlangí, ešī nām Bābā-γarγašáng at, átī, aždiārā wart. J̌āntéγ u Bābā-γarγašáng šútant, āp šut bi šārā, mardúm awāl búrtant pa pādšā ki ǰūāi āp múččī āt. pādšā gúštī: brāit, amā mardúmānā biārit. amé ki āʷúrtant, pādšā gúštī: aždiārā šmā kuštág-it? J̌āntéγ gúštī: ammā na kuštág-an. pādšā gúštī: man ša édā kārín ki šmā kuštág-it, ma trussít, man watí ǰaníkkā bi šmā a-däín. J̌āntéγ gúštī: číze ki ša xudā am čer näint, ša ta am čer näint, ammā aždiārā kuštág-an. pādšā gušt ki watí ǰaníkkā trā däín. J̌antéγ gušt: mán-a na girín, bi mnī brāsā bdäi. watí ǰaníkkā bi

---

рабами и вместе с сорока блюдами рису. Джантег спросил: «куда вы идете?» Она сказала: «сегодня очередь царя отправить меня к дракону с тем, чтобы он пустил немного воды в каналы, потому что народ томится от жажды». Джантег сказал: «возвращайтесь, я пойду один!» Люди вернулись. Джантег шел, пока не увидел дракона. Он плотно обернул свое тело войлоком, покрепче сжал руками меч и так пошел к дракону. Дракон увидел его и сказал: «сегодня мне попался обильный обед!» Джантег сказал: «если сможешь съесть, так хорошо!» Дракон вдохнул воздух со стороны Джантега, чтобы поглотить его, а тот держал меч перед своим лбом. Дракон подошел к Джантегу вплотную, но как только подошел и проглотил его, сам распался на две части. Джантег некоторое время был без чувств, затем встал и вырезал ремень из тела дракона. Тот бузланги, — а его имя было Дед-гаргашанг, — подошел к нему и съел дракона. Джантег и Дед-гаргашанг ушли. Вода потекла в город, народ сообщил царю, что вода пошла по всем каналам. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы убили дракона?» Джантег сказал: «нет, мы не убивали!» Царь сказал: «я так заключаю, что вы убили; не бойтесь, я отдам вам свою дочь!» Джантег сказал: «что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! это мы убили дракона!» Царь сказал: «отдаю тебе свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай моему брату!»

Istārá-šnás dāt. apt šap o apt roč dol o sāz kúrtī. Istārá-šnásā gis dāt. J̌āntéγ āwán šútant pa wat.

du šap o du roč ki šútant, dístant ki šár int, laškár ātá, pādšáäą̈ šārą̈ išk-w-áškā giptá. pādšá am ša trusá dár-a na bűtī. J̌āntéγ āwán átant, go me laškárā ǰang kúrtant, laškárā múččānā kúštant, yak pādšá ǰist. Bābá-γarγašáng mardumánī lāšágānā wártī. pādšá gušt: brą̈it, biárit amá mardúmānā. amé ki āúrtant, pādšá gušt ki šmá atit ki amé laškárā kúštit? J̌āntéγ gušt ki ān, amá atan ki laškárā kúštan. pādšá go watí wazílā o wakílā muslahát kúrtant ki mašmá e mardumánā čéʸā bdäyán? wazíl gúštī: äą̈ pādšá, watí ǰaníkkā bdäą̈. pādšá gúštī: čonén ǰwānén abáre dátäą̈, wazíl, brą̈it ā mardúmānā biárit, ki watí ǰaníkkā bdäín. šútant, ā mardúmānā āúrtant. pādšá gúštī: man watí ǰaníkkā bi šmā a-däín. J̌āntéγ gušt: mán-a na girín, bi Āą̈šnás bdäą̈. ǰaníkkā bi Āą̈šnás dátant, dol u sāz kúrtant, gis dátī. J̌āntéγ o Bābá-γarγašáng šútant.

yak čunt·šap rá šútant, bi Čil-gaz-műdī ǰā rástant. Čil-gaz-műdī ǰā bi daryábäą̈ miāną̈ínā átī. J̌āntéγ Bābá-γarγašángā gušt ki anűn mnā čón a-barą̈ bi Čil-gaz-műdī gisá. Bābá-γarγašáng gušt: tī burtín āsán int. eší

Он отдал свою дочь Звездочету. Семь ночей и семь дней били в барабан и пели, справляли свадьбу Звездочета. Джантег и его спутники пошли своей дорогой.

Когда они прошли две ночи и два дня, они увидели город, а к нему подступило войско и захватило окрестности царского города. Даже царь от страха не выходил наружу. Джантег и его спутники подошли и стали сражаться с этим войском. Они истребили все войско, только царь убежал. Дед-гаргашанг поел людские трупы. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы те, кто перебил это войско?» Джантег сказал: «да, это мы те, кто перебил это войско!» Царь стал совещаться со своим визирем и наместником: что́ мы, дескать, дадим этим людям? Визирь сказал: «о царь, отдай свою дочь!» Царь сказал: «какое хорошее мнение ты высказал, визирь! идите и приведите этих людей, я отдам свою дочь!» Пошли и привели этих людей. Царь сказал: «я отдаю вам свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай Водоведу!» Девушку отдали Водоведу, били в барабан и пели, справили свадьбу. Джантег и Дед-гаргашанг ушли.

Несколько дней они шли по дороге, дошли до жилища девушки Волосы-в-сорок-аршин. Жилище девушки Волосы-в-сорок-аршин было на середине реки. Джантег сказал Деду-гаргашангу: «как же ты меня теперь доставишь к дому девушки Волосы-в-сорок-аршин?» Дед-гаргашанг сказал: «тебя доставить

rā gipt, watí baḍḍá kurt, bi me daryábā xaṭ ǰat, yak pādá éškā išt, yak pādá áškā, Jāntéγā áškā er kurt. J̌āntéγ šut bi Čil-gaz-mūdī gisáį tā, dístī, yak tāme ér int, dastánā šušt, š-amešán wártī, šut, Čil-gaz-mūdī bagálā wáptī. Čil-gaz-mūd āgá būt, ar duén ǰátant u wártant. e bill tā-médā bayánt.

Bābá-γarγašáng ša daryábā ášk at, šagále, ūke gíptī, wártī. yak čunt waxt ki gwast, digár pādšáe pa Čil-gaz-mūdī padá laškár kurtá, ātá. Bābá-γarγašáng dístī, čonén laškáre ṭuén ātá, šut, yak ṭuén dráxte rā ša buná kašít, wat go laškárā ǰang ku, go d[a]raxtá mardúmānā ǰat, kúštī. amé ki alás būtant, pādšáiš ǰist, pádā šut watí gisá, gúštī: ar kas Čil-gaz-mūdā biárīt, man āí tolá zarr u sor a-kašín. yak pīrazále dár āt, gúštī: man a-kārín ki pa[m] man yak sundūxe ǰoḍ pkan, čappí tá[b] bdáīn, burzágā brot, rāstí tā[b] bdáín, ǰālágā biáįt. pādšá gušt: āzír wastá gušín ki pa[t] ta ǰoḍ pkant. sandūγe amé ki ǰoḍ kúrtant, pīrazál bi[t] táį būt, dapáį γulp kurt, pečáį tāb dāt ki šut pa wat, amé ki āt, rodáį sará rástī. Bābá-γarγašáng dístī, gušt: ta guǰá ra[w]ái? pīrazál gúštī: man yak miskíni ājí astun ki ša aǰ átun, mnī amrák šútant pa wat, man mántun. J̌āntéγ dístī: go Bābá-γarγašáng yak

---

легко!» Он взял его, посадил к себе на спину, расставил над рекой ноги, одну ногу поставил с этой стороны, другую с той стороны, и спустил Джантега на ту сторону. Джантег вошел в дом девушки Волосы-в-сорок-аршин и увидел, что там приготовлено кушанье. Он помыл руки, поел и пошел и лег спать в объятиях девушки Волосы-в-сорок-аршин. Девушка Волосы-в-сорок-аршин проснулась, и они ласкались и забавлялись. Оставь их пребывать там.

Дед-гаргашанг перешел на ту сторону реки и стал ловить шакалов и кабанов и поедать их. Когда прошло некоторое время, другой царь снарядил войско за девушкой Волосы-в-сорок-аршин и подступил. Дед-гаргашанг увидел, как велико подошедшее войско, пошел, выдернул с корнем большое дерево, вступил в бой с войском, стал побивать людей этим деревом и перебил их. Когда они погибли, их царь обратился в бегство, отправился домой и сказал: «всякому, кто доставит девушку Волосы-в-сорок-аршин, я дам равное по величине количество денег и золота». Вышла одна старуха и сказала: «я доставлю, только изготовь для меня ящик, чтобы он, если поверну влево, двигался вверх, а если поверну вправо, шел вниз». Царь сказал: «сейчас же прикажу мастеру, чтобы он для тебя изготовил». Когда сделали ящик, старуха поместилась в него, заперла на замок вход, повернула винт, и он стал двигаться сам собою; он дошел и достиг берега реки. Дед-гаргашанг увидел ее и сказал: «куда ты идешь?» Старуха сказала ему: «я бедная паломница, возвращаюсь с паломничества, мои спутники ушли своей дорогой, а я отстала». Джантег увидел, что

pīrazā́le ništá, amá int J̌āntéγ tawā́r kurt Bābá-γarγašángā, gúštī ki ā čonénen go ta ništá? Bābā-γarγašáng gušt: miskínen ājíeg int. J̌āntéγ gušt: ā̆e rā bgwazén ki tā bā̆it éškā. Bābā-γarγašáng eší rā gwazént ā́škā.

čunt roč gwast, ša Čil-gaz-mū́d pursít ki ša watí mardá purs ki tī napás čé^{w}ä̤ dastá int, tī mard γār a-kánt, ta ič gw-āí abár ma dä̤, dérā go ta gušít ki mnī napás yak čízä̤ tā int. J̌āntéγ ki āt watí gisá, yak sāátte ništ, J̌anénī gušt ki tī napás čéwä̤ dastá int? J̌āntéγ γār kurt pa watí J̌anénä̤ J̌ānā́, pīrazā́l am goš a-kašít. der ki būt, J̌āntéγ gušt watí J̌anénā: ä̤ napás J̌ān, ta pä če š-erangén abáre pursā̤́? J̌anén gušt ki man um sí bäín ša^{t} tī napásā ki bi čéwä̤ dastá int. J̌āntéγ gušt: ä̤ napás J̌ān, mnī napás íččīä dastá nä̤nt, mnī napás amé zām int, ki ša pošā̤́ yak mardúme pkašít, man gúḍā mirín. pīrazā́l ki uškítī, gúštī: man tī pikrá dārín.

amé ki J̌āntéγ wápt-atī, J̌anénä̤ pīrazā́l gušt: brawán mäšmá rodā̤́ sará. Čil-gaz-mū́d gúštī: brawán. amé ki šútant, sar bū́tant rodā̤́ sará, pīrazā́l gušt: allá, čonén J̌wānén sundū́xe ér int. dapā̤́ páč ku pīrazā́l, Čil-gaz-mū́dā gušt: ta biá, mnind bi^{t} tā̤́, mäšmá sä̤l pkanán, ki mäšmá rā gīt,

---

с Дедом-гаргашангом сидит какая-то старуха; поэтому Джантег позвал Деда-гаргашанга и сказал ему: « кто это сидит с тобой?» Дед-гаргашанг сказал: «это бедная паломница». Джантег сказал: «переправь ее, пусть идет сюда!» Дед-гаргашанг переправил ее на ту сторону.

Несколько дней прошло, и она спросила девушку Волосы-в-сорок-аршин: «спроси у своего мужа: „в чьих руках твоя душа?“ он рассердится, и ты с ним больше не разговаривай, а попозже он скажет тебе: „моя душа в такой-то вещи!“» Когда Джантег вернулся домой и немножко посидел, его жена спросила: «в чьих руках твоя душа?» Джантег рассердился на свою жену, а старуха стала прислушиваться. Прошло много времени, и Джантег сказал своей жене: «душечка, почему ты спрашиваешь о таких вещах?» Жена сказала: «пусть и я буду осведомлена о твоей душе, в чьих она руках!» Джантег сказал: «душечка, моя душа не находится ни в чьих руках, моя душа — вот этот меч. Если кто-нибудь вытащит его из ножен, тогда я умру!» Как только старуха услышала это, она сказала: «я уж о тебе подумаю!»

Как только Джантег заснул, старуха сказала его жене: «пойдем с тобой на берег реки!» Девушка Волосы-в-сорок-аршин сказала: «пойдем!» Когда они пошли и дошли до берега реки, старуха сказала: «боже, какой тут красивый ящик!» Старуха открыла вход в него и сказала девушке Волосы-в-сорок-аршин: «поди сюда и сядь внутри, посмотрим, вместит он нас с тобой или нет!»

agár na. Čil-gaz-mūd bi^{t} tāi̯ ništ, pīrāzāl dapāi̯ γulp ku, šútī, J̌āntéγī nipādā säi̯l ku tā dist, zāmī amédā ér int, zāmāi̯ zurt, ša pošāi̯ kašít, zāmāi̯ ǰindā rodāi̯ tā prent, pošāi̯ tandūrä purānī čérā kurt. amā int ki šut sundūxäi̯ā, dapāi̯ páč kurt, eš am bi^{t} tāi̯ ništ, dapāi̯ γulp ku, pečāi̯ tāb dāt ki šut pa wat, šut, watí gisā sar būt. awāl búrtant pa pādšā: pīrazāl āt. pādšā átī, gušt ki āúrtäi̯ ǰaníkkā. pīrazāl gúštī: aúrtun. pādšā gušt: brawán bi gisā ki tī tolā zarr u sór a-kašín. pīrazāl am šut go pādšā, tolāi̯ zarr u sor kašít, pīrazāl zurt u burtít-iš. ǰaníkkā pādšā loṭít, gúštī: trā man a-girín. ǰaník gušt: sabr kan tā čil šab. eší abár alās būt tā čil šab.

Istārá-šnās säi̯l ku pa ^{wa}tī brāsāi̯ istārā, dist tā mnī brāsāi̯ istār näi̯nt. ya digá šapénā duwārdág säi̯l ku, tā dist ki mnī brāsāi̯ istār näi̯nt. tāríenā roč būt, watí aspā zen kurt, suwār būt u šut bi Āu̯-šnāsäi̯ā. Āu̯-šnāsā gušt: ā lālā, mäšmāi̯ brāsāi̯ istār näi̯nt. šapénā säi̯l kúrtant pa ^{wa}tī brāsāi̯ istārā, tā dístant ki wadía na bīt. tāríenā ki roč būt, ar du brās rādág būtant u šútant, bi J̌āntéγäi̯ā rástant, tā dístant Bābā-γarγašáng amédā waptá. Bābā-γarγašángā pād kúrtant, gúštant: gúǰ int Jāntéγ? Bābā-γarγašáng gušt:

Девушка Волосы-в-сорок-аршин села внутрь. Старуха заперла вход на замок, а сама пошла посмотреть постель Джантега и увидела, что его меч там лежит; она взяла меч и вытащила из ножен: самый меч бросила в реку, а ножны спрятала в золу очага. Потом она пошла к ящику, открыла дверцу и сама села внутри; заперла вход на замок и повернула винт, чтобы ящик пришел в движение; он двинулся сам собою и достиг своего дома. Царю принесли весть: «старуха вернулась!» Царь пришел и сказал: «привезла девушку?» Старуха сказала: «привезла!» Царь сказал: «пойдем домой, и я отвешу тебе по твоей величине денег и золота!» Старуха пошла с царем, и ей отвесили по ее величине денег и золота; старуха их взяла и унесла. Царь позвал девушку и сказал: «я тебя возьму (в жены)!» Девушка сказала: «потерпи сорок ночей!» Рассказ о ней кончился на сорок ночей.

Звездочет стал искать звезду своего брата, смотрит: «нет звезды моего брата!» На другую ночь он вторично стал искать, опять смотрит: «нет звезды моего брата!» На утро взошло солнце; он оседлал свою лошадь, сел верхом и поехал к Водоведу. Водоведу он сказал: «братец, нет звезды нашего брата!» Ночью они стали высматривать звезду своего брата, пока не убедились, что ее нет. Когда на утро взошло солнце, оба собрались в путь, отправились и добрались до жилища Джантега; увидели, что Дед-гаргашанг спит. Они разбудили Деда-гаргашанга и сказали: «где Джантег?» Дед-гаргашанг сказал: «вон Джантег,

J̌āntéγ á int, gisā́i tā go ǰaníkkā ťamāšá a-kánt. Istārá-šnás gúštī: ammá rā bgwázen, bar J̌āntéγäi̯ā. ešánā gwazéntī ša rodá áškā.

e šútant gisā́ tā, Istārá-šnás säi̯l kurt tā dístī: mnī brās amédā waptá. lepā́i̯ bāl āúrt tā dístī ki mnī brās amédā kirm ǰatá, murtá. Āu̯-šnásā gušt: annūn mäšmá čón kanán? gúštī: čoní améš int ki zāmá wadí pkánan. biná kúrtant bi gaštínā. ākánī čérā, purránīā gáštant, zāmā́i̯ pošá tandūräi̯ purránī čérā dístant. Āu̯-šnás säi̯l ku bi āpā́i̯ tā, tā dist, bi nihíngä dapá band giptá. gúštī ki nūn do xaltá pog wadí pkánant, b'árant ki man zāmá pkašín. Bābā-γaγašángā rāí kúrtant bi pogá, šut, do xaltá pog āúrtī, daságā bástant bi xaltá. Āu̯-šnásī ǰind xaltánī sará suwár būt, gúštī: amé ki xaltá ér šut, šmā daságā peš kašít. amé ki Istārá-šnás dist ki xaltá ǰāl bū́tant, Āu̯-šnás um ša nihíngäi̯ dapá zāmá gipt, Istārá-šnás daságā káš kurt, zāmá kašítant tā dístī ki zām zang ǰatá. zāmá gíptant, šúštant, zangánī pāk kurtá pošā́i̯ tā kúrtant. amé ki pošā́i̯ tā kúrtant, J̌āntéγ ustát, sábre ǰat, gušt: čon wáb atun! Āu̯-šnás gušt: trā wābía čé-ă lo̯tít! kirmánā säi̯l pkan ki murt-átäi̯! gúštī: gúǰ int tī ǰanén? J̌āntéγ gušt: man céw a-zānín. Istārá-šnás gúštī: mäšmá tanák bayán, šārānā bgárdan, tā ki ǰaníkkā wadí pkanán.

с девушкой дома развлекается!» Звездочет сказал: «переправь нас и доставь к Джантегу». Он их переправил на ту сторону реки.

Они вошли в дом; Звездочет стал смотреть и увидел: вот здесь спит мой брат! Он приподнял одеяло и увидел: моего брата изъели черви, и он умер! Он сказал Водоведу: «что же мы теперь будем делать?» Тот сказал: «способ один, надо отыскать меч!» Они принялись разыскивать; стали искать под землей, в золе, и в золе от очага увидели ножны. Водовед стал смотреть в воду и увидел, что он застрял в пасти у чудовищной рыбы. Он сказал: «пусть теперь найдут и принесут два мешка соломы, и я вытащу меч!» Деда-гаргашанга послали за соломой; он пошел и принес два мешка соломы; к мешкам привязали веревку. Водовед уселся сверху на мешки и сказал: «как только мешок дойдет до низу, вы тащите за веревку». Как только Звездочет увидел, что мешки спустились вниз и что Водовед взял меч из пасти чудовищной рыбы, Звездочет потянул за веревку. Меч вытащили, и увидели, что меч поеден ржавчиной. Взяли меч, вымыли, очистили от ржавчины и вложили в ножны. Как только его вложили в ножны, Джантег встал, чихнул и сказал: «как я заспался!» Водовед сказал: «какая тут сонливость! посмотри-ка на червей, ведь ты был мертвым!» Потом он сказал: «где твоя жена?» Джантег сказал: «откуда я знаю?» Звездочет сказал: «мы разделимся и будем ходить по-одиночке по городам, пока не найдем девушку». Они пошли. Звездочет и Водо-

šútant. Istārá-šnás, Āu̯-šnās gáštant, na dístant. Bābá-γarγašáng gušt ki man bi éngūräi̯ šārá dístun. J̌āntéγ gúštī: bra, ma wušt, janíkkā biár. Bābá-γarγašáng šut pa janíkkäi̯ padá ki biárīn.

Bābá-γarγašáng šut tā dist janíkkäi̯ čil šap būt būtá, nūn dol u sāz kurtág ant ki pādšá gís a-kant. Bābá-γarγašáng wat rā pīramárde kurt, šut janíkkäi̯ā. janík Bābá-γarγašángā drust kurt, gušt ki pādšá loṭít, mnā bgīt, kára pkan ki mnā bzūr u bra. Bābá-γarγašáng gust: γussá ma war ki trā šapí a-barín. Bábá-γarγašáng šut, bi arūsíā pādšāi̯ā ništ. pa Bābá-γarγašáng nān u gošt āúrtant. ešánā wártī, gúštī: man ser na kúrtun. e čonén pādšáe gušnág int ki mnā nān dātága na kant. pādšá gušt: ar če nán u gošt int, bdäit ameší rā, tā bʷwart ki mnā bad-nām a-kánt. tā begáī ar če ki nān dátant, ar če ki pas kúštant, e ser na kurt. tā ki šap būt, šut pīrazálā wadí kurt, āúrtī, gúštī: biá, brawán ádenā, trā pādšá gušít: biá. amé ki pīrazál yak ṭukkúre šut, eší rā gipt u wártī. šut, janíkkā zurt, watí puštá suwár kurt u šut, J̌āntéγäi̯ jā sár būt. J̌āntéγ gušt: bārikállā, bārikállā Bābá-γarγašángā. šapí mántant.

tāríenā J̌āntéγ š-édā laḍḍít ki bráu̯t watí pissái̯ šār u kalátā. ša rodá ki gwástant, yak do šap gwast, šútant, bi Āu̯-šnásī jā sar būtant, šapí

вед ходили-ходили, не нашли. Дед-гаргашанг сказал: «я видел в городе по близости». Джантег сказал: «не сиди, а иди и приведи девушку». Дед-гаргашанг пошел, чтобы привести девушку.

Дед-гаргашанг пошел и увидел, что сорок ночей девушки окончились, а теперь забили в барабан и заиграли, так как царь женится. Дед-гаргашанг обратил себя в старика и пошел к девушке. Девушка узнала Деда-гаргашанга, и сказала: «царь хочет меня взять (в жены), придумай что-нибудь, чтобы забрать меня и уйти». Дед-гаргашанг сказал: «не печалься, сегодня ночью я увезу тебя!» Дед-гаргашанг пошел и уселся на свадебном пиру у царя. Деду-гаргашангу принесли хлеба и мяса. Он съел и сказал: «я не наелся! что это за царь-голодранец, что меня не может накормить!» Царь сказал: «сколько ни есть хлеба и мяса, дайте ему, пусть ест, потому что он меня срамит!» До вечера, сколько ни давали хлеба, сколько ни убивали баранов, он не наедался. Когда наступила ночь, он пошел, отыскал старуху, привел ее и сказал: «давай, пойдем туда, царь велит тебе прийти!» Как только старуха прошла немножко, он схватил ее и съел, а сам пошел, забрал девушку, посадил ее к себе на спину, пошел и добрался до Джантега. Джантег сказал: «да благословит бог! да благословит бог Деда-гаргашанга!» Эту ночь они оставались там.

На утро Джантег снарядился, чтобы отправиться в город и крепость своего отца. Когда они переправились через реку и прошла одна ночь или две, они

mắntant, tắrī Āu̯-šnắs am go āwắn laḍḍít. wasírkī gušt ki äi̯ zāmắs, ar če gulắm a-loṭắi̯, ar če asp u dau̯lát a-loṭắi̯, go wat bar. Āu̯-šnắs gúštīt: én ka mnā pa kắr näi̯nt. gúštī: šarr, yak o do gulắm go yak o do aspắ bzūr. amé aspắnā ša dau̯láttā laḍḍít. amešắnā Au̯-šnắs zurt u šut pa wat. šútant ki e digár roččnā Istārá-šnắsäi̯ jā rástant. šapí mắntant Istārá-šnắsäi̯ā. tārínā Istārá-šnắs am rādág būt, eší wasírk am gušt: dau̯lát ar če pa kār dārít, bzūr. eší aspắnā laḍḍít ša dau̯láttā, gulắmā rāí kurt. tārínā zurt u šútant. tā yak mā ki rắ šútant Bābắ-γarγašangī jā rastant. Bābắ-γarγašắng gušt: nūn go šmā man na raín, man amédā nindín. e amédā níštī. J̌āntéγ āwắn šútant ki bi Āu̯-šnắsī rāíā sár bū̆tant, Āu̯-šnắs gušt: man annūn na raín go šmā. J̌āntéγ gušt: šarr, ki na raắi̯, pa tī ruxsáttā. mắntant annūn J̌āntéγ u Istārá-šnắs. ar duén šútant bi J̌āntéγī pissắi̯ šārắi̯ nazzíkā. Istārá-šnắs gušt: man am na raín go ta, mnī rắ améš int. J̌āntéγ gušt: pa^{t} tī ruxsáttā ki rawắi̯.

J̌āntéγ yak ṭukúrre šútīt tā dístī, amédā ramắge čārít. J̌āntéγ šuwānágā pursít, gušt ki e ramág kí-int? šuwānág gušt ki e pādšắen ramág. gušt: bra, awắl bar pa pādšắ ki tī zāg átī. e šuwānág šut, go pādšắ gušt: tī zāg

---

пошли дальше и дошли до жилища (жены) Водоведа. Ночь переночевали, а на утро и Водовед снарядился. Его тесть сказал: «зять, возьми с собой слуг, лошадей и имущества, сколько захочешь!» Водовед сказал: «мне столько не надо!» Тесть сказал ему: «ну, хорошо, возьми одного или двух слуг с лошадью или двумя». Он нагрузил имуществом этих лошадей; Водовед их взял и отправился к себе. Они пошли дальше. В один из следующих дней они дошли до жилища (жены) Звездочета. Ночь они провели там, а на утро Звездочет собрался в путь, его тесть также сказал: «возьми себе имущества, сколько нужно!» Он нагрузил ценностями его лошадей и прислал слуг. На утро они отправились. Целый месяц они были в дороге, пока дошли до жилища Деда-гаргашанга. Дед-гаргашанг сказал: «я теперь с вами не пойду, а останусь здесь». Он остался. Джантег со спутниками пошли и дошли до дороги Водоведа. Водовед сказал: «я теперь с вами не пойду!» Джантег сказал: «хорошо, если не пойдешь, прощай!» Остались теперь Джантег и Звездочет. Вдвоем они приблизились к городу отца Джантега. Звездочет сказал: «я тоже не пойду с тобой, это — моя дорога!» Джантег сказал: «прощай, если не идешь!»

Джантег немного прошел и увидел, что пасется стадо овец. Джантег спросил пастуха и сказал: «это чье стадо?» Пастух сказал: «это царское стадо». Он сказал: «иди и снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Пастух пошел и сказал

āt. gúštī ki man zā́ge na dārín. šuwānág pa dūríā āt. J̌āntéγ dístī ki bágge čārít, sarwánā gušt: bra, awā́l bar pa pādšā́, bguš ki tī zāg āt. sarwā́n šut, go pādšā́ gušt ki tī zāg átī. pādšā́ gušt: man zā́ge na dārín. sarwā́n padūí bír gašt, āt. Jāntéγ demtírā šut, tā dist ki gokčaréne, gušt: awā́l bar pa pādšā́ ki tī zāg āt. gokčarén ki šut pādšā́ä̯ā̯, gušt: tī zāg átī. pādšā́ gušt: man zā́ge na dáštun. gúštī, én ka mardúm a-kā́ä̯t, gušít ki pādšā́, tī zāg āt, brā́it, yak do suwā́r rāí pkanít. e s^{n}wār šútant tā dístant ki mardúm a-kā̯iánt. go en̊ mardúmān wašāmád kúrtant, ša e pursítant: ta čonéne wä̯i̯? J̌āntéγ gušt: man pādšā́ä̯i̯ zāg un. e šútant, bi pādšā́ä̯i̯ gisā́ sar bū́tant. pādšā́ pursít: tā čonéne wä̯i̯? J̌āntéγ jawā́b dāt ki man tī zāg un. gúštī: ta čon mnī zāg ä̯i̯? gúštī: man amā́ tī zāg un murtágen ki mnā Azrāíl burt, mazán kurt, nūn átun. pādšā́ kapt bi gut̤t̤ä̯i̯, bāzénī gret. tárī ki roč būt, duwārdág pādšā́ dol u sāz kurt, J̌āntéγā gis dāt. jístun u bástun, pa wat imā́ne āúrtun, pa^{t} ta dištáre āúrtun.

царю: «твой сын пришел!» Тот сказал: «у меня нет сына!» Пастух ушел в даль. Джантег увидел, что пасется стадо верблюдов, и сказал погонщику: «иди, снеси весть царю, скажи: „твой сын пришел!“» Погонщик верблюдов пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня нет сына!» Погонщик верблюдов пошел и вернулся назад. Джантег пошел вперед и увидел коровьего пастуха; он сказал ему: «снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Коровий пастух пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня не было сына!» потом он сказал: «столько людей приходит и говорят: „царь, пришел твой сын!“ идите и пошлите одного-двоих верховых!» Эти верховые отправились и увидели, что приближаются люди. Они поздоровались с этими людьми и спросили: «кто ты таков?» Джантег сказал: «я царский сын!» Они отправились и пришли к царскому дому. Царь спросил: «кто ты таков?» Джантег ответил: «я твой сын!» Тот сказал: «как это ты мой сын?» Он сказал: «я тот твой мертвый сын, которого Азраил унес и вырастил, а теперь я пришел!» Царь бросился ему на шею и долго рыдал. На утро, когда взошло солнце, опять били в барабан и играли, опять праздновали свадьбу Джантега. Я убежал и завязал, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XI

būt, būt, ša xudā́ káse getír na būt. yak pādšā́e ʳat, čil u yak zāg dāšt. yak wáxte būt ki pādšā́ą̈ zāg gúštanᵗ: ą̈ bābā́, ammā́ rā gis bdą̈. e pādšā́ watī zāgānā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na däín, man bi pādšā́e däín ki čil u yak jiník dāštá bīt. biyā́ ki mäšmā́ nūn kāsíd kanán bi yak pādšā́e ki čil u yak jiník dāštá bīt. amédā xat nemištá kúrtanᵗ p-ā́ pādšā́. nūn ša e pādšā́ bill u ša digár pādšā́ goš kaš.

e pādšā́ dāšt čil u yak jiník. yak wáxte at ki jiníkān gúštanᵗ: ą̈ bābā́, ammā́ rā pa če gis na däą̈? pādšā́ gušt ki man šmā rā yak-yak gis na däín, šmā rā bi pādšā́e däín ki čil u yak zāg dāštá bīt. biyā́ mäšmā́ kāsíd kanán pa pādšā́e ki čil u yak zāg dāštá bīt. nūn yak xáte nemištá kurt, kāsídą̈ dastā́ dāt kiᵗ ta eší rā bar, bi pādšā́e bdą̈ ke čil u yak zāg dāštá bīt. e kāsíd š-amédā rādág būt, šut. ša e kāsídā bill u ša digár kāsíd goš kaš.

e kāsíd ar dokén átanᵗ, yak jā níštanᵗ. yáke gušt ki ta ša guǰā́ käą̈? gušt ki man ša pādšā́e kāsíd astun ki mnā dém dātá bi pādšā́e ki čil u yak jäník dāštá bīt. e kāsíd gušt: ša wat bil, ša man goš kaš, man am yak pādšā́e kāsíd astun, ki mnā dém dātá bi pādšā́e ki čil u yak zāg dāštá bīt.

(XI. Об Амат-ша и Сорокавьючнике)

Было-было, никого лучше бога не было. Был один царь, у него был сорок один сын. Однажды царские сыновья сказали: «батюшка, жени нас!» Царь сказал своим сыновьям: «я не буду женить вас порознь, а отдам (вас в зятья) такому царю, у которого будет сорок одна дочь; давайте, снарядим теперь вестника к такому царю, у которого будет сорок одна дочь». Тут же составили письмо к царю. Теперь оставь этого царя и послушай о другом царе.

У этого царя была сорок одна дочь. Однажды девушки сказали: «батюшка, почему ты не выдаешь нас замуж?» Царь сказал: «я вас порознь не буду выдавать замуж, а отдам вас такому царю, у которого будет сорок один сын; давайте, теперь отправим вестника к царю, у которого будет сорок один сын». Он тотчас составил письмо и дал его вестнику: снеси, мол, и отдай такому царю, у которого будет сорок один сын! Этот вестник снарядился в путь и отправился. Оставь теперь этого вестника и послушай о другом вестнике.

Оба эти вестника сошлись и остановились в одном месте. Один сказал: «откуда ты идешь?» Другой сказал: «я вестник одного царя, который меня послал к царю, у которого была бы сорок одна дочь». Первый гонец сказал: «оставь себя, послушай обо мне! я тоже царский гонец, посланный к такому царю,

e kāsíd gušt ki e rang būt, ta bʲyā, mnī xatấ bzūr, man am tī xatấ zūrín, ta bʲra watí jindấ̈ šārấ, man am watí jindấ̈ šārấ räín. ešấn watí xatấnā zúrtan, ar kas pádā šut.

e kāsíd šut bi pādšấä̈ demấ, gušt ki bʲyā ki wadí kurtấ un, bʲyā ki nūn brawán, watí zāgấnī jänénā bʲyār. e pādšấ watí zāgấnā lotít ki bʲyáit, ša šmā yak guǰām bi mnī pādšấíä̈ sarấ búštīt, ki man bräín šmä̈ jänénānā bʲyárīn. e zāgấn yak guǰấm rāzí na bűtanᵗ, gúštanᵗ: ammấ múččī rawán. pādšấ dāšt yak gwanḍén zāgấ, gúštī: ä̈ bābấ, man tī pādšāíä̈ sarấ nindín. mnī jänénā bi mnī amé zāmấ nikấ pkanấ̈. pādšấ bi amé abár rāzí būt, š-amédā watí ɣošúnā zurt u rādág būt, šut bi amấ šáre ki jiníkān ast, šārấ̈ išk-u-áškā xä̈mág jat.

tárī mullấ ustát ki azấn bdant, dist ki šārấ̈ išk-u-áškā xä̈mág jatág-anᵗ. š-amédā jist bę padšấä̈ demấ, uštất, gušt: e pādšấ, bʲyā ki šārấ̈ išk-u-áškā xä̈mág bāz jatág-anᵗ, bra, sä̈ kan ki yā dóst anᵗ yấ dušmán anᵗ. pādšấ š-amédā kāsíd dem dāt ki šmā dost it yā dušmán it. agár dost it, biyáit bi šārấ̈ tā, agár dušmán it, ammấ̈ jawábā bdấit. ā pādšấ gušt ki ammấ tī dušmán náyan, tī dóst an. darwāzágä̈ dapấ páč kan ki ammấ bʲyáyan bi šārấ̃ tā. e pādšấ darwāzágä̈ dapấ páč kurt ki pādšấ watí urdű

у которого будет сорок один сын». Тот гонец сказал: «раз так, давай, ты возьми мое письмо, а я возьму твое, и ты иди в свою страну, а я пойду в свою!» Они взяли письма, и каждый отправился обратно.

Первый гонец отправился к царю и сказал: «ну, я нашел! давай, теперь поедем, и ты привезешь жен своим сыновьям». Царь позвал своих сыновей: приходите, мол, пусть кто-нибудь из вас останется во главе моего царства, а я поеду и привезу вам жен! Никто из сыновей не согласился; они сказали: «мы все поедем!» А у царя был младший сын, он сказал: «батюшка, я останусь во главе твоего царства, а ты повенчай мне жену на этом моем мече!» Царь остался доволен этими словами; он тотчас снарядил свою свиту и войско, собрался, выступил к тому городу, где находились девушки, и разбил свои палатки вокруг города.

Рано утром мулла встал, чтобы прочесть призыв к молитве, и увидел, что вокруг города разбиты палатки. Он побежал к царю, остановился и сказал: «царь, посмотри, вокруг твоего города разбито много палаток, пойди, посмотри, друзья это или враги!» Царь тотчас отправил гонца: вы, де, друзья или враги? если друзья, войдите в город; если враги, сообщите ваши требования. Тот царь сказал: «мы не враги тебе, а друзья, открой ворота, и мы войдем в город». Царь открыл ворота, и другой царь ввел свою свиту и войско

wa γušánā āwúrt bi šārā́ tā. édā šap būt. pādšá watí urdū́ u γušánā nān dāt, murxás ku, wa watí zāgánā loṭít, wa digá pādšá watí janí^{k}kānā loṭít wa kattā́r nādént, bi pādšáäą̈ zāgánī sará bā́r ku. e pādšá gušt ki äą̈ pādšá, tī yak zāg nā́int? e pādšá ǰawā́b dāt ki mnī zāg bi mnī pādšāíäą̈ sará ništág int wa āí ǰänénā bi amé zāmā́ą̈ nikā́ kanít. nūn alás būt š-édā.

e pādšá yak dā roč bi amédā zindagānī́ kurt, gúḍā gušt ki biyá ki brawán. e pādšá watí urdū́ u γušánā sí ku ki bándā mäšmá rawán. tárī pādšá ša e šār laḍḍít, šut yak manzíl rā, er ku bi yak kalātäą̈, watí aspánā kā u ǰaą̈ dāt wa ǰíndī čā wa nān wártan^{t}. amédā tā tárī wáptan^{t}. tárī k^{i} ustátan^{t}, dístan^{t} ki yak buzlangíe ešánī išk u ášká giptá. pādšá yak kāsíde dem dāt, gušt: ta dóst äą̈ yā dušmán äą̈? buzlangí gušt ki na, man dušmán ná un, man dost un, man ša šmā Ámát-šáä ǰanénā loṭín. pādšá gušt ki agár digáre rā loṭáą̈, man trā däín, Amat-šáä ǰanénā na däín. buzlangí gušt ki agár ma däáą̈, man šmā rā múččānā warín. pādšá nā-čár būt, gušt ki biyá ki Amat-šáä ǰanénā bi me buzlangí däyán. édā watí zāgánā loṭít, gušt ki bābá, šmā čéwā gušít? pādšáäą̈ zāg ruzá bū́tan^{t}. e Amat-šáä ǰanénā íštan^{t} wa ǰíndī rādág bū́tan u šútan pa wat. e buzlangí Amat-šáä ǰanénā gušt ki

---

в город. Наступила ночь. Царь роздал продовольствие своей свите и войску, отпустил их и позвал своих сыновей, а другой царь позвал своих дочерей, рассадил их и разделил их между царскими сыновьями. Этот царь сказал: «царь, одного твоего сына нет!» Царь ответил: «мой сын остался во главе моего царства, обвенчайте его жену на этом мече!» На том и покончили.

Затем этот царь дней десять прожил там, а потом сказал: «ну, поедем!» Этот царь известил свою свиту и войско, что завтра, дескать, мы с вами выступаем. На утро царь снарядился, выступил из города на один перегон, и остановился в одной своей крепости; своим лошадям дали сена и ячменя, а сами стали пить чай и есть хлеб и проспали здесь до утра. Когда на утро встали, они увидели, что какой-то бузланги окружил их со всех сторон. Царь послал гонца и спросил: «ты друг или враг?» Бузланги сказал: «нет, я не враг, я друг, только я хочу от вас жену Амат-ша (младшего сына царя)». Царь сказал: «если ты захочешь кого-нибудь другого, я тебе выдам, но жену Амат-ша не дам». Бузланги сказал: «если ты не дашь, я вас всех пожру!» Царь не имел выхода и сказал: «пожалуй, отдадим этому бузланги жену Амат-ша!» Он созвал своих сыновей и сказал: «дети, что вы скажете?» Царские сыновья согласились. Жену Амат-ша оставили, а сами собрались в путь и пошли к себе. Бузланги сказал жене Амат-ша: «ты не горюй, что я тебя

ta γussá ma wår ki man trā gardentắ un, bálkẹ Amat-šắ rā ša watí čammắ bgindín. ša e bill u ša pādšắ goš kaš.

e pādšắ watí urdū wa γušánā gušt ki agár Amat-šắ ša šmā soč pkant, bgúšit ki tī ǰanén murtá. gušt: wā bi ǰáni yáke ki bgúšīt ki tī ǰanénā spetén deb gardentá! ša pādšắ bill u ša Amat-šắ goš kaš.

Amat-šắ bi γasrắ̤ sarắ ništ-át, go dūrbín säi̯lắ kurt, kadén mnī pisắ̤ kušắn kā̤it. dist ki yak dūláxte ustát. ádā Amat-šắ watí gulắmā gušt ki mnī asp u erắγā biʸár. gulắm asp u zen u erắγā āʷúrt. Amat-šắ watí aspắ suwắr būt, dem watí piˢsắ̤ā rādág būt, šut watí pissắ̤ā, dist ki písī siyā-póš int. gušt ki ä̤ bābá, pa če ta siʸā-póš ä̤? písī gušt ki biʸá, bābá, ki tī baxt kamí kurtá ki tī ǰanén murtá. e Amat-šắ bāz gret, āt watí ǰindắ̤ gisắ.

édā šap būt. Amat-šắ púčči durbeší gwarắ ku, šut pa durbešíyā, dist ki čār warnắ arák wartág-anᵗ, mast būtág-anᵗ. yáke gušt ki armắn, sad armắn ki Amat-šắä ǰanénā spetén deb gardént. yak warnắe gušt ki armắn, ki Amat-šắ amédā bűtin ki šut, watí ǰanénā kāwúrt. yak gašt Amat-šắ wat rā gisắ tā prent. gušt: ä̤ warnắ, ta watí amé abáre ki annűn gúštä̤, bguš. e warnắ bi Amat-šắ gušt ki agár man watí abára go ta bgúšīn, pādšắ mnā goš u póz a-kánt. Amat-šắ bi warnắ gušt ki ta ša

---

вернул: я хочу только увидеть своими глазами Амат-ша». Оставь его и послушай о царе.

Царь сказал своей свите и войску: «если Амат-ша у вас спросит, скажите: „твоя жена умерла!“» и прибавил: «и горе тому, кто скажет, что твою жену отнял белый див!» Оставь теперь царя и послушай об Амат-ша.

Амат-ша сидел на замке и смотрел в подзорную трубу: когда, мол, придет войско моего отца? увидел, что поднялась пыль. Тут Амат-ша сказал своему слуге: «приведи мне оседланную лошадь». Слуга привел лошадь с седлом и со всем убором. Амат-ша сел верхом на свою лошадь и отправился к своему отцу. Он увидел, что его отец одет в черное, и сказал ему: «батюшка, почему ты в черном?» Отец сказал ему: «вот, сынок, твое счастье потерпело ущерб: твоя жена умерла!» Амат-ша горько заплакал и пошел к себе домой.

Наступила ночь. Амат-ша надел дервишеское платье и отправился странствовать дервишем. Он увидел, что четверо юношей напились водки и опьянели. Один сказал: «досадно, сто раз досадно, что жену Амат-ша отнял белый див!» Другой сказал: «досада! ведь если бы Амат-ша был здесь, он отправился бы и привел свою жену!» Амат-ша стремительно бросился внутрь дома и сказал: «юноша, повтори то, что ты сейчас сказал!» Юноша сказал Амат-ша: «если я скажу тебе свои слова, царь отрежет мне уши и нос». Амат-ша сказал:

dādšā́ ma trus ki man Amat-šā́ un. e warnā́ gušt ki tī ǰanénā spetén deb gardentá. bⁱra, watí ǰanénā padā dẹi̯.

Amat-šā́ š-amédā rādág būt, watí asp u zen u erā́γā múččānā zurt u watí aspā́ sᵘwā̱r būt u šut. bẹ yak ǰā́e rasít, dist ki du buzlangíyā bastág anᵗ u yak buzlangí ša pádā langár a-kánt, go šīpáng ǰant. gušt: salā́m alā́i̯k, ä̱i̯ buzlangí. buzlangí gušt ki agár tī salā́m ma bū́tin, trā man ā́rt a-kúrtun, bi gwātā́i̯ dapā́ dātun. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki xudā́ trā če zóre dātá ki du buzlangíā bastág-ä̱i̯, langár a-kanā́i̯, go šīpánk am ǰanā́i̯. e buzlangí gušt ki xudā́ zorá bi man na dātá, bi Amat-šā́ dātā́. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki ä̱i̯ buzlangí, agár ta Amat-šā́ā bgíndä̱i̯, durústī am kanā́i? buzlangí gušt ki yak wáxte man āe rā distā́ un, agár nūn bgíndīn, durústī am kanín. Amat-šā́ gušt ki Amat-šā́ mán un. e buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmā́n bgirín, nūn bi ḍigárā bẹ mnī gīrā́ kaptág-ä̱i̯, trā nā́i̯līn ki ša mnī demā́ bẹǰiā́i̯. Amat-šā́ gipt buzlangíä̱i̯ srenā́, watí xudā́ yāt ku, buzlangíā bāl āwúrt, ǰat bi ḍigárā, watí zāmā́ kašít ki eší sará burrít. e buzlangí gušt ki ta mnī sará ma bur, ki man tī yak gulā́me baín. Amat-šā́ gušt: šarr, ša yákke do getír int. rādág bū́tan u šútan.

bi yak ǰā́e rasítanᵗ, dístan: yak buzlangíe e singā́ zūrít, bi ā singā́ ǰant, ā́rt a-kant o wart. salā́m dāt ki ä̱i̯ buzlangí, xudā́ če zóre trā dātá ki

---

«ты царя не бойся: я Амат-ша!» Юноша сказал: «твою жену отнял белый див! иди вслед за своей женой!»

Амат-ша пошел оттуда, взял свою лошадь с седлом и убором, сел верхом и поехал. Приехал он в одно место и увидел, что запряжены два бузланги, а один бузланги сзади, он пашет на них и бьет их бичем. Он сказал: «привет тебе, бузланги!» Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы превратил тебя в муку и развеял по ветру!» Амат-ша сказал бузланги: «что́ за силу бог дал тебе, что ты запряг двоих бузланги, пашешь на них и бьешь бичом!» Бузланги сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Амат-ша сказал бузланги: «бузланги, если бы ты увидел Амат-ша, ты его узнал бы?» Бузланги сказал: «я раз его видел, и если теперь увижу, узнаю!» Амат-ша сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался достать тебя с неба, а теперь ты и на земле попался мне в руки; не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша схватил бузланги за пояс, помянул своего бога, приподнял бузланги и бросил на землю. Он выхватил свой меч, чтобы отрезать ему голову, но бузланги сказал: «не отрезай мне головы, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они собрались и пошли.

Они пришли в одно место и увидели, что один бузланги берет камень, ударяет его о другой, приготовляет муку и ест. Он поздоровался и ска-

e singā̆ bẹ ā singā̆ ǰanā̆i̯, ā́rt a-kanā̆i̯ u warā̆i̯? e buzlangí ǰawā́b dāt ki xudā́ zorā́ bẹ man na dātá, bi Amat-šā́ dātá. Amat-šā́ gušt ki agár ta Amat-šā́ā bgíndäi̯, durústī am kanā̆i̯? e buzlangí gušt ki yak zamā́ne man go Amat-šā́ bāz dawā́ kurtā́ un, agár bgíndīn, drústī-m kanín. e gušt ki Amat-šā́ mán un. buzlangí gušt ki man ā́tun ki trā dar asmā́nā bgírīn, ta nūn bi ḍigárā bi mnī gīrā́ kaptág-äi̯, trā nā̆i̯līn ki ša mnī demā́ bǰíäi̯. e Amat-šā́ gušt ki šarr, ta pa če ruzā́ wäi̯: pa kuští ruzā́ ʷäi̯ yā pa gurz? buzlangí gušt ki man pa kuští ruzā́ un. Amat-šā́ gušt: man am ruzā́ un. Amat-šā́ gipt buzlangíäi̯ srenā́, bāl āʷúrt, ǰat bẹ ḍigárā, zāmā́ kašít ki buzlangíäi̯ sarā́ burrít. buzlangí gušt ki ta mnā ma kuš kẹ man tī yak gulā́m a-bäín Amat-šā́ gušt: šarr, ša du säi̯ getír int. biyā́ ki mäšmā́ brawán.

šútanᵗ bi yak ǰā́e. yak āū̆e šikā́r kúrtanᵗ. gogírd na dā́štant, dístanᵗ ša yak koé tā yak dū̆te ustát. yak buzlangí rā Amat-šā́ gušt ki ta bⁱra, š-amódā yak ātíše biʸár. e buzlangí rādág būt, šut bẹ mā ǰā́e ki amā́ dūt būt. dístī ki yak Čil-xarwāríe čil xarwā́r ā́rtā bẹ ātíšäi̯ čérā kurtá. e Čil-xarwārí bẹ buzlangí gušt ki pa če ātág äi̯? e buzlangí gušt ki man pa ātíše ātág un. e Čil-xarwārí gušt: biyā́, bar! e buzlangí watí dastā́ tā́ke ku ki

---

зал: «бузланги, что́ за силу бог тебе дал, что ты ударяешь один камень о другой, изготовляешь муку и ешь?» Бузланги ответил: «бог дал силу не мне а Амат-ша!» Амат-ша сказал: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Бузланги сказал: «я раз порядком потягался с Амат-ша, и если увижу, узнаю его». Он сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался на небе тебя достать, а ты теперь на земле попался мне в руки! не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша сказал: «хорошо! ты что выбираешь: борьбу или палицы?» Бузланги сказал: «я согласен бороться». Амат-ша сказал: «и я согласен». Амат-ша схватил бузланги за пояс, поднял кверху и бросил на землю. Он вытащил меч, чтобы отрезать бузланги голову, но бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, трое лучше, чем двое, давай, пойдем!»

Они дошли до одного места, поохотились и застрелили газель, но у них не было спичек (чтобы развести огонь). Они увидели, что с одной горы поднялся дым. Амат-ша сказал одному бузланги: «сходи, принеси оттуда огня». Бузланги отправился, дошел до того места, где был дым, и увидел, что некто Сорокавьючник положил под огонь сорок ослиных вьюков муки (и печет хлеб). Сорокавьючник сказал бузланги: «зачем ты пришел?» Бузланги сказал: «я пришел за огнем». Сорокавьючник сказал: «ну, возьми!» Бузланги протянул руку,

ātíše bzūrīt. Čil-xarwārí gi̯t eší gardínā, watí zānā̤i̯ čérā ku. ša Čil-xarwārí bíll u ša Amat-šā́ goš kaš.

Amat-šā́ dist ki e buzlangí na āt. e digá buzlangíā gušt ki ta bʲra, ātíšā biʸár. e buzlangí rādág būt, amā́ ǰáe ki dūt ustát-at, šut, dist ki āí amrákä̤i̯ sarā́ bi Čil-xarwaríä̤i̯ zānā̤i̯ čérā kurtá. ša Čil-xarwārí pursít ki pa če eší rā amé rang kurtág ä̤i̯? Čil-xarwārí gušt ki e be-adabí kurt-át, ta biʸá, ātíše bzūr u bra. e buzlangí watí dastá táčke ku pa ātíšā. ya gašt Čil-xarwārí gipt ša eší gardínā, watí čappén zānā̤i̯ čérā kurt. ša Čil-xarwārí yak kámme bill u ša Amat-šā́ goš kaš ki bi rā́ int u kā̤i̯t.

āt Čil-xarwāríä̤i̯ nazdíkā, dist ki du buzlangíä̤i̯ sarā́ watí zānā̤i̯ čérā kurtá. Amat-šā́ š-amángū rast, ša Čil-xarwāríä̤i̯ nān sist u wart. Čil-xarwārí bi Amat-šā gušt ki e čę be-adabí at ki ta kurtā̤i̯? Amat-šā́ gušt bi Čil-xarwārí kę ā̤ini adáb ameš int. Amat-šā bāz duwārág gušt ki ä̤i̯ Čil-xarwārí, e čę zór int ki ta dārā̤i̯ ki mnī du brāsā̤i̯ sarágā watí zānā̤i̯ čérā kurtág ä̤i̯? Čil-xarwarí gušt ki xudá bę man zorá na dātá, bi Amat-šā́ dātá. e gušt ki agár Amat-šā́ā bgíndä̤i̯, drustí am kanā̤i̯? Čil-xarwārí gušt ki man āe rā yak wáxte distág un. gušt ki Amat-šā́ mnī jínd un. Čil-xarwārí

чтобы взять огня, но Сорокавьючник схватил его за шею и сунул к себе под колено. Оставь теперь Сорокавьючника и послушай про Амат-ша.

Амат-ша увидел, что бузланги не пришел. Он сказал другому бузланги: «сходи ты и принеси огня!» Бузланги собрался и пошел к тому месту, откуда поднимался дым. Там он увидел, что голова его товарища засунута под колено Сорокавьючника, и спросил у него: «за что ты так поступил с ним?» Сорокавьючник сказал: «он невежливо себя вел! пойди ты, возьми огня и уходи». Бузланги протянул свою руку за огнем, как вдруг Сорокавьючник схватил его за шею и подсунул к себе под левое колено. Оставь не на долго Сорокавьючника и послушай про Амат-ша, который уже на дороге и подходит!

Он приблизился к Сорокавьючнику и увидел, что головы его бузланги подсунуты к нему под колени. Амат-ша подошел, выхватил хлеб у Сорокавьючника и съел. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «что́ это за невежливость ты сделал?» Амат-ша сказал: «это-то и есть настоящая вежливость!» Потом Амат-ша вторично сказал: «что́ это за сила, которою ты обладаешь, что ты сунул себе под колени головы двоих моих братьев!» Сорокавьючник сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Он спросил: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Сорокавьючник сказал: «однажды я его видел!» Он сказал: «Амат-

gušt ki man átag un ki trā dar asmán bgirín, nūn ki bi ḍigárā bi mnī gīrá kaptág-äi̯, trā nái̯līn, ša mnī demá bjíäi̯. Amat-šá gušt ki ta pa če rāzí äi̯: pa kuští ruzá äi̯? pa gurz ṛuzá äi̯? pa če rāzí äi̯? Čil-xarwārí gušt ki man pa kuští rāzí un. Amat-šá gipt eší srená. tā do šap u do roč watí yak digárā na ǰátan. Amat-šá watí xudá yāt ku, eší rā bāl ā^{w}úrt, ǰat bi me ḍigára, zāmá kašít k-ešī sará burrít. Čil-xarwārí gušt ki mnī sará ma bur ki man ar ǰā tī dardá warín. édā Amat-šá gušt ki ša säi̯ čār getír int.

Amat-šá gušt ki mnī ǰanénā spetén deb gardéntī, man räín spetén débäi̯ā. Čil-xarwārí gušt ki äi̯ lālá Amat-šá, man trā yak farsáxā sará barín, āngūrí burtága na kanín, mnī par u bāzúl sučít. Amat-šá gušt: šarr, mnā šmạ tā yak farsáxā sará barít, āngūrí mnī ǰind tāná raín. ešán čār mardúm bi Čil-xarwāríäi̯ sará s^{a}wár bútan. yak farsáxā sará ^{y}ér kaptan. Čil-xarwarí bi Amat-šá gušt ki äi̯ lālá Amat-šá, amé watí aspá bdäi̯ ammá rā ki ammá warán. Amat-šá gušt ki e mnī asp bórit. Amat-šá ǰíndī tāná rādág būt, šut bi spetén débäi̯ā. amé ki bi γasrái̯ā nazdík but, dist ki γasrái̯ išk u wāškā múčī buzlangí an^{t}, waptág an^{t}. Amat-šá š-ešán na trusít, rāst šut bi γasrá.

ша, это я сам!» Сорокавьючник сказал: «я стремился и на небе захватить тебя, а теперь, когда ты на земле попался мне в руки, я не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша спросил: «ты что выбираешь: борьбу или палицы? что выбираешь?» Сорокавьючник сказал: «я выбираю борьбу». Амат-ша схватил его за пояс. Две ночи и два дня они не могли бросить друг друга на землю. Амат-ша помянул своего бога, потом поднял его кверху и бросил на самую землю. Он вытащил меч, чтобы отрубить ему голову, но Сорокавьючник сказал: «не отрубай мне головы, потому что я, где бы ни случилось, помогу тебе в беде!» Амат-ша тогда сказал: «четверо лучше, чем трое!»

Потом Амат-ша сказал: «мою жену отнял белый див, и я иду к белому диву». Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я тебя донесу до одного фарсаха пути, а дальше нести не смогу, потому что у меня сожгутся перья и крылья». Амат-ша сказал: «хорошо, отнеси меня до одного фарсаха пути, а оттуда я уже и сам доберусь». Они вчетвером уселись на Сорокавьючника. На границе последнего фарсаха спустились. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, дай нам съесть твою лошадь». Амат-ша сказал: «можете есть мою лошадь». Сам Амат-ша один собрался в путь и пошел к белому диву. Когда он приблизился к его замку, он увидел, что вокруг замка всё бузланги, и они спят. Амат-ша не испугался их, а пошел прямо к замку.

amé ki bi ɣasrá šut, dist ki spetén deb waptá, āí ǰänén amódā ništá ĩnt. spetén debā̆ sar bi āí zānā̆ sará int. Amat-šá gušt ki agár eší rā bẹ wābā̆ ǰā pkúšīn, nā-mardí a-bít. getír int ki eší rā sī pkanín u pkúšīn. Amat-šá watí zāmá kašít bi pādā̆ dilā̆ šíg dāt. spetén deb ša watí wābá yak sar ustát, Amat-šáā ǰanénā yak čapóḍ ǰat, gušt: aı̯ gísi burīdá, ta pa če magísānā (‖masiskánā) killā̆ ki mnā waránt? duwārág Amat-šá watí zāmá bi čappén pādā̆ šīg dāt, e spetén deb duwārág ustát, Amat-šáāı̯ ǰanénā ǰat, Amat-šáāı̯ ǰanénā sot, bāz gret, gušt ki tī māsā̆ mard bi[t] tī sarā̆ čérā ustatá! spetén deb ustát ša wābá, gušt ki aǰáb lunkái čárme bi mnī gīrá kaptá. Amat-šá gušt ki bále, agár mnā er burtág pkánäı̯! Amat-šá spetén debá gušt ki ta pa če rāzí-ā? spetén deb bi Amat-šá gušt ki man pa gurz rāzí un. Amat-šá am rāzí būt. spetén deb gurzá bāl ā"úrt, ǰat bẹ Amat-šáāı̯ sarā̆ mānǰínā. Amat-šá watí ǰāgá šor na wart, ša spetén deb pursít ki tī zor améš at? gúḍā burzá ša spetén debā̆ dastá zīt, watí xudáā yāt ku, ǰat bẹ spetén debā̆ sarā̆ mānǰínā. spetén debá ša mānǰínā du kap kurt. kápe éškā kapt, kápe áškā kapt. gúḍā watí ǰanénā zurt u rādág būt, ša ɣasrá ér kapt. buzlangíān ustátan ša wābá, dístan ki spetén debā̆ ǰanénā búrtī. néme

---

Когда он подошел к замку, он увидел, что белый див спит, а его жена сидит возле, и голова белого дива у нее на коленях. Амат-ша сказал: «если я убью его во сне, это будет не достойно мужчины; лучше дам ему знать, а потом убью!» Амат-ша выхватил свой меч и уколол его в подошву. Белый див сразу очнулся от своего сна, дал пощечину жене Амат-ша и сказал: «ах, ты, бесстыжая! почему ты позволяешь мухам есть меня?» Амат-ша еще раз уколол своим мечом его левую ногу. Белый див опять вскочил и ударил жену Амат-ша. Она вспыхнула, разрыдалась и сказала: «муж твоей матери встал у тебя в головах!» Белый див совсем проснулся, встал и сказал: «какой жирный кусок попался мне в руки!» Амат-ша сказал: «да, если только ты сможешь меня проглотить!» Потом Амат-ша сказал белому диву: «ты что выбираешь?» Белый див сказал Амат-ша: «я выбираю палицы!» Амат-ша согласился. Белый див поднял палицу и ударил Амат-ша как раз по середине головы. Амат-ша не сдвинулся со своего места и спросил белого дива: «это-то твоя сила?» Потом он выхватил палицу у белого дива, помянул своего бога и ударил белого дива как раз по середине головы. Он расколол белого дива по середине на две части; часть упала на одну сторону, часть на другую. Потом он взял свою жену и отправился в путь. Он спустился с замка. Бузланги проснулись и увидели, что он увел жену белого дива. Половина их приготовилась

ustátan pa ǰangā́, némę digár šútant ki spetén débā sī kanánt. šútant, dístan^{t} ki spetén deb ša mānǰínā du ka^{p}p int. buzlangíān múččī ǰístan^{t}.

Amat-šā́ watí ǰanénā zurt u watí brāsánīyā šut. dístī ki ar säi̯ amédā ništág ant. Čil-xarwārí gušt ki äi̯ bābā́ Amat-šā́, watí ǰanénā āwúrtäi̯, bi^{y}ā́ ki brawán. ešán čār mardúm bę Čil-xarwāríäi̯ sarā́ s^{u}wār būtant, šútan^{t} tā wáxte ki bi yak šáre rástant. Amat-šā́ dist ki šārā́i̯ išk-w-áškā muč mardúmī sarág ǰatág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumánī sarágān pa če buritág ant? ā mardúm bi Amat-šā́ gušt ki bi e šār pādšáe ast, yak šárte dārít: ar ka amā́ šartā́ burt, watí ǰaníkā bi amāí a-dánt. Amat-šā gušt ki man bándā räi̯n bi amé padšääi̯ darbárā, man šárt a-kanín. bándā Amat-šā́ šut bi pādšái̯ā. pādšā́ pursít ki äi̯ warnā́, ta če^{y} a-loṭā́i̯? Amat-šā́ gušt ki amé mardúm gúštant ki e pādšā́ e-rangén šárte dārít, man ātā́ un pa^{t} tī amā́ šartā́, ta če^{y} a-gušā́i̯? pādšā́ gušt ki äi̯ warnā́, ta ša watí onā́ na trusā́i̯, ki šárt a-kanā́i̯ go man? Amat-šā́ gušt ki mnī on ša ę́n-kas mardúm getír nā́int. pādšā́ gušt: man am rāzí un. Amat-šā́ šut Čil-xarwāríyā, gušt: äi̯ lālā́ Čil-xarwārí, e pādšā́ e-rangén šárte dārít, ta če^{y} a-gušā́i̯? Cil-xarwārí gušt ki man um rāzí un.

к битве, а половина пошла известить белого дива. Они пошли, увидели, что белый див с середины рассечен на две части, и разбежались.

Амат-ша взял свою жену и отправился к своим братьям. Он увидел, что все трое еще сидят там. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, ты привел свою жену, давай, поедем!» Они вчетвером уселись на Сорокавьючника и двигались так, пока не достигли до одного города. Амат-ша увидел, что вокруг города всюду разбросаны человеческие головы. Он спросил у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «в этом городе есть царь; им поставлено одно условие, и всякому, кто это условие выполнит, царь отдаст свою дочь». Амат-ша сказал: «завтра я пойду на прием к этому царю! я выполню это условие!» На утро Амат-ша отправился к царю. Царь спросил: «что ты хочешь, юноша?» Амат-ша сказал: «люди говорят, что здешний царь делает такой-то вызов; я пришел на твой вызов, ты что скажешь?» Царь сказал: «юноша, ты разве не боишься за свою кровь, что хочешь тягаться со мной?» Амат-ша сказал: «моя кровь ведь не лучше крови стольких людей!» Царь сказал: «ну, я согласен!» Амат-ша пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, этот царь делает такой-то вызов; ты что скажешь?» Сорокавьючник сказал: «я тоже согласен».

bándā ki būt, Amat-šá watí ǰindáį̈ puččánā dāt bi Čil-xarwārí̈äį̈ gwará, āwúrt áe rā bi pādšáäį̈ šartáį̈ sará. pādšá gušt: e singá bzūr, mnī šāráį̈ išk u áškā čār bdäį̈, agár búrtäį̈, man watí ǰaníkkā trā däín. Čil-xarwārí zurt amé singá, pādšáäį̈ šāráį̈ išk-w-áškā čār dāt, āwúrt, bi mā awwáli ǰáe išt, gúštant ki biyá, šartá burt. pādšáäį̈ ǰaníkā nikā kúrtant, bi mā buzlangí dátant ki ḍigárānā langár a-kúrt. buzlangí gušt bi Amat-šá: äį̈ lālá Amat-šá, man čon tī dardá bórīn. Amat-šá bi buzlangí gušt ki ta amé kāságā māskan, bil watí demá, ar wáxte ki amé kāság on gašt, ta bi mnī dardá bóräį̈.

ešán säį̈ mardúm Čil-xarwārí̈äį̈ sará suwár būtan^{t}, šútant bi yak šáre. dístan, šāráį̈ išk-w-áškā muč mardúmī sarág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumánī sarágā pa če burritág an^{t}? ā mardúm bi Amat-šá gušt ki e pādšá e-rangén šárte dārít: čil xarwár ārt kúrtan, čil am gok a-kušán, čil am pas a-kušán, ar kas amešánā wartág pkant, pādšá watí ǰaníkā amáe rā dant. agár wartág na kurt, āí sará burrán^{t}, lakatáb a-kanán^{t}. Amat-šá š-amédā rādág būt dem pādšáyā, šut bi pādšáäį̈ darbárā. pādšá gušt ki äį̈ warná, ta pa če átag äį̈? Amat-šá gušt ki man pa^{t} tī šartá átag un. pādšá gušt ki áipe tī warnāí näint? Amat-šá gušt ki magár tī šartá man barín.

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника и привел его на состязание с царем. Царь сказал: «возьми этот камень и обнеси его вокруг моего города, и если сможешь, я выдам за тебя свою дочь». Сорокавьючник взял камень, обнес его вокруг царского города, принес и положил на первоначальное место. Все сказали: «смотри-ка, он выполнил условие!» Царскую дочь обвенчали; ее отдали тому бузланги, который пахал землю. Бузланги сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал бузланги: «налей в эту чашку кислого молока и поставь перед собой; как только чашка станет кровавой, спеши мне помочь!»

Они втроем уселись на Сорокавьючника, направились к одному городу и увидели, что вокруг города всюду человеческие головы. Они спросили у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «здешний царь устраивает такое состязание: мелют сорок ослиных вьюков муки, убивают сорок быков, убивают сорок баранов, и всякому, кто сможет все это съесть, царь отдаст свою дочь; если же не съест, ему режут голову и вешают». Амат-ша отсюда направился к царю и пошел к царю на прием. Царь сказал: «зачем ты пришел, юноша?» Амат-ша сказал: «я пришел на твой вызов!» Царь сказал: «разве у тебя нет жалости, к своей молодости!» Амат-ша сказал: «но, может быть, я выиграю заклад!»

e pādšā̆ gušt ki annūn bra, tā̆rī byā. Amat-šā̆ š-amédā šut Čil-xarwarĭäi̯ā, gušt: äi̯ lālā̆ Čil-xarwārí, biʸā̆ ki e pādšā̆ e-rangén šárte dārít, ta čéʸ a-gušäi̯? Čil-xarwārí gušt ki zäláre na dārít, man rāzí un.

tā̆rī ki būt, Amat-šā̆ watí puccā̆nā bi Čil-xarwārĭäi̯ gwarā̆ dāt, rādág būtanᵗ u šútan bi pādšāäi̯ šartäi̯ sarā̆. čil xarwā̆r ártā Čil-xarwārí wart, čil gok am wart wa čil pas am wart. Čil-xarwārí gušt ki amé čil gokā̆ postā̆ wa čil pasäi̯ postā̆ yak dóle bdočít. ešánā yak dóle dótanᵗ, dātan bi Čil-xarwārĭäi̯ dastā̆. e Čil-xarwārí dolā̆ zurt, šut daryā̆ā̆ sarā̆. watí yak pādā̆ išt bi daryā̆ā̆ sarā̆, watí rāstén pādā̆ išt bi bāgäi̯ sarā̆. e bā̆gā pur ku ša āpā̆. mardúm gúštan ki bʲyā ki Čil-xarwārí pādšāäi̯ šartā̆ burt. pādšā̆ dāt watí ǰaníkā bi me buzlangíe ki e singā̆ bi ā singā̆ ǰat, árt a-kúrt u wart, e ǰaníkkā dātanᵗ bi amāí. e buzlangí gušt ki äi̯ lālā̆ Amat-šā̆, man čon tī dardā̆ bórīn? e Amat-šā̆ gušt ki kāságā mās pkan, ar wáxte ki amé kāság ón gašt, ta bi mnī dardā̆ bóräi̯.

Amat-šā̆ g-otí ǰanénā sʷwār būt bi Čil-xarwārĭäi̯ sarā̆. šútanᵗ, bi yak γásre ér kurtanᵗ. Čil-xarwārí gušt ki äi̯ lālā̆ Amat-šā̆, man nūn waspín. Amat-šā̆ gušt ki ta ki nūn waspäi̯, pa man dār bāz bʲyār. Čil-xarwārí šut

---

Царь сказал: «ну, теперь иди! приходи утром!» Амат-ша отсюда пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, посмотри-ка, какое состязание устраивает здешний царь! что ты скажешь?» Сорокавьючник сказал: «ничего, я согласен!»

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника. Они отправились и пришли на состязание с царем. Сорокавьючник съел сорок ослиных вьюков муки, съел сорок быков, съел также сорок баранов. Потом Сорокавьючник сказал: «из кож этих сорока быков и сорока баранов сшейте мех». Из них сшили мех и дали Сорокавьючнику. Сорокавьючник взял мех и пошел к реке; одну ногу он поставил у реки, а правую ногу поставил у сада, и наполнил сад водой. Люди сказали: «смотри-ка, Сорокавьючник выполнил условие!» Царь выдал свою дочь за того бузланги, который ударял один камень о другой, приготовлял муку и ел; ему отдали девушку. Этот бузланги сказал: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал: «налей в чашку кислого молока, и как только она станет кровавой, поспеши ко мне на помощь!»

Амат-ша со своей женой уселись на Сорокавьючника и отправились в дорогу. В одном замке они остановились. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я теперь посплю!» Амат-ша сказал: «раз ты заснешь, принеси мне пока побольше дров». Сорокавьючник пошел в лес, и сколько ни увидел дров,

pa ǰangálā. ar če ki dār dist, názd āwúrt, bi daságäi̯ tā bast, watí baḍḍá kurt, āúrt, bi γasrái̯ dapá prent, ǰíndī wapt.

yak róče Amat-šáäi̯ ǰanén šut bi daryáäi̯ sará ki watí sará pšódīt. yak mű́de ša saráį̯ sist, eší ra nazd āwúrt, gurenáge ku^{rt}, prent bi daryáäi̯ dapá. e mūd šut u bi māíäi̯ dapá tā kapt. e māí eší rā wart. amé māíe ki amé mūdá wart, eší rā sayádäi̯ zāg gipt. sayádā zāg gušt ki bi^{y}á ki man eší rā pa pādšáäi̯ zāg barín. e sayádäi̯ zāg amé māíā zurt u rādág būt bi pādšáäi̯ zāgáį̯ demá, amé māíā dāt bi pādšáäi̯ zāgáį̯ dastá. e pādšáäi̯ zāg säi̯l kurt, dist ki e māí murtá, zindág näi̯nt. watí gulámā gušt: ta amé māíäi̯ lāpá páč kan, ki man bgíndīn bárä^{i} če int. gulámī māíäi̯ lāpá páč ku, dist ki yak mű́de ast. pādšáäi̯ zāg gušt ki ar kas amé mūdáį̯ wāű́ndā biárīt, āí du brebírā zárr a-däín. yak pīrazále āt ki ič dandán bi saráį̯ na at, gušt ki pa^{m} man yak sundű́xe ǰoḍ pkan ki čappí tā^{b} bdáīn, bi ḍigárā mníndīt, rāstí tā^{b} bdáīn, bi asmánā brot. e pādšáäi̯ zāg zű́ti ǰoḍ kurt u dāt bi pīrazálāi̯ dastá. pīrazál bi sundű́xäi̯ tā ništ. rāstí tāb dāt, šut bi asmánā, šut bi yak ǰáe, bi daryáäi̯ kirrá, ér ku, šut bi γasrá.

Amat-šá šutá bi šikárā. amés at ki āt, dístī āí rāű́ sará yak pīrazále ništá, gušt: äi̯ māsí, tá i̯dā če^{y} a-kanáį̯? ā pīrazál gušt ki man ša zawár

---

собрал их; обвязал веревкой, взвалил на спину и принес; бросил при входе в замок, а сам заснул.

Однажды жена Амат-ша пошла на берег реки, чтобы помыть голову, и у нее выдернулся волос из головы. Она его подняла, завязала узелком и бросила в реку. Волос понесло, и он попал в пасть рыбе; рыба его проглотила. Сын охотника поймал эту рыбу, которая проглотила волос. Охотников сын сказал: «давай-ка, я снесу эту рыбу царевичу!» Охотников сын взял эту рыбу, направился к царевичу и вручил ему эту рыбу. Царский сын стал смотреть и увидел, что эта рыба уже мертва, а не жива. Он сказал своему рабу: «вскрой брюхо этой рыбе, я посмотрю, что́ у нее внутри». Раб вскрыл брюхо рыбе и увидел, что там волос. Царский сын сказал: «каждому, кто сыщет обладателя этого волоса, я дам двойное количество золота!» Пришла одна старуха, у которой зубов совсем не было и сказала: «изготовь для меня такой ящик, чтобы он, если я его закручу влево, останавливался на земле, а если вправо закручу, поднимался на небо». Царский сын быстро его изготовил и вручил старухе. Старуха села в ящик; она закрутила вправо и полетела к небу. Потом она опустилась в одном месте на берегу реки и направилась в замок.

Амат-ша отлучился на охоту. Вышло так, что он пришел и увидел, что на его дороге уселась какая-то старуха. Он сказал: «что ты, матушка, здесь

māntá un. Amat-šá gušt ki bʲyā, go man brawán ki man yak ǰänéne dārín, ā am tanā́ int. Amat-šá e pīrazálā zurt, burt watí ǰindä̆ gisá. amé ki ǰänénī dist ki Amat-šá šaʳ rá yak pīrazále āwúrt, e ǰänén γār kurt, gušt ki ta pa če watí māsä̆ mardá āwurtág ä̆? Amat-šá gušt ki ä̆ ǰänén, eš am bil tā bīt go ta, ki ta tanā́-ā.

yak róče būt ki amé pīrazál bi Amat-šää̆ ǰänén gušt: ta bi Amat-šá bguš ki amé tī šīšági umr čé int? Amat-šā āt, gisá ništ. āí ǰänén gušt ki ä̆ nākó-zág, amé tī šīšági umr čé int? Amat-šá watí ǰinénä̆ dapä̆ tā ǰat. yak sāʰáte níštanᵗ. amé Amat-šá dasmálā zurt, watí ǰinénä̆ onánā pákī ku, gušt: ä̆ mnī nipás, mnī šīšági umr mnī amé zām int. šap būt. e pīrazál Amat-šää̆ zāmá kašít ša srenä̆, burt, bi čää̆ tā prent.

tárī būt, e pīrazál Amat-šää̆ ǰänénā gušt: ta watí mardá ša wābá pād ma kan, mäšmá biyá ki bʲrawán, watí saránā pšódan. e pīrazál Amat-šää ǰinénā zurt u šut bi daryäää̆ kirrá, burt amá sundűxä̆ kiníkkā, gušt: biyá, māsí ǰān, mäšmá amé sundűxä̆ tā mníndan, bgíndan, mäšmá rā ar dokénā ǰáh a-bít. Amat-šää̆ ǰinén go pīrazál bi sundűxä̆ tā ništ. yak gašt pīrazál bi sundűxä̆ tā ništ. yak gašt pīrazál sundűxä̆ pečá rāstí tāb dāt. sundűx ustát, šut bi asmánā, šut, bi pādšää̆ zāgä̆ gisä̆ dapá, er būt. pādšää̆ zāg

---

делаешь?» Старуха сказала: «я отстала от паломников». Амат-ша сказал: «давай, пойдем со мной: у меня есть жена, и она тоже совсем одна». Амат-ша взял старуху и отвел к себе домой. Как только его жена увидела, что Амат-ша привел с дороги какую-то старуху, она рассердилась и сказала: «зачем это ты привел мужа своей матери?» Амат-ша сказал: «жена, оставь ее, пусть она побудет с тобой, ты ведь одна!»

Однажды случилось так, что эта старуха сказала жене Амат-ша: «спроси у Амат-ша: „в чем заключается сосуд твоей жизни?“» Амат-ша вернулся и сидел дома. Его жена сказала: «о сын моего дяди, в чем заключается сосуд твоей жизни?» Амат-ша ударил жену по рту. Некоторое время они посидели, потом Амат-ша взял платок, вытер кровь своей жены и сказал: «душа моя, сосуд моей жизни — вот этот меч!» Наступила ночь. Старуха стащила с пояса Амат-ша его меч, отнесла и бросила в колодец.

Наступило утро. Старуха сказала жене Амат-ша: «ты не буди своего мужа, а давай, мы пойдем и помоем головы!» Старуха взяла жену Амат-ша, пошла к берегу реки, повела к ящику и сказала: «давай, дитятко, посидим в этом ящике, посмотрим, хватит ли места нам обоим!» Жена Амат-ша уселась вместе с старухой в ящике. Тотчас старуха уселась в ящике и повернула винт ящика вправо. Ящик поднялся, направился к небу, понесся и спустился у входа

ša pīrazál pursít ki āwúrtäi̯ yā na? pīrazál gušt ki āúrtun. Amat-šáäi̯ jinén gušt ki äi̯ pādšáäi̯ zāg, tā čil roč ta mnī šórā ma dā ki man márde dārín. ša e pādšáäi̯ zāg bill u ša Amat-šá am bill u ša buzlangíān kámme goš kaš.

amá buzlangí ki ḍigárānā langár a-kurt, watí kāságā mās kurt, watí demá išt, dist ki ón gaštá, wat rā kapóte kurt, rādág būt, āt démę amé buzlangí ki e singá bi ā singá jat, árt a-kurt u wart, āt, gušt ki äi̯ lālá buzlangí, man kāságā mās kurtá un, watí demá ištág un, ón gaštá. biyá ki brawán bi Amat-šáäi̯ā. ā buzlangí gušt ki biyá ki brawán. ar dokén wat rā kapóte kúrtan, šútan bi Amat-šáäi̯ā, dístan ki Amat-šáā išk-u-áškā múčī kirm jatá. dístan ki Čil-xarwārí am waptág int. e Čil-xarwāríā ar če ki tawár kúrtan^{t}, e ša watí wābá na ustát. amé dāráne ki Čil-xarwārí pa Amat-šá āwúrt-at, múččānā bi sarái̯ xarmán kúrtan^{t}, gogírde ša čéräi̯ játan. e Čil-xarwārí sot, ustát ša watí wābá, gušt: čé^{v} a-lotít ša^{m} man? e du buzlangí gúštan^{t} ki biyá ki Amat-šá murtá, āí jänénā burtág ant. Čil-xarwārí gušt ki šmā brāit, Amat-šáā janénā paidá kanít u biyáit. e duén šútan. ša e duén bíll u ša Čil-xarwārí kámme goš kaš.

во дворец царевича. Царский сын спросил старуху: «привезла или нет?» Старуха сказала: «привезла!» Жена Амат-ша сказала: «царевич, сорок дней не трогай меня, потому что я замужняя!» Оставь теперь царского сына, оставь также Амат-ша, а послушай немного о бузланги.

Тот бузланги, который пахал землю, налил кислого молока в чашку, поставил перед собою и увидел, что получилась кровь. Он обернулся в голубя и пустился в путь. Он приблизился к тому бузланги, который ударял один камень о другой, получал муку и ел, приблизился и сказал: «брат бузланги, я налил в чашку кислого молока и поставил перед собой, получилась кровь; давай, пойдем к Амат-ша!» Тот бузланги сказал: «давай, пойдем!» Они оба обернулись в голубей и отправились к Амат-ша. Там они увидели, что вокруг Амат-ша повсюду завелись черви, увидели также, что Сорокавьючник спит. Сколько они ни кричали Сорокавьючнику, он не вставал. Тогда они сложили в кучу около головы Сорокавьючника все те дрова, которые он принес для Амат-ша, и зажгли под ними спичку. Сорокавьючник обгорел, проснулся и сказал: «что вам от меня нужно?» Эти двое бузланги сказали: «смотри-ка, Амат-ша мертв, а его жену похитили!» Сорокавьючник сказал: «идите, найдите жену Амат-ша и приходите!» Они оба пошли. Оставь их обоих и послушай немножко про Сорокавьючника.

e Čil-xarwārí ustát, šut, bi čāā̆ tā ér kapt, zāmā́ kašít, āwúrt, bi Amat-šā̆ä̤ srená̆ ǰat. Amat-šā́ ustát ša watí wābā́, gušt: aǰáb wā́be átun ki mnā sí kurtít. Čil-xarwārí gušt ki gúǰ int tī ǰanén? gu̯já̆ būtá? Amat-šā́ gušt ki agár burtá, amā́ pīrazā́l burtá. ša Čil-xarwārí bil, ša ā du buzlangí goš kaš.

ā du buzlangí wat rā kapóte kúrt-atan, bi šārā̆ä̤ tā čā́r a-kúrtan, Amat-šā̆ä̤ ǰanénā wadí kúrtan^{t}. e du buzlangí šútan^{t} bi Čil-xarwārí̆ä̤ā, go Čil-xarwārí gúštan ki ä lālā́ Čil-xarwārí́, biyā́ ki Amat-šā̆ä̤ ǰanénā distág an, ta bra, bi^{y}árī. Čil-xarwārí š-amédā rādág būt, šut bi Amat-šā̆ā̆ ǰanénī^{y}ā. dist ki amā́ ǰanén bi gisā̆ä̤ tā ništág int. e Čil-xarwārí go mā gis u mis, go mā pīrazā́lā watí baḍḍā́ kurt, āwúrt bi Amat-šā̆ä̤ā, gušt: ä̤ lālā́ Amat-šā́, man ki tī ǰanénā ā^{w}úrtun, mnī gīrā́ yak pīrazā́le kapt.

e Amat-šā́ ā du buzlangíyā ruxsát ku, ki šútan^{t}. Amat-šā́ bi Čil-xarwārí gušt ki ä̤ lālā́ Čil-xarwārí, man a-räín watí ǰindā̆ä̤ šārā́. Čil-xarwārí gušt ki zäláre na dā̤rít. šut, du asp āwúrt, gušt: ä̤ lālā́ Amat-šā́, ta ki rawā̆ä̤, biyā́, bra. yak áspe rā Amat-šā́ā̆ ǰanén suwā́r būt, yak áspe rā Amat-šā́ā̆ ǰind suwā́r būt u šútant bi watí pisā̆ä̤ šārā́. gúštant ki biyā́ ki Amat-šā́ āt.

Сорокавьючник встал, пошел к колодцу, спустился, вытащил меч, принес и надел его Амат-ша на пояс. Амат-ша пробудился от своего сна и сказал «странно! значит, я спал, раз вы меня разбудили?» Сорокавьючник сказал: «где твоя жена? куда она делась?» Амат-ша сказал: «если она похищена, так это та старуха похитила!» Оставь Сорокавьючника и послушай о тех двух бузланги.

Те двое бузланги обернулись в голубей, стали кружиться над городом и нашли жену Амат-ша. Оба бузланги отправились к Сорокавьючнику и сказали ему: «братец Сорокавьючник, смотри-ка, мы нашли жену Амат-ша, сходи за ней!» Сорокавьючник выступил оттуда и отправился за женой Амат-ша. Он увидел, что она сидит дома. Сорокавьючник взвалил ее вместе со всем домом и утварью и с той старухой к себе на спину, принес к Амат-ша и сказал: «братец Амат-ша, вот я принес твою жену! ко мне в руки попалась еще одна старуха!»

Амат-ша отпустил тех двух бузланги, и они ушли. Амат-ша сказал Сорокавьючнику: «братец Сорокавьючник, я хочу ехать в свой город!» Сорокавьючник сказал: «вреда не будет!» Он пошел, привел две лошади и сказал: «братец Амат-ша, раз едешь, пора ехать!» На одну лошадь села жена Амат-ша, а на другую сам Амат-ша. Они отправились в город своего отца. Там заговорили: «смотри-ка, прибыл Амат-ша!» Царь взял свою свиту и войско и высту-

pādšā̆ watí urdū̆ γušā́nā zurt u šut bi Amat-šā́ä demā́. ān čo ki bi Amat-šā̆ rast, pādšā̆ āt ki demā́ wat rā prenít, Amat-šā́ ša watí pisā́ wat rā demtírā prent. šútan^{t} bi šārā́^{i} tā, apt šap u apt roč dol u sāz kúrtant, Amat-šā̆ rā̆ duwārág gis dátant. man āwā́nā amódā íštun, mnī jind jístun u ā́tun, pa^{t} ta dištáre āwúrtun, pa e warnā́ am dištáre āwúrtun, pa wat īmā́ne āwúrtun. e padšā́ā̆ urdū́^{y}ā múččānā bástun, préntun,mnī jind jístun u ā́tun.

XII

būt na būt, ša maẖmā́ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt yak zā́ge. amé pādišā́ä zāg ša du-sālagíyā bi maktab-xāná wānt bi yak tārínken gisā́ tā. yak wáxte būt, amé zāgā́ būt nozdá sāl. amé zāg watí dilā́ pígrī kurt wa gúštī: biyā́ ki man maróčī ša amé gisā́ dar pkapín bi ḍanā́. amé ki dár kapt bi ḍanā́, sā́ilī kurt, dístī tā amé gisā́ dapā́ yak ādénke. amé zāg šut, bi amé ādénkäyā oštā́t, sā́ilī kurt, wat rā dístī tā man čunén speténe-un. watí dilā́ gúštī: bil tā mnī pis bā́it, gúḍinā man go āíyā gušín ki ā pa man yak juwānén jiníke pä́idā́ pkant. š-amídinā šut bi watí jāgā́.

пил на встречу Амат-ша. Как только царь подъехал к Амат-ша, он хотел первым броситься с лошади, но Амат-ша соскочил раньше отца. Они отправились в город; семь ночей и семь дней били в барабан и пели, вторично справляли свадьбу Амат-ша. Я их там оставил, а сам убежал; пришел и привел тебе невесту, и этому юноше тоже привел невесту, а себе приобрел благополучие. Воїйско этого царя я все перевязал и бросил, а сам прибежал.

(XII. О Гарам-богатыре)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был сын. Этот царевич с двухлетнего возраста обучался в школе, в темном помещении. Настала пора, и юноше исполнилось девятнадцать лет. Юноша подумал про себя и сказал: «дай-ка, я выйду сегодня из этого дома наружу!» Когда он вышел наружу, он посмотрел и увидел, что при входе в дом есть зеркало. Юноша пошел, остановился перед зеркалом, посмотрел и увидел: какой я белый! Он сказал про себя: «пусть придет мой отец, и тогда я скажу ему, чтобы он сыскал для меня пригожую девушку!» Он пошел отсюда к себе.

tārīenā būt, amé zāgą̄ pis átī bi watī zą́gäyā. amé zāg gúštī go watī pisą́ ki ą̈ bābą́, man ša ta loṭín yak ǰiníke ki mnī am-ránge bīt. amé zāgą̄ pis gúštī: man ānčén ǰiníke paḍą́ kurtága na kanín. amé zāg go watī pisą́ gúštī: agár ta amé ḍaṵlén mnī am-rángen ǰiníke pa man päḍą́ na kanąā̄, man š-amídā raín pa wat. amé pādišą́ gúštī: ta, bābą́, yak wār ma ra, man a-raín, gardín bi mašmą̄ alką̄ tā, agár dístun tī am-rángen ǰiníke, gúḍā man amą́ ǰiníkā pa ta alás a-kanín.

amé ki amé zāgą̄ pis rādág būt démi watī gisą́, amé ki ṭukúre šut, amé zāg rādág būt u šut bi ḍaną́. dístī tā amé gisą̄ demą́ yak ǰinén zą́ge ništagī. amé ǰinén zāg š-amódinā ustát u āt bi amé zą́gäyā, go amé zāgą́ gúštī: ą̈ ǰuwānén čorī, tī am-rángen ǰiník bi amé šārą̄ tā nąā̈nt-a wa ič kas na dārít, bi yak ǰāgą́e ast. amą́ ǰinikóą̈ ęšk u áška mudą́m γarāúl a-gardánt. agár ta amą́ ǰinikóā pa wat āúrtą̈, amą́ ǰiník tī am-rángen ǰiníke. amé ǰinén zāg š-amídinā šut bi watī gisą́, amé zāg am šut bi watī gisą́.

tārīenā ki būt, amé zāgą̄ pis āt bi watī zą́gą̈yā. amé zāg pursít ša watī pisą́ ki ą̈ bābą́, ta pa man yak ǰiníke päḍą́ kúrtą̈? amé zāgą̄ pis gúštī: ą̈ bābą́ jān, man šútun, gáštun, bi amé maxlūkānī gisą́, gáštun, gáštun, ič ǰiník na dístun. amé zāg gúštī: agár, bābą́, ta päḍą́ kurtága ná kanąā̈,

---

Наступило утро. Отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша сказал своему отцу: «я хочу от тебя девушку, которая была бы мне под стать». Отец юноши сказал: «я не могу сыскать такой девушки». Юноша сказал своему отцу: «если ты не отыщешь девушки мне под стать, я уйду отсюда». Царь сказал: «ты, сынок, сразу не уходи, я пойду и поищу в нашей округе, и если найду тебе девушку под стать, тогда я ее тебе высватаю».

Когда отец юноши отправился к себе домой и прошел немного, юноша собрался и вышел наружу. Он увидел, что перед домом сидит женщина. Эта женщина встала, подошла к юноше и сказала ему: «о пригожий юноша, в этом городе нет тебе девушки под стать, ни у кого нет, а она есть в другом месте, только вокруг этой девушки всегда ходит стража! но если ты приведешь для себя эту девушку, то эта девушка будет под стать тебе!» Эта женщина отсюда пошла к себе домой, юноша также пошел к себе домой.

Когда наступило утро, отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша спросил у отца: «батюшка, ты сыскал для меня девушку?» Отец юноши сказал: «голубчик сынок, я ходил здесь и искал по домам у жителей, искал, искал, никакой девушки не нашел!» Юноша сказал: «если, батюшка, ты не можешь оты-

man š-amé tī šārā́ raín. amé pādišā́ gúštī: äi̯ bābā́, ta ki rawā́i̯, bra, ā ta u ā tī rā. amé zāg digár íčī na gúštī, š-amídinā ustát u šut bi yak ǰāgā́e.

yak säi̯ róči digár būt. amé pādišā́ go amé watí salātā́n gúštī: šmā brā́it pa mnī zāgā́i̯ padā́ ki agár amé mnī zāg brau̯t bi amé kāpéren Гarám-bātúräi̯yā, amé Гarám-bātúr mnī zāgā́ bgíndīt, gúḍinā amé Гarám-bātúr mnī zāgā́ kušít. šmā rā man mardúme yak asp a-daín, šmā demtírā brā́it bi Гarám-bātúräi̯yā, amódinā mníndit. agár mnī zāgā́ dístit u biyā́rit, agár na dístit, gúḍinā šmäi̯ ǰind padoí biyā́it. amé salā́t gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int. watí aspánā lagā́m kúrtant, zen u sanǰ kúrtant u watí zāmánā wa watí tūpákānā zúrtant, bi watí baḍā́ kúrtant. š-amódinā šútant, bi amé Гarám-bātúräi̯yā šútant, dístant tā Гarám-bātur ídinā bi watí ǰāgā́ náint-a. amé salā́t amódinā ér kurtant, watí aspánā gíptant, amódinā bástant, yak ǰāgā́e níštant, pa wat čā ǰoš dā́tant wa amédinā níštant, dédi amédinā čā wártant.

yak wār amé Гarám-bātúr, ta bzánäi̯, amé salā́t čilím am kašánt, amé Гarám-bātúr amešánī čilímäi̯ boā́ kuškínt, wat š-amódinā rāstám a-kā́i̯t bi amé salātánīyā. amé ki átī, amé watí γurzā́ gipt, amángūr prent u wat átī, go wat gúštī: agár man amé watí γurzā́ go wat barín, amā́ salā́t amé mnī γurzā́i̯ boā́ kuškinánt. gúḍinā amé watí γurzā́ gīt, amángūr a-prenít

---

скать, я уйду из твоего города!» Царь сказал: «раз ты уходишь, сынок, иди! вот тебе дорога!» Юноша больше ничего не сказал, встал и пошел отсюда в другое место.

Прошло дня три. Этот царь сказал своим воинам: «отправляйтесь вслед за моим сыном, потому что, если мой сын пойдет к этому нечестивому Гарам-богатырю и Гарам-богатырь увидит моего сына, тогда он убьет моего сына. Я дам вам каждому по лошади, и вы поезжайте вперед к Гарам-богатырю и там оставайтесь. Если найдете моего сына, приведите, если не найдете, тогда возвращайтесь сами». Воины сказали: «очень хорошо», взнуздали своих лошадей, оседлали и снарядили их, взяли свои мечи и закинули ружья себе за спину. Они отправились отсюда, направились к Гарам-богатырю и увидели, что Гарам-богатыря у себя нет. Воины здесь спешились, взяли и привязали своих лошадей, а сами расположились в одном месте, вскипятили себе чай и сидели здесь, попивая чай.

Вдруг Гарам-богатырь, — а нужно знать, что воины курили табак, — слышит запах их кальяна, и прямо направляется к этим воинам. Когда он подходил, он взял свою палицу и бросил ее в сторону, а сам подошел; он сказал себе: «если я понесу с собой палицу, воины услышат запах моей палицы». Поэтому он берет

u wát a-kāḭt pádā bi amé salātánīyā. amé ki átī amé salātánī nazíkā, amé salát trusítant. yak wār amé Гarám-bātúr tawárī kurt ki ma trusít, man šmā rā íčīyă na kanín. amé salát na jístant. amé Гarám-bātúr š-amángūr ki átī, lagít, bi amé čilímānī sará kapt. amé ki amé Гarám-bātúrī sar démi amé čilímānīyā būt, amé salát watí zāmána zúrtant, arkát kúrtant pa amé Гarám-bātúrī jāná. Гarám-bātúrī sar bi čilímā jál at. yak wār amé salát gírdī amé watí zāmánā šīwág kúrtant bi amé Гarám-bātúrī sará. amé Гarám-bātúrā čist go zāmá ṭukúr-ṭukúrī kúrtant, amé gardínäḭ tāngát na murt at.

yak wār, ta bzánäḭ, ša gujángūr amé pādišáäḭ zāg kāḭt. amé ki átī, tāngát amé Гarām-bātúr, ta bzánäḭ, na murtagí, tāngát zindág int-a. amé padišáäḭ zāg go amé watí pisáḭ salātán gúštī: šmā amé Гarám-bātúrā bá ná kanit ki man ša šmā zinín, pa ar čínka ki šmā bdáit, man ša šmā zinín. amé salát go wat gúštant: agár amá amé Гarám-bātúrā go wat barán, amé pādišá mašmá rā albatán yak bārikaláe dant, digár íčīya na gušít. biyá ki mašmá amé Гarám-bātúrā bi amé zāgá bdáyan. amé salát go amé zāgá gúštant: ta amá rā mardúme sad γarán zar bidáḭ, gúḍinā amā amé Гarám-bātúrā bi ta dayán. amé zāg watí dastá burt bi watí kitóā, zaránā dárī kurt, amé salātánā mardúme sad γarán zar dátī. amé salát amé

свою палицу и бросает ее в сторону, а сам подходит опять к воинам. Когда он приблизился к воинам, они испугались. Тотчас Гарам-богатырь закричал: «не бойтесь, я вам ничего не сделаю». Воины не убежали. Когда Гарам-богатырь подошел, он сразу припал к кальяну. Как только голова Гарам-богатыря склонилась к кальяну, воины схватили свои мечи и двинулись на Гарам-богатыря. Голова Гарам-богатыря была опущена к кальяну. Сразу все воины замахнулись своими мечами на Гарам-богатыря. Прямо на части изрубили мечами Гарам-богатыря, только еще шея его не была мертва!

Вдруг, нужно знать, откуда-то подходит тот царевич. Когда он подошел, Гарам-богатырь, нужно знать, еще не умер, еще был жив. Этот царевич сказал воинам своего отца: «вы не продадите этого Гарам-богатыря, чтобы я его мог у вас купить? за сколько вы его ни отдадите, я его у вас выкуплю!» Воины сказали друг другу: «если мы повезем с собой этого Гарам-богатыря, конечно, царь скажет нам только спасибо! и больше ничего; давай-ка, отдадим этому парню Гарам-богатыря!» Воины сказали юноше: «дай нам каждому по сто кранов денег, и тогда мы отдадим тебе Гарам-богатыря!» Юноша опустил свою руку в карман, вынул деньги и дал каждому из воинов по сто кранов. Воины

zarā̆ṇā zúrtant, amé watí aspā̆nā suwā̆r bū̆tant u šútant bi pādišā̆ä̭ gisā̆. ódinā ki šútant, pādišā̆ ša ešā̆n pursít ki šmā mnī zāgā̆ na dístit? amé salā̆t ǰawā̆b dā̆tant ki amā̆ tī zāgā̆ na dístan. š-āwā̆n bil u ša Garám-bātúr u ša amé zāgā̆ goš pkaš.

amé zāg amé Garám-bātúrā burt bi duxtū̆rä̭ā̆, amé Garám-bātúrā zabr drūā̆ kant. amé ki Garám-bātúr ša awálā getír drūā̆ būt, go amé zāgā̆ gúštī: biyā̆ ki man u ta dast bi pisí u zāgí bdā̆yan. amé Garám-bātúr u amé zāg dast bi pisí u zāgí dā̆tant, amé Garám-bātúr amé zāgā̆ä̭ pis bū̆tī, amé zāg Garám-bātúrī zāg bū̆tī.

š-amódinā ā̆tant bi yak ǰāgā̆e. yak wār Garám-bātúr go amé zāgā̆ gúštī: ä̭ bābā̆, mnī γurz bi plānā watánā ast, man tānáxten rä̆ín, amé watí γúrzā̆ kārín, ta tānáxten amídinā bošt, man anū̆n a-kā̆ín. šútī pa watí γurzā̆ä̭ padā̆. du daγīγá na gwast, zāg dist tā mnī pis ā̆tī.

š-amódinā šútant bi yak ǰāgā̆e. amé zāg go amé watí pisā̆ gúštī: ä̭ bābā̆ Garám-bātúr, man dā̆štun yak píse. amé mnī pis mnā ša du-sālagíyā bi maktáb-xānā̆ nādéntī, bi yak tārínken gisā̆ tā ki mardúm wat rā pa šaríyā na dist. yak čunt waxt gwast, yak róče man šútun bi ḍanā̆, dístun tā amé gisā̆ä̭ dapā̆ yak ādénke ér int-a. man šútun bi amā̆ ādénkäyā, wat rā sä̭il kúrtun, dístun: pūk! xānā̆ä̭ xaráb bīt! man čunén speténe un.

взяли деньги, сели на своих лошадей и поехали в царский дом. Когда они туда прибыли, царь спросил их: «вы не нашли моего сына?» Воины ответили: «мы твоего сына не нашли». Оставь их и послушай о Гарам-богатыре и об этом юноше.

Юноша повел Гарам-богатыря к врачу; он хорошо вылечивает Гарам-богатыря. Когда Гарам-богатырь стал здоровее прежнего, он сказал юноше: «давай, подадим друг другу руки и будем отцом и сыном!» Гарам-богатырь и юноша дали друг другу руки, чтобы стать отцом и сыном. Гарам-богатырь сделался отцом юноши, а юноша сыном Гарам-богатыря.

Отсюда они пошли в одно место. Вдруг Гарам-богатырь сказал юноше: «моя палица в такой-то стране! я пока схожу и принесу свою палицу, а ты пока побудь здесь, я сейчас приду!» Он пошел за своей палицей, и двух минут еще не прошло, как юноша увидел: вот пришел мой отец!

Они пошли отсюда в одно место. Юноша сказал этому своему отцу: «батюшка Гарам-богатырь, у меня ведь был отец! Этот мой отец поместил меня с двухлетнего возраста в школу, в такое темное помещение, что человек себя хорошо не мог видеть. Прошло несколько времени; однажды я вышел наружу и увидел, что у входа в дом лежит зеркало. Я пошел к тому зеркалу, посмотрел на себя, увидел: „тфу, пропасть! какой я белый!“

amédinā níšt-atun, dístun tā š-amíngūr yak ǰinén zā́ge mnā tawā́r a-kánt ki ta bošt, man go ta yak abáre dārín. man oštátun. amé ǰinén zāg go man gúštī: tī am-rángen ǰiník ídinā nā̆ı̯nt-a, bi e tī pisā̆ı̯ šār u kalátā, bi yak ǰāgā́e ast, ámmā bi amāí ǰiníkä̆ı̯ ešk-u̯-áškā mudā́m pa̯irá a-gardánt. amā́ ǰiníkó am bi yak sundūxā tā int. ta bra, go watí pisā́ bguš ki amā́ ǰiníkā pa ta agár alásī kurt, kurt, digá tī am-rángen ǰiník nā̆ı̯nt-a. man go amé ǰinén zāgā́ gúštun: anūn ta bra, ki anūn mnī pis a-kā̆ı̯t. yak sā́te digár būtī, dístun tā éš int, mnī pis átī. man go watí pisā́ gúštun: ä̆ı̯ bābā́, ta yak kā́re pkan ki maróčí bra bi watí gisā́, pa man yak ǰwānén mnī am-rángen ǰiníke pa̯idā́ pkan. mnī pis š-amódinā šut bi watí gisā́, du róči digár būt, amé mnī pis átī bi mníyā, go man gúštī: man šútun, bi gisán gáštun, tī am-rángen ǰiníke na dístun. man go watí pisā́ gúštun ki man a-raín pa wat. amé mnī pis gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, bābā́, ta ki rawā́ı̯, bra. man íčī na gúštun, šútun, améš int-a, bi tíyā átun. anūn agár ta amā́ ǰiníkā pa man pa̯idā́ pkánä̆ı̯ u biyárä̆ı̯! amé Гарám-bātúr gúštī: ä̆ı̯ bābā́, ā ǰiník bi mnī dastā́ int-a, ta pa ameší γusá wartág-ä̆ı̯? brawán!

amé Гарám-bātúr u amé zāg šútant, bi yak ǰāgā́e dístant tā amídinā sä̆ı̯ gwanḍáken gidanúk ant buzlangíä̆ı̯. amé zāg u amé Гарám-bātúr átant

---

Я посидел здесь и увидел, что отсюда меня зовет какая-то женщина: подожди, мол, я хочу тебе словечко сказать! Я остался, и женщина мне сказала: „здесь, в этом городе твоего отца, нет девушки тебе под пару, а есть в другом месте; только вокруг этой девушки всегда ходит стража, и сама та девушка находится в ящике; иди и скажи своему отцу, что если удастся ему просватать для тебя эту девушку, так хорошо, а иначе нет девушки тебе под пару!“ Я сказал этой женщине: „ты теперь уходи, потому что придет мой отец!“ Прошло немного времени, и я увидел, что мой отец пришел. Я сказал своему отцу: „батюшка, ты уж как-нибудь постарайся! сходи сегодня домой и подыщи мне под пару хорошую девушку“. Мой отец пошел домой; прошло еще два дня, и мой отец пришел ко мне и сказал мне: „я ходил-ходил по домам, но не нашел девушки тебе под пару“. Я сказал своему отцу, что я уйду. Мой отец сказал: „очень хорошо, сынок! раз уходишь, иди!“ Я ничего не сказал, пошел, и вот, пришел к тебе! О если бы ты теперь сыскал и привел мне ту девушку!» Гарам-богатырь сказал: «та девушка, сынок, в моих руках! значит, ты по ней тоскуешь! пойдем!»

Гарам-богатырь и юноша пошли и увидели в одном месте, что там три маленьких шатра бузланги. Юноша и Гарам-богатырь подошли поближе

bi amé gisā́nī nazíkā. yak wār ki amé gisā́nī puštā́ ā́tant, dístant tā amídinā yak pīra-zā́le ništagí. amé Гарám-bātúr amé ki bi amé pīra-zā́läḭ pānādā ātī, gúštī: salā́m alā́ḭk. amé pīra-zā́l gúštī: alā́ḭk-u salā́m. amé ki Гарám-bātúr u amé zāg āngūrí šutant, yak wār amé pīra-zā́l go wat gušt: agár ameší salā́m ma bū́tin, man ešī rā yak lunkáe kúrtun! yak wār amé Гарám-bātúr uškítī wa bir gáštī u átī padā́, go amé pīra-zā́lā gúštī: man Гарám-bātúr baín, ta mnā ānčén abáre bdā́yäḭ! amé watí γurzā́ zurt, jat bi amé pīra-zā́läḭ sarágā. amé pīra-zā́l múrtī wa wat š-amídinā sútant bi amé gisā́nīyā, pa wat nān zítant u wártant u š-amódinā šútant bi yak jāgā́e, amā́ juwānén jiníkäḭ pisā́ḭ šārā́ḭ pānádā, bi dū́rā šútant, dístant tā roč níštī. amé Гарám-bātúr go amé zāgā́ gúštī: anū́n ta amídinā mnind, ša amé tāgazā́n bzūr u bún bdäḭ, amé watí ātíšā na ki pkúšäḭ, mudā́m dār bāz bír bdā́yäḭ. agár ta watí ātíšā pkúšäḭ, amé buzlangí kāyánt, trā kušánt. amé zāg gúštī: nápa bāz juwā́n int-a.

amé Гарám-bātúr š-amódinā šútī amé jiníkäḭ pisā́ḭ šārā́ḭ pānádā, dístī tā ič kas ídinā nā́ḭnt-a. amé Гарám-bātúr šut bi amé jinikóäḭ gisā́, dístī tā ā́ int-a jinikó, ódinā bi yak sundū́xäḭ tā ništagí. amé Гарám-bātúr šut, amé jinikóā go amé sundū́xā zurt, bi watī́ baḍā́ kúrtī u š-amódinā ki rādág būt, šútī, amé ki ša gisā́ dar kapt u bi ḍanā́ šut, yak wār amé

к этим домам. Когда они подошли сзади к этим домам, они увидели, что там сидит старуха. Когда они подошли к этой старухе, Гарам-богатырь сказал: «мир тебе!» Старуха сказала: «и тебе мир!» Когда Гарам-богатырь и юноша прошли мимо, вдруг старуха сказала сама себе: «если бы не было его приветствия, я бы его разом проглотила!» Гарам-богатырь услышал, тотчас повернулся, подошел обратно и сказал старухе: «я Гарам-богатырь, а ты мне говоришь такие слова!» Он схватил свою палицу и ударил старуху по голове; старуха умерла. Они пошли в те дома, взяли себе хлеба, поели и оттуда пошли в другое место. Они подошли к дальним окраинам города отца той пригожей девушки и увидели, что солнце село. Гарам-богатырь сказал юноше: «посиди теперь здесь, только набери хворосту, зажги и не давай потухнуть твоему огню, а все время подкладывай побольше дров: если ты упустишь свой огонь, придут бузланги и тебя убьют». Юноша сказал: «очень хорошо».

Гарам-богатырь пошел отсюда к городу той девушки и увидел, что там никого нет. Гарам-богатырь пошел к дому этой девушки и увидел, что вот она, девушка! сидит там в ящике! Гарам-богатырь пошел, взял девушку с ее ящиком, взвалил себе на спину и пошел. Когда он пошел оттуда, вышел уже из

ǰinikóäi̯ paiṛá amé Гarám-bātúrā dístant. yak wā̆r tawā́r kúrtant ki äi̯ bošt! amé Гarám-bātúr íčī na gúštī u šútī. amé paiṛá am ša amé Гarám-bātúr trusítant, ič kas bi amé Гarám-bātúräi̯ā ātág na kúrtant.

amé Гarám-bātúr amé ǰinikóā āúrtī bi zā́gäi̯yā. amé zāg amé sundŭ́xäi̯ dapā́ páčī kurt, yak wār amé ǰinikó yak čapóḍe ǰat bi amé zāgā́i̯ demā́i̯ gwarā́, amé zāg grétī. amé Гarám-bātúr amé watí γurzā́ zúrtī ki amé zāgā́ dit. yak wār bi watí ošā́ kapt wa gúštī: agár tī am-awáläi̯ nekí ma bŭ́tin ki ta pa man kúrt-atäi̯, anŭ́n man trā go yak γurzā́ kúštun, pa če ki ta ša yak ǰinikóā̆ čapóḍā grewā́i̯. amé Гarám-bātúr amé watí γurzā́ zúrtī, ǰat bi amé sundŭ́xā, yak wār amé sundŭ́x palk-palk būt. amé ǰinikó š-amódinā ustát u oštā́t. amé zāg šut, amé ǰinikóäi̯ dastā́ gipt u āúrt, bi watí pānā́dā nādéntī.

amé šapénā̆ amídā wáptant, tārí̆enā ki roč bŭ́tī, amé Гarám-bātúr u amé zāg u amé ǰinikó š-amódinā átant bi yak ǰāgā́e, dístant tā amédinā yak šā́re. améš šútant bi amé šārä̆i̯yā, dístant tā bi amé šārā́i̯ tā ič kas nā́i̯nt-a. amé Гarám-bātúr amešā́nā zurt u burt bi amé šārā́i̯ tā, ódinā amešā́nā bi yak gisé tā kúrtī wa amé gisā́i̯ dapā́ γúlpī kúrtī wa wat š-amódinā šútī pa šikā́rā, šikā́rī kúrtī u āúrtī, bi amešā́n dātī. yak čunt waxt būt, pa duwārág amé Гarám-bātúr šut pa šikā́rā. amé ki Гarám-

---

дому и пошел наружу, вдруг стража этой девушки увидела Гарам-богатыря. Они тотчас закричали: «стой!» Гарам-богатырь ничего не говорил и шел. Стража испугалась Гарам-богатыря, и никто не мог подойти к Гарам-богатырю.

Гарам-богатырь принес эту девушку к юноше. Юноша открыл ящик, как вдруг девушка дала ему пощечину. Юноша заплакал. Гарам-богатырь схватился за свою палицу, чтобы ударить юношу, но тотчас опомнился и сказал: «если бы не было твоего первоначального добра, которое ты для меня сделал, я бы теперь убил тебя одним ударом палицы, потому что ты плачешь от одной пощечины девушки!» Гарам-богатырь взял свою палицу и ударил по ящику; ящик сразу разбился в дребезги. Девушка поднялась оттуда и стала. Юноша пошел, взял девушку за руки, привел и посадил рядом с собой.

Эту ночь они здесь переночевали, а на утро, когда наступил день, Гарам-богатырь, юноша и девушка пришли оттуда в одно место и увидели там город. Они пошли к этому городу и увидели, что в городе никого нет. Гарам-богатырь взял их и отвел в этот город; поместил их в один дом и запер на замок дверь этого дома. Сам он пошел на охоту; поохотился, принес добычу и отдал им. Прошло несколько времени, и Гарам-богатырь вторично отпра-

bātúr rādág būt u šut, yak wąr amé zāg u amé ǰinikó go wat gúštant ki amé Гarám-bātúr mašmá rā pa če nąilīt ki mašmá brawán bi ḍaná, biyá ki mašmá maróčī dár pkapan bi ḍaná. amé ki bi ḍaná šútant, dístant tā amédā bi yak gisą̄ dapą́ ǰik ast u amą́ ǰikánī sará du leḍá bastagí u dédi go wat ǰáng a-kanánt. amé zāg u amé ǰinikó átant pa amé dukén leḍánī säąlą́. amé ki bi amé dukén leḍánīyā sar bū́tant, yak wār amé dukén leḍá ǰukítant, yak wār amé zāg u amé ǰinikó pursítant ki áxtī šmā ǰáng a-kúrtit, anū́n pa če oštátit u ǰukítit? amé dukén leḍá gúštant: ša šmā yáke bą̄ąt, bi mnī sará suwą́r bīt, yáke braąt bi āí sará suwą́r bīt, gúḍinā ammą́ zabr ǰáng a-kanán. amé ǰiník u amé zāg go wat abár dátant, gúštant: biyá ki suwą́r bayán. amé leḍánā suwą́r bū́tant. yak wār amé leḍá bą́l kúrtant, amé zāgą́ bą́l āúrtant, ǰátant bi amé ǰikánī sará ų amé ǰinikóā go wat búrtant.

yak du sáte digár būt, yak wār Гarám-bātúr āt, dístī tā alą́! ā zāgą́ säąl pkan ki bi ā ǰikánī tā kaptagí. átī, amé zāgą́ ša amé ǰikánī tā dár kúrtī, búrtī, bi ḍaná íštī. amé zāgą́ąi ǰānąąi ǰikánā kašítī, amé zāgą́ pursítī ki ta pa če bi e ǰikánī tā kaptág-äąi? amé zāg gúštī: biyá ki amą́ e ḍol ša gisą́ dár káptan u átan bi ḍaną́, dístan tā amídinā yak du leḍá ǰáng

---

вился на охоту. Когда Гарам-богатырь собрался и пошел, юноша и девушка тотчас сказали друг другу: «почему это Гарам-богатырь не позволяет нам выйти наружу? давай, выйдем сегодня наружу!» Когда они вышли наружу, они увидели при входе в один дом кусты колючки, и около них на привязи два верблюда дерутся друг с другом. Юноша и девушка подошли посмотреть на этих двух верблюдов. Как только они дошли до этих верблюдов, те вдруг улеглись. Юноша и девушка тотчас спросили: «вы давеча дрались, почему же теперь остановились и улеглись?» Оба верблюда сказали: «пусть один из вас подойдет и сядет на меня, а другой пусть пойдет и сядет на него, и тогда мы хорошенько подеремся!» Девушка и юноша поговорили друг с другом, сказали: «давай, сядем верхом!» и сели на верблюдов. Эти верблюды сразу взлетели, подняли юношу и сбросили на колючку, а девушку унесли с собой.

Прошел еще час-другой. Гарам-богатырь пришел и увидел: ах! посмотрика на этого юношу! как он лежит в колючке! Он подошел, вынул юношу из колючки, отнес его и положил снаружи. Потом он вытащил колючки из тела юноши и спросил его: «почему ты упал в эту колючку?» Юноша сказал: «вот мы так-то вышли из дому и пошли наружу, увидели, что здесь дерутся два

a-kanánt. yak wār amā́ ā́tan. amé dukén leḍá jukít-atant. amā́ go amé dukén leḍā́n gúštan ki šmā áxtī dédi jáng a-kúrtit, amé ki amā́ ā́tan, šmā oštā́tit u jukítit. amé dukén leḍá gúštant ki amā pa ešā́ jukítan ki šmā biyā́it bi ammā́i̯ sará suwā́r bǟi̯t, gúḍinā amā́ zabr jáng a-kanán. amā́ suwā́r bū́tan. yak wār amé dukén leḍá bā́l kúrtant, mnā ša awā́ játant bi ḍigárā u jiníkóā búrtant. amé Гará-bātúr bi amé zāgā́i̯ jānā́ dārū́ múštī u wat š-amídinā šut bi amé dukén leḍā́nī padā́.

šut bi yak jāgā́e, dístī: āmenī́ amídinā yak gíse ast. amé gisā́i̯ dapā́ yak mazanen láxe ast. amé Гarám-bātúr amé laxā́ zúrtī, ā́škā íštī, dístī tā amé nī jinikó bi amé gisā́i̯ tā ništagī́. amé Гarám-bātúr íčī na gúštī, amé ḍau̯l amé jinikóā gúštī: ar waxt ki tī mard ā́tant, ta yak wār bguš ki šmǟi̯ napás bi čéwǟi̯ dastā́ int? ā awálā pa tī jānā́ γā́r a-kanánt, gúḍinā ta bgre, gúḍinā ā wát a-gušánt ki jáni man, imáni man, amā́i̯ napás bi čéwǟi̯ dastā́ int, gúḍā ā wát a-gušánt. man amídinā srapín, ta bguš go watī́ mardā́n, na ki ptrúsǟi̯. man amédinā nindín bi šmǟi̯ gisā́i̯ pallā́. amé jinikó gúštī: nápa bāz juwā́n int-a. amé Гarám-bātúr šútī, bi amé gisā́i̯ pānā́dā čer káptī. yak katráe digár būt, amé jinikóǟi̯ mard ā́tant bi gisā́. yak sā́te digár būt, amé jinikó go amé watī́ mardā́n gúštī: šmǟi̯ napás bi čéwǟi̯ dastā́ int?

верблюда, и тотчас подошли, а эти два верблюда улеглись; мы сказали этим двум верблюдам: „давеча вы дрались, а когда мы подошли, вы остановились и легли!“ оба верблюда сказали: „мы для того легли, чтобы вы подошли и сели на нас, и тогда мы хорошенько подеремся!“ мы сели верхом, и вдруг оба верблюда взлетели, сбросили меня с воздуха на землю, а девушку унесли». Гарам-богатырь помазал тело юноши лекарством, а сам отправился отсюда вслед за верблюдами.

Он пошел в одно место и увидел, что вот здесь есть дом, и при входе в дом лежит большая каменная глыба. Гарам-богатырь взял эту глыбу, отложил в сторону и увидел, что вот она, моя девушка! сидит себе в этом доме! Гарам-богатырь ничего больше не сказал, только так сказал этой девушке: «как только придут твои мужья, ты вдруг скажи: „в чьих руках находится ваша душа?“ они сначала на тебя рассердятся, тогда ты заплачь, и тогда они сами скажут: „душа моя, упование мое, наша душа вот в чьих руках!“ они сами скажут! я спрячусь здесь, и ты говори со своими мужьями, не бойся! я буду сидеть здесь около вашего дома». Девушка сказала: «очень хорошо». Гарам-богатырь пошел и спрятался около этого дома. Немного погодя, мужья девушки пришли домой. Прошел час-другой, и девушка сказала своим мужьям: «в чьих

yak wār amé dukén buzlangí γár kurtant pa amé ǰinikóäi̯ ǰāná. yak sáte digár būt, amé buzlangí gúštant: äi̯ ǰáni man, imáni man, amái̯ napás du čūčág ant u amá čūčág bi du šīšágānī tā ant u amá sīšág bi yak sundúxäi̯ tā ant-a u amá šundúx bi apt daryábäi̯ mānǰínā int-a.

amé Γarám-bātúr š-amódinā ustát u šut, bi amé apt daryábäi̯ mānǰínā wat rā prent u sundúxā kašítī u bi ḍaná ištī u šut, watí pučánā watí gwará kúrtī u amé sundúxäi̯ dapá páčī kúrtī u amé dukén šīšágānī dapá páčī kúrtī u amé dukén čūčágāna ša amé šīšágānī tā dár kúrtī u á pānádā búrtī, amé ar duén čūčágānī guṭá gipt ki pkúšīt. amé ki guṭáiš gipt, dístī tā áw-ant buzlangí dédiy a-kāyánt. amé ki átant, yak wār bi amé Γarám-bātúrī dast u pādán wat rā préntant, gúštant: amá tī gulám a-bayán, amé amái̯ napásā ma gir. Γarám-bātúr gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, man šmā rā na kušín. amešánā zurt u burt bi amešánī gisá. ódinā ki burt, amé ǰiníkā gúštī: anún biyá ki mašmá brawán. amé ǰinikó pa gāl-u-bal watí ǰwānén pučánā bi watí gwarái kurt u gúštī: brawán. amé Γarám-bātúr amé ǰinikóā u amé buzlangíyānā zurt u áúrtī bi amé zágäi̯yā. ídinā áúrtī, sái̯lī kúrtī, dístī tā amé zāg ša awálā getír ǰoḍ būtagí. amé Γarám-bātúr gúštī: äi̯ bābá, anūn ā ta u ā tī ǰinén u ā am tī gulám ki man pa ta áúrtun. ǰinikó šut go watí awáläi̯ mardá. amé Γarám-bātúr

---

руках находится ваша душа?» Сразу оба бузланги рассердились на девушку. Прошел час-другой, и бузланги сказали: «душа моя, упование мое, наша душа, это — два птенчика, и эти птенчики находятся в двух склянках, а эти склянки — в сундуке, а тот сундук — меж семи рек».

Гарам-богатырь встал, пошел оттуда, перебросил себя в середину этих семи рек, вытащил сундук и поставил его снаружи. Потом он пошел, надел свою одежду, открыл сундук, открыл обе склянки, вынул из этих склянок обоих птенчиков, отнес их в сторону и схватил за шею обоих птенчиков, чтобы убить их. Как только схватил их за шею, он увидел, что вот они, бузланги! подходят! Как только они подошли, они сразу бросились к рукам и ногам Гарам-богатыря и сказали: «мы будем твоими рабами, не бери только нашу душу!» Гарам-богатырь сказал: «ну, хорошо, я вас не убью». Он взял их и повел в их собственный дом. Когда он отвел их туда, он сказал девушке: «теперь, давай, пойдем!» Девушка с радостью и весельем надела на себя свою хорошую одежду и сказала: «пойдем!» Гарам-богатырь взял девушку и бузланги и повел к юноше. Он привел их туда, посмотрел и увидел, что юноша поздоровел лучше прежнего. Гарам-богатырь сказал: «ну, сынок, вот тебе твоя жена, и вот тебе твои рабы, которых я привел к тебе!» Девушка пошла

go amé zāgā́ gúštī: ä̱ bābā́, biyā́ ki mašmā́ bla̱dán u brawán bi tī pisā́ šáräi̯yā.

š-amédinā la̱dítant u šútant bi watí pisä̱ šārā́ pānā́dā. yak wār amešánā šap gipt. amé amídinā ér kurtant, amé šapénā amédinā wáptant. tārí̈enā ki roč bū́tī, amešánā yak mardúme gindít, amé pādišäi̯ zāgā́ drúst a-kánt, amé ǰinikóā am drúst a-kánt, zānt ki amé amā́ ǰwānén ǰiník int. amé mardúm a-råu̯t bi pādišäi̯ gisā́, go pādišā́ gušít, ki tī zág ātagí, bi plānā́ ǰāgā́ ātág-ant u waptág-ant. amé pādišā́ ai̯rán mántī u go amé watí gulámā gúštī ki ta amé aspä̱ zenä̱ sarā́ bgir u dārū́ muš bi amé aspä̱ zenä̱ sarā́, bar u wat suwár ma bä̱. ódinā ki búrtä̱, amā́ mnī zāgā́ bguš ki trā tī pis guštagí: amé aspā́ suwár bä̱ u biyā́. amé gulám amé aspā́ zurt u burt bi zāgä̱i̯yā, gúštī: e aspā́ tī pis pa tī padā́ dem dātagí, ta biyā́ ki mašmā́ brawán. amé Гarám-bātúr go amé gulámā gúštī: ta awálā amé aspā́ suwár bä̱, gúḍinā ā suwár a-bít. amé gulám gúštī: man agár amé aspā́ suwár baín, pādišā́ gúḍinā mnā kušít, pa če ki e aspā́ ā pa watí zāgä̱ padā́ dem dātagí u man ič-waxt suwár būtága na kanín. yak wār amé Гarám-bātúr γárī kúrtī u gúštī: man trā gušín, ta suwár bä̱, ta suwár bä̱, tī pādišā́ drógī guštagí. amé gulám íčī na gúštī u amé aspā́ suwár bū́tī. amé ki amé aspā́ suwár bū́tī, yak wa̱r bun gíptī. Гarám-bātúr íčī na gúštī.

со своим прежним мужем. Гарам-богатырь сказал юноше: «давай, снарядимся и отправимся в город твоего отца!»

Они снарядились и отправились отсюда к городу своего отца. Однажды их застигла ночь. Они остановились и эту ночь переночевали здесь. На утро, когда наступил день, их видит один человек. Он узнает царевича, узнает также эту девушку и понимает, что это — та красивая девушка. Этот человек идет к царю в дом и говорит царю: «прибыл твой сын! они прибыли в такое-то место и заночевали». Царь изумился и сказал своему рабу: «возьми седло этой лошади и поверхность этого седла помажь снадобьем, и отвези его, но сам верхом не садись! а когда туда отвезешь, скажи моему сыну, что, тебе, мол, твой отец сказал: „садись на эту лошадь и приезжай!“» Раб взял эту лошадь, отвел к юноше и сказал ему: «твой отец прислал за тобой эту лошадь, давай, поедем!» Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты садись на эту лошадь, а потом сядет и он!» Раб сказал: «если я сяду на эту лошадь, царь меня убьет, потому что эту лошадь он послал за своим сыном, и я никак не могу сесть на нее». Гарам-богатырь сразу разгневался и сказал: «раз я говорю тебе: „садись верхом“, значит, садись верхом! твой царь сказал неправду!» Раб ничего не сказал и сел на эту лошадь. Лишь только он сел на эту лошадь, он сразу сгорел. Гарам-богатырь ничего не сказал.

tārīenā būt, amé pādišā́ bi watī́ digá gulámā gúštī: ta maróčī nān ǰoḍ pkan u bar ódinā bi mnī gisā́ u š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n bgir, bi nānā́nī tā pren. amé nānā́nā bzūr u bar ódinā bi mnī zā́gäi̯yā, bguš ki e nānā́nā tī pis pa ta dem dātagī́, ta amé nānā́nā bor. amé gulā́m nān ǰóḍī kurt u burt bi pādišā́äi̯ gisā́, š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n yak ašt čánkäi̯ kasā́ zurt u ret bi amé nānā́nī tā u amé nānā́nā zurt u burt bi zā́gäi̯yā, gúštī: e nānā́nā tī pis u tī mātó pa ta dem dātág ant, šmā amé nānā́nā bórit. yak wār amé Garám-bātúr go amé gulámā gúštī: ta awálā amé nānā́nā bor, gúḍinā amā́ waran. amé gulā́m gúštī: man agár e nānā́nā borīn, gúḍinā pādišā́ mnā kušít. amé Garám-bātúr pa amé gulámäi̯ ǰānā́ γárī kúrtī, gúštī: man trā gušī́n: awálā ta bor, agár ta na warā́i̯, trā man yak γúrze bā́r a-kanī́n. amé gulā́m amé nānā́nā wártī. amé ki awalī́en lunká bi dapā́i̯ kúrtī, yak wār múrtī.

karār amé zāgā́i̯ pis dístī tā e ḍáu̯la na bīt, magár go eší ǰang pkanī́n, digár ḍau̯l ič na bīt. amé pādišā́ amé watī́ ǰārčī́nā gúštī: ta maróčī bra, bi amā́ burzágäi̯ sarā́ bošt u amé maxlū́kānā ǰār bǰan ki bā́ndā múčī wat rā ǰoḍ pkánit ki ǰáng a-bít. tārīenā būt, amé maxlū́k gírdī yak ǰā bū́tant u átant. šútant pa amé zāgā́i̯ u Garám-bātúrī ǰangā́. amé ki Garám-bātúr ešā́nā

Наступило утро. Царь сказал своему другому рабу: «приготовь сегодня хлеб и снеси ко мне домой! возьми тех снадобий, которые убивают человека, и положи в хлеб! а эти хлебы возьми и отнеси туда моему сыну и скажи, что эти хлебы, дескать, тебе послал твой отец, и ты их откушай!» Этот раб приготовил хлеб, отнес его к царю домой и взял горстей восемь тех снадобий, которые убивают человека, и насыпал в хлеб. Он взял этот хлеб, отнес юноше и сказал: «этот хлеб послали тебе твой отец и твоя мачеха, отведайте этого хлеба!» Тотчас Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты поешь этого хлеба, а потом и мы будем есть». Раб сказал: «если я поем этого хлеба, потом меня царь убьет!» Гарам-богатырь разгневался на этого раба и сказал: «я говорю тебе, сначала ешь ты! если ты не будешь есть, я тебя сделаю добычей одного удара палицы!» Раб стал есть этот хлеб, и как только он положил первый кусок в рот, он сразу умер.

Итак, отец этого юноши увидел, что эти способы не удаются; остается только воевать с ним, иначе ничего не выходит. Царь сказал своему глашатаю: «сегодня иди, стань на этом возвышении и объяви народу: „завтра все приготовьтесь, потому что будет война!“» Наступило утро. Весь народ собрался и пришел, и они пошли на войну с этим юношей и Гарам-богатырем. Когда Гарам-богатырь их увидел, он тотчас сказал обоим своим бузланги:

dístī, yak wār go amé dukén buzlangíyān gúštī: anűn šmäḭ wár int-a, šmā agár amešánā bi yak dayīγá íštit, gúḍinā man šmā rā kuṣín. amé buzlangí gúštant: amá wat gušnág an, maróčī amá ešánā kilán? amé ki amé pādišáäḭ maxlűk átant pa ǰangá, yak wār amé dukén buzlangí gál kúrtant ki pa mā nān ātág ant. yak wār amé buzlangí šútant, bi amešánī demá lagítant, amé pādišáäḭ maxlűkānā gírdānā wártant, gírdānā alás kúrtant u amé pādišáäḭ ǰindá gíptant u āúrtant bi Γarám-bātúräḭyā. amé ki Γarám-bātúr amé pādišá dístī, go amé buzlangíyān gúštī: ma yáritī, amángūr pkúšitī. amé buzlangí amé pādišá búrtant u kúštant. Γarám-bātúr u amé zāg šútant, bi šāráḭ tā čár kúrtant, dístant tā ič kas bi šāráḭ tā náḭnt-a. š-amódinā pádā átant, amé ǰinikóā zúrtant u búrtant, buzlangíyānā ruxsát kúrtant ki šútant. átant bi šārá. karár pādišá Γarám-bātúr būt u wazíl zāg būt.

XIII

būt na būt, ša mašmáḭ xudá getír káse na būt. yak pādišáe at. e pādišá dāšt šaš zāg. yak róče būt, amé pādišá watí čār zāgá gísī dāt wa dúi digárā gísī na dāt. amé duén zágī go wat gúštant ki mašmáḭ pis mašmá rā gísa na dant, biyá ki mašmá brawán bi yak ǰāgáe ki amé mašmáḭ pis mašmá rā

«теперь ваш черед! если вы оставите их на одну минуту, я вас тогда убью!» Бузланги сказали: «сами мы голодны! как можем мы их сегодня оставить?» Когда подданные царя подступили, чтобы сразиться, тотчас оба бузланги обрадовались: для нас, мол, хлеб пришел! Бузланги тотчас подошли к ним и поели всех царских подданных, всех прикончили, а самого царя схватили и привели к Гарам-богатырю. Как только Гарам-богатырь увидел царя, он сказал этим бузланги: «не приводите его, а там же убейте!» Бузланги отвели царя и убили. Гарам-богатырь и этот юноша пошли, обошли город и увидели, что в городе никого нет. Они вернулись оттуда, девушку взяли и отвели, бузланги позволили уйти, а сами пришли в город. Итак, Гарам-богатырь сделался царем, а юноша — визирем.

(XIII. О богаче)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей. Случилось так, что этот царь четверых своих сыновей женил, а двоих других не женил. Эти два сына сказали друг другу: «наш отец нас не женит! давай, отправимся в другое

gísa na dant. amé gda brásī gušt: biyá ki brawán. amé zāg šútant bi watí pisą́ą, gúštant: ą́ą bābá, ta pa če amá rā gísa na däyą́ą? amešánī pis gúštī ki šmā tángāt zāg it, man ič waxt šmā rā gis dātága na kanín. amé zāg go watí pisá gúštant: ą́ą bābá, ta ki amá rā gísa na daą́ą, amá rā mardúme yak asp bdą́ą. amešánī pis gúštī: bráit, bābá, ā šmā, ā asp. amé š-amídā šútant, pa wat mardúme yak asp gíptant wa š-amídā šútant bi yak ǰāgáe.

dístant tā amídā yak áąze. e š-amídā šútant, bę me aązą́ą sará wáptant. amídā ki wápt-atant, amídā wāb šútant. bi amé šapą́ą nemágā amešánī asp páč a-bayánt, š-amídā rawánt bi yak ǰáe. amódenā ki amešánī ásp a-rawánt, yak pādišáe murtá būtagí. amé maxlúk amé aspánā watíyāna āurtá būtág ant, amešánī asp rāst bi amé aspánīyā rawánt. amé maxlúk gúštant ki du asp átant. amé maxlúk átant, amé duén zāgánī aspánā gíptant wa bástant.

yak wār amé mazánen brásī āgá būt, są́ą̀lī kurt tā amé asp édā ná-want. átī ki watí brāsá pád pkant. są́ą̀lī kurt tā mnī brās čo wāb int. eší rā dil na būt ki watí brāsá pád pkant. wat š-amídā šut, šut, dístī tā amídā če mardúme ast. amé zāg są́ą̀lī kurt tā ánī amą́ą asp ant, ódinā bastág-ant. amé zāg š-amídā šut amé mardumánīyā, pursít ki amé aspánā káą́ édinā bastagí? amé mardúm gúštant ki amá amídā pādišá dédi gór

---

место, так как наш отец нас не женит!» Другой брат сказал: «давай, отправимся!» Сыновья пошли к отцу и сказали: «батюшка, что ты нас не женишь?» Их отец сказал им: «вы еще дети, я никак не могу вас женить!» Сыновья сказали своему отцу: «батюшка, раз ты нас не женишь, дай нам каждому по лошади!» Их отец сказал: «идите, дети, вот вам лошади!» Они вышли, взяли каждый себе по лошади и отправились в одно место.

Они увидели, что там есть озеро. Они туда отправились, расположились у озера на ночлег, улеглись и заснули. К ночи их лошади распутываются и идут оттуда в другое место. А там, куда идут их лошади, умер царь, и его подданные привели туда своих лошадей. Их лошади направляются прямо к тем лошадям. Эти люди сказали, что пришли две лошади. Эти люди подошли, поймали этих двух лошадей и привязали.

Вдруг старший брат проснулся, взглянул: нет лошадей! Он хотел разбудить своего брата, посмотрел: как сладко спит мой брат! У него не хватило духу разбудить своего брата, и он сам пошел оттуда. Он пошел и стал смотреть: что́ это там за люди? Юноша стал всматриваться: да ведь это наши лошади там привязаны! Юноша пошел оттуда к этим людям и спросил: «кто здесь привязал этих лошадей?» Эти люди сказали: «мы собирались здесь хоро-

a-kúrtan, dístan tā š-amí^{n}go du ásp a-ǰiyánt u kāyánt. amā́ amé maxlū́k gúštaṉ: biyā́it ki amé aspā́nā bgíran u bándan, amé ki wāū́ndiš āt, bdā́yan. karā́r amā́ amé tī aspā́nā gíptan, bástan. amā́ pādišā́ murtagí, biyā́ ki mašmā́ brawán ódinā bi ammā́ gisā́n, ódinā sīmúrγe bā́l a-dayán. bi ar kasé sarā́ ki ništ, amā́e rā pādišā́ girán. amé mardák ki go eší e ḍol gušt, amé zāg watí gwanḍén brāsā́ be-óšī kurt, š-amídā go amé mardumā́n šútī, ódinā sīmúrγe bā́l dátant. amé sīmúrγ āt, bi amé zāgā́ sarā́ ništ. amé zāgā́ pādišā́ kúrtant. amé zāg watí gwanḍén brāsā́ čist be-óšī kúrtī.

amé gwanḍén brā́sī tārí enā āgā́ būt wa ustátī, sā́lī kurt, amā́ asp édā ná-want, mnī brās am édā näint. amé gwanḍáken zāg š-amé watí ǰāgā́ ustát wa ǰist. šut, amé watí aspā́nī padā́nā dist, amé watí brāsā́ padā́nā am dist tā amé mnī brās ammā́ nī aspā́nī padā́nā burtagí. amé zāg amé aspā́nī padā́nā búrtī, dístī tā amé nī asp ātág ant, amídā digár asp būtág ant, amé amā́ asp ātág ant, amídā oštātág ant. amé, amā́ aspā́nā am gíptag ant wa bastág ant, amení mnī brāsā́ pád ant ki ātagí amé marduмā́nīyā, pursitagí ki amā́ aspā́nā kä édinā bastagī? amé mardúm š-amídā šutág ant, mnī brāsā́ am go wat burtág ant. amé gwanḍén zāg š-amídā ǰist, amé aspā́nī padā́nā zurt u burt, š-amídā šut u šut.

нить царя и увидели, что с этой стороны подбегают две лошади; мы сказали вон тем людям: „подойдите, поймаем и привяжем этих лошадей, а когда придет их хозяин, отдадим!“ поэтому мы поймали и привязали твоих лошадей. Наш царь умер! давай, пойдем туда к нам, там мы выпустим летать симург-птицу, и на кого она сядет, того мы возьмем в цари!» Когда этот человек так с ним говорил, юноша совсем забыл своего младшего брата и пошел с этими людьми. Там пустили летать симург-птицу, и симург-птица приблизилась и села на юношу. Юношу сделали царем. Юноша совсем забыл своего младшего брата.

Его младший брат на утро проснулся и встал, взглянул: наших лошадей здесь нет! моего брата тоже нет! Этот младший юноша поднялся со своего места и поспешно пошел. Он пошел и увидел следы своих лошадей, а потом увидел также следы своего брата: вот здесь мой брат напал на следы наших лошадей! Юноша пошел по следам лошадей и стал всматриваться: вот здесь лошади прошли, а здесь были другие лошади, наши лошади подошли, и здесь остановились; а вот здесь наших лошадей взяли и привязали! вот это следы моего брата, который подошел к этим людям спросить, кто привязал здесь наших лошадей! вот отсюда эти люди ушли и увели с собой моего брата! Младший юноша поспешно вскочил и пошел по следам лошадей; он шел и шел.

bi amé watí brāsą̄ą̈ šārą̄ą̈ pānádā ki rast, eší ra salát dístant, amé zāgą́ čār dátant wa gúštant ki ta ša gujá ᵃkāą̄ą̈? amé zāg gúštī: amą́ du brās átan, ša pᵃlāná jāgą́ átan, bi yak jāgáe, dístan amídā yaķ áu̯ze, amą́ átan bi amé au̯zą̄ą̈ sarą́ wáptan, amé watí aspánā amódinā bástan u wat wáptan, amídā ta bzą́näą̈, wāb šutág an. amé amą̄ą̈ asp páč būtág ant wa šutág ant. amé mnī mazánen brās der āgą́ bīt, są̄ą̈l a-kánt tā asp édinā ná-want. amé mnī brās wat a-kustít wa mnā pą́da na kant.

amé salát dédi go eší abár a-dátant, amešánī áškā yak róde, ta bzą́näą̈, būtagí, yak tajáre watí dau̯látā āurtá ki bgwazenít ša amé rodá áškā. amé watí dau̯látā bi kištíäą̈ tā ᵃkant ki bgwazenít áškā. amé kiští bi rą́ na rå̄u̯t. amé tajár a-pursít ša amé kištīwánā ki tī kiští pa če rą́ na rå̄u̯t? amé kištīwán gúštī: e kištíy a-loṭít mardúmäą̈ on, ta bra, bgard, yak kóre yā yak šále paą̈dą́ pkan, biyár, pkuš u onánī bi amé kištíyā muš. guḍā amé kiští bi rą́ rå̄u̯t.

amé tajár š-amódā átī bi amé salātánīyā. amé salátānā pursítī ki šmą̄ą̈yā ič kor u šále yā atímen zą́ge íčī ¡näą̈nt? amé salát gúštant ki amą́yā yak zą́ge ast, magár ā zāg ā ḍoléne näą̈nt ki ta ᵃgušą̄ą̈. e zāg yak ¡ále, eší rā amą́ rā díla na bīt ki amą́ āī rā bi ta bdäyán. amé tajár gúštī:

Когда он дошел до окраины города своего брата, его увидели солдаты; они окружили этого юношу и сказали: «откуда ты идешь?» Юноша сказал: «нас было два брата, мы из такого-то места пришли в другое место, увидели там озеро и подошли переночевать у этого озера; привязали своих лошадей и расположились на ночлег; здесь, нужно знать, мы заснули, а наши лошади развязались и ушли; было уже поздно, когда мой старший брат просыпается и смотрит: лошадей здесь нет! мой брат сам встает, а меня не будит».

Солдаты так с ним разговаривали, а по ту сторону от них, нужно знать, была река, и один купец привез свое имущество, чтобы переправить его на ту сторону реки. Он грузит на судно свое имущество, чтобы его переправить, но судно не двигается в путь. Купец спрашивает у корабельщика: «почему твое судно не отправляется?» Корабельщик сказал: «судно требует человеческой крови, иди, поищи какого-нибудь слепого или калеку; отыщи, приведи и убей и помажь его кровью судно, тогда судно пойдет».

Купец пришел оттуда к этим солдатам и спросил солдат: «нет ли у вас какого-нибудь слепого или калеки или сироты?» Солдаты сказали: «у нас есть один юноша, только этот юноша не таков, как ты говоришь; этот юноша подобен рубину, и у нас не хватит духу отдать его тебе». Купец

magár ā šmäḭ pis u māsā́ḭ zā́g-u näḭnt, yáke-m digár: man āī rā ánčoš ša šmā na zinín, šmā rā ín-kar zár a-däín. šmā āī rā bi man bdā́it. amé salā́t gúštant: amā́ rā sad azár γarán zar bdäḭ, amā́ gúḍā āī rā bi ta dayán. amé taǰár gúštī: nápa bāz ǰwān int, man bi šmā däín. amé salátānā sad azár γarán zar dātī wa amé zāgā́ zurt u burt bi kištíyäḭyā́.

ódinā ki burt, amé taǰár gúštī ki anū́n ta bwasp ki man trā kušín. amé zāg pursít ki ta pa če mnā kušā́ḭ? amé taǰár gúštī ki man trā kušín ki amé kištíyäḭ demā́ ón a-kanín ki amé kiští bi rā́ brot. amé zāg gúštī: ta mnā ič ma kuš, man anū́n amé kištíyā pa ta bi rā́ prenín. amé taǰár gušt: nápa bāz ǰwān int, ta mul amé kištíyā bi rā́ prenā́ḭ, man trā digár íčīya na kanín. amé zāg gipt, watí čangúlā šáxī kurt. ša čangúläḭ on āt. amé onánā gipt, bi amé kištíäḭ demā́ mušt. yak wār amé kiští bi rā́ būt. amé kāperén taǰár amé zāgā́ go wat búrtī. amé zāgā́ pa wat sarwáne kurt.

čunt waxt būt, amé taǰár š-amídā šut bi pādišáäyā. amé ki rástī bi pādišáäyā, amé pādišā́ watí wazíl u wakílānā múčānā loṭít wa watí mullánā am loṭít. gúštī ki man doší ānčén wábe distág un. amé wazíl u wakíl gúštant ki čunén wábe? amé pādišā́ gúštī ki man doší wápt-atun, wāb dístun tā amé mnī demā́ čil kāság ér int. amídā man níšt-atun, dístun tā

сказал: «но ведь он не сын ваших родителей! к тому же еще одно: я ведь не так хочу его взять, а дам вам много денег, отдайте его мне!» Солдаты сказали: «дай нам сто тысяч кранов, и мы тогда отдадим его тебе». Купец сказал: «очень хорошо, я дам!» Он дал солдатам сто тысяч кранов, взял юношу и отвел его на судно.

Когда купец отвел его туда, он сказал ему: «теперь ложись, я тебя убью!» Юноша спросил: «за что ты хочешь меня убить?» Купец сказал: «я тебя убью, чтобы твоей кровью смазать поверхность судна, и тогда оно двинется в путь». Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе сдвину это судно». Купец сказал: «очень хорошо, ты мне только заставь двигаться это судно, и я тебе больше ничего не сделаю!» Юноша взял и порезал себе палец. Из пальца пошла кровь. Он взял эту кровь, помазал ею поверхность судна, и судно тотчас двинулось в путь. Этот нечестивый купец взял с собой юношу и сделал его своим приказчиком.

Прошло некоторое время. Этот купец отправился к царю. Когда он пришел к царю, царь призвал всех своих правителей и наместников, призвал также своих мулл и сказал: «вот какой сон я видел прошлую ночь!» Правители и наместники сказали: «что за сон?» Царь сказал: «прошлую ночь я спал и видел во сне, что передо мной сорок чаш; я сидел тут же и увидел, что пришло

čil siyáen tūlá átant, amé kāságānā čaṭítant. amé wābáḭ māníyā šmā pa man bgúšit. amé wazíl u wakíl gúštant: amá e wābáḭ māníyā na zānán. amé taǰár gúštī ki man yak zāge dārín, amá mnī zāg a-zānt. amé pādišá gúštī ki nápa ta bándā watí zāgá biyár. amé taǰár šut bi watí gisá.

tāríenā amé watí zāgá zurt u aúrt bi pādišáäyā. amé pādišá go amé zāgá gúštī ki äḭ bābá man doší wábe distág un. amé zāg gušt: ǰuwānén wábe! ame pādišá gúštī: man wāb dístun tā man amídā ništág un, amé mnī demá čil kāság ast. amé kāságānā čil tūlá átant, ar tūláe yak kāságäḭ demá čaṭítant. amé zāg gúštī: agár man bgúšīn, ta yā mnā pkúšäḭ yā tīr-bārán a-kanáḭ. amé pādišá gúštī ki man ič waxt trā na kušín wa trā tīr-bārán am na kanín, amé watí ǰiníkā bi ta aṃ däín. amé zāg gúštī: äḭ pādišá γábli ālám, ta dáräḭ čil ǰinén wa čil gulám, amé tī ar ǰinén go yak gulám ant. amé pādišá gúštī: man bándā watí muzūránā gušín ki amé mnī ǰinénānī pānádā bgírant, agár rāst būt ki mnī ǰinén go amé gulámān átant, gúḍā man watí ǰiníkā bi ta däín. agár rāst na būt, gúḍā man trā kušín. amé zāg š-amídenā šut bi watí gisá.

yak cunt waxt gwast. amé pādišá go watí muzūrān gúštī: šmā maróčī amé mnī ǰinénānī padá bgirít ki go ešán ānčén kára ast. amé muzūr šútant, amé pādišáäḭ ǰinénānī pānádā gíptant. amé ki roč pešín būt, amé pādišáäḭ

сорок черных щенят и они стали лизать эти чаши; скажите мне значение этого сна!» Правители и наместники сказали: «мы не знаем значения этого сна!» Купец сказал: «у меня есть один юноша, этот юноша знает!» Царь сказал: «ну, так приведи завтра своего юношу!» Купец пошел домой.

На утро он взял своего юношу и привел к царю. Царь сказал юноше: «сынок, я прошлую ночь видел сон!» Юноша сказал: «хороший сон!» Царь сказал ему: «я видел во сне, что я здесь сидел, а передо мной сорок чаш: пришло сорок щенят, и каждый щенок облизал одну чашу». Юноша сказал, «если я скажу, ты меня или убьешь или расстреляешь!» Царь сказал: «я не только не убью тебя и не расстреляю, но даже выдам за тебя свою дочь». Юноша сказал: «о царь, средоточие мира, у тебя есть сорок жен и сорок невольников, и каждая из твоих жен в общении с одним невольником!» Царь сказал: «я завтра скажу своим наемникам, чтобы они последили за моими женами, и если окажется справедливым, что мои жены были с моими невольниками, я выдам за тебя свою дочь; если же окажется неправда, тогда я тебя убью». Юноша пошел отсюда домой.

Прошло некоторое время, и царь сказал своим наемникам: «сегодня последите за моими женами, потому что с ними вышло такое дело!» Наемники пошли и стали следить за царскими женами. Когда уже прошел полдень,

ǰinén átant, gírdī yak ǰā būtant, amé gulám am gírdī átant, yak ǰā bútant. ar guláme yak ǰinénäi̯ dastá gíptant u šútant pa mai̯lá. amé pādišáäi̯ muzúr ki dístant, átant, go pādišá gúštant ki amé abár ki amá zāg gúštī, rāst int: tī ǰinén ar yáke go yak gulám ant. amé pādišá gušt go watí muzúrān ki šmā bráit, amá zāgá biyárit. amé muzúr átant pa amé zāgäi̯ padá, átant bi gisái̯š, go amé zāgá gúštant ki trā pādišá guštagí: biyá. amé zāg u amé taǰár u amé muzúr gírdī átant. ān-čo ki átant, sar bútant bi pādišáäi̯ gisá, salám u alái̯k kúrtant. wašāmád ki kúrtant, amé pādišá go amé zāgá gúštī ki amá abáre ki ta dátäi̯, amá abár rást int-a u man am watí γau̯lá na prošín, amá ḍol ki go ta gúštun, amá ḍol am kanín, watí ǰiníkā bi ta am daín.

amé pādišá loṭít amé watí maxlúkānā. maxlúk gírdı átant, ǰám bútant. pādišá gúštī: man watí ǰiníkā bi amé zágā däín. watí dolčínāna gúštī: šmā dol bǰánit, kasābánā gúštī: šmā pas pkúšít, āšpázānā gúštī: šmā gošt pačít, nānwánā gúštī: šmā nān pačít, dārkášānā gúštī: šmā dār biyárit. bi amé yak damá nān ǰóḍ kurtant. maxlúk nān wártant wa oštátant bi čāpá, čáp kúrtant. maróčī amé zāgá gis dátant, säyumíen roč ki purá būt, amé taǰár du asp zurt u āúrt, pa watí zāgäi̯ padá átī, go pādišá gúštī ki man maróčī watí zāgá barín. amé pādišá gúštī: nápa bāz ǰuwán int, brawán ki man

---

царские жены пришли и собрались все в одном месте, а эти невольники также все пришли и собрались, и каждый из невольников взял руку одной из жен, и они пошли развлекаться. Когда наемники это увидели, они пришли к царю и сказали: «то, что сказал тот юноша, правда: каждая из твоих жен в общении с невольником!» Царь сказал своим наемникам: «пойдите и приведите того юношу!» Наемники пошли за юношей, пришли к нему и сказали: «царь сказал, чтобы ты пришел». Юноша с купцом и наемники, все пришли. Когда они подошли и дошли до царского дома, они обменялись приветствиями. После приветствий царь сказал юноше: «то, что ты сказал, правда! я тоже не нарушу своего слова, и как я тебе сказал, так и сделаю: я выдам за тебя свою дочь!»

Царь созвал своих подданных. Весь народ пришел и собрался. Царь сказал: «я выдаю свою дочь за этого юношу!» Барабанщикам он сказал: «бейте в барабаны!» мясникам сказал: «режьте скотину!» поварам сказал: «варите мясо!» пекарям сказал: «пеките хлеб!» дровосекам сказал: «таскайте дрова!» В один миг приготовили угощение. Народ поел и пустился в пляс. В этот день юношу оженили, а когда исполнился третий день, тот купец взял и привел двух лошадей и пришел за своим юношей. Он сказал царю: «сегодня я возьму своего сына!» Царь сказал: «очень хорошо, пойдем, я тоже попрощаюсь со своей

am go watí ǰiníkā ruxsatí pkanín. amé taǰár u pādišā́ átant pa amé zāgā́ padā́. amé ki átant bi amé zāgā́ gisā́, wašāmáde kúrtant. amé pādišā́ pursít ki mubārák bīt šmä arūsí! amé zāg ǰawā́b dāt ki salāmát bīt šmä sar! yak katráe níštant, amé taǰár gúštī ki ä bābā́, man átag un ki tī gísă barín, amé tī wasírk ātagí ki watí ǰiníkā rādág pkant. šmā zūte pkánit, watí gisā́ bḍalénit tānáxten. amé zāg watí gisā́ ḍaléntant, watí ǰulánā gíptant, bi amé aspánī sarā́ kúrtant. amé pādišā́ burt, watí ǰiníkā, rādágī kurt u amé watí ǰiníkä demā́ čukít wa íštī tā šut.

amé ki š-amídā šútant, bi rää nemágā dístant tā amídā yak róde. amé zāg u amé ǰinikó u amé taǰár gírdī tunág bū́t-atant, gáštant pa tā́se. amé ǰinikó gúštī ki tā́se ast, bi amā́ mazánen sundū́xä tā int. amé taǰár gúštī: ä bābā́, ta bra amé sundū́xä tā, amé tāsā́ biyā́r. amé zāg ki putrít bi sundū́xäi tā, yak wār amé taǰár gipt, amé sundū́xä dapā́ bast u amé sundū́xä bandánā gipt u burt bi amé rodā́ tā prent. amé ǰiníkā zurt u āúrt bi watí gisā́. yak čunt waxt bū́tī. amé taǰár watí gisā́ ša amé rodā́ áškā burt. amé zāgā amé rod burt.

pa amé zāgā́ brāsā́ bāgán yak ǰū́e áp a-bárt, amé sundū́x a-råut bi amé zāgā́ brāsā́ bāgán, amé zāgā́ brāsā́ bāgwán a-gindít tā ap čo ušk būt. amé watí pīrazálen ǰinénā gúštī ki āp čo ušk būt, mán a-räín démi amé āpā́, ta am biyā́. amé pīramárd u amé pīrazál š-amídā átant. amé ǰūwā́

дочерью!» Купец и царь пошли за юношей. Когда они пришли к нему в дом и поздоровались, царь сказал: «да благословится ваша свадьба!» Юноша ответил: «да будет благополучие над вами!» Они немного посидели, и купец сказал: «ну, сынок, я пришел перевезти твою семью, а твой тесть пришел проводить свою дочь, поторопитесь и соберите пока свое хозяйство!» Юноша (с женой) собрали свое хозяйство, взяли свои пожитки и нагрузили на лошадей. Царь вывел свою дочь, проводил ее, поцеловал ее в лицо и пустил ехать.

Когда они отсюда отправились, на пути они увидели реку. Юноша и девушка и купец, все они хотели пить и стали искать чашку. Девушка сказала: «есть чашка! она в большом сундуке!» Купец сказал: «сынок, сходи-ка в тот сундук, достань чашку!» Когда юноша проник в сундук, купец вдруг взял и закрыл крышку сундука. Он взял сундук за ремни, отнес его и бросил в реку, а девушку взял и привез к себе домой. Прошло некоторое время. Купец переселился на ту сторону реки. Юношу унесло рекой.

В сады брата юноши выводит воду один канал, и этот сундук плывет в сады брата юноши. Садовник брата юноши видит, что вдруг вода высохла. Он сказал своей старой жене: «что это вода высохла! я пойду к воде, и ты тоже

kirrá āúrtant, dístant amāní sundűxe bi amé ǰūwákäi̯ dapá band giptagí. amé pīrazál u amé pīramárd gál kurtant, zűtę kúrtant, átant, amé sundűxā ša amé ǰūwákäi̯ tā kašítant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé sundűxäi̯ dapá páč kurtant, dístant tā amé sundűxäi̯ tā yak zág̊e ništagí. pīramárd amé zāgá pursítī ki trā käi̯ amé sundűxäi̯ tā kurtagí u prentagí bi apái̯ tā? amé zāg guštī: mnā ānčén mardúme prentagí, šmā awálā pa man, agár nān dárit, yak káme biyárit. amé pīrazál šut, zűtī kurt pa amé zāgá nán ǰódī kurt wa āúrt, amé zāgá dāt. amé zāg gúštī ki šmā mnā ša amé sundűxäi̯ tā dár pkánit. amé pīramárd u amé pīrazál amé zāgái̯ dastá gíptant, ša amé sundűxäi̯ tā dár kurtant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé nānánā āúrtant bi amé zāgái̯ demá dátant. amé zāg amé nānánā wártī. yak katráe digár būt, amé zāgá pa duwārág amé pīramárd pursítī ki ta go amá bguš, trā käi̯ bi amé sundűxäi̯ tā kurtagí wa čon bi āpái̯ tā prentagí? ame zāg ǰawáb dátī... anűn man šmā rā gušín ki ar waxt amé pādišáäi̯ ǰārčín tawár kurt ki ič kas pa kārá ma råụt ki bándā amé taǰáräi̯ arūsíy a-bīt, gúḍinā šmā mnā bárit, bi amé pādišáäi̯ pānádā, bílit. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwán int.

karár tāríenā būt, amé zāgái̯ brāsái̯ ǰārčín ǰār ǰat ki bándā ič kas pa kārá ma råụt ki taǰáräi̯ arūsíy a-bīt. tāríenā būt, amé pīramárd amé

иди!» Старик и старуха пошли, обошли кругом канала и увидели, что какой-то сундук застрял при входе в канал. Старик и старуха обрадовались заторопились, вытащили сундук из канала и отнесли домой. Когда они его отнесли и открыли крышку сундука, они увидели, что в сундуке сидит юноша. Старик спросил юношу: «кто тебя поместил в сундук и бросил в воду?» Юноша сказал: «меня бросил такой-то человек, но сначала, если у вас есть хлеб, дайте мне немного!» Старуха пошла, заторопилась, приготовила юноше хлеба и принесла. Юноша сказал: «высвободите меня из сундука!» Старик и старуха взяли юношу за руки, высвободили его из сундука и отвели к себе домой. Когда они его туда отвели, они принесли хлеба и поставили перед юношей. Юноша поел. Прошло немного времени, и вторично старик спросил юношу: «скажи нам, кто тебя поместил в сундук и как бросил в воду?» Юноша отвечал:... (*следует изложение всех приключений юноши*) «...теперь же я говорю вам, что как только царский глашатай провозгласит, чтобы никто не шел на работу, потому что на утро будет свадьба того купца, тогда вы меня отведите к царю и оставьте там!» Старик сказал: «очень хорошо».

Итак, наступило утро. Глашатай брата юноши провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что будет свадьба купца.

zāgā̆ dastā́ gipt u burt, bi amé pādišā́ā̆ pānā́dā nādént. ān čoš ki wašā-máde kúrtant, amé zāg go pādišā́ gúštī: ä̆ pādišā́, γábli ālám, man pa ta yak asmānáke gušín. amé pādišā́ gúštī: bguš. amé zāg gúštī: būt na būt, ša mašmā̆ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt šaš zāg. čárā gísī dāt, dúi digárā gísī na dāt. amé pādišā́ bi watí ošā́ kapt wa íčī na gúštī. amé kāpéren taǰár gúštī: ta mnā zū́tę pkan, gis bdā̆. amé pādišā́ gúštī: ta yak wār sabr pkan...

karár amé zāg amé naklá am gúštī, amé ḍå̆l am gúštī ki man go ta gúštun. gúḍā gúštī: amā́ tī brās am mán un, améš am amā́ taǰár int, anū́n ta ar číyă kanā̆, amé taǰárā wa amé watí paṛánā, pkan. karár amé pādišā́ wat rā prent bi amé zāgā̆ guṭā́ wa grétī. yak wār go amé watí muzū́rān gúštī: šmā brā́it, amā́ salātánā pkúšit. amé pādišā́ā̆ muzū́r š-amédinā šútant, amā́ salātánā kúštant wa wat padoí átant. ān čoš ki padoí átant bi pādišā́ā̆ gisā́, yak wār amé pādišā́ amé watí muzūránā gúštī: šmā anū́n amé kāpéren taǰárā bgírit, pkúšit wa go naptā́ bun dā́itī, amé da̯látä̆ bgírit, bárit bi amé mnī bāgwā́nā bdā́it. karár amé muzū́r šútant, amé taǰárā gíptant, kúštant wa go naptā́ bun dátant, amé da̯látä̆ búrtant bi amé bāgwā́nā dátant. amé zāgā́ pa duwārág gis dátant. man š-amódinā ǰístun, átun pa wat imā́ne āúrtun, pa ta dištáre āúrtun.

На утро старик взял юношу за руку, повел и посадил около царя. Когда они обменялись приветствиями, юноша сказал царю: «о царь, средоточие мира, я расскажу тебе сказку!» Царь сказал: «говори!» Юноша сказал: «было ли, не было ли, никого не было лучше нашего с вами бога. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей, четверых он женил, а двоих других не женил». Царь задумался и ничего не говорил, но этот нечестивый купец сказал ему: «поспеши с моей свадьбой!» Царь сказал: «подожди немножко!» (*следует вторичный рассказ о всех приключениях юноши*).

Итак, юноша рассказал свои приключения точно так же, как я тебе рассказал. Потом он сказал: «этот твой брат — я, а он — тот купец! теперь делай с купцом и с той своей стражей все, что ни сделаешь!» Царь бросился на шею юноше, заплакал и сказал своим наемникам: «идите и убейте тех солдат!» Царские наемники пошли отсюда, убили тех солдат и пришли обратно. Как только они вернулись в царский дворец, царь сказал им: «теперь схватите этого нечестивого купца, убейте его и сожгите на нефти, а его имущество возьмите, отнесите и отдайте тому моему садовнику!» Наемники пошли, схватили купца, убили его и сожгли на нефти, а его имущество отнесли и отдали садовнику. Юноше вторично справили свадьбу. Я оттуда выскочил, пришел, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XIV

būt na būt, ša mašmā̆ xudā̆ getír káse na būt. yak pādšā̆e at. e pādšā̆ dāšt sä̆ zāg. du zā̆gī māsdáštant, yak zā̆ge māsna dāšt. yak róče būt, amé sä̆ zā̆gī mazán bū̆tant wa go watí pisā̆ gúštant ki ä̆ bābā̆, amā̆ rā sáre yak asp bdä̆ ki amā̆ suwā̆r bayán. pādšā̆ gúštī ki man kadé ša šmä̆ demā̆ gíptun? ā šumā̆, ā asp! bráit, pa wat asp bgírit. e šútant, pa wat sā̆re yak asp gíptant. amā̆ duén zāg ki māsdáštant, pa wat ǰuwānén asp gíptant. amé be-māsen zā̆gī pa wat yak pīrakíen áspe gipt. amā̆ māsíen zāgánī asp băraγíen átant. mudā̆m bi ar ǰā pa bărá̆γā búrtant. ĕsí asp mudā̆m elá at.

yak róče būt, eší asp bi zānkā̆ būt. e watí aspā̆ padā̆ gipt. eší asp š-amédā šut u šut bi yak ǰā̆e, bi yak daryā̆bā̆ pānā̆dā šut. e asp watí kūnā̆ bi āpā̆ ǰat ki bzä̆t. ánčo ki zāt ki kurágä̆ pād dár átant, e kurágā̆ yak dastā̆ amé zāg gipt, yáke digá ša āpā̆ tā kurrágä̆ pādā̆ gipt. e pa wat kášī kurt, ā pa wat kášī kurt. e gušt ki bil, ā pa wat gúštī: bil. e gúštī ki ta bil. ā ki āpā̆ čérā at, gušt ki ta sātitága na kanā̆! e gúšṭī ki man pādišā̆ā̆ zāg baín, man sātitága na kanīn! amā̆ ki āpā̆ čérā at, gušt: ǰuwán

---

(XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына. У двоих из его сыновей была мать, а у одного матери (в живых) не было. Настал день, когда трое его сыновей выросли и сказали отцу: «батюшка, дай нам каждому по лошади, и мы будем ездить верхом!» Царь сказал: «когда я отказывал вам? вот вам лошади! идите и выбирайте!» Они пошли и взяли себе каждый по лошади. Двое сыновей, у которых была мать, взяли себе хороших лошадей, а сын, у которого не было матери, взял себе старую лошадь. Лошади тех сыновей, у которых была мать, были скакунами, всегда всюду скакали и получали призы, а его лошадь всегда паслась на воле.

Однажды его лошадь стала жеребой, и он стал следить за своей лошадью. Его лошадь пошла и пошла, пришла в одно место на берегу реки и пригнула к воде свой зад, чтобы ожеребиться. Как только она ожеребилась, и ноги жеребенка очутились снаружи, юноша взял жеребенка за переднюю ногу, но кто-то изнутри воды схватил жеребенка за заднюю ногу. Он стал тащить к себе, а тот тащил к себе. Он сказал: «пусти!» и тот сказал: «пусти!» Он сказал: «ты пусти!» Тот, кто был под водой, сказал: «ты не сможешь его уберечь!» Он сказал: «я царский сын, и не смогу его уберечь!» Тот, кто был под водой, сказал:

int, nápa bar! magár tā sī roč eší rā siyáen pasā̆ į̆ šīr bdä̆į̆. e gušt: nápa ǰuwán int, mán a-barín, däín. e š-amédā burt bi watí gęsá. ódenā tā sī roč siyáen pasā̆ į̆ šírī dátī. amé kurág bi yak sāáttā apt rangá gašt. e duén zāgánī más ki e kurágā dístī, watí dilá gúštī: man go eší kár dārín.

e zāg mudám bi maktábā wántī. ar waxt ki alás a-bū̆t, demtírā bi kurágä̆į̆yā kāt.

yak róče amé duén zāgánī más gúštī ki man pa eší nān ǰóḍ a-kanín wa nānánī tā zár a-rečín ki ánčo buwárt, mirít ki kurág mānít pa mnī zāgán. amé atímen zāg maróčī ša maktábā átī bi watí gęsá, awálā átī bi kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó pa ta nān tayárī kurtáī, ta bra, íčī ma guš, ā wat tī dastánā šodít, nānánā kārít, ta awálā ma war, du daγīγá sabr pkan, yak pišíke kä̆į̆t, awálā ta amá pišíkā yak lunkáen náne bdā, dístā̆ ki na murt, gúḍā bor. e gušt: ǰuwán int. amé zāg š-amédā šut bi watí gisá, ódenā eší mātó pa eší nān āúrt. eší dastánā šúštī wa gúštī: anū̆n watí nāná bor. e sā̆lī kurt ki pišík bā̆t, yak sá^a te digá būt, pišík āt. e yak lunkáen náne írrī dāt bi pišíkā̆ demá. e pišík ki wártī, murt. e zāg nānánā gipt, írrī dāt bi watí mātóā̆ demá. eší mātó íčī na gušt, watí nānánā zurt

---

«хорошо, бери! только тридцать дней давай ему молока от черной овцы!» Он сказал: «хорошо, я возьму и буду давать!» Он повел его отсюда к себе домой и там тридцать дней давал ему молока от черной овцы; жеребенок в один час сменил семь цветов. А мать тех двух сыновей, как только увидела этого жеребенка, так про себя сказала: «я уж с ним разделаюсь!»

Этот юноша постоянно учился в школе, и каждый раз, когда освобождался, сначала шел к жеребенку.

Однажды мать тех двух сыновей сказала: «я приготовлю для него хлеб и положу в него яду: он поест и умрет, и жеребенок достанется моим сыновьям». В этот день этот осиротелый юноша вернулся домой и сначала пошел к жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха приготовила для тебя хлеб; ты иди и ничего не говори! она сама помоет тебе руки и принесет хлеб, но ты сначала не ешь, а потерпи минуты две; потом подойдет кошка, и ты сначала дай кусок кошке, и если увидишь, что она не умерла, тогда ешь сам!» Он сказал: «хорошо!» Юноша отсюда пошел домой. Там мачеха принесла ему хлеб, помыла ему руки и сказала: «теперь ешь свой хлеб!» Он подождал, чтобы подошла кошка. Прошло немного времени, и кошка подошла. Он бросил кусок хлеба кошке. Как только кошка поела, так тотчас умерла. Он взял хлеб и швырнул его своей мачехе. Его мачеха ничего не сказала, взяла свой хлеб,

u burt, írrī dāt bi giyābánā. e zāg šut, ša bāzárā pa wat nān zítī u wártī. pa duwārág šútī bi watí maktábā, watí sabáxā buwánīt.

bāz tāríenā eší mātó watí deḷá pígrī kurt. gúštī: man maróčī bi watí geṣá dapá yak čáe ǰanín ki ša man dūr bīt, be me čáá tā pkapít. eš yak čáe bi watí geṣáą dapá ǰat wa yak káme xašpál bi saráą ret wa γālínā bi saráą prent wa íštī. yak sát digár būt, amé zāg ša watí maktábā āt. awálā bi kurágäyā āt, dístī tā amé kurág a-grét. e gúštī: ǰáni man, imáni man, pa če grewáą? kurág gušt: äą ādamí, tī mātó pa ta maróčī ódenā bi šmā gisá dapá yak čáe ǰant, bi čáá sará ya káme ák a-rečít u ya káme xašpál a-rečít u γālínā bi saráyā prenít. ta ki ánčo šútäą, š-amé geṣá dapá kúp kan, ša čā áškā pren. ā wát a-gušít ki ta pa če e ḍól a-kanáą? ta bguš ki maktabíen zāg múčī amé ḍól a-kanánt. zāg gúštī: nápa ǰuwán int. e š-amédā šut bi watí geṣá. ánčo ki š-amé geṣá dapá ki rast, kúpī kurt, áškā prent. eší mātó eší rā gúštī: äą māsí, ta pa če e ḍól a-kanáą? e gúštī ki man ša maktabíen zāgán a-zūrín. e š-amédā šut, watí nānánā wart, pa duwārág padoí āt wa šut bi watí maktábā.

eší mātó watí deḷá pígrī kurt. amé mullánā múčānā loṭítī wa go ešán gúštī ki man šmā rā mardúme sat tumán zár a-däín, amé ki pādišá āt, šmā

отнесла его в степь и бросила. Юноша пошел на базар, купил себе хлеба, поел, и опять пошел в школу заниматься своими уроками.

На утро его мачеха стала размышлять и сказала про себя: «сегодня я вырою колодец при входе в дом, чтобы он свалился в этот колодец, когда будет еще вдали от меня». Она вырыла колодец при входе в дом, а сверху насыпала соломы, набросила ковер и так оставила. Прошло некоторое время. Юноша вернулся из школы, пошел сначала к жеребенку, увидел, что жеребенок плачет, и сказал ему: «душа моя, мое благополучие, что ты плачешь?» Жеребенок сказал: «о человеческое существо! сегодня твоя мачеха при входе в дом выроет для тебя колодец, насыпет на него сверху немного песку и соломы и набросит сверху ковер; когда ты пойдешь, ты сделай прыжок через вход в дом и перепрыгни через колодец; она скажет: „зачем ты так делаешь?“ ты скажи: „все школьники так делают!“ Юноша сказал: «ну, хорошо!» Он пошел отсюда домой, и когда дошел до входа в дом, сделал прыжок и перепрыгнул на ту сторону. Его мачеха сказала ему: «что ты, сынок? зачем так делаешь?» Он сказал: «я научаюсь от школьников!» Он прошел, поел свой хлеб, вернулся и опять пошел в свою школу.

Его мачеха стала размышлять. Она созвала всех мулл и сказала им: «я дам вам каждому по сто туманов, а когда вернется царь, вы скажите:

bgúšit ki tī ǰinén nā-ǰóḍ int. ā wát a-gušít ki pa eší čé zabr int? e go mullán gúštī ki man bi watí pālúnkān lawáš a-bandín ušk-uškén ki pādišá āt, šmā bgúšit ki pa eší ábi-daryābíen aspáį kurágäį post zábr int. e mullá gúštant ki zabr int. amé ki pādišá átī, dístī tā mnī ǰenén nā-ǰóḍ int. e pādišá gúštī ki trā če būtáī ki ta nā-ǰóḍ būtág äį? ā gúštī ki man pālúnk-próš būtág un. e pādišá mulánā loṭít ki mnī ǰinén pa če nā-ǰóḍ būtagí. e gúštant ki tī ǰinén pālúnk-próš būtagí. pādišá gúštī ki pa mnī ǰinénā če zabr int? e mullá gúštant ki pa tī ǰinénā ábi-daryābíen aspá kurág zabr int. e gúštī ki édā kaį ábi-daryābíen kuráge dārít? e mullá gúštant ki tī zāg dārít. e gušt ki nápa bāz ǰuwán int. man āe rā gušín ki watí kurágā bdant. gúštant ki ta bra, go watí zāgá bguš ki ā watí kurágā dant yā na. agár dátī, ta pkúšī, postáį bar, bi watí ǰinénā gwará bdäį, ā ki watí gwará pkant, gúḍā zábr a-bít. agár na dátī, gúḍā drūá na bīt. ta yak kára pkan ki amé ábi-daryābíen aspáį kurágäį post bāz zábr int. e pādišá gúštī: mán a-raín, āe rā gušín, agá ā watí kurágā bdant. e š-amédā šut bi watí zágäyā ki āí kurágā bzint.

āí zāg demtírā át-atī bi watí kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó watí pālúnkānā lawáš bastagí ki man nā-ǰóḍ un ki mnā ša tī dastá bgīt

---

„твоя жена больна!“ тогда он спросит: „что может ей помочь?“» Она еще сказала муллам: «я привяжу к своим ребрам сухарей, сухих-пресухих, и когда царь придет, вы скажите, что ей поможет кожа жеребенка от водяной лошади». Муллы сказали: «хорошо!» Когда царь пришел, он увидел, что его жена больна. Он сказал: «что́ с тобой случилось, что ты заболела?» Она сказала: «у меня разлом ребер». Царь потребовал мулл: почему, мол, моя жена заболела? Они сказали: «у твоей жены разлом ребер». Царь сказал: «что может помочь моей жене?» Муллы сказали: «ей может помочь жеребенок от водяной лошади». Он сказал: «у кого здесь есть жеребенок от водяной лошади?» Муллы сказали: «у твоего сына». Он сказал: «ну, хорошо, я ему скажу, чтобы он дал своего жеребенка». Они сказали: «ты сходи и спроси у своего сына, даст он своего жеребенка или нет, и если даст, ты его убей, а его кожу отнеси и приложи к груди своей жены, и когда она приложит ее к своей груди, она поправится. Если же он ее не даст, она не поправится. Ты уж как-нибудь постарайся, потому что эта кожа жеребенка водяной лошади очень полезна!» Царь сказал: «я пойду и спрошу у него, даст ли он своего жеребенка!» Он пошел к своему сыну, чтобы взять его жеребенка.

А его сын уже раньше пришел к своему жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха навязала себе сухареи на ребра: я, мол, больна! чтобы меня

wa pkušít. agár mnā kúštant, tī xat korá int, tī pis maróčī kā̱t bi^{t} tíyā ki ä̱ bābá, watí kurágā bdä̱ ki tī mās bāz nā-ǰóḍ int. ta bguš ki kurág pa tī sará xa̱rát bīt, ā tá. ā kurág. ā ki bi mníyā átī, man ašt sidág a-ǰanín. bi awalíen šidágā ta bzánä̱ ki ā démi mán a-kā̱t, bi dūmíen šidágā ta bzánä̱ ki ā bi mníyā átī, bi sä̱míen šidágā ta bzánä̱ ki ā mnā ša mīyá páč a-kánt, bi čārumíen šidágā ta bzánä̱ ki ā mnā rādág a-kánt démi āpá, bi pančumíen šidágā ta bzánä̱ ki ā mnā burt pa kuštínā, bi šašumíen šidágā ta bzánä̱ ki ā mnī dast u pādánā bandít, bi aptumíen šidágā ta bzánä̱ ki ā pātiyá kanánt, bi aštumíen šidágā ta bzánä̱ ki ā mnā kušánt, agár ta wat rā bi aštumíen šidágā raséntä̱, mnā barä̱, agár na raséntä̱, man ša tī demá räín u mnā kušánt, trā am kušánt. e čorí gúštī ki bāz ǰwān int-a, mán a-raín bi watí maktábā. e gušt: nápa bra wa tī goš amíngūr bīt. ā gušt: nápa bāz ǰuwán int. eš š-amídā šut bi watí maktábā.

amé ki rādág būt, yak wār amé písī bi demä̱ dár átī wa gúštī ki ä̱ bābá, watí kurágā bdä̱ ki tī mās bāz nā-ǰoḍ int. e gúštī ki bra, bābá, ā tá wa ā kurág, pa tī sará xa̱rát bīt, bra, bárī. e pādišá š-amídā šut bi kurágäyā. yak wār amé kurág yak šidáge ǰat. amé zāg bi watí maktábā wántī. gúštī go watí mullá ki ä̱ mullá, adáb! mullá gušt ki malhún

---

взять от тебя и убить, а если меня убьют, то погубят и тебя. Сегодня придет к тебе твой отец: отдай, мол, сынок, своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна! и ты скажи: „пусть жеребенок будет жертвою ради тебя! вот тебе жеребенок!“ Когда он подойдет ко мне, я восемь раз испущу ржание. При первом ржании знай, что он подходит ко мне; при втором ржании знай, что он уже подошел ко мне; при третьем ржании знай, что он меня отвязывает от коновязи; при четвертом ржании знай, что он меня ведет к воде; при пятом ржании знай, что он меня повел убивать; при шестом ржании знай, что он мне связывает ноги; при седьмом ржании знай, что читают молитву; при восьмом ржании знай, что меня убивают. Если ты при восьмом ржании подоспеешь, ты меня уведешь; если же не подоспеешь, я от тебя уйду, и меня убьют! и тебя также убьют!» Юноша сказал: «очень хорошо, я пойду в свою школу!» Жеребенок сказал: «ну, иди, но твои уши пусть будут здесь!» Он сказал: «очень хорошо!» и пошел отсюда в свою школу.

Как только он туда направился, его отец вышел к нему и сказал: «сынок, отдай своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна!» Он сказал: «иди, батюшка, жеребенок твой! пусть он будет жертвою ради тебя! иди и возьми его!» Царь пошел отсюда к жеребенку, и тотчас жеребенок заржал; а юноша уже занимался в школе. Он сказал своему учителю: «учитель,

bitáb! pa duwārág amé kurág yak digá šidáge ǰat. e gúštī: mullá, adáb! mullá gúštī: malhun bitáb! e gda gaštá ki yak šidáge ǰat, e gúštī ki äi malhúnen mullá, trā gušín: adáb! édā ki búrtantī bi āpái sará, e yak digá šidáge ǰat. e zāg gúštī: äi mullá, man trā gušín ki adáb! e mullá gúštī ki malhún bitáb! amé ki čārumíen šidágā ǰat, e gušt: äi kāpárdílen mullá, tī dil kap bīt, man trā gušín ki adáb! e mullá gúštī ki bi sabáxäi waxtá abár dātága na bīt. e gúštī: nápa man go ta kār dārín. e gúštī ki šāgírd go mullá īč waxt abár dātága na kant. bi pančumíen šidágā amé čorīká gúštī: äi mullá, adáb! e gúštī: malhún bitáb! eš amá int íčī na gúštī. bi aštumíen šidágā gušt ki äi mullá, adáb! e gúštī ki malhún bitáb! amé zāg e mullá gúštī: äi mullá, ta mnā agár náiläi, man go ta kār dārín. amídā amé zāgái pānádā yak āptāwáge ér at. amé āptāwágā zúrtī, ǰat bi mullá äi sará u š-amídā ǰístī wa šútī.

am amé sarabún[a] átant ki e kurágā pkúšant. tawárī kurt ki xabardári šmā bīt, yak wār bóštit ki man sar bäín. eš oštátant. ā ki átī wa gúštī: äi bābá, man pa e aspá zāmát bāz kašitág un, yak wār ta bi man bdäi ki man suwár a-baínī. e pādišá gúštī ki bra, bābá, suwár bäi watí kurágā ki tī

благопристойность!» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Вторично жеребенок испустил ржание. Он сказал: «учитель, *благопристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда еще раз раздалось ржание, он сказал: «эй, *ошибочный* учитель, говорю тебе: *благопристойность!*» Когда жеребенка повели к воде, он еще раз заржал. Юноша сказал: «учитель, я тебе говорю: *благопристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда четвертый раз раздалось ржание, он сказал: «жестокосердый учитель, пусть расколется твое сердце! говорю тебе: *благопристойность!*» Учитель сказал: «нельзя разговаривать во время урока!» Он сказал: «ну, так я с тобой разделаюсь!» Тот сказал: «ученик с учителем никогда не разговаривает!» При пятом ржании юноша сказал: «учитель, *благопристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Больше он ничего не говорил. При восьмом ржании он сказал: «учитель, *благопристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Юноша сказал учителю: «учитель, если ты не отпускаешь меня, я с тобой разделаюсь!» Около юноши стоял кувшин для воды. Он схватил этот кувшин и бросил его в учителя, а сам выскочил и побежал.

Уже подходили, чтобы убить жеребенка. Он закричал: «внимание! подождите, пока я подойду!» Они остановились. Как только он подошел, он сказал: «батюшка, ради этой лошади я понес много трудов! позволь мне разок посидеть на ней!» Царь сказал: «иди, сынок, и садись на своего жеребенка,

dilą́ sará yak armáne ma mánít. e š-amídā šut bi watí gesá, watí kurágą́ ǰulánā zurt u burt, bi watí kurágą́ sará dāt wa yak wār suwár būt u ą́yī kurt. eší kurág šut bi āsmánā, bálī kurt, bi mā āsmánąą́ demá oštát. amé zāg yak xáte nimístī, bi ǰālágā préntī. e maxlūk gúštant ki xáte kapt ša āsmánā. e xatá gíptant, wántant, dístant ki bi xatą́ tā nimistagí ki ą́ bābá, man ša tī dastá šútun. bi tī ǰinénąą́ rāstén pālúnkān uškén lawáš bastá, bi demą́ dārū zard muštá. činka róči digár pa mnī padá gáštī ki mnā pkúšīt, e mnā kuštág na kúrtī. digá pa tī ruxsátā, man šútun. e pādišá š-amídā šútī pa wat.

e čorí š-amídā šut u šut, bi āsmánąą́ sará ki rast, ódinā er kapt u šut bi yak ǰáe, dístī tā amídā yak débe nāl-nāl a-kánt. e uškítī, š-amídā šut bi mā debáyā, gúštī ki tī če dárd a-kánt? ā gušt ki ą́ ādámi γaríb, ta ša man pa če pursą́? mnī pādá yak ǰíke šutagí. ta agá mnī pādą́ ǰiká kašitág pkánąą́, man ša ta bāz rāzíy a-baín. e guštī ki nápa bāz ǰuwán int. man yak sāáte digár kāín, tī pādą́ ǰiká kašín. e zāg átī, watí kurágā gúštī ki man ša ta amé anún loṭín yak anbúrre. eší asp gúštī ki bāz ǰuwán int-a. eší asp š-amídā bálī kurt wa šut bi awá. bę me yakén sāát'tā šut, anbúre áúrtī, dátī. e zāg anbúrā áúrtī bi debáyā. e deb gúštī ki man ástun yak

---

чтобы не оставалось у тебя на сердце неудовлетворенного желания!» Он пошел домой, взял и принес убор и покрывала для жеребенка, положил на него, сел верхом и сразу погнал его. Его жеребенок направился к небу, взлетел и остановился у самого неба. Юноша написал письмо и бросил вниз. Люди сказали, что с неба упало письмо. Они взяли письмо, стали читать и увидели, что в письме написано: «батюшка, я ушел от тебя. У твоей жены справа к ребрам привязаны сухари, а лицо вымазано желтым снадобьем. Сколько дней она старалась всячески меня извести, но не смогла! А затем прощай, я ушел!» Царь отсюда отправился к себе.

Юноша ехал и ехал, и когда добрался до самого неба, спустился там с лошади и пошел в одно место. Он увидел, что здесь ревет один див. Он услышал, подошел к этому диву и сказал: «что у тебя болит?» Тот сказал: «странник, зачем ты меня спрашиваешь? мне в ногу попала заноза, и если ты сможешь вытащить из моей ноги эту занозу, я буду очень тобою доволен!» Он сказал: «ну, очень хорошо, немного погодя, я приду и вытащу занозу из твоей ноги». Юноша пришел и сказал своему жеребенку: «что́ я теперь хочу от тебя, это — щипцы!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» Его лошадь взлетела и двинулась по воздуху. В какой-нибудь час она обернулась, и принесла и дала щипцы. Юноша понес щипцы к диву. Див сказал: «я ведь зверь! ты сходи,

ǰinawā́re. ta bra, byār bā́zen xíšte bę me mn̄ī pānā́dā ničén bdäi̯ ki man watí dapā́ prenín bi^{t} tī ǰānā́, trā gandág a-kanín. e gušt ki man raín, xíšt a-kārín. e š-amídā šútī pa xištā́. š-amídā šut, xišt āúrtī b-eší ešk-u-āškā ničén dátī u anbúrā mān dátī. e deb γíšī kúrtī, eší pādā́i̯ ǰikā́ ša pādā́i̯ kašítī, dárī kurt, préntī. e amédā káptī. yak sā́te digár būt, eší čūčág ā́tant bi watí māsäyā, dístant ki tā amídā mardúme ništagí. e gúštant ki mašmā́i̯ māsā́ ki p-azā́b dārít, albatá améš int. eš ā́tant ki eší rā pkúšant. yak wār ešā́nī mās gúštī ki eší rā šor ma dā́it ki e mnā ša yak balā́e alā́sī kurtagí. e š-amódā wat rā préntant bi eší dast u pādā́i̯ čérā. yak katráe digár būt, ešā́nī mās d^{n}rūā́ būt wa eší rā gušt: š-amé ammā́i̯ puṭā́n yak káme bzūr, bar. ar ǰā tī sarā́ sakíe būt, ta amé puṭā́nā dūt pkān. a^{m}má āzír a-bayán. e gúštī ki nápa bāz ǰuwā́n int. e š-amešā́nī puṭā́n ya káme pa wat zurt u búrtī.

š-amídā šut, bi yak ǰā́e ā́tī, dístī tā amídā yak dráxte. e š-amídā šútī, bi me draxtā́i̯ čérā wapt. bi me wābā́ tā átī, yak wār dístī tā čaγupíγe. e ša wābā́ arkátī kurt wa sā́i̯lī kurt tā yak aždiyā́re bālā́ būtagí wa kā́i̯t ki amé čūčágānā buwárt. eš watí zāmā́ zurt u arkátī kurt ki amé aždiyárā pkúšīt. š-amé ǰālágā alγačí kurt, bi me mārā́i̯ sarā́ lagítī. e mār š-amā́ burzágā káptī bi ǰālágā, karā́r e mā́rā ǰat, zabr kúštīe, zabr eší rā ṭukúr ṭukúrī

принеси побольше кирпичу и наложи его около меня, а то я могу броситься на тебя своей пастью и причинить тебе зло!» Он сказал: «я схожу и принесу кирпичу». Он пошел за кирпичем; сходил, принес кирпичу, наложил вокруг него и приложил щипцы. Див лишился чувств. Он потянул занозу из его ноги, вытащил и бросил. Тот тут же свалился. Немного погодя, пришли дивьи детеныши к своей матери (див был самка) и увидели, что здесь сидит человек. Они подумали: «наверное, это тот, кто мучает нашу мать!» и уже хотели его убить, как вдруг их мать сказала: «не трогайте его, потому что он вызволил меня из беды!» Они бросились к его рукам и ногам. Немного погодя, их мать оправилась и сказала ему: «возьми с собой немного из наших волосков! где бы ни случилась с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Он сказал: «очень хорошо», взял с собой немножко из их волосков и унес.

Он пошел отсюда, пришел в одно место и увидел дерево. Он пошел и лег под деревом. Он уже спал, когда вдруг услышал шум. Он проснулся и стал смотреть: один дракон поднялся наверх и хочет пожрать птенцов. Он схватился за меч и двинулся, чтобы убить дракона; нацелился снизу и попал в змея. Змей повалился сверху вниз. Тогда он ударил змея, окончательно его убил, раскромсал на куски и отнес и положил у входа в гнездо этих птенцов,

kurt wa búrtī, bi čūčágānī kudógäi̯ dapá íštī wa wat pádā átī, bi wātí jāgá wáptī. yak wār amé čūčágānī más átī. e gúštī: bálken mnī čūčágānā améš wartaí. amé símúrγ š-amídā šut, yak sínge rā bi watí sunṭá gipt wa āúrt ki bę me čoríäi̯ sará prénīt. amé čūčág yak wār bi čaγupíγā átant, gúštant ki äi̯ māsī, na ki e singá prénäi̯ b-é zāgái̯ sará ki amá aždiyár ki ar sál a-kāt, tī čūčágānā wart, maróčī āt ki amá rā buwárt, amé zāg át at, bę me draxtái̯ čérā wápt at, yak wār amé mār wat rā pleč dátī wa yak wār amá bi čaγupíγā átan, amé čorí š-amé daraxtái̯ čérą āgá būt, sái̯lī kurt, dístī ki tā bę me draxtái̯ sará e čaγupíγ ast. e zabr sái̯lī kurt, dístī tā ā int aždiyár wat rā pleč dātagí. e watí zāmá zurt u burt bi me draxtái̯ čérā, zabr e zāmá tézī kurt, zabr sálī kurt, dístī tā zabr bę me zāmái̯ čamá int, amé watí zāmá alγačí kurt, bę me márái̯ sarágā lagítī. amé márá zurt u āúrt bi jālágā, eší rā gipt, čo páse póstī kurt. š-amé márái̯ postá yak silúme kašítī. e gúštant ki na ki māsī e zāgá pkúšäi̯, ki e amá rā āzádī kurt. ešánī más amé singá pádā burt wa préntī wa jíndī pádā átī bi watí jāgá, bi watí čūčagánīyā. amídā tángā wáb int. amé símúrγ átī, watí yak bále rā bi čerái̯ kurt, yáke rā p-āí gwátī jat tā wáxte ki āgá bútī. amé ki āgá bútī, amé símúrγ gušt ki ta š-a^{m}mái̯ parán yak káme psind. ar já ki tī sará sakíe

---

а сам вернулся и лег на свое место. Вдруг вернулась мать этих птенцов. Она сказала: «наверное, этот самый поедал моих птенцов!» Эта птица-симург пошла, схватила в клюв камень и принесла, чтобы бросить его в этого юношу. Тотчас птенцы подняли шум и сказали: «матушка, не бросай камень в этого юношу, потому что тот дракон, который каждый год приходил и поедал твоих птенцов, приходил и сегодня, чтобы нас съесть, а этот юноша еще прежде того пришел и спал под деревом. Вдруг змей пополз, и мы подняли шум. Юноша под деревом проснулся, посмотрел и понял, что этот шум идет с вершины дерева. Он хорошенько присмотрелся и увидел: вот оно что! это дракон пополз! Он схватил свой меч, понес под дерево, хорошенько наточил его, хорошенько вгляделся, увидел, что он приходится как раз под самый меч, размахнулся мечом и попал змею в голову. Он взял этого змея, стащил вниз и содрал с него кожу, как с барана, а из змеиной кожи вытянул ремень». Они сказали: «нет, матушка, не убивай этого юношу, потому что он освободил нас!» Их мать отнесла назад камень и бросила его, а сама вернулась на свое место к своим птенцам. А он еще спит здесь! Птица-симург подошла, подложила одно крыло под него, а другим стала на него навевать ветер, пока он не проснулся. Когда он проснулся, птица-симург сказала: «вырви немножко из наших перьев, и где только ни

būt, ta amé puṭánā dűt pkan. amá āzír a-bayán. amé zāg gúštī: nápa ǰuwán int. ša ešánī bāzúl u parán yak káme zurt u burt.

š-amídā šútī bi yak ǰāgáe, dístī tā yak šuwānáge dédi yak páse rā kušít wa dédi post a-kántī. amé zāg gúštī ki amé watí pasą́ uškumágā mnā bdą́it. e gúštant ki nápa bāz ǰuwán int. amá watí pasą́ uškumágā bi ta dayán. e gúštī ki nápa bdą́it. e gíptant, watí pasą́ uškumágā dątant bi zāgą́ dastá.

e zāg š-amídā šut, dístī tā amídā yak bāgwáne dédi watí bāgánā áp a-dánt. amé zāg šut, wat rā prent bi amāí ǰūwákąą́ dapá. e bāgwán dístī tā amé mnī ǰūwákąą́ dap bastág būt. ā int-a ki ápa na kāą́t, watí belá zurt u bi watī kopágā prent u átī, sálī kurt tā bi mnī ǰūwákānī tā mardúme kaptagí. yak wār amé bāgwán watí belá kašít pa ǰānáą́. amé zāg gušt: na ki mnā pkúšąą́? man tī muzűr a-baín. e gúštī: nápa ǰuwán int, ta byā ki brawán, ya káme gul go man ta bčin ki man a-barín pa pādišáąą́ ǰiníkān. e gúštī: nápa ǰuwán int, brawán. e š-amídā šútant wa gul čítant. amé bāgwán eší rā gúštī ki ta amídā mnind ki mán a-raín bi pādišáąą́ gisá. amé zāg bi amé bāgą́ sará níštī. e bāgwán bi ódenā e gulánā ki burt, pādišáąą́ ǰiník átant pa gulánī sąą́lá. gulánā sál kurtant, dístant tā amé gulánī tā yak dastáge gul ǰwānén bastá wa ér int. amé pādišáąą́ ǰiník

---

случится с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Юноша сказал: «хорошо!» взял немного перьев из их крыльев и понес с собой.

Он пошел отсюда в другое место и увидел, что один из пастухов режет овцу и сдирает с нее шкуру. Юноша сказал: «отдайте мне желудок своей овцы!» Они сказали: «хорошо, отдадим!» Он сказал: «ну, так давайте!» Они взяли и вручили юноше овечий желудок.

Юноша пошел отсюда и увидел, что один садовник поливает свои сады. Юноша пошел, лег в канаву и завалил собою вход в нее. Садовник увидел: да ведь завален вход в канаву, вот потому вода и не идет! Он взял лопату, положил на плечо, подошел, стал смотреть и увидел: какой-то человек лежит в моей канаве! Садовник тотчас схватил свою лопату и двинулся на него. Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе буду слугой!» Тот сказал: «ну, хорошо, давай, пойдем! ты набери со мной немного цветов, и я их снесу царским дочерям!» Он сказал: «ну, хорошо, пойдем!» Они пошли отсюда и набрали цветов. Садовник сказал ему: «ты посиди здесь, а я пойду в царский дом!» Юноша сел у входа в сад. Когда садовник отнес туда эти цветы, царские дочери пришли посмотреть на них. Они стали рассматривать цветы и увидели, что из этих цветов один букет красиво связан и уложен. Царские дочери спросили у садов-

pursítant š-amé bāgwánā ki amé gulánā kaą čitagí? e bāgwán ǰawáb dátī: man yak muzūre dārín, amá čitagí. e ǰiník bi watí dilá pígr kurtant ki biyáit tā bándā mašmá brawán ɻa ābāzíyā.

bándā ki būt, amé pādišáąį ǰiník wat rā ǰóḍ kurtant ki brawánt. amé zāg maróčī watí aspáą puṭá dūt kurtagí, amé asp ātagí bi amāíyā. amé zāg watí pādišāíen ǰulánā watí gwará kurtagí. amé aspáą bi áškäą bastagí. amé zāg dédi watí tiláen šaká zurtagí, watí sará dédi šák a-kánt. amé ki pādišáąį ǰiník átant, amé gwanḍén ǰiníkäą čam kapt bi me zāgá. amé zāg ki watí sará šákī kurt, watí šaká amídā be ʷóšī kurt. bę me draxtá ǰát at, amé pādęšáąį gwanḍén ǰiníkäą čam kapt bę me šaká. amídā oštát, íčī na gušt. amé zāg watí ǰwānén ǰulánā gipt, bi aspáą sará bast, ā wat amá watí uškumágā gipt bi watí sará bast. š-amídā watí aspá zurt u burt, bi dūrá, elái kurt, ya káme puṭ am sist, wat š-amídā šut bi bāgáą pānádā. amé pādišáąį gwanḍén ǰiník átī, ameší šaká zurt wa búrtī pa wat.

yak čunt roč gwast. amé pādišáąį ǰiník pa watí pisá bi gulámäą dastá galóʷ dem dátant. ar yáke yak galóʷ dem dátant. e gulám galóʷānā š-amídā zurt wa burt pa pādišá. ódinā bi pādišáąį demá íštī. e pādišá aįrán mántī, watí wazíl u wakílānā loṭítī ki ešánā pa čéwäą xātírā pa man dem dátág ant. amé wazíl ǰawáb dátī ki äą pādišá, man agár bgúšīn, ta mnā taᵐmíya

---

ника, кто набрал эти цветы. Садовник ответил: «у меня есть один слуга, это он набрал!» Девушки про себя подумали: «давайте, завтра сходим купаться!»

На следующее утро царские дочери собрались итти. А юноша в этот день заставил дымиться волосок своей лошади, и лошадь пришла к нему. Юноша надел на себя свои царские одежды, привязал свою лошадь поодаль, а сам взял свой золотой гребень, да и причесывает свою голову. Когда царские дочери подошли, младшая девушка заметила юношу. А когда юноша причесывал голову, он забыл здесь гребень: уронил его под деревом. Младшая царевна заметила этот гребень; она остановилась, но ничего не сказала. Юноша взял свою хорошую одежду и привязал ее к лошади, а сам взял тот свой овечий желудок и повязал им голову. Потом он взял свою лошадь, повел ее и пустил вдаль, только выдернул несколько волосков; а сам направился отсюда к саду. Младшая царская дочь подошла, взяла его гребень и унесла с собой.

Прошло несколько дней. Царские дочери послали с рабом своему отцу дыни. Каждая послала по одной дыне. Раб взял дыни, отнес царю и поставил перед царем. Царь удивился и позвал своих правителей и наместников: зачем, дескать, они мне их прислали? Визирь отвечал: «о царь, если я скажу, ты

na kanā̆? amé pādišā́ gúštī ki man ič waxt trā tamíya na kanín, ta bguš. amé wazíl gúštī: ā mazánen galówā tī mazánen jiník pa ta dem dātagí ki ameší dil pa mardā́ omán kurtagí. e pādišā́ gúštī: juwā́n int. amé miyāntaíen galó^{w} tī miyāntaíen jinikā́ int, amé gwanḍentarúk tī gwanḍén jinikā́ int. amé pādišā́ gúštī ki tawā́r pkánit amé jārčínā. e tawā́r kúrtant jārčínā. amé jārčínā gúštī: ta bra, amé maxlūkā bguš ki bándā ič kas ma rot ki bándā pādišāäi jiník pa wat márd a-giránt.

tāríenā būt, maxlūk gird bi yak jā būtant. amé zāg š-amídā šut, bi yak jáe čer kapt, bi yak tandūräi tā. amé pādišā́ āúrt, bi amé maxlūkäi tā yak kapóte elái kurt wa gúštī: amé mnī jinikánī dil bi ar kasí sará bīt, amé kapót wat bā́l a-kanánt, bi māí sará rawánt, nindánt. amé mazánen jiníkäi wār būtī. amé mazánen jiníkäi dil bi wazíläi zāgā́i sará at. amé kapótā bā́l dātant, amé kapót šut, bi wazíläi zāgā́i sará ništ. wārí amé gwanḍén jiníkäi būt. amé gwanḍén jiníkäi dil bi wakíläi zā́gäi sará at. amé kapótānā bā́l dātant. amé kapót šútant bi amāí sará níštant. eší pa wat wakíläi zāgā́ gipt. wārí amé gwánḍ-gwanḍén jiníkäi būt. eš ar čę sā̆lī kurt, amá zāg paidá[a] na bīt. e gušt: šmā amé kapótānā elá pkánit, amé kapót āí rā wat getír paidá [a]kanánt. amé pādišā́ kapótānā elá kurt. amé kapót gáštant éngūr, gáštant ángūr, yak wār šútant, bi tandūräi tā níštant,

---

не подвергнешь меня наказанию?» Царь сказал: «говори, я тебя ни в каком случае не накажу!» Визирь сказал: «бо́льшую дыню тебе послала твоя старшая дочь, потому что ей хочется мужа!» Царь сказал: «хорошо!» — «Средняя дыня — твоей средней дочери, а самая маленькая — твоей младшей дочери!» Царь сказал: «позовите глашатая!» Позвали глашатая. Он сказал глашатаю: «иди, объяви народу, чтобы завтра никто не уходил, потому что завтра царские дочери будут выбирать себе мужей!»

Наступило утро. Весь народ собрался в одном месте, а этот юноша пошел отсюда и спрятался в одном месте, в печке. Царь принес и выпустил в народ голубя и сказал: «кто бы ни был по сердцу моим дочерям, эти голуби взлетят, сами направятся к тому и сядут на него». Настала очередь старшей дочери. Старшей дочери был по сердцу сын визиря. Голубя пустили лететь, голубь полетел и сел на сына визиря. Настала очередь младшей дочери. Младшей дочери был по сердцу сын наместника. Голубей пустили лететь, голуби полетели и сели на него. Она взяла себе сына наместника. Настала очередь самой младшей дочери. Сколько она ни смотрела, того юноши нельзя было найти. Она сказала: «выпустите голубей, голуби сами его лучше найдут!» Царь выпустил голубей. Голуби сунулись сюда, сунулись туда, и вдруг направились

bi me zāgą̄ sará. amé pādišá aṛrán mānt ki e mnī jiník bīt! e brot, yak gá're rā bgīt! e pādišá gušt ki e wārí na būt! pa duwārág kapót á̄tant bi amé zą́gäą̄, amé zāgá búrtant, bi amé maxlūkäą̄ tā čér kurtant. amé kaṛót á̄tant, š-amé maxlūkäą̄ tā eší rā paą̄dá kúrtant, bi saráą̄ níštant.. e gaštínā pādišá gúštī: albatán xudá bi ameší pešāníyā kurtagí. amé wazíl u wakíläą̄ zāgánā búrtī, juwānén tamánī tā kurt, amé zāgá wa amé watí jiníkā burt, bi aráą̄ kulunḍáą̄ tā kurt.

yak róče būt, amé wazíläą̄ zāg wa wakíläą̄ zāg go watí wasírkā gúštant ki äą̄ wasírk, ta amé amá duénānā sáre yak asp bdäą̄ wa sáre yak tūpák bdäą̄ ki amá rawán pa šikárā. e gúštī: nápa bāz juwán int. amešánā sáre yak asp u tūpák dátī. amé zāg go watí ḷenénā gúštī: ta bra, pa man yak tūpáke ša watí pisá bzin wa yak ásṛe. e gušt: juwán int. e š-amídā šut bi watí pisáyā, gúštī: äą̄ bābá, ta amé mnī mardá yak áspe go yak tūpáke bdäą̄ ki ā-m rot pa šikárā. ešī pis gúštī: nápa bāz juwán int. š-amídā šut, yak lakunḍáge go yak ābūe dāt. amé zāgą̄ jinén āúrtī, watí mardáą̄ dastá dāt. ameší mard amé aspá be-zenáyā suwár būt wa aą̄ kurt u šut. amé aspá búrtī, bi yak zanbūr-dānágäą̄ dapá bástī wa watí aspáą̄ puṭá dūtī kurt wa gúštī ki ar čẹ bi dunyá āū ast, man maróčī ša ta loṭín ki amídā byáyant. ameší asp gúštī: nápa bāz juwán int-a. bi me yak damá ar čẹ āū at, e jámī

к печке и сели на юношу. Царь изумился: и это моя дочь! она пойдет и возьмет какого-то лысого! Царь сказал: «этот раз не в счет!» Но и вторично голуби приблизились к этому юноше. Юношу схватили и спрятали среди народа, но голуби приблизились, отыскали его в народе и сели на него. На этот раз царь сказал: «должно быть, бог приготовил ему такую судьбу!» Он повел сыновей визиря и наместника и поместил их в хорошие дома, а этого юношу со своей дочерью повел и поместил в ослиный хлев.

Однажды сын визиря и сын наместника сказали своему тестю: «тесть, дай нам обоим по лошади и по ружью, и мы отправимся на охоту!» Он сказал: «очень хорошо!» и дал им каждому по лошади и по ружью. Этот юноша сказал своей жене: «сходи и возьми у своего отца и для меня ружье и лошадь!» Она сказала: «хорошо!» Она пошла отсюда к своему отцу и сказала: «батюшка, дай моему мужу лошадь и ружье, пусть и он также едет на охоту!» Ее отец сказал: «очень хорошо!» Он пошел и дал негодное ружьишко и какую-то клячу. Жена юноши доставила это и вручила своему мужу. Ее муж без седла сел на эту лошадь, погнал ее и уехал. Он увел эту лошадь, привязал ее к одному улью, а сам задымил волоском своей лошади и сказал ей: «сколько ни есть в мире газелей, сегодня я от тебя требую, чтобы они сошлись сюда!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» В этот самый миг, сколько ни было

kurt wa āúrtī. amé zāg amídenā pa wat yak xaịmáe ǰat, wat bi me xaịmáā̆ tā būt. āū̆ am ameší ẹškụ-áškā átant. yak āū̆e lang at. amé wazíl u wakíläị zāg bi ameší padā́ kápt-atant. amé āū̆ am rāstam átī bi me āūánīyā. yak wār amé zāgā́ị čam káptī, tawárī kurt, gúštī: bílit āū̆ā. amé wazíl u wakíläị zāg íštant wạ átant bi amé zā́gäyā. amé zāg gúštī: šumā́ čẹ kār dārít bi digáräị āū̆ān. ā gúštant: amā́ rā plāná pādišā́ dem dātagí pa āū̆ā. e gúštī: man šmā rā āū̆ a-daín pa yak šárte: bi šmäị rāstén pādā́ yak gulāmíen nāldáge kilín. e gúštant: bāz ǰwān int-a, byār, bil. amé zāg šut, yak āyíne rā burt, bi ātíšā sórī kurt, āúrtī, bi amešánī pādā́ lačént wa š-amídā šut, amā́ āū̆ā āúrt u kúštī. lāšā́ị ešánā dāt, dil u ǰagäräị pa wat zurt wa gúštī: ar čẹ waší u noší ast, bā̆it bi me sarág wa pādágäị tā, ar čẹ tālí ast, brot bi māwánī lāšā́ị tā. ešánā gúštī: anū̆n šmā brā̆it. amé wazíl u wakíläị zāg šútant, átant bi watí gẹsā́. amé zāgā́ị ǰẹnén ešánā pursít ki gúǰ-int mnī mard? ā gúštant ki āí rā am dístan, amā́dā čā́r a-kúrt, šikā́re číze na díst atī, amā́ aí rā amé āū̆äị sarág u pādágā dā́tan.

yak sā́ᵃte digár būt, amé zāg átī bi mā zanbū̆r-dānágäị dapā́. amé aspā́ páčī kurt wa suwā́r būt, ai kurt wa átī bi·watí gisā́, amé sarág u pādágānā dāt bi watí ǰẹnénā. ameší ǰẹnén zabr pakít, begā́enā āúrtī, bi

---

газелей, она собрала их и привела. Юноша разбил здесь для себя шатер и поместился в шатре. Газели собрались вокруг него. Одна газель хромала, а сыновья визиря и наместника ее преследовали. Эта газель прямо подошла к другим газелям. Взгляд юноши упал на нее и он закричал: «оставьте газель!» Сыновья визиря и наместника оставили ее и подошли к юноше. Юноша сказал: «что вам нужно от чужих газелей?» Они сказали: «нас послал за газелями такой-то царь!» Он сказал: «я дам вам газель, но с условием: я поставлю вам на правую ногу рабские клейма!» Они сказали: «очень хорошо, неси, ставь!» Юноша пошел, понес железо и раскалил его на огне; принес и приложил им к ногам. Потом он пошел, привел и убил ту газель и ее тушу отдал им, а сердце, печень, (голову и ножки) взял себе и сказал: «все, что есть вкусного и приятного, пусть придет в эту голову и ножки! все, что есть горечи пусть идет в их тушу!» а им он сказал: «теперь идите!» Сыновья визиря и наместника пошли. Они пришли домой, жена юноши спросила их: «где мой муж?» Они сказали: «мы его видели, он там бродил; на охоте он ничего не нашел, и мы ему отдали голову и ножки этой газели!»

Прошло немного времени. Юноша подошел к улью, отвязал лошадь, сел верхом и погнал ее; приехал домой и отдал жене голову и ножки газели. Его жена хорошенько изжарила, и вечером принесла и поставила перед мужем

watí mardą́ demá ištī wa pa watí pęsą́ gęsá ya káme zurt wa burt. ameší pis ki wártī, gúštī: bābá, e čo wáš ant! digár náint? pa man byār. ā gúštī ki ast. písī gušt: nápa bra, byār. amé ǰinikó šut, ya káme ātúk bi yak kāságą́ ťā kurt wa āúrt, bi me ātúkānī tā yak arą́ léḍe prent. ān čo ki āúrt pa watí pisá, písī ki wart, guštī: bābá, ešánī tā arą́ léḍe. amé ǰiník gúštī: ta amá rā bi yak arą́ kulunḍą́ tā prentág ą́, albatá ātúk go leḍán a-bayánt. ameší pis gúštī: nápa man bándā šma rā bi tamánī tā kanín.

tāríenā ki būt, yak digá pādišáe āt pa ameší wasírką́ ǰānā́ pa ǰangá, ki ǰang pkant. amé zāg šut, watí aspą́ puṭá dūtī kurt, amá šerą́ puṭá dūtī kurt, sīmúrγą́ puṭá dūtī kurt. karár watí aspá suwár būt, šer u sīmúrγ átant bi eší padá. ā sīmúrγ čámm a-kašít, amé šer lāp tál a-dāt, ǰat ki amé pādišá ki pa eší wasírką́ ǰangá át-at, ameší γošúmā γátlī kurt. yak wār ameší dast tīr wart. ameší wasírk āúrt watí dasmálā, bi ameší dastá bast. e laškárā čist tamámī kurt wa šapí āt bi watí gęsá. amé pādišá šút-atī demtírā, gúšt-at go watí ǰiníkā: maróčī ánčen mardúme átī ki čist amá laškárā tamámī kurt. amé ki átī, ta purs ki ta maróčī gujá būtág ą́? agár dístą́ ki bi amāí dastá mnī dasmál bást-at, gúḍā bzánąki amá int-a, gúḍā ta purs ki tī dastá če būtagí. yak katráe digár būt, amé zāg āt, šapénā ki

---

а немножко взяла и отнесла в дом к своему отцу. Как только ее отец поел, он сказал: «батюшки, как это вкусно! нет ли еще? принеси мне!» Она сказала, что есть. Ее отец сказал: «ну, так сходи, принеси!» Девушка пошла, налила в миску немного похлебки и принесла, а в похлебку бросила ослиного навозу. Как только она принесла своему отцу и ее отец поел, он сказал: «батюшки, тут ведь ослиный навоз!» Девушка сказала: «ты ведь бросил нас в ослиный хлев, поэтому похлебка и выходит с навозом!» Ее отец сказал: «ну, завтра я помещу вас в настоящий дом!»

Когда наступило утро, другой царь подступил с войной к его тестю, чтобы повоевать. Юноша пошел, задымил волоском своей лошади, задымил волоском того льва (дива), задымил волоском птицы-симург. Коротко говоря, он сидел верхом на своей лошади, а лев и птица-симург шли сзади него: симург выклевывал глаза, а лев вспарывал животы и избивал, так что он на смерть перебил войско того царя, который пришел воевать с его тестем. Вдруг его поранили в руку. Его тесть принес свой платок и завязал ему руку. Он совсем прикончил это войско и к ночи вернулся домой. А царь еще раньше ушел и сказал своей дочери: «сегодня приходил такой-то вот человек, который совсем прикончил то (вражеское) войско! когда (твой муж) вернется, спроси: где, мол, ты был сегодня? и если увидишь, что на его руке повязан мой платок, знай, что это он и есть, и тогда спроси, что́, мол, случилось с твоей рукой?» Немного

wáptant, ameší ǰenén säi̯l kurt: amé mnī pisā́i̯ dasmā́l bę meší dastā́ bastagí. ameší ǰinén zū́tī kurt, šut, watí pisā́ sí kurtī ki tī dasmā́l bi ameší dastā́ bastagí. ameší pis gúštī ki šmā rā man bándā mutlaxán bi tamánī tā kanín. amé zāgā́i̯ ǰinén ki pádā átī, šapénā wáptant.

tāríenā mālā́ amé zāg šut, watí aspā́i̯ puṭā́ dū́tī kurt. áspī ki átī, amé zāg gúštī ki man ša ta loṭín ki bi me yak roč́ā́ pa man amídā tilā́ǟi̯ šār u kaláte ǰoḍ pkan. ameší asp gúštī: pa če bi yak róče? man pa ta bi nīm sāátā ǰóḍ a-kanín. e gúštī: nápa bāz ǰwā́n int, ta pa man ǰoḍ pkan. amé asp loṭítī múčī parīyánā. amé parí átant, go eší yak damā́ tillā́ǟi̯ gíse ǰóḍ kurtant. tāngát roč dar náy-āt at, e gisā́ tayā́r kúrtant. amé zāg šṭut, watí ǰinénā zúrtī u aúrtī, bi gęsā́i̯ tā búrtant. amé parí bi yak sāátā pa eší nān ǰóḍ kurtant.

amé ki roč būt, mullā́ ustát pa azā́nā, ič na zā́ntī ki watí demā́ gṇǰā́n-gūrí pkant wa azā́n bdānt. dístī tā ša íngūr roč dar ātá, ša á́ngūr am roč dar ātá. pādišā́ ki ustát, sā́i̯lī kurt, gúštī wā wai̯lán! amé pādišā́ mnā kušít! watí maxlū́kānā gúštī: biyā́it ki mašmā́ brawán pa amé pādišā́ǟi̯ salā́mā. amé maxlū́k watí aspā́nā zen kúrtant wa suwā́r būtant, átant pa amé pādišā́ǟi̯ salā́mā. amé pādišā́ āt, eší dastā́nā gipt, čukít. amé pādišā́ǟi̯

погодя, юноша пришел. Ночью, когда они легли, его жена взглянула: да ведь это платок моего отца повязан у него на руке! Его жена заторопилась и пошла известить своего отца: у него, мол, на руке повязан твой платок! Ее отец сказал: «я завтра же помещу вас в настоящий дом!» Жена юноши вернулась, и они ночь проспали.

Рано утром юноша пошел и задымил волоском своей лошади. Когда лошадь пришла, юноша сказал: «я хочу от тебя, чтобы в течение одного этого дня ты для меня здесь построила золотой город и замок!» Лошадь сказала: «почему в течение одного дня? я для тебя построю в течение получаса!» Он сказал: «очень хорошо, построй для меня!» Лошадь созвала всех пэри. Пэри пришли и в один миг построили золотой дом. Еще солнце не взошло, когда они окончили этот дом. Юноша пошел, взял свою жену и привел ее; они перебрались в дом. Пэри тотчас приготовили для него еду.

Когда наступил день, мулла встал на молитву и не мог понять, в какую сторону обратить свое лицо и звать на молитву: он увидел, что и с той стороны взошло солнце, и с этой стороны взошло солнце! Царь встал, посмотрел и сказал: «ох, этот царь меня убьет!» Он сказал своим подданным: «давайте, пойдем на поклон к этому царю!» Его подданные оседлали лошадей, сели верхом и прибыли к тому царю на поклон. Этот царь подошел, взял его

jiník átī, bi watí mardáį zānáį sará ništ. amé písī ki dist, watí dilá gúštī ki säįl pkan mnī jiníkā ki watí mardáį zānáį sará ništagí! yak katráe digár ki būt, pa ešán nān āúrtant. e ki nān wártant, amé zāg gúštī go amé pādišá: man amé tī mardumánī tā du gulám dārín. amé pādišá pursít ki ká int-a ti gulám? amé zāg gúštī: yáke á int-a, yáke á int-a, nišání pa e nišání ki rāstáį pādáįš yak nāldáge. amé maxlúk aįrán mántant, amé pādišá am aįrán mānt ki e čunén káre būt. amé maxlúk gúštant go amé zāgá ki amá amá mardumánā lúč a-kanán. agár ān čo ki būt ki tī gulāmíen nāldág bi āwánī pādá na at, gúdā amá go ta jáng a-kanán. amé zāg gúštī: nápa bāz juwán int-a. šmā, matláb, amá zāgánā biyárit u bi mnī demá luč pkánit. amé maxlúk gúštant: nápa bāz juwán int-a. amé maxlúk šútant, amá ar duén zāgánī dastánā gíptant u āúrtant u bi amé zāgáį demá lúč kurtántiš, amé zāgá gúštant: anún ta biyá, säįl pkan ki tī nāldág gujámadā int. amé zāg āt, säįlī kurt, gúštī: e mnī nāldág ant. amé pādišá ki dístī, ša amé watí jāgá ustát u āt, amé zāgáį demá čukít, gúštī: ta rást a-gušáį. karár ame watí gulámānā gúštī: man šmā ra pa watí pisáį xātírā íčīyā na kanín.

karár amé pādišá ame zāgá zurt u burt bi watí gisá. ódīnā ki búrtī, amé watí maxlúkānā gírdānā lotít wa gúšti: man anún pīr būtág un, mnī jā

руки и поцеловал. Пришла царская дочь и села на колени к своему мужу. Когда ее отец увидел это, он сказал про себя: «посмотри-ка! да ведь это моя дочь уселась на колени к своему мужу!» Немного погодя, принесли еду. Когда они поели, юноша сказал царю: «среди твоих людей есть двое моих рабов!» Царь спросил: «кто твои рабы?» Юноша сказал: «один — вот этот, другой — вот этот! а доказательство то, что у них на правой ноге клеймо!» Люди изумились, и царь изумился: что́, мол, за происшествие случилось! Люди сказали юноше: «мы разденем этих людей, и если окажется, что у них на ногах нет твоего клейма для рабов, тогда мы будем с тобой воевать!» Юноша сказал: «очень хорошо! только вы приведите этих людей и разденьте их передо мной!» Люди сказали: «очень хорошо!» Люди пошли, схватили их обоих за руки, привели и раздели их перед юношей и сказали: «теперь подойди и смотри, где твои клейма!» Юноша подошел, посмотрел и сказал: «вот мои клейма!» Царь, как увидел, так встал с своего места, подошел, поцеловал юношу и сказал: «ты говоришь правду!» Наконец, юноша сказал этим своим рабам: «ради своего отца я вам ничего не сделаю!»

Итак, царь взял юношу и отвел к себе домой. Когда он его туда отвел, он созвал весь свой народ и сказал: «я теперь состарился, пусть вместо

amé mnī zāg pādišā́ bīt. amé maxlū́k gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a, bí tā tī amé zāg pādišā́ bīt. amā gírdiy a-lóṭan ki ā pādišā́ bīt. karā́r amé zāg pādišā́ būt. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat imā́ne āúrtun, pa ta ǰuwānen ǰinike āúrtun.

XV

būt būt, ša xudā́ getír káse na būt. pādšā́e at, dā́štī du zāg. e zā́gī šútan^{t} pa šikā́rā, šikā́räi̯ ǰāgā́ dú bū́tant. gwanḍén brā́se šútī, dístī yak šikā́re. e šikā́rā mā́re wart-átī, amé šā́xī band gipt-átī bi dapā́i̯. e brās šútī bi watí mazánen brāsā́i̯ā, gúštī: biā́ ki aždiā́re gorā́nḍe rā wartá, šā́xī band giptágan^{t} bi dapā́i̯. édā átant. aždiā́r gušt: äi̯ ādamī-zā́t, š^{u}mā ma trusít, e šāxā́ ša mnī dapā́ agár dūr pkánit, ar če bloṭít, man ^{a}dä^{h}ín šmā rā. e šútant, arráge āúrtant, e šāxā́ arrág kúrtant, e aždi^{y}ā́r šāxā́ wártī. e čorí gúštant: biā, brawán ammā́i̯ pisā́i̯ šārā́. e šútan^{t} watí pisā́i šārā́, šārā́i̯ mardúm aždiā́rā dístant, múčī ǰístan^{t}, yakén pādšā́ mántī. čorí gúštant: äi̯ mardumā́n, ma ǰéit. písiš āt, p-é aždi^{y}ā́rā čergéǰ préntan^{t}, wašāmáde kúrtant. aždi^{y}ā́r gúštī: ša šmā du brāsā́n yáke biā́it. gwanḍén trusít, mazánen brā́sī šut.

меня будет царем этот мой сын!» Весь народ сказал: «очень хорошо, пусть этот твой сын будет царем! мы все хотим, чтобы он был царем!» Итак, этот юноша сделался царем. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел красивую девушку.

(XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря)

Было-было, лучше бога никого не было. Был царь, у него было два сына. Его сыновья отправились на охоту. На охоте они разделились. Младший брат пошел и увидел одного барана; его поел змей, но его рога застряли в пасти. Этот брат пошел к своему брату и сказал ему: «подойди, змей пожрал барана, но его рога застряли у него в пасти». Они подошли туда. Змей сказал: «рожденные человеком, не бойтесь, и если вы удалите у меня из пасти эти рога, я дам вам все, что вы захотите!» Они пошли, принесли пилу и отпилили рога; змей пожрал рога. Юноши сказали: «давай, пойдем в город нашего отца!» и они пошли в город своего отца. Жители города увидели змея и все разбежались, остался один царь. Юноши сказали: «люди, не убегайте!» Их отец подошел, змею постлали ковер и сказали ему: «добро пожаловать!» Змей сказал: «пусть придет один из вас, двух братьев!» Младший брат испугался, старший брат пошел.

aždi^{y}ár gušt ki man a-räín demá, ta ša pádā biyá, ar čīz a-kā̤it tíā, ma trusā̤i: trā zā^{a}rátt a-kánt. yákke ša pádā kā̤it, trā tī rikébā zārátt a-kánt, amá tī dištár int. amé mār átant, eší rā zārát kúrtant. ša pádā yak máre āt, eší rā tā rikébā zārát kurt. čorí šut, aždiáā̤i gisá sár būt. e aždiyá ša watí siyādān sójī ku ki man watí janíkā b-e ādami-zátā bdáīn yā ma däín. siyádī gúštan^{t}: agá sä̤i šapá jo̤d ma bīt, eší póst a-kašán, ša ka^{h}ā púr̤ a-kanán. agá jo̤d būt, ę̤č kārá he̤č. gúštī: šarr. watí janíkā gísī dāt.

bi awalíen šapá sä̤i go̤dí kītóä̤i tā kúrtī ki ma gušánt ki wāb šutá. eš šapí jo̤d na būt. tárī ustát, aždiá āt, gúštī: tī woš go go̤díā būtá. šapí būt. sä̤i mujúl kītówä̤i tā kúrtī. janík āt, watí márí^{y}en pošá kašítī, e čorí āgá na būt. janík čirágā búnī dāt, níštī, e čorí āgá na būt. tárī roč būt, aždiá āt, gúštī: jo̤d na bútit. čorí gušt: na. aždiá gušt: tī woš go mujúlān būtá. šapí būt, čorí watí čangúlā šáxī kurt, eší rā wád ku. šapí wáptī, wāb na šut. janík āt, watí pošá kašítī, čirágā búnī dāt, níštī, čorī āgá būt. jo̤d bútant. tárī roč būt, aždiá āt, gálī kurt.

dā roč gwast. čorí aždiá gúštī ki man a-räín watí pisā̤i šārá. eší gušt: bāz jwān int. āt watí jänénä̤iā. jänén gušt ki bra mnī pi^{s}sáyā, bguš ki ta

---

Змей сказал: «я пойду вперед, а ты иди сзади, и кто бы ни подошел к тебе, не бойся: это тебя будут приветствовать; и сзади некто подойдет к тебе, чтобы поклониться твоим стременам, это — твоя невеста!» Змеи подошли и приветствовали его. Одна змея подошла сзади и поклонилась его стременам. Юноша пошел и добрался до дома змея. Змей спросил у своих родственников: «отдавать мне свою дочь за рожденного человеком или нет?» Его родственники сказали: «если он в три ночи не сладит (с женой), мы снимем с него кожу и набьем ее сеном! ну, а если сладит, тогда ничего!» Он сказал: «хорошо!» и выдал за него свою дочь.

В первую ночь он положил в карман три рюхи, чтобы не говорили, что он заснул. Ночью он не сладил (с женой) и утром встал. Змей пришел и сказал: «твои мысли были с рюхами!» Наступила ночь, он положил к себе в карман три бабки. Девушка пришла, сняла свою змеиную оболочку, но юноша не проснулся. На утро, когда взошло солнце, пришел змей и сказал: «не сладились?» Юноша сказал: «нет!» Змей сказал: «твои мысли были с бабками!» Наступила ночь, юноша обрезал себе палец и посыпал на него соли. Ночью он лег, но не заснул. Девушка пришла, сняла свою оболочку, зажгла светильник и села. Юноша проснулся, и они сладились. На утро рассвело. Пришел змей и стал шутить.

Прошло десять дней. Юноша сказал змею: «я отправляюсь в город своего отца». Тот сказал: «очень хорошо!» Он пришел к своей жене. Жена сказала:

áspe bdäi̯. áspe ki dátī, lāgárene byáräi̯, pa-zórene ma yáräi̯, ša lagámānī ta konágene byáräi̯, zenánī tā konágene byáräi̯. čorí šut aždiáäi̯ā, gúštī ki mnā áspe bdäi̯. gúštī: bra, pa wat áspe biyár ša aspánī tā. šut, lāgáren áspe āúrtī, šut, konágen lagáme āúrtī, šut, zenánī tā konágen zéne āúrtī. ǰänénī gúštī ki bra, mnī māsá bguš ki azráti Suleimánī paihambári aptekállā bdäi̯. e čorí šútī, gúštī: azráti Suleimánī paihambári aptekállā bdäi̯. másī dátī, eš zurt o āúrtī. ǰänénī gúštī ki bra, mnī māsá bguš ki azráti Suleimánī ampánā bdäi̯. čorí šútī, gúštī ki azráti Suleimánī ampánā bdäi̯. eší rā dátī. eš zurt o āúrtī. čorí gúštī: man a-räín watí pissái̯ gisá. ǰänénī gúštī ki bra, pᵃlāná gudáräi̯ sará mnind ki man ša watí pis o māsá raxsatí a-girín o kāín.

čorí šut, amá gudáräi̯ sará ništ, gušnág būt, gúštī: äi̯ biyá, ki man yak lunkáe nān bzūrín o borín. eš yak lunkáe nān zúrtī, dístī ki máre. sínge zúrtī, ǰátī sarágäi̯ täi̯. guštī: äi̯ čorí, kuštínā mnā kúštäi̯, pláná ampánäi̯ tā dārūānā mnī sará dé. eš zúrtī, bę sarái̯ ǰátī. e mār čoríäi̯ ǰänén átī, amé márien postá wat rā kúrt-atī. čorí gúštī: brawán. e š-amédā šútant, bi watí pisái̯ šārá šútant.

tárī roč būt. gwanḍén brásī ša gisái̯ demá gwast, čámmī káptī bi ǰanénäi̯. dístī čonén zabrén-e, γíšī kurt, kapt. ǰanén átī, gwanḍén čoríäi̯

«иди к моему отцу и скажи, чтобы он дал лошадь; когда он даст лошадь, выбирай худую, сильную не бери, уздечку бери старую, и седло бери старое!» Юноша пошел к змею и сказал: «дай мне лошадь!» Тот сказал: «иди и сам выбери себе лошадь!» Он пошел и привел худую лошадь; пошел и взял старую уздечку; пошел и из седел выбрал старое седло. Его жена сказала: «иди и скажи моей матери: „дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!“» Юноша пошел и сказал: «дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!» Мать дала ему. Он взял и принес. Его жена сказала: «иди, скажи моей матери, чтобы она дала сумку святого пророка Сулеймана». Она дала. Он взял и принес. Юноша сказал: «я отправляюсь в дом своего отца!» Его жена сказала: «иди и подожди у такой-то переправы, потому что я попрощаюсь с отцом и матерью и приду».

Юноша пошел, стал ждать у той переправы, проголодался и сказал: «дай-ка, я возьму и съем кусок хлеба!» Он взял кусок хлеба, как вдруг увидел змею. Он схватил камень и бросил ей в голову. Она сказала: «юноша, ты меня на смерть убил! приложи мне на голову лекарства из такой-то сумки!» Он взял и приложил ей к голове. А эта змея была жена юноши, она надела на себя змеиную кожу. Юноша сказал: «пойдем!» Они ушли оттуда и пришли в город своего отца.

На утро рассвело. Младший брат проходил перед домом, и его взгляд упал на жену брата. Он увидел, как она хороша, лишился чувств и упал. Жен-

demā́ pā́kī ku go watí dasmā́lā, čorí ustátī, šútí watí pisā́ʸā, gušt: ä̆ı̯ bābā́, e ǰanén bā́bi mnī brāsā́ na dārít, bā́bi man dārít. pādšā́ watí wazílā̆ lo̱tít, wazílā gúštī: yak ká̄re pkan ki e čorí ʸā pkúsan, ǰanikā bzínan, bdā́yan bi gwando̱én zāgā́. wazíl gúštī: bāz ǰwān int.

čorí ʸā lo̱títant, čoríyā gúštant: šapí säı̯̆ kūzágā pur pkanā́ı̯̆ ša debā́ı̯̆ šīrā́, tā́rī biyā́räı̯̆. čoríyäı̯̆ rang zard būt. šut ǰaníkä ʸā. ǰaník gúštī: tī rang pa če zard int? čorí gúštī: bʲyā ki e rang guštág ant. e ǰaník dasmā́lā zúrtī, demā́ı̯̆ pā́kī kurt. rángī am-awäläı̯̆ rang būt. e ǰaník gúštī ki γussá ma war, ki āsā́n int. šapí čoríyā bírī dāt. debā́ı̯̆ pú̱te dū́tī kurt. deb rástant, ar yáke yak úre šīr āúrt, e kūzág pur bū́tan[t].

tā́rī ki roč būt, e kūzágānā zúrtī, búrtī, bi pādšā́äyā, dátī. wazíl gúštī ki e ziyā́nā na bīt, byā ki digá abáre gušán. čorí ʸā gúštant ki bra, š-ā́ dunyā́ gul byār. čorí gúštī: šarr. čorí ā́tī ǰaníkäyā, gúštī: byā ki e rang guštág ant. ǰaník gúštī: āsā́nen ká̄re. gúštī: kunčít bzūr, bra plāná čammágäı̯̆ sarā, pkiš, pa wat kūdíke jo̱d pkan. kunčít ki gul kúrtant, ar če parí ki kāı̯̆t, šor ma däı̯̆, säı̯̆ parí ša pádā kāı̯̆t, miānǰínäı̯̆ puččánā bzūr u biá: mnī nākozā́k int, e puččánī zúrtäı̯̆, pádā čak má ǰanā́ı̯̆. e čorí gúštī: šarr.

щина подошла и обтерла своим платком лицо младшего юноши. Юноша встал, пошел к своему отцу и сказал: «батюшка, эта женщина не подходит к моему брату, а подходит ко мне!» Царь позвал своего визиря и сказал визирю: «придумай что-нибудь, чтобы убить этого молодца, а девушку возьмем и отдадим младшему сыну!» Визирь сказал: «очень хорошо!»

Юношу позвали и сказали юноше: «наполни ночью три кувшина дивьим молоком и утром принеси!» Юноша побледнел и пошел к девушке. Девушка сказала: «почему ты побледнел?» Юноша сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка взяла платок, обтерла его лицо, и он принял прежний вид. Девушка сказала: «не печалься, ведь это легко!» Ночью она прикрыла юношу и заставила дымиться волосок дива. Дивы пришли, и каждый принес понемножку молока; кувшины наполнились.

На утро, когда взошло солнце, он взял кувшины, отнес царю и отдал. Визирь сказал: «он не погибает! давай, скажем ему что-нибудь другое!» Юноше сказали: «иди и принеси цветок с того света!» Юноша сказал: «хорошо!» Юноша пришел к девушке и сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка сказала: «это легкое дело!» Потом она сказала: «возьми кунжуту, иди к такому-то источнику и посей его, а для себя приготовь укромное место, и когда кунжут зацветет, сколько бы ни пришло пэри, ты не шевелись; затем придут три пэри, ты захвати платье средней и возвращайся: она дочь моего дяди; но когда ты возьмешь ее платье, не оглядывайся!» Юноша сказал: «хорошо!»

kunčít zurt u āt čammágäḭ sará, ešánā kíštī, eš sabz kúrtant, pa wat kūḍíke ǰóḍī kurt. e kunčít gul kúrtant. e parí átant, gwāzíyā kúrtant, šútant, säḭ parí ša pádā átant, watí puččánā kašítant. e čorí šut, miyānǰínäḭ puċčánā zurt u āt. dúi digá bál kurtant, e miyānǰínäḭ taná mānt. e šut čorí^{y}äyā, gúšti: mnī puččánā bdäḭ pa brāsí u gwārí. e čorí gušt: man na däín. gúštī: bdäḭ pa trū-trūzākí. čorí gúštī: na däín. gúštī: bdäḭ pa nākónākozākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäḭ pa ǰaní u mardí. čorí dátī. gúštī: aḭ ādamīzát, ta édā čé^{w}ā kanáḭ? čorí gúštī: b^{i}yā ki mnī pis mnā dem dātá ki bra, š-á dunyá gul b^{i}yār. eš gúštī: āsánen kára, ta amédenā mnin^{d} ki man a-rä^{h}ín, gul a-kārín. eš bálī kurt. yak sā^{h}áte na gwast, eš átī, gul āúrtī, dátī, gúštī: annūn brawán gīsá. ešá s^{n}wárī ku watí puštá, e šútan^{t} bi gisá.

e gulánā čorí burt, dāt watí pisá. písī wazílā gúštī: eš z^{i}yánā na bīt. wazíl gúštī: biá, digá léme pkanán. čoríā loṭítant. wazíl gúštī: apt xim zarr ant, keḷí go tī māsá šuṭá, bā^{h}íd brawáḭ, biyáräḭ. čoríäḭ rang zard būt. čorí āt ǰanénānīyā, e gúštant: tī rang pa čé zard int? gúštī: biyá ki wazíl

---

Он взял кунжуту и пошел к источнику. Он его посеял, и кунжут вырос, а для себя он приготовил укромное место. Кунжут зацвел. Пришли пэри, выкупались и ушли; вслед за ними пришли еще три пэри и разделись. Юноша пошел, схватил платье средней и вернулся. Две другие взлетели, средняя осталась одна. Она пошла к юноше и сказала: «во имя любви брата и сестры отдай мою одежду!» Юноша сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради любви тетки и племянника!» Юноша сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви дяди и племянника!» Он сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви жены и мужа!» Юноша отдал. Она сказала: «рожденный человеком! что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «поверишь ли, мой отец меня послал, чтобы я принес цветок с того света!» Она сказала: «это ведь легкое дело! ты здесь побудь, а я пойду и принесу цветок!» Она взлетела. Не прошло и часу, как она пришла, принесла цветок, отдала ему и сказала: «пойдем теперь домой!» Она посадила его на спину, и они отправились домой.

Юноша отнес эти цветы и отдал своему отцу. Его отец сказал визирю: «он не погибает!» Визирь сказал: «давай, придумаем другую хитрость!» Юношу позвали, и визирь сказал: «есть семь сосудов с золотом, а ключ исчез вместе с твоей (покойной) матерью, нужно, чтобы ты сходил и принес его!» Юноша побледнел. Потом юноша пришел к девушкам, и девушки сказали: «отчего ты побледнел?» Он сказал: «подумайте-ка, что́ сказал визирь!» Девушки сказали:

e rang gušťá. ǰanén gúštant: e āsánen kára. čoríā gúštant: bra, plāná ǰā gorrą́ dápe páč a-bít, amódā watí aspá band.

čorī šútī, gorrą́ dápe pač būt, watí aspą́ bástī, šútī, dístī ki du gók ant, watí wā^{h}úndā ǰanánt. čorí gúštī: šmā pa če watí wāúndā ǰanít? čoríā gúštant: bra, š-áškā bą́. čorí šut ākaštírā, dístī, du kučák ant, watí wāúndā giránt. gúštī: šmā pa če watí wāúndā girít? čoríā gúštant: bra, š-áškā bą́. čorí šut, dístī ki du ǰanén zāg ant, yáke lakatáb int, yáke ša čérā p-ameší ātíš kurtá. čorí gúštī: ta pa če ātíš kurtág ą́ eší čérā? čoríā gúštī: ta bra, š-áškā byā, man go ta gušín. e šútī, dístī ki mnī más taǰγánąą́ tā ǰóš a-kánt. eš watí zāgá dístī, ša taǰγánąą́ tā dár būt. zágī gušt: ą́ másī, ta pa če e rang ǰóš a-warái? gušt: man ša tī γamán e rang ǰóš a-warín. gúštī: ą́ másí, ta édā čéwa kanąą́? čorí gúštī: wazíl gúštī: apt ximm zarr ant, kęlí go ta atá. másī gušt: ą́ másí, trā amé rangá kanánt, ki ziyán pkanánt.

čorí ša watí māsá kęlí^{y}ā zurt u šut, āt duén ǰanén zāgán^{i}yā, gúštī: šmā pa če e rangá kanít? ǰanén zāg gúštī: man ā dunyá ném man rogín eší sará wām dáštun, eš ā dunyá mnā na dátī, ar če gúštun ki bdą́, na

---

«это легкое дело!» Они сказали юноше: «ступай! в таком-то месте будет раскрыт вход в могилу, там ты привяжи свою лошадь!»

Юноша отправился, вход в могилу был раскрыт, он привязал лошадь, а сам пошел и увидел двух быков, нападающих на своего хозяина. Юноша сказал: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел дальше и увидел двух собак, хватающих своего хозяина. Он сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел и увидел двух женщин: одна висит, а другая развела под ней огонь. Юноша сказал: «зачем ты развела под ней огонь?» Она сказала юноше: «ступай! заходи на обратном пути, и я тебе скажу». Он пошел и увидел: да ведь это моя мать варится здесь в большом котле! Она увидела своего сына и выскочила из котла. Ее сын сказал: «матушка, почему тебя варят таким образом?» Она сказала: «я варюсь так из-за скорби по тебе!» Потом она сказала ему: «сынок, что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «визирь сказал, что есть, мол, семь сосудов с золотом, а ключ у тебя!» Его мать сказала: «сынок, с тобой так поступают, чтобы тебя погубить!»

Юноша взял ключ от своей матери и пошел обратно. Он подошел к двум женщинам и сказал: «почему вы так делаете?» Женщина сказала: «на том свете она была мне должна пол-мана масла, и на том свете она мне его не отдала;

dátī, annūn eší rā lakatáb kurtág un, watí nem man rogínā bgírīn. čorí šut kučákānīyā, gušt: šmā pa če watí wā^{h}úndā gírit. kučák gúštant: ammá watí wāúndā p-améšā girán ki ā dunyá amá rā nān yáke rā dāt, yáke rā na dāt. šut gokánīyā, gokánā gúštī: šmā pa če watí wāúndā janít. gok gúštant: amá rā ammáḭ wāúnd tárī tā begáī jóγ a-játī, ammá ra kā āúrtī, yáke rā báz a-dāt, yáke rā kam. p-améšā ammá áe rā janán.

šut watí áspäyā, suwár būt watí aspá, šútī watí gisá, burt kẹlíyā, dátī bi watí pisá. písī wazílā loṭít. pādšá gúštī: kẹlíā āúrtī. wazíl gúštī: e z^{i}yánā na bīt, b^{i}yā ki eší rā yak šárti digá pkanán. pādšá gušt: ju^{w}án int. wazíl čoríyā loṭítī, čoríyā gúštī: b-é rodáḭ tā ša ta yak búrje loṭín, yak xíšte ša zarrá bīt, yáke ša sorá. čoríäḭ rang zard būt. čorí āt watí janénānīyā, gušt: b^{i}yā ki wazíl e rang guštá ki b-é rodáḭ tā yak búrje bandáḭ, yak xíšte ša zarrá, yáke ša sorá, eší rā bā^{h}íd šapí joḍ kanáḭ. janénī gúštant: γussá ma war kẹ āsánen kárе. dasmálā zúrtant, demáḭ pāk kúrtant. šapí čoríyā bír dátant, dūt kurtant parí u preštágäḭ puṭá. parí u preštág átant, ar yáke yak xišt āúrtant, búrje joḍ būt. eší rā búrtant bẹ γáuri āsmánā. sar kúrtan^{t}, šútant.

сколько я ни говорила ей: „отдай!“ она не отдавала, и теперь я ее подвесила, чтобы получить свои пол-мана масла!» Юноша отправился к собакам и сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Собаки сказали: «мы потому хватаем своего хозяина, что на том свете он одной давал пищу, а другой нет!» Он пошел к быкам и сказал быкам: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Быки сказали: «наш хозяин с утра и до вечера запрягал нас в ярмо, а когда приносил сено, то одному давал много, а другому мало; поэтому мы на него и нападаем!»

Он пошел к своей лошади, сел верхом на свою лошадь и отправился домой; снес ключ и отдал своему отцу. Его отец позвал визиря. Царь сказал: «он принес ключ!» Визирь сказал: «он не гибнет! давай-ка, подвергнем его еще одному испытанию!» Царь сказал: «хорошо!» Визирь позвал юношу и сказал ему: «я требую от тебя, чтобы в этой реке был замок, такой, чтобы один кирпич его был из серебра, другой из золота!» Юноша побледнел. Он пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал визирь! построй, мол, в этой реке замок, такой, чтобы один кирпич был из серебра, а другой из золота, и нужно, чтобы ты выстроил в одну ночь!» Жены сказали: «не беспокойся, это легкое дело!» Они взяли платок и обтерли ему лицо, а ночью прикрыли юношу и заставили дымиться волоски пэри и ангелов. Пэри и ангелы пришли: каждый принес по кирпичу, и построился замок. Они воздвигли его до самого неба и ушли.

tárī roč būt. wazíl ustát, pādšáā gušt: äi̯ pādšá, bi̯á ki roč š-éngū dar ná^{y} átá, š-éngū dár átá! pādšá gušt: biyárit e kúnä^{i} pusságā. wazíl gušt: na, pādšá, man drógā na gušín. pādšá gušt: brăit, säi̯l pkánit, bálkẹ drógā na gušít. e šútant, säi̯l kúrtant, gúštant: wazíl drógā na gušít, eš rástā gušít. čorí átī, gúštī: búrje jóḍ kurtun. pādšá wazílā gúštī: e ziyánā na bīt. biá ki mašmá múčči brawán, burjái̯ sará bālá bayán. wazíl gúštī: bāz jwān int. čorílā loṭítant. pādšá gúštī: ammá rawán burjái̯ sará, bālá bayán, agár zántan, yak xíšte xaráb ištág äi̯, ammá trā go zāmá janán. čorí gúštī: bāz jwān int. čorí šútī watí janénānīyā, gúštī: biá ki pādšá e rang gušťá. janénī gúštant: e āsánen kāre.

múčči šútant. bālá būtant. čoríäi̯ janén gúštī: ta ma^{r} ra, man a-räín. čorí gúštī: bāz jwān int. janén šútī, uštátī. pādšá múčči bālá būt-atant. pādšá gúštī: äi̯ wazíl, yak xíšte xaráb ištá, dé^{h}ī bi gardínäi̯! amé ki gúštī: déī, čoríäi̯ janén parí u preštágäi̯ puṭá dūtī ku, parí u preštág múčči átant, ar yáke watí xíštā burt. pādšá u wazíl múčči káptant, rodái̯ tā múčči múrtant. š-amódā jístun u bástun, pa wat imáne āúrtun, pa^{t} ta dištáre āúrtun.

На утро рассвело. Визирь встал и сказал царю: «о царь! посмотри-ка, солнце не отсюда взошло, а оттуда взошло!» Царь сказал: «подайте-ка мне этого сына разврата!» Визирь сказал: «нет, царь, я не лгу!» Царь сказал: «сходите и посмотрите, но только не лгите!» Сходили, посмотрели и сказали: «визирь не лжет! он говорит правду!» Пришел юноша и сказал: «я построил замок!» Царь сказал визирю: «он не погибает! давай-ка, мы все пойдем и подымемся на замок!» Визирь сказал: «очень хорошо!» Позвали юношу, и царь сказал ему: «мы пойдем и поднимемся на замок, и если выясним, что ты неправильно положил хоть один кирпич, мы тебя убьем мечом!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Юноша пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал царь!» Жены сказали: «это легкое дело!»

Все пошли и поднялись наверх. Жена юноши сказала: «ты не ходи, я пойду!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Его жена пошла и остановилась. Царь и все приближенные тоже поднялись наверх. Царь сказал: «визирь, если хоть один кирпич поставлен неверно, ударь его по шее!» Как только он сказал: «ударь его!» жена юноши заставила дымиться волоски пэри и ангелов. Все пэри и ангелы пришли, и каждый унес свой кирпич. Царь и визирь и все приближенные упали в реку и погибли. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

XVI

būt būt, čap ša xudá káse getír na būt. yak róče ʸat, yak pādšáe ʸat, säi̯ zāg dāšt. pādšá gúštī: bābá, agár man múrtun, tā säi̯ šap mnī goʳrá psátit. du-säi̯ roč bútī, pādšá murt. kasánen zágī šut watí brāsánīʸā, gúštī: bābá, mašmá rā pis če nasīʸát kurt, gúštī: tā säi̯ šap u säi̯ roč mnī goʳrá psátit. mazánen zāg gúštant: tī pisái̯ māsá bgáyan, murdágäi̯ nasīʸátā kái̯ tā sár a-bá? karár kasánen zāg tīr-kamánā zurt u šut watí pisái̯ gorái̯ sará. karár yak nāūčáge ǰóḍ kurt, karár bi tái̯ ništ. ānčo ki nuašám būt, dístī ki š-améngū yak buzlangí, yak lúnṭe bi asmánā i̯nt, yáke bi ḍigárā i̯nt. karár watí aspái̯ mex-tabílā bi ḍigárā ǰat, watí zām wa tūpákā amódā išt, bináe gorrái̯ pač dātínā zurt. karár pādšáäi̯ zāg eší rā go watí tīr-kamánā ǰat. buzlangí murt. karár eší lāšá gipt, burt, dūrá prent, eší aspá wa zām u tūpákā burt watí gisá, watí pīrazäläi̯ māsái̯ dastá dátī. karár másī aspá gíptī, yak tabiláäi̯ tā kurt.

tárī roč būt, pādšáäi̯ kasánen zāg šut watí mazánen brāsánīyā, gúštī: lālá, pis bäšmá rā če nasīyát kurt? gúštanᵗ: tī pisái̯ māsá bgáyan, murdágäi̯ nasīʸátā kái̯ tā sár a-bárᵗ? karár pādšáʸen kasánen zāg watí tīr-kamánā

(XVI. Об исполнении завета покойного отца)

Было-было, никого лучше бога не было. Когда-то был царь, у него было три сына. Царь сказал им: «дети, если я умру, вы три ночи оберегайте мою могилу!» Через два-три дня царь умер. Младший сын пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец? он сказал ведь: „до истечения трех ночей и трех дней берегите мою могилу!“» Старшие сыновья сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший сын взял лук и стрелы и пошел к могиле своего отца; устроил засаду и уселся в ней. Как только наступил вечер, он увидел с одной стороны бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он вбил в землю коновязный кол для своей лошади, положил возле свой меч и свое ружье и принялся раскапывать могилу. Царский сын выстрелил в него из своего лука. Бузланги издох. Он взял труп, отнес и бросил поодаль, а лошадь, меч и ружье отнес к себе домой и поручил старухе-матери. Его мать приняла лошадь и поставила в конюшню.

На другое утро младший царевич пошел и сказал своим старшим братьям: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказал: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял

zurt u āt watí pisą́ gorrą́ sará. nāučágą́ tā ništ, dist ki š-amángūr yak buzlangí kā̱t, yak lúnṭe bi asmánā int, yáke bi ḍigárā int. karár watí aspá bast u watí zām u tūpákā bi ḍigárā išt. binée padšą́ą́ gorrą́ pač dātínā zurt. karár padšą́ą́ zāg watí tīr-kamánā zurt, ǰat buzlangíʸā. buzlangí kapt. karár eší rā burt, dűrā prent. karár átī, aspą́ wa zām u tūpákā zurt, burt, watí māsą́ dastá dátī. karár wáptī.

tárī duwārdág roč bűtī, šut watí brāsánīʸā, gúštī: lālá, pis bäšmá rā če nasīyát kurt. gúštanᵗ: bra, tī pisą́ māsá bgáyan, murdágą́ nasīʸátā ká tā sár a-báʳᵗ. karár pādšą́ą́ kasánen zāg watí tīr-kamánā zurt u šut watí pisą́ gorrą́ sará. karár nāučágą́ tā ništ, dist ki š-amángū yak buzlangí, yak lúnṭe bi ḍigárā int, yáke bi asmánā int. karár watí aspá bast, watí zām u tūpákā išt, binée pādšą́ą́ gorrą́ pač dātínā zurt. karár pādšą́ą́ zāg eší rā yak tīr-kamán ǰat, kušt eší rā. eší lāšá burt, dűrā prent. eší zām go tūpákā burt, bi watí māsą́ dastá dāt. karár wapt.

maróčī ša ro-darátā yak pādšáe ǰārčínā bi ǰará prent ki ar kas pa šartá kā̱t, bⁱā̱t, ki man čil čā ǰa'tá un, ar kas š-amé čil čā prent, man watí ǰaníkā bi āíʸā däín. karár e pādšáen kasánen zāg sí būt. šut watí mazánen

---

свой лук и стрелы, пришел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел, что с той стороны подходит бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил на землю свой меч и свое ружье, и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын взял свой лук и выстрелил в бузланги, бузланги упал. Он его отнес и бросил поодаль. Потом он подошел, взял его лошадь, забрал меч и ружье, вручил своей матери и лег спать.

Опять наступило утро. Он пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял свой лук и стрелы, пошел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел с той стороны бузланги, одна губа у него до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил меч и ружье и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын выстрелил в него из лука и убил его. Он оттащил труп и бросил поодаль, а меч с ружьем отнес и отдал своей матери, сам лег спать.

В этот день один царь с востока прислал глашатая для объявления, что пусть приходит всякий, кто хочет состязаться: я, мол, выкопал сорок колодцев, и кто бы ни перескочил через эти сорок колодцев, я выдам за того свою дочь. Итак, этот младший царевич узнал об этом. Он пошел к своим старшим

brāsánīʸā, gúštī: lālá, bʲyā ki bašmá brawán bi ro-darátā, pälāná ǰāgá pādšáe ǰārčínā bi ǰārá prentá, čil čā ǰatá, ar kas š-amé čil čā prenít, watí ǰanikā bi āíeʸā dant. mazánen brās gúštant: bra, tī māsá bgāyan, trā kāi̯ gº wát a-bart.

karár pādšáāi̯ kasánen zāg šut watí māsáyā, watí aspá zen u eráγ kurt, sᵘwār būt, šut pa pādšáāi̯ säi̯lá. karár š-améngū šútī, watí aspá äi̯bát dāt. áspī š-amé čil čā vížžu prent. karár yak ǰiníke rā bi watí puštá sᵘwār kurt, āt bi watí gisá, watí māsá gušt: yak táxte ǰóḍ pkan p-amé ǰiníkkā, ǰiníkā bi me taxtái̯ sará mnādén. karár másī táxte ǰóḍ kurt, ǰiníkkā bi taxtái̯ sará nādént. tárī duwārdág roč būt, čorí watí ʸe digá aspá sᵘwār būt, šut pa pādšáāi̯ säi̯lá. maróčī duwārdág watí ʸe digá aspá ai̯bát dāt. áspī š-amé čil čāʰá vížžu prent. karár e digá padšáāi̯ ǰaníkā watí puštá suʷār kurt, burt bi watí gisá, eší rā am bi taxtái̯ sará nādéntī. šapí wapt, tárī duwārdág watí e digá aspá sᵘwār būt, átī pa pādsáāi̯ didánā. karár duwārdág pādšáāi̯ e digá ǰiníkā am búrtı.

maróčī watí brāsánā lotít, ar säi̯ aspánā kašít ša gisái̯ tā, ar säi̯ ǰiníkānā kašít ša gisái̯ tā, tūpákānā am kašít ša gisái̯ tā, zāmánā am kašít ša gisái̯ tā. mazánen aspá wa mazánen ǰiníkā wa mazánen tūpákkā dāt bi

---

братьям и сказал: «братья, давайте, пойдем на восток! в таком-то месте царь выслал глашатая с объявлением: он выкопал сорок колодцев, и за всякого, кто перескочит через эти сорок колодцев, он выдаст свою дочь». Старшие братья сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто тебя возьмет с собой?»

Младший царевич пошел к своей матери, оседлал свою лошадь, сел верхом и отправился к царю на прием. Итак, там он выступил, разогнал свою лошадь, и его лошадь легко перепрыгнула через эти сорок колодцев. Потом он посадил девушку верхом сзади себя, добрался до своего дома и сказал своей матери: «устрой трон для этой девушки!» Для этой девушки устроили трон, и девушку посадили на этот трон. Вновь наступило утро, юноша сел верхом на другую лошадь и отправился к царю на прием. В этот день он опять разогнал свою другую лошадь, и его лошадь легко перескочила через те сорок колодцев. Итак, он и другую царскую дочь посадил сзади себя верхом и отвез к себе домой; ее также усадили на трон. Ночь он проспал, а на утро вновь сел на свою третью лошадь и отправился к царю на прием. Итак, он опять увез и третью дочь царя.

В этот день он позвал своих братьев, вывел из дому всех трех лошадей, вывел из дому всех трех девушек, вынес также из дому ружья, вынес из дому также и мечи. Самую большую лошадь, старшую девушку и самое большое

watí mazánen brāsá, miʸāntaíen aspá wa miʸāntaiíen jiníkā wa miʸāntaíen zāmá dāt bi watí miʸāntaíen brāsá. kasánen aspá wa kasánen jiníkā wa kasánen tūpákkā wa kasánen zāmá wat zúrtī. š-amódā jístun u bastun, pa wat imáne āwúrtun, pa pādšāāi zāgá dištáre āwúrtun.

XVII

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pīramárde at. e pīramárd dāštī yak warnáen jänéne. eší jänén dāštī yak yáre. e janák pa watí yārá juwānén nahár pakkítī, pa watí yārá maidáen ārtánā pakkítī. e pīramárd ar roč gúštī: ái jänén, ta pa če mⁱnā pūk dahái? e janák gúštī: man čon kanín? tī gwār ar roč ke man ārt gečín a-kanín, tī gwār ša Xurāsán tússe jant, ārtánī urténānā bart. e pīramárd gúštī: man gwārái pigrá dārín.

e š-amédā yak látte zúrtī, rādág būt. šútī be watí gwārái alká. eší gwár dístī: mnī brās kāit. e š-amédā arkát kurt. e pīramárd gúštī: má yā, tī pisá gátun, juwánen kār na kurtág ái. eší gwār gúštī: tī ges bun gīt, man trā

ружье он отдал своему старшему брату; среднюю лошадь, среднюю девушку и средний меч он отдал своему среднему брату, а меньшую лошадь, младшую девушку, самое маленькое ружье и самый маленький меч взял сам. Оттуда я убежал и связал, себе принес благополучие, а царскому сыну привел невесту.

(XVII. О плешивом)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старик. Этот старик имел молодую жену, а у его жены был возлюбленный. Эта женщина для своего возлюбленного готовила хорошие кушанья, и для своего возлюбленного пекла хлеб из сеяной муки. Старик каждый день говорил: «жена, что ты даешь мне все муку с отрубями?» Женщина говорила: «что я поделаю? каждый день, когда я просеваю муку, твоя сестра испускает ветры из Хоросана и уносит сеяную муку». Старик сказал: «ужó я позабочусь о сестре!»

Он взял посох, собрался в путь и пошел в селение к своей сестре. Сестра его увидела: вот подходит мой брат! Она поднялась. Старик сказал: «не подходи! я совокупился с твоим отцом! хороших дел ты не делала!» Его сестра

yak sāl-int, trā na distā́ un. e pīramárd gúštī: ta watí kāránā kurtág ạ̈, man ódā pūk a-warín, ta š-édā túss a-ǰanạ̈̄, ārtánī urténānā go watí tussá barạ̈̄. eší gwār gúštī: ta gānók būtág-ạ̈, či balā? íččī ma gu, yáke buškínt, čéwā gušít? ạ̈ lālá ǰán, yak ga brawán gẹsá, ar ka guštá, drog guštá. eš āwúrtī gẹsá, čā dātī, eš zabr ǰʷwān wártī, eší gwār gúštī: yak gárre go wat bäräi̯, man trā garókā daʰín, go wat bárräi̯, ar abáre bīt, garók paᵗ ta gušít.

e pīramárd demā́ būt, garók bẹ āí padā́ būt. garókā nākóī bẹ gẹsá íštī. pīramárd šut pa langárā. e ǰanák gúštī garókā: bⁱra pa dārá! e garók gúštī: šar. daságe zúrtī, šútī bẹ gokánī kulunḍạ̈̄ tā. yak ga dístī, yak warnáen mardáke átī. e ǰanák gúštī: pīramárd yak garróken čorikáe āʷurtá. e mardák gúštī: š-e garrókān sad byárīt, paᵐ man yáke, šar, man räín, ta pa man yak múrge gir o byār, man paᵗ ta kušín. e ǰanák šútī, yak múrge ǰwānén gíptī, āʷúrtī. e mardák ilál kúrtī, ǰanaká gúštī: man á räạ̈̄ dapá gallá rečín, ta ar kadén murgá pakkítạ̈, mnī räạ̈̄ dapá gallá rét-at, āmá räạ̈̄ tā bra, ā räạ̈̄ tā kẹ gallá na rét-at, maʳ ra. ǰanák gúštī: šarr, man murgá pačín o kāín.

сказала: «пусть сгорит твой дом! вот уже год, как я тебя не видела!» Старик сказал: «ты тут делаешь свои дела, а я должен там есть муку с отрубями! ты отсюда испускаешь ветры и своим ветром уносишь сеяную муку!» Его сестра сказала: «ты с ума сошел, что ли? не говори ничего, а то кто-нибудь услышит и что́ скажет? пойдем-ка, братец, в дом! кто бы тебе ни наговорил, напраслину сказал!» Она повела его домой, дала чаю. Он поел, как следует, и его сестра сказала: «возьми-ка с собой плешивого! я дам тебе одного плешивого, возьми его с собой! что́ ни случится, плешивый тебе скажет».

Старик пошел впереди, плешивый сзади него. Старик оставил плешивого у себя дома. Старик пошел пахать, а женщина сказала плешивому: «сходи за дровами!» Плешивый сказал: «хорошо!» взял веревку и пошел в коровник. Вдруг он увидел, подошел молодой мужчина. Та женщина сказала: «старик-то привел плешивого парня!» Мужчина сказал: «пусть хоть сотню приводит этих плешивых, мне все равно! ну, хорошо, я пойду, а ты возьми и принеси мне курицу, и я тебе ее зарежу». Женщина пошла, выбрала хорошую курицу и принесла. Мужчина ее зарезал и сказал женщине: «при выходе на дорогу я посыплю зерна; как только ты сваришь курицу,— а при выходе на мою дорогу будет насыпано зерно, — ты по той дороге и иди, а по дороге, где зерна не будет насыпано, не ходи!» Женщина сказала: «хорошо, я сварю курицу и приду!»

garrók e abarānā uškítī, ša mardákäi̯ padā́ šútī. mardák gallánā kẹ rétī, garrók ša padā́ gallánā rúptī, bẹ watí nākóäi̯ rāā́i̯ sarā́ rétī. gúḍā šut bẹ watí nākó^{w}äi̯ā, gúštī: maróčī mašmā́ murgā́i̯ gošt warán. nākói̯ gúštī: ša guǰá? garrók gúštī: ta či kār dārā́i̯? ša^{m} man, kẹ man trā murgā́i̯ gošt bdäín.

katrā́i̯ gidá garrók säi̯l kurt, dístī tā ǰanák kā̄i̯t. ǰanák kẹ nazínk átī, garrók tawā́r kurt, gúštī: wā tātī, amā́ édān-an, ingūrí biyā́. ǰanák äi̯rán būt kẹ man čunén kā́re kúrtun, ša xaǰālatíyā átī, goštánā ístī, garrókā o nākó^{w}äi̯ gúštī: bẹ́ait, bórit kẹ sárd a-bayánt. amā́ int-a, garrók o nakói̯ átant. ǰanák gúštī: doší man wā́be dístun, múrge xai̯rát kúrtun. garrók gúštī: xudā́ kabū́l pkant. ǰanák gúštī: xudā́ kabū́l-ă kurt, agár säi̯ mardúm bū́tin, zabr kabū́l būt. garrók gúštī: man burzágäi̯ sarā́ bālā bäín, agár mardúme bgíndīn, gušín kẹ bā̄i̯t. ǰanák gúštī: man yak mardúme gindín, bra amā́e rā bguš kẹ bā̄i̯t. garrók gúštī: šarr, räín. garrók šut, mardákā gúštī: mnī nākó pa^{t} tī ǰānā́ minnít. mardák guští: pa če? garrók gúštī: man na zānín, trā kušīt. mardák gúštī: man čon kanín? garrók gúštī: man raín, agár mnī nākó améngūrī bā̄i̯t, bzánäi̯ kẹ pa^{t} tī ǰānā́ kā̄i̯t.

Плешивый слышал этот разговор и пошел вслед за мужчиной. Как только тот посыпал зерна, плешивый сзади подобрал зерно и посыпал его при выходе на дорогу к своему дяде. Потом он пошел к своему дяде и сказал: «сегодня мы с тобой поедим куриного мяса!» Дядя сказал: «откуда?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? от меня, раз я тебе дам куриного мяса!»

Немного погодя, плешивый взглянул и увидел, что женщина подходит. Когда она подошла поближе, плешивый закричал: «тетя, мы здесь, иди сюда!» Женщина удивилась: что, дескать, я наделала? Она в замешательстве подошла, поставила мясо и сказала плешивому и его дяде: «идите, ешьте, а то остынет!» Вот плешивый и его дядя подошли. Женщина сказала: «прошлую ночь я видела сон, и принесла курицу в жертву!» Плешивый сказал: «да будет она угодна богу!» Женщина сказала: «богу-то она угодна, но если бы (вас) было трое, она была бы еще более угодна!» Плешивый сказал: «я подымусь на верхушку горы, и если кого-нибудь увижу, скажу, пусть приходит!» Женщина сказала: «я вижу человека, сходи и скажи ему, пусть придет!» Плешивый сказал: «хорошо, я пойду!» Плешивый пошел и сказал тому мужчине: «мой дядя на тебя умышляет!» Мужчина сказал: «за что?» Плешивый сказал: «не знаю, только он убьет тебя!» Мужчина сказал: «что же мне делать?» Плешивый сказал: «ну, я пойду, а ты знай, что если мой дядя сюда придет, то по твою душу придет!»

garrók āt, gúštī: mardák gušít: tī nākó kāi̯t, man raín; agár nāi̯t, man na räín. ǰanák gúštī: bra. garrók gúštī: šuttínā rawā̆i̯, yak kučáke dārít, mardúm a-wárt. ǰanák gúštī: yak láṭṭe bzūr o bʲra. pīramárd yak láṭṭe zurt o šútī. amé kẹ mardákäi̯ nazínkā ā̆tī, mardák yag ga ǰístī. pīramárd tawā̆r kúrtī. na, mardák ǰist. e pádā āt, gúštī kẹ ā mardák ganóke at, či balā́! ančo kẹ mnā dístī, ǰístī. man ā̆e rā tawā̆r kúrtun, na ʷuštā́t. amā́-int kẹ ǰanák gúštī: šar, zūti bⁿā̆rit, man a-raín. amā́-int, ʸeš goštánā wártant, ǰanák šut bẹ gẹsā́. maróčī na būt.

bā̆ndā duwārág garrókäi̯ nākó šut pa langárā. garrók dasságe zurt, gúštī: man räín pa dārā́. ǰanák gúštī: šarr, bra pa dārā́. garrók šut bẹ gokánī kulunḍā́i̯ tā, srapítī, dístī, amā́ mardák ā́tī, gúštī ǰanákkā: ta zī čón kurtäi̯? ǰanák gúštī: man amā́ rā̆e kẹ ta gúštäi̯, man amā́ rāé tā ā́tun, man rāst bẹ garrók o nākóäi̯ sarā́ ā́tun. gúḍā paᵗ tī padā́ mardúme dem dā́tun, ta pa če ǰístäi̯? mardák gúštī: man čon kurtín-un? garrók gúštī: mnī nākó paᵗ tī ǰānā́ kāi̯t, tʲrā kušít, man dístun kẹ kāi̯t, man trussítun. ǰanák gúštī: garrók dróg a-ǰánt. man watí mardā́ dem dā́tun pa tī padā́, garrók gúštī: man räín. garrók āt, gúštī kẹ mardák guštá: agá tī nākó ma āi̯t, man

---

Плешивый вернулся и сказал: «тот человек говорит: „если придет твой дядя, пойду; если не придет, не пойду!“» Женщина сказала: «сходи!» Плешивый сказал: «итти-то иди, только у него собака, кусает людей!» Женщина сказала: «возьми палку и иди!» Старик взял палку и пошел. Как только он подошел поближе к тому человеку, тот вдруг побежал. Старик ему закричал. Нет! убежал! Он вернулся и сказал: «тот человек был сумасшедший, что ли! как только он меня увидел, так побежал; я ему кричал, но он не остановился». Вот женщина сказала: «ну, скорее ешьте, и я пойду!» Вот они поели мяса, и женщина пошла домой. Не вышло в этот день!

На другой день дядя плешивого опять пошел пахать. Плешивый взял веревку и сказал: «я пойду за дровами!» Женщина сказала: «хорошо, иди за дровами!» Плешивый пошел в коровник и спрятался. Он увидел: подошел тот мужчина и сказал женщине: «что ты вчера наделала?» Женщина сказала: «я пошла по той дороге, как ты сказал мне, пошла по той дороге, и прямехонько пришла к плешивому и к его дяде! потом я посылала за тобой, а ты почему убежал?» Мужчина сказал: «что мне было делать? плешивый сказал: „мой дядя придет по твою душу и убьет тебя!“ я увидел, что он подходит и испугался». Женщина сказала: «плешивый врет! я посылала за тобой своего мужа, а плешивый сказал: „я пойду!“ потом плешивый пришел и сказал, будто бы тот человек сказал: „если твой дядя не придет, я не пойду!“ я сказала: „иди и скажи, пусть

na kāín. man gúštun: bra, bguš kẹ bā̤it, ā kẹ démẹ ta átī, ta ǰístä̤. mardák gúštī: šar, anūn čón kanä̤i? ǰanák gúštī: man maróčī zārátta räín, ta pa^{m} man yak čattíe bgir o b^{i}yār, pa man kuš o man pačín o barín zārátta. mardák gúštī: šarr. ǰanák guštī: bálkẹ garrók o nakó̤ kor bayánt! mardák gúštī: šar, man räín pa čattíe, ta ša padá, tā-wáxte ārt tár pkan. man tā-wáxte kāín. ǰanák gúštī: šar, zūtẹ b^{i}ää̤i. mardák šut o zūtī čattíe gipt o ā^{v}úrtī. ǰanákā gúštī: mnā kárče bdä̤i, man čattí^{v}ā pa^{t} ta ilál kanín. ǰanák áe rā kárče dāt, ^{v}e čattí rā ilál kurt. zūtī postá̤i ǰátī, goštánī kotítī. ǰanák loí^{v}ā bir kurt, goštánā loíä̤i tā préntī. mardák gúštī: šar, man a-räín, ta wát a-rawá̤i zārátta. ǰanák gúštī: šarr, bra. mardák šut.

ǰanák goštánā pakkítī o parzonágä̤i tā goštánā patáptī o rādág būt. garrók dístī: ǰanák råu̯t. garrók arkát kurt, ša ǰanákkä̤i pānádā šut, yak górre tā putrít. ǰanák átī, zāráttā nazínk kúrtī. garrók tawár kurt ǰanákkā, gúštī: engūrí ma yā kẹ tī puč nāpák ant. ǰanák gúštī: yā au̯lī^{v}á, man tī kurbán-un, yak árze dārín. garók gušt: man tī arzá zūrín, ta parzonágā bil amódā, pa yak šárte kẹ man yak abáre gušín, agár ta mnī abárā bzūrä̤i. ǰanák gúštī: pa čammán. garók gúštī kẹ amá pābánde kẹ bẹ šmä̤i gisá̤i

---

придет!“ но как только он стал подходить к тебе, ты убежал!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, что мне теперь делать?» Женщина сказала: «сегодня я пойду на богомолье! возьми и приведи мне козленка и зарежь его для меня, а я сварю и отнесу на богомолье». Мужчина сказал: «хорошо!» Женщина сказала: «хоть бы плешивый и его дядя ослепли!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду за козленком, а ты пока замеси тесто! я тем временем приду». Женщина сказала: «хорошо, приходи скорее!» Мужчина пошел, быстро нашел и привел козленка и сказал женщине: «дай мне нож, я тебе зарежу козленка!» Женщина дала ему нож, и он зарезал козленка. Он быстро содрал с него шкуру и нарезал мясо на куски. Женщина поставила котел и положила мясо в котел. Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду, а ты тоже иди на богомолье!» Женщина сказала: «хорошо, иди!» Мужчина ушел.

Женщина сварила мясо, завернула его в скатерть и собралась. Плешивый видит: женщина идет. Плешивый поднялся, пошел в стороне от женщины и спрятался в одной могиле. Женщина подошла и приблизилась к месту богомолья. Плешивый закричал женщине: «не подходи сюда, так как твое платье не чисто!» Женщина сказала: «о святой, да стану я твоей жертвой! у меня есть просьба». Плешивый сказал: «я исполню твою просьбу, оставь там свой сверток! только при условии, что я скажу тебе нечто и ты будешь хранить мой наказ!». Женщина сказала: «пуще глаза!» Плешивый сказал: «зарежь того барана, который

dapā̆ int, amā̆ pābándā pkúšäi̯ o garrók o nākóī tā säi̯ šap o roč am-awą̄nā pābándäi̯ goštā́nā bę māwā́n bdā̆äi̯, ta o tī yār š-amā̆ goštā́n ma wárit. gúḍā garrók o nākóī ša säi̯ šap o roč̆ā́ gúḍā kór bayánt. ǰanák gúštī: pa čammā́n. amódā goštā́nā go parzonágā íštī o rādág būt.

garrók katráe gidá ša gorā́ dár kapt o goštā́nā go parzonágā zurt o rādág būt. átī watí nākóäi̯ā, goštā́nā watí nākóäi̯ demā́ íštī. nākóī gúštī: ta e goštā́nā ša gujā́ āúrtäi̯? garrók gúštī: ta či kār dārā́i̯? watí goštā́ b^{u}år, bgard. e āngāt kámm ant, begáī pābándäi̯ góšt a-warā́i̯. man trā yak pánte däín, ta mnī abárā bzūr. ešī nākó gúštī: šarr, man tī abárā zūrín. garrók guštī: mašmā́ bi gisā́i̯ tā brawán, mašmā́ rā ǰanák tā säi̯ šap o roč pābándäi̯ gošt dant. säi̯ roč kę purá būt, ta bguš kę wāx! mnī čam kor bū́tant, ša^{t} tī padā́ man am gušín kę wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīra-mardúk gúštī: šar. roč begā́ būt. garrók ká^{m}me dār baḍā́ kurt. eš o nākóī šútant gisā́. ǰanák ešā́nā maróčī zabr xizmát kúrtī. ešā́nī demā́ pābándäi̯ gošt āwúrt, ešā́nā tā säi̯ roč zabr xizmát kúrtī, pa kārā́ nā́i̯štī. säi̯ roč kę purrá būt, garrókäi̯ nākó gúštī: wāx! mnī čam kor bū́tant. š-āí padā́ garrók gúštī: wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīramardúk ǰanákā gúštī: pa man yak ǰullúke pren, mnī dastā́ bgir, mnā bę mā gokā́nī kulunḍā́i̯ kiníkkā pren.

откармливается у дверей вашего дома, и три дня корми плешивого и его дядю этим мясом, а сама ты и твой возлюбленный этого мяса не ешьте: через трое суток плешивый и его дядя ослепнут». Женщина сказала: «пуще глаза!» оставила там мясо и скатерть и пошла.

Немного погодя, плешивый вышел из могилы, взял мясо и скатерть и пошел. Он пришел к своему дяде и положил перед ним мясо. Его дядя сказал: «откуда ты принес это мясо?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? ешь свое мясо и иди! этого еще мало, вечером ты будешь есть кормленого барана! я дам тебе один совет, а ты делай, как я скажу!» Его дядя сказал: «хорошо, я буду делать, как ты скажешь!» Плешивый сказал: «мы пойдем домой, и та женщина трое суток будет давать нам мяса кормленого барана, а когда пройдет три дня, ты скажи: „ох! мои глаза ослепли!“ вслед за тобой и я скажу: „ох! мои глаза ослепли!“» Старик сказал: «хорошо!»

Наступил вечер. Плешивый взял на спину немного дров, и он и его дядя пошли домой. В этот день женщина хорошо ухаживала за ними и принесла им мяса кормленого барана. Три дня она хорошо ухаживала за ними и не заставляла работать. Когда прошло три дня, дядя плешивого сказал: «ох! мои глаза ослепли!» За ним и плешивый сказал: «ох! и мои глаза ослепли!» Старик сказал женщине: «набросай мне тряпья и возьми меня за руку и положи

ǰanák gāl-pa-gāl, p-eší yak koná ǰullúke préntī, eší dastā́ gíptī, burt bẹ amā́ kulúnḍäi̯ kiníkkā, gúštī: amédā kap. ǰanák šut bẹ gisā́.

ǰanákkäi̯ yār átī, be tawárā bẹ gisā́i̯ tā putrít. ǰanák watí yārā́ gúštī: man tā-wáxte bẹ gisā́n raín o kāín, ta amédā bwasp, garrók o nākóī kor bū́tant, ta anū́n pa če trussā́i̯? mardák gušt: man am na trusín šä ešā́n. ǰanák gúštī: šar, man a-raín, ta amédā bwasp. ǰanák garrókā gúštī: man raín bẹ alkā́ o kāín. ta gisā́i̯ dapā́ tā-wáxte mnīnd. garrók gúštī: mnā yak láṭṭe bdäi̯ kẹ áre yā múrge ma ā́i̯t gisā́i̯ tā. ǰanák ešā́ yak láṭṭe dā́tī, wat šut bẹ alkā́ pa gaštínā, ǰanák pa watí yārā́ dulmá bír kurt-at.

garrók arkát kurt, čammánā pač kurt, säi̯l kúrtī ,išk o áškā, ič ka näi̯nt, dístī tā mardák waptá. amé loíäi̯ täi̯ sorén rogínā mardákäi̯ dapā́i̯ tā rétī. mardákäi̯ dap sútī. sorén rogín mardákäi̯ tā šutant. mardák lagattúk ǰat. mardákäi̯ napás šut. garrók āt, watí ǰāgā́ ništ.

yak katráe gidá ǰanák āt. ǰanák ki gisā́i̯ dapā́ āt, garrók go me laṭṭā́ yáke bẹ ǰanákkäi̯ lingán ǰátī. ǰanák piryā́t ku, garrók gúštī: bā-a-bäi̯! tá-wäi̯, tátī! na zántun kẹ tá-wäi̯, man gúštun, bálkẹ áre. ǰanák gúštī: šarr, zalár näi̯nt. ǰanák šut bẹ gisā́i̯ tā, mardákā ṭuíttī (ṭuk-ṭuk ǰátī ki bustīt),

---

около коровника!» Женщина с радостью набросала для него старого тряпья, взяла его за руку, отвела его к коровнику и сказала: «ложись здесь!» а сама пошла домой.

Пришел ее возлюбленный и, не спросившись, вошел внутрь. Женщина сказала своему возлюбленному: «я схожу пока в несколько домов и вернусь, а ты здесь полежи! плешивый и его дядя ослепли, чего тебе теперь бояться?» Мужчина сказал: «я их и не боюсь!» Женщина сказала: «ну, хорошо, я пойду, а ты здесь лежи!» Плешивому она сказала: «я схожу в селение и вернусь, а ты пока посиди у входа в дом!» Плешивый сказал: «дай мне палку, чтобы осел или курица не забрались в дом!» Женщина дала ему палку, а сама пошла походить по селению. А еще раньше та женщина поставила вариться для своего возлюбленного мясо в сале.

Плешивый поднялся, открыл глаза и осмотрелся кругом: никого нет! Он увидел, что мужчина заснул, взял из котла кипящее сало и вылил ему в рот. Его рот сгорел, кипящее масло прошло ему внутрь, он затрепетал, и душа из него вышла. Плешивый пошел и сел на свое место.

Немного погодя, пришла женщина. Когда она подошла к двери, плешивый ударил ее палкой по ногам. Женщина закричала. Плешивый сказал: «ой-ой! это ты, тетя! я не знал, что это ты! я думал, наверное, это осел!» Женщина сказала: «ну, ничего!» Женщина пошла в дом и стала кликать мужчину,

dístī: mardák na ustít, säi̯l kurt, tā mardák murtá. ǰanák arkát kurt, garrókā gúštī kẹ mašmā́i̯ gisá̆ memā́n° ātá, amédā amé memā́n murtá. garrók gúštī: man wat kór-un, čón kanīn? ǰanák gúštī: yak kā́re pkan kẹ mašmá̆ ba^{n}-nām bayán, amé mardákā barán, yak ǰā́e kurm o konḍ pkanán. garrók gúštī: mnī čam kor ant. man íččī na gindín. ǰanák gúšt: yak γai̯ráte pkan, man tī dastá̆ girín, gúḍā am trā yak kūzáge zar am däín. garrók gúštī: šarr, pa yak šárte kẹ ta am mnī dastá̆ bgirā́i̯. ǰanák gušt: šar, brawán.

átant, ǰanák mardaká̆ bẹ garrókäi̯ baḍḍá̆ dāt. ǰanák garrókäi̯ dastá̆ gipt, šútant. bẹ yak ǰā́e garrók mardaká̆ préntī. ǰanák gúštī: pa če préntäi̯? garrók gúštī: man š-e ziyā́t burtá na kanín. ǰanák gúštī: e rāā́i̯ sará̆ préntäi̯, bálkẹ mardúme bā̆i̯t, gúḍā čón a-kanäi̯? garrók gušt: magá̆ man kuštā́-un-ī? ǰanák gúštī: tī xai̯rát a-baín, ta ešá̆ báḍ pkan, man trā ar če loṭā́i̯, däín. yak gidá kūzáge zar am däín. garrók gúštī: ta in ka zará̆ ša gujá̆ a-kārā́i̯? ǰanák gúštī: mašmā́i̯ ǰulánī čérā du kūzág zar dārít, amāwánā trā däín. garrók gúštī: šarr, ta kẹ mnā nā́-i̯läi̯, mnī baḍḍá̆ bdäi̯. ǰanák mardákā garrókäi̯ baḍḍá̆ dāt. ǰanák demá̆ būt, garrokā́i̯ dastá̆ gipt. ʸe ʸešá̆ búrtant, bẹ rodā́i̯ tā préntant.

чтобы вставал. Она увидела, что он не встает, посмотрела, а тот мертв! Женщина засуетилась и сказала плешивому: «к нам в дом пришел гость, и здесь этот гость умер!» Плешивый сказал: «я ведь слепой! что я могу сделать?» Женщина сказала: «постарайся что-нибудь сделать, а то мы будем опозорены! давай, унесем этого человека и зароем его где-нибудь!» Плешивый сказал: «мои глаза слепы! я ничего не вижу!» Женщина сказала: «постарайся как-нибудь! я возьму тебя за руку, а потом дам тебе еще горшок с золотом!» Плешивый сказал: «хорошо, но с условием, что ты возьмешь меня за руку!» Женщина сказала: «хорошо, пойдем!»

Они подошли, и женщина взвалила мужчину плешивому на спину. Женщина взяла плешивого за руку, и они пошли. В одном месте плешивый сбросил тело мужчины. Женщина сказала: «зачем ты бросил?» Плешивый сказал: «я больше не могу нести!» Женщина сказала: «бросил у самой дороги! еще подойдет кто-нибудь, что тогда будешь делать?» Плешивый сказал: «разве я убил его?» Женщина сказала: «да буду я твоей жертвой! положи его к себе на спину, и я тебе дам все, что захочешь! дам тебе еще другой горшок с золотом!» Плешивый сказал: «откуда ты возьмешь столько золота?» Женщина сказала: «под нашими постелями есть два горшка золота, и я их тебе отдам!» Плешивый сказал: «хорошо, раз ты не отстаешь от меня, клади его мне на спину!» Женщина положила тело мужчины плешивому на спину. Женщина пошла вперед и взяла плешивого за руку. Они его понесли и бросили в реку.

gúḍā garrók čammánī páč kurt, ǰanákā gúštī: tī pisá bgáīn, go tī trū-giríā! ǰanák gušt: pa če? garrók gúštī: šar, bẹ^{t} ta mālūm a-kanín. garrók ǰanákā gíptī, bál āúrt, ǰat bẹ rodą̄ miyānǰínā, wat šut bẹ watí nākówą̈yā. gúḍā ar če māl o čīz o ǰul múččānā laḍḍít o zúrtī o rādág būt. šut, bẹ watí alká rast. š-amódā ǰístun o bástun, pa wat īmáne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre ā^{w}úrtun.

XVIII

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at. yak pīra-gúrke at. e pīra-gúrk ša gušnagíyā bẹ watí kunḍą̄ dapá kapt-átī. yak warnáen gúrke āt, dístī: édā yak pīra-gúrke kaptá, gúštī: ą̈ bābá, ta pa če édā kaptág-ą̈? e pīra-gúrk gúštī: ą̈ parzínd, čéwā pursą̄? ā warnáen gurk gúštī: ta go man bguš, ar árze dārą̄, man tī abárā zūrín. ā pīra-gúrk gúštī: waxt kẹ amą̄^{i} at, tamám pīra-gúrk sér atant. annūn amá rā są̈lá ná kanit. e warnáen gurk gúštī: šar, bguš. pīra-gúrk gúštī: agá ta š-á pis u pīrúkānī zāg ą̈, maróčī ta m^{i}nā ša dummágā sér a-kaną̄. gúḍā pīra-gúrk gúštī: ą̈ warná, tī

Тогда плешивый открыл глаза и сказал женщине: «совокуплюсь с твоим отцом! хоть ты и тетка названная!» Женщина сказала: «за что?» Плешивый сказал: «ладно, уж я тебе объясню!» Плешивый схватил женщину, поднял кверху и бросил на середину реки, а сам пошел к своему дяде. Потом он уложил и забрал все, что было имущества, вещей и платья, пустился в путь и добрался до своего селения. Оттуда я выскочил, завязал, себе приобрел благополучие, тебе привел невесту.

(XVIII. О старом и молодом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старый волк. Этот старый волк от голода лег у своего логовища. Подошел один молодой волк, увидел, что лежит старый волк и сказал: «батюшка, зачем ты здесь лег?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «ты скажи мне: если у тебя есть какая-нибудь жалоба, я сделаю, что ты скажешь». Старый волк сказал: «в наше время все старые волки были сыты, теперь же вы на нас не обращаете внимания». Молодой волк сказал: «хорошо, говори же!» Старый волк сказал: «если ты сын тех отцов и дедов, ты накормишь меня сегодня курдючным салом!» Потом старый волк сказал: «ну,

mardíyā bgindín. warnā́en gurk gúštī: šar, ta go man brawán, man tʲrā ša dummágā sér a-kanín. e pīra-gúrk gúštī: šar, gindín tī γäi̯rátā.

e warnā́en gurk demā́ būt, pīra-gúrk bę padā̆i̯ būt. šútant yak jā́e. e pīra-gúrk gúštī: man šutá na kanín, ta bʲra, ar číze kārā̆i̯, biyā́r. e warnā́en gurk šútī, yak jā́e dístī yak ramáge. e šut kę páse bdúzīt. ya ga kučák ešā́ dístant, ešā́ gón káptant. e dístī, mnā kučák nazík kurtág ant. e rāstám bę pīra-gúrkäi̯ sarā́ āt. e pīra-gúrk dístī, čon kučákānā bę mnī sarā́ kārít, yag ga watí liṭíkā bę watí wangā́ játī. ā warnā́en gurk āt o gwástī. e kučák dístant: édā čonén gúrke! édā kučák trusítant, pádā šútant. e pīra-gúrk karā́-karā́ šútī, bę watí kunḍā̆i̯ dapā́ káptī.

yak čunt roč amédā pīra-gúrk kápt at, dist kę duwārá yak warnā́en gúrke āt, gúštī: äi̯ bābā́ʲ pīr, ta pa če édā kaptág äi̯? e pīra-gúrk gúštī: äi̯ parzínd, ta čéwā pursā́i̯? e warnā́en gurk gúštī: ar árze dārā́i̯, go man bguš. e pīra-gúrk gúštī: awál yak čunt róče bīt kę yak warnā́en gúrke āt, mnā gušt: ta pa če édā kaptág äi̯? man gúštun: ša bewakíᵛā, ša pīríᵛā kaptá un. mnā gúštī: go man brawán, trā̆ ša dummágā sér a-kanín. man gw-āí šútun. ā šut kę páse bʲyārīt. kučák áe rā gon kaptág ant, kučákānā rāstám bę mnī sarā́ āʷúrt. man dístun tā kučák mnī kārā́ xarā́b a-kanánt,

---

молодец, посмотрю на твое молодечество!» Молодой волк сказал: «хорошо, пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!» Старый волк сказал: «хорошо, посмотрю на твою удаль!»

Молодой волк был впереди, старый волк позади. Они пошли в одно место, и старый волк сказал: «я не могу итти! ты иди и принеси всё, что найдешь!» Молодой волк пошел и увидел в одном месте стадо. Он пошел, чтобы стащить овцу. Вдруг собаки его увидели и бросились за ним. Он видит: собаки ведь меня настигают! и прямо устремился к старому волку. Старый волк видит: что́ это? ведь он ведет ко мне собак! и тотчас поднял дыбом свой хвост. Молодой волк подбежал и пробежал мимо. Собаки стали смотреть: что это за волк здесь! испугались и вернулись. Старый волк медленно пошел и лег у входа в свое логовище.

Несколько дней лежал там старый волк и увидел, что опять подходит один молодой волк. Он сказал: «батюшка, что ты здесь улегся?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «если жалуешься на что-нибудь, скажи мне!» Старый волк сказал: «вот уже несколько дней, как приходил один молодой волк и говорил мне: „что ты здесь улегся?“ я сказал, что лег здесь от одиночества и старости; он сказал мне: „пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!“ и я пошел с ним; он пошел, чтобы привести овцу; собаки бросились за ним, и он привел их прямехонько ко мне;

man watí litíkā bẹ watí wangá ǰátun, e kučák trusítant, pádā šútant, gúḍā man átun watí ǰāgá. amédā tā róčẹ maróčī kaptá un, duwārá man amá gurká na dístun. annūn ta kāą̈ kẹ čo amá gurkáą̈ā pkanáą̈. e warnáen gurk gúštī: man ā ḍawlén kār ná kanín. e pīra-gúrk gúštī: ta kí zág äą̈? e warnáen gurk gúštī: man plāná gurkáą̈ zág un. pīra-gúrk gušt: tī pis zoráken ḍilāwáren gúrke at. e warnáen gurk gúštī: man amá pisáą̈ zág un. pīra-gúrk gušt: ā raŋg bīt, maróčī tī γaą̈rátā bgindín. gúštī: šar, kẹ mnī γaą̈rátā gindáą̈, brawán.

e warnáen gurk demá būt, pīra-gúrk āí padá būt, šútant bẹ ramágäą̈ kiníkkā. warnáen gurk gúštī: ta amédā mnínd, man raín. e warnáen gurk šut ramágäą̈ kiníkkā, bẹ yak gazze tā putrít. ramág rāstám bẹ gurkáą̈ sará āt, gurk arkát kurt, yak sad pas bulúk kurt. š-amédā tā mā pīra-gúrkäą̈ā ān-čo dirt o šut. yak čunt pasā bẹ pīra-gúrkäą̈ išk-w-áškā kušt o prent. annū pīra-gúrkā gúštī: b^{u}år kẹ ta pa dummágā gaštáą̈. e pīra-gúrk wart, ā warnáen gurk bẹ raá ša ar ǰáe yak lunká gípt-at o wat rā sér kurt-at. pīra-gúrkā gúštī: agá e kam ant, pa ta gidá biyárīn. e pīra-gúrk gúštī: na, xáą̈r gindáą̈, bás-int. e warnáen gurk gúštī: man a-raín, ta tā wáxte amešánā b^{u}år o bgard, ar waxt alás būtant, man duwārá ar če lóṭäą̈, man

---

я увидел, что собаки мне всё напортят, и задрал свой хвост дыбом, собаки испугались и повернули обратно. Потом я опять пошел к себе и лежу здесь до сегодняшнего дня, того волка я больше не видел! а теперь вот ты приходишь и поступишь, как тот волк!» Молодой волк сказал: «я так не поступлю!» Старый волк сказал: «ты чей сын?» Молодой волк сказал: «я сын такого-то волка». Старый волк сказал: «твой отец был очень отважный волк». Молодой волк сказал: «я сын своего отца!» Старый волк сказал: «пусть будет так! посмотрю сегодня на твою удаль!» Тот сказал: «хорошо, хочешь смотреть на мою удаль, так идем!»

Молодой волк был впереди, старый волк сзади него. Они подошли к стаду, и молодой волк сказал: «ты здесь побудь, а я пойду». Молодой волк подошел к стаду и спрятался в кустарнике. Стадо подошло прямехонько к волку. Волк встрепенулся, отделил около сотни овец и пошел их рвать и гнать к тому месту, где был старый волк. Он зарезал их несколько, бросил около старого волка и сказал старому волку: «ешь! ты ведь стремился к курдючному салу!» Старый волк принялся есть, а молодой волк еще по дороге хватал себе отовсюду по куску и насытился. Он сказал старому волку: «если этого мало, я тебе еще принесу!» Старый волк сказал: «нет, спасибо, молодчина! довольно!» Молодой волк сказал: «ешь пока и гуляй, а когда кончится, я тебе

pa^{t} ta kārín. e pīra-gúrk bāzén duwáe kurt. gúḍān ā warnáen gurk šútī. e pīra-gúrk amédā wart o gašt. š-amódā jístun o bástun, pa wat imáne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre.

XIX

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at. yak gúrke at. e gurk yak šápe wápt-atī, yak wábe dístī kẹ man säi̯ lunká čarpén wártun. tárī kẹ roč būt, e gurk bẹ watí wābái̯ randá šútī.

yak jāgáe āt, dístī kẹ yak áre. e gurk gúštī: wā, ar, man trā warín. ar gúštī kẹ mnā wartínā warái̯, amá mnā ya ga suwár bái̯, gúḍā mnā bor. yáke améš int: ɣadímā š^{n}mäi̯ pis o pīrúk zorák suwār-kár átant. e gurk gúštī kẹ man amá pisánī zág un. ar gúštī: šar, bẹyá suwár bái̯. gurk āt, ešá suwár būt. e ar gúštī: čamánā band. gurk gúštī: šar. čamánā bástī, arái̯ sará suwár būt, ar ešá rāstám bẹ alkái̯ tā búrtī. ya ga alkái̯ mardúm sái̯l kurtant kẹ arái̯ sará gúrke. ya ga kučákānā bẹ gurkái̯ padá préntant. gurk watí čamánā páč kurt, dístī tā ar mnā bẹ alkái̯ tā āurtá, wat rā ša arái̯ sará préntī. kučák bi āí padá káptant, ešá gón káptant. e gurk wat rā pa yak baláe alás kúrtī š-e kučákānī dastá.

опять принесу все, что захочешь!» Старый волк много молился и благодарил. Молодой волк ушел, а старый волк здесь ел и бродил. Оттуда я выскочил и завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя привел невесту.

(XIX. О глупом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один волк. Однажды ночью этот волк спал и видел сон: вот я съел три жирных куска! На утро, когда наступил день, этот волк отправился за своим сном.

Он пришел в одно место и увидел там осла. Волк сказал: «ох, осел, я тебя съем!» Осел сказал: «есть-то меня ешь, только сначала садись на меня верхом, а потом уже ешь! ведь в старину ваши отцы и деды были отличными наездниками!» Волк сказал: «я сын тех отцов!» Осел сказал: «хорошо, иди же и садись верхом!» Волк подошел и сел на него верхом. Осел сказал: «закрой глаза!» Волк сказал: «хорошо!» Он закрыл глаза и сидел верхом на осле, а тот отвез его прямехонько в селение. Жители селения стали всматриваться: на осле волк! Они сразу спустили на волка собак. Волк открыл глаза и увидел: да ведь осел привез меня в селение! Он соскочил с осла, но собаки бросились на него и пустились за ним в погоню. Насилу-насилу волк высвободился от этих собак.

gúḍā šut bẹ yak ǰāgáe, dístī yak páse. e gurk gúštī: äi̯ pas, xudā́ tʲrā čon rasentá, man trā warín. e pas gúštī: xudā́ mudā́m a-rasenít, amā́ yak katráe čammā́nā band, man pa ta yak ráxse pkanín. gurk gúštī: šar. gurk kẹ čamā́nā bástī, e pas sẹṭúke ǰat kẹ ya ga rāst kúrtī. gurk čamā́nā pač kúrtī, arkát kúrtī, bẹ burzágäi̯ sarā́ bālā́ būt, sā́i̯l kúrtī tā pas pa gu̯ǰā́ rot. gúḍā gurk gúštī bẹ dilā́ kẹ agár man bräín, duwārág kučák mʲnā gón a-kapánt, bẹyā́ kẹ má räín. amā́ int kẹ gurk na šútī.

duwārág yak sū́ne rādág būt, yak ǰáe āt, dístī yak uštíre. gurk gúštī: äi̯ uštír, xudā́ tʲrā čon rasentá! uštír gúštī: xudā́ ar waxt rasenít. uštír gúštī: mʲnā wartínā warā́i̯, amā́ mnī sīnágäi̯ čérā yak kitábe ast, amā́ kitábā bwā́näi̯, gúḍā mnī sīnág kaḍák bīt, gúḍā mnā bor. yáke améš int kẹ γadímā šⁿmäi̯ pis u pīrúk zorák mullā́ átant. e gurk gúštī: man amā́ pis u pīrúkānī zā́g un. arkát kúrtī, bẹ uštíräi̯ čérā putrítī, uštír wat rā ešī sarā́ préntī, ešā́ lagáštī-lagáštī. gúḍā gurk wat rā pa yak balā́e alā́s kúrtī.

š-amédā rāstám bẹ watí kunḍā́ šútī. ódā watí liṭíkā démẹ kunḍā́ kúrtī. gúḍā gúštī wat rā kẹ äi̯ gúrkẹ beákl, tī pis raxsgír at yā tī pīrúk? ā š-ā́ arā́ būt kẹ ša tī demā́ ǰístī, šar, ā am ǰandúm! e š-ā́ pasā́ būt kẹ ša tī

Потом он пошел в одно место и увидел овцу. Волк сказал: «овца, как это бог тебя привел! я тебя съем!» Овца сказала: «бог всегда направляет! но закрой ненадолго глаза, я тебе спляшу!» Волк сказал: «хорошо!» Как только волк закрыл глаза, овца сделала прыжок и ускользнула. Волк открыл глаза, вскочил, поднялся на пригорок и стал смотреть, куда пойдет овца. Потом он сказал про себя: «если я пойду, собаки опять набросятся на меня! лучше уж не ходить!» Так волк и не пошел.

Опять он отправился в одну сторону, пришел в одно место и увидел верблюда. Волк сказал: «верблюд, как это бог тебя привел!» Верблюд сказал: «бог всегда направляет!» Потом верблюд сказал: «есть-то меня ешь, только под грудью у меня есть книга, и когда ты прочитаешь эту книгу, в моей груди образуется отверстие, тогда и ешь меня! к тому же ведь отцы и деды ваши были отличные грамотеи!» Волк сказал: «я сын тех отцов и дедов!» Он двинулся и забрался под верблюда. Верблюд на него навалился и стал его мять и жать. Насилу-насилу волк от него вырвался.

Оттуда он направился прямехонько к своему логовищу. Там он повернулся хвостом к логовищу и сказал сам себе: «глупый волк, твой отец был плясуном или дед? с тем ослом вышло так, что он убежал у тебя из-под носу! ладно! ну, его в ад! с той овцой вышло так, что она убежала у тебя из-под

demā́ ǰístī, šar, á am ǰandúm! e š-á ustírā būt kẹ tī ǰindā́ kúšt-at. e gurkā́ i̯ kunḍā́ i̯ tā yak dúzde bāzén číze āwurt-át, wat am bẹ kunḍā́ i̯ tá at. e gurk kẹ e ḍol gúštī, duz[d] dastánā bālā́ čítī, arkát kurt, gurkā́ i̯ liṭíkā gíptī, ešā́ yak dā laṭ ǰátī. e gurkā́ i̯ napás šútī. ǰístun u bástun, pa wat imáne āwúrtun, pa ta dištáre āwúrtun.

XX

būt būt, yak mullā́ robáe at. e mullā́ robā́ zoráken balā́e at. yak róče ša spantānān bāzéne čítī u bi daságe awálā kaḍák ku, gúḍā mán kašít bi yak daságe u bi watí guṭā́ ku, malangíen puč bi watí gwarā́ kurt u šut bi šéräi̯yā. šer ki mullā́ robā́ ša dūrā ki dist, salā́m dāt, gúštī: salā́m alä i̯k, mullā́ robā́. mullā́ robā́ alā́ i̯k kúrtī. šer pursítī ki mullā́, aǰábe ki amā́ rā maróčī yát kurtä i̯. mullā́ robā́ ǰawáb gardént ki brawán bi ziyārátā. šer gúštī: tā brawán, bi gisā́ tā mnind, man šagálā dém a-daín, ki agdárānā bgúšīt ki biyáyant. átant bi šerā́ i̯ gisā́. šer šagálā loṭítī ki bra, agdárānā múččānā bguš ki biyáyant ki rawán bi ziyārátā.

šagál š-amódinā šut, awálā bi pilángä i̯ gisā́, gúštī: šmā́ rā šer gúštī ki bándā ukmánā biyáit bi mnī gisā́ ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́ ki bándā

носу! ладно! ну, ее в ад! с тем верблюдом вышло так, что он тебя самого убил было!» А в логовище этого волка один вор натаскал много вещей, и сам еще был в логовище. Пока волк так говорил, вор засучил рукава, двинулся, схватил волка за хвост и ударил его раз десять палкой, так что душа из волка вон вышла. Я выбежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(XX. О лисице-мулле)

Было-было, была одна лисица-мулла. Эта лисица-мулла была очень хитра. Однажды она набрала много зерен руты, сначала проделала в них отверстия, потом нанизала на нитку и надела на шею, оделась в дервишескую одежду и пошла ко льву. Лев еще вдали завидел лисицу-муллу, поклонился и сказал: «мир тебе, лисица-мулла!» Лисица-мулла ответила на приветствие. Лев спросил: «что это, мулла, ты сегодня меня вспомнил?» Лисица-мулла сказала в ответ: «пойдем на богомолье!» Лев сказал: «пока пойдем, ты посиди у меня дома, а я пошлю шакала передать другим, чтобы пришли!» Они вошли ко льву в дом. Лев велел шакалу: «иди, скажи всем другим, пусть придут: мы, мол, идем на богомолье».

Шакал пошел сначала в дом к барсу и сказал: «лев сказал вам: „завтра непременно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра

rawán bi ziyārátā. amé plang gúštī: ta bra, agdárānā bguš, man bándā āzír a-baín. amé šagál š-amódinā šut bi babrą́ gisá, babrá gúštī: šmā ra šer guštagí ki bándā mutlaxán biyáit bi mnī gisá ki mullá robá ātagí bi gisá, rawán bi ziyārátā. babr šagálā gúštī ki ta bra, agdárānā bguš, man bándā mutlaxán a-kāín. šagál š-amódinā sar gipt u āt bi gurką́ gisá, gurká gúštī ki trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyą́ bi gisá ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. gurk gúštī: ǰuwán int-a, ta bra, pīlá bguš ki biyánt, man bándā ukmánā kāín bí šerą́ gisá. amé šagál š-amódinā āt bi pīlą́ gisá, pīlá gúštī: trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyą́ bi mnī gisá. amé pīl gúštī: pa čéwą xātírā? amé šagál ǰawáb dāt ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. pīl gúštī: man bándā ukmánā kāín, ta bra bi gisá. amé šagál gúštī: nápa bāz ǰuwán int-a, man a-raín, magá ta bándā ukmánā biyāyą́. pīl gúštī: ta bra, man ki gúštun: kāín, bzánąi ki kāín. karár šagál š-amódinā átī bi gisá. šer pursít ki múčānā sí kurtąi? šagál ǰawáb gardént ki ān, aγá, múčānā sí kurtun.

karár tārienā múčī átant bi šerą́ gisá, dístant tā mullá robá amédinā ništagí. átant, salám dátant. mullá alą́k kurt, gúštī ki maróčī mašmá rawán bi ziyārátā. múčī ǰám bútant u rādág bútant. mullá u šer u babr u plang bi

---

отправляемся на богомолье!“» Барс сказал: «иди сообщить другим, а я завтра явлюсь!» Отсюда шакал пошел к тигру и сказал тигру: «лев сказал вам: „завтра обязательно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы отправляемся на богомолье!“» Тигр сказал шакалу: «иди сообщить другим, а я завтра обязательно приду!» Шакал собрался и пошел оттуда к волку. Он сказал волку: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра отправляемся на богомолье!“» Волк сказал: «хорошо, иди сказать слону, чтобы приходил, а я завтра непременно приду ко льву в дом!» Шакал пошел оттуда к слону в дом и сказал слону: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне“!» Слон сказал: «чего ради?» Шакал ответил: «лисица-мулла пришла, и мы завтра отправляемся на богомолье!» Слон сказал: «я приду непременно, иди домой!» Шакал сказал: «очень хорошо, я пойду, только ты завтра непременно приходи!» Слон сказал: „ты иди, раз я сказал: „приду“, знай, что приду!» Итак, шакал оттуда пришел домой. Лев спросил: «всех известил?» Шакал сказал в ответ: «да, господин, всех известил!»

Итак, на утро все пришли ко льву и увидели, что лисица-мулла сидит здесь. Они подошли и поклонились. Мулла ответил на приветствие и сказал: «сегодня мы с вами отправляемся на богомолье!» Все собрались и пустились

demā́ bū́tant. šútant bi yak ǰāgā́e, gušnág būtant. yak wār šer soǰ kúrtī kī mullā́, gušnág bū́tun. mullā́ robā́ gúštī: amé šagál pa če go mašmā́ gón int-a? amé šagālā bgírit, bwāpénit, pkušítī. šagālā gíptant, kúštant u wártant, wat rā sér kurtant. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e. yak šápe mā́ntant, pa duwārág šer gušnág būt. šer mullā́ robā́ā gúštī ki man bāz gušnág bū́tun. mullā́ robā́ šérā gúštī: amé gurk mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, ameší rā pkúšit u bórit. gíptant, gurkā́ kúštant u wártant. pa duwārág š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e, pa duwārág šer gušnág būt, gúštī: mullā́ robā́, man gušnág bū́tun. pa duwārág mullā́ robā́ gúštī: amé piláng mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant, pilángā kúštant u goštā́nī wártant, pa duwārág šútant bi digá ǰāgā́e, mā́ntant. pa duwārág šer gúštī: man gušnág bū́tun. mullā́ robā́ gúštī: amé pīl mašmā́i̯ mānǰínā čéwă kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant pīlā́, kúštant u goštā́nī wártant.

amé mullā́ robā́ dístī ki digá nā́i̯nt-a. š-amé pīlā́i̯ rotínkān bāzénī gipt, bi watī srenā́ bast ki ar ǰā gušnág bīt, buwárt. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā́e, yak šápe mā́ntant. šer gúštī: ta u.babr amédinā mníndit, man a-raín pa šikárā. mullā́ robā́ gúštī: bāz ǰuwán int-a. šer šut pa šikárā. der

---

в путь. Мулла, лев, тигр и барс были впереди. Они дошли до одного места и проголодались. Вдруг лев сказал: «мулла, я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «зачем этот шакал вместе с нами? возьмите этого шакала, повалите его и убейте!» Шакала схватили, убили и съели; насытились. Отсюда они пошли в другое место, ночь переночевали, и опять лев проголодался. Лев сказал лисице-мулле: «я очень проголодался!» Лисица-мулла сказала льву: «что́ делает среди нас этот волк? возьмите, убейте его и съешьте!» Волка схватили, убили и съели. Опять они пошли отсюда в другое место, опять лев проголодался и сказал: «лисица-мулла, я проголодался!» Опять лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот барс? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Барса схватили, убили и его мясо съели. Опять они отправились в другое место и остановились, и опять лев сказал: «я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот слон? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Слона схватили, убили и его мясо съели.

Лисица-мулла увидела, что больше никого не остается. Она взяла побольше кишек слона и обвязала их вокруг себя, чтобы, как только проголодается, поесть. Отсюда они пошли в другое место и остановились на ночь. Лев сказал: «ты и тигр оставайтесь здесь, а я пойду на охоту!» Лисица-мулла сказала: «очень хорошо!» Лев пошел на охоту. Он запоздал и долго не прихо-

būt, náy-āt. mullā robā u babr gušnág bűtant. amé mullā robá gipt ša watí srená rotínkān, pač kurt u wart. yak wār babr dist, gúštī ki ta ša gujá rotínk a-warāḭ? mullā robā ǰawāb dātī ki man watí lāpā tál dātág-un u ša watí rotínkān kašín u warín. babr beaglén gúštī: man am watí lāpā tál a-daín u ša watí rotinkān a-warín. watí lāpā tál dāt, murt. mullā robā kapt bi sarāḭ, ša goštānī wart, wat rā sér kurtī. dérā šer āt, dístī tā mullā robā bi lāšāḭ sará int-a u gósht a-wárt. šer gúštī: e pa če murt? mullā robā ǰawāb dāt ki dílī dárd a-kú, watí dilá gipt, tál dāt. šer gúštī: bóran, wat rā sér pkanán u brawán. wártant, wat rā sér kurtant u šútant bi dga jāgáe.

yak ṭuén láxe sará bālā bűtant. mullā robā gúštī: wāx armān! waxt, mašmāḭ pisánī waxt átant! šer gúštī: pa čéwā? mullā robā ǰawāb dāt ki amé lāxā gindāḭ? šer gúštī: ān. amé mullā robā gúštī: mašmāḭ pis š-amé lāxā áškā prentág-ant. yak wār amé šer gúštī: magá mašmā amā pisánī zāg ná-wan? mán a-prenín. karār ser arkát ku, prent, bi šurānī tā kapt, murt. robā šut bi lāšāḭ sará, wart, zabr wat rā sér kurt u š-amódinā jist u āt bi watí jāgā. e ḍaụl mullā robā āwánā e ḍaụl ziyán kurt. man š-amódinā jístun u átun.

дил. Лисица-мулла и тигр проголодались. Лисица-мулла взяла с своего пояса кишки, развязала их и стала есть. Тигр вдруг увидел и спросил: «откуда это ты ешь кишки?» Лисица-мулла ответила: «я вспорола себе брюхо, вытаскиваю свои кишки и ем их». Глупый тигр сказал: «я тоже вспорю себе брюхо и буду есть свои кишки!» Он вспорол себе брюхо и умер. Лисица-мулла бросилась на его тело, стала есть его мясо и насытилась. Лев пришел поздно и увидел, что лисица-мулла сидит на трупе и ест мясо. Лев сказал: «отчего он умер?» Лисица-мулла ответила: «у него стало болеть сердце, он взял и вспорол его!» Лев сказал: «давай есть, насытимся и пойдем!» Они поели, насытились и пошли.

В одном месте они поднялись на большую скалу. Лисица-мулла сказала: «увы! если бы опять пришло время наших отцов!» Лев сказал: «что так?» Лисица-мулла ответила: «видишь ведь эту скалу?» Лев сказал: «да». Лисица-мулла сказала: «наши с тобой отцы с этой скалы бросались на ту сторону!» Лев тотчас сказал: «разве мы с тобой не дети тех отцов? я брошусь!» Итак, лев напрягся, бросился, упал на камни и скалы и издох. Лисица направилась к его трупу и стала есть; поела как следует,убежала оттуда и вернулась к себе. Так погубила их лисица-мулла. Я оттуда выбежал и пришел.

XXI

būt na būt, ša mašmā̆ xudá getír káse na būt. yak álke at. yak róče būt, amé alk laḍítant u šútant bi digá jā̆e. amé ki šútant, bi amešā̆nī inkeníyā yak bóḍe u yak kuróse mānt. ar duén bāz gušnág bū̆tant. yak wār yak tā̆se mālidág dístant. amé boḍ go amé kurósā gúštī: bí tā mašmá amé mālidágānā barán, bi dū̆rā bilán u jupt pkanán, ar kas demtírā šut, amé mālidágānīyā sár būt, amé mālidágānā go amāí buwárt. kurós gúštī: nápa bāz juwán int-a, amé mālidágānā zurt u burt, bi dū̆rā išt, wat padoí āt. amé ki átī, go boḍá gúštī: anū̆n bji. ar duén jupt kúrtant, boḍ demá būt. amé ki boḍ demá būt, yak wār šut, mālidágānī sará oštát u tawár kúrtī, kurósā gúštī: anū̆n trā am warín, amé mālidágānā am warín. amé badbáxten kurós gúštī: nápa bāz juwán int-a, bor. amé boḍ amé mālidágānā go amé kurósā wártī u š-amódinā šut bi yak jāgá̆e.

dístī tā amédínā yak áspe go zen u sanjā̆n int-a u šidág a-jánt u čā̆r a-kánt pa watí wāū̆ndā. yak wār amé boḍ dístī u gúštī: ä̆ ́aspi šidagí, agár man trā borín, čón int-a? amé asp gúštī: man yak šidáge deín, ta dil-trák a-baā̆ u mirā̆. amé boḍ gúštī: agár man amá baín ki yak tā̆se

---

(XXI. Про вошь-богатыршу)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один табор. Однажды этот табор снарядился и перебрался на другое место. Когда он переселился, на брошенном месте осталась одна вошь и один петух. Оба очень проголодались. Вдруг они увидели миску с тюрей. Вошь сказала петуху: «давай, снесем эту тюрю, поместим подальше от себя, а сами станем рядом друг с другом, и каждый, кто побежит вперед и добежит до тюри, тот съест вместе с тюрей и другого!» Петух сказал: «очень хорошо». Он взял тюрю, отнес и поставил подальше, а сам вернулся. Когда он вернулся, он сказал вши: «теперь беги!» Оба принялись бежать на перегонки. Вошь опередила, и когда опередила, она сразу взяла, стала на тюрю и закричала петуху: «теперь я съем и тебя, и тюрю!» Бедняга петух сказал: «ну, хорошо, ешь!» Вошь съела тюрю вместе с петухом и отправилась оттуда в другое место.

В одном месте она увидела, что там лошадь, оседланная и снаряженная; она ржет и мечется, ищет своего хозяина. Вошь увидела и тотчас сказала: «о ржущая лошадь, что, если я тебя съем?» Лошадь сказала: «я один раз испущу ржание, у тебя порвется сердце, и ты умрешь!» Вошь сказала:

mālidágā u go yak kuróse wárt atun u man trā anűn bilín? amé aspá gipt, drūwāká wartī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī tā amédinā yak leḍáe go ratá čarít. yak wār amé boḍ tawárī kúrtī ki äi̯ leḍáe ratí, trā borín yā na? amé leḍá gúštī: ānčén tī bi mnī padái̯ tā ziyán a-bít. amé boḍ gúštī: man amá baín ki mālidágānā u go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰá wártun, e mnā bgušít: ta bi mnī padái̯ tā ziyán a-bayái̯! amé boḍ amé leḍá gíptī, wártī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī tā amédinā yak šikāríe čár a-kánt. yak wār amé boḍ amé šikāríyā gúštī: trā borín yā na? amé šikārí gúštī: man trā go yak tūpáke kundákā kušín. amé boḍ gipt amé šikāríyā, go amé tūpákäi̯ wártī.

šútī bi yak ǰāgáe, bi yak rodái̯ kirá dístī tā yak gīmāríen ǰanáke watí maškā́ áp a-kánt. amé boḍ amé ǰanákā gúštī: man trā borín yā na? amé ǰanák gúštī: man agár yak tāse āp bi tī sará bréčīn, ta wát a-mirái̯! amé boḍ gipt amé ǰanákā go amé tāsái̯ u go amé maškái̯ wártī.

šut bi yak ǰāgáe, dístī yak šuwānáge. amé šuwānágeā tawár kúrtī ki äi̯ šuwānág, man trā borín yā na? amé šuwānág gúštī: yak padagíen

---

«я — та, кто съел чашку тюри с петухом! и чтобы я теперь тебя оставила!» Она схватила эту лошадь и съела ее целиком.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там пасется оседланный верблюд. Тотчас вошь закричала: «о оседланный верблюд, съесть мне тебя или нет?» Верблюд сказал: «такие, как ты, пропадают в моих следах!» Вошь сказала: «я — та, кто съел тюрю с петухом и съел лошадь с седлом и убранством! и этот мне будет говорить: „ты пропадешь в моих следах!“ «Вошь схватила верблюда и съела.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там ходит охотник. Тотчас вошь сказала охотнику: «съесть мне тебя или нет?» Охотник сказал: «я тебя убью дулом ружья!» Вошь взяла и съела охотника с его ружьем.

Потом она пошла в другое место и на берегу одной реки увидела, что беременная женщина набирает в мех воду. Вошь сказала этой женщине: «съесть мне тебя или нет?» Женщина сказала: «если я вылью на тебя чашку воды, ты сама умрешь!» Вошь взяла и съела эту женщину с ее чашкой и мехом.

Потом она пошла в другое место и увидела пастуха. Она закричала этому пастуху: «о пастух, съесть мне тебя или нет?» Пастух сказал: «я как ударю тебя

laṭ bi tī sarágā bǰanín, ta wát a-miráą̈. amé boḍ go wat gúštī: man amá̈ baín ki yak tá̈se mālidágānā go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰá̈nī u yak leḍáe rā go ratá̈ą̈ u yak šikāríe rā go tūpákäą̈ u yak ǰanáke rā go maškáą̈ wártun, man anū́n eší rā ānčóš bilín? gumúdī ku pa šuwānágäą̈ ǰānā́. yak wār amé šuwānág go amé watí laṭá̈ ǰat bi amé boḍá̈ą̈ sarágā, amé boḍá̈ kúštī u lapá̈ą̈ tál dāt, dístī ki yak gīmāríen ǰinén zá̈ge go tāsá̈ ništá, yak leḍáe γurúk-γurúk a-ǰánt u go gaǰá̈n int-a u oštātá, yak kuróse am bāng a-dánt u oštātá, yak áspe šidagíen go zen u sanǰá̈ oštātá, múčī amá̈ ḍą̊ą̈l drūwá̈ ant bi lāpá̈ą̈ täą̈, múčānā ruxsát kúrtī ki šútant. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imáne āúrtun.

раз по голове пастушьей палкой, так ты сама умрешь!» Вошь сказала про себя: «я — та, кто съел чашку тюри с петухом, кто съел лошадь с седлом и убранством, и верблюда с его седлом, и охотника с его ружьем, и женщину с ее мехом для воды! а теперь оставлю его так!» Она бросилась на пастуха. Пастух сразу ударил вошь своей палкой по голове и убил вошь. Потом он вспорол ей брюхо и увидел, что там сидит беременная женщина с чашкой, стоит и ревет верблюд в пене, стоит и кричит петух, стоит оседланная и снаряженная лошадь, — все так и невредимы у нее в брюхе! Он всех их высвободил, и они ушли. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

Записки Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия.

Том XIII, вып. 3. **Сиракан Тигранян.** Древне-армянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятников. I. Описательная часть. 1918. Ц. 3 р.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. 1928. Ц. 3 р.

Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930. Ц. 20 р.

Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка (оттиск из Записок Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка (оттиск из сборника «Иран», т. I). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (оттиск из сборника «Иран», т. II). 1928. Ц. 1 р.

Андреев М. С. Язгулёмский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). 1930. Ц. 2 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Азиатского музея. 1914. Ц. 10 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. 1918. Ц. 4 р.

Цена 6 руб.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.

Том I. Б. Я. Владимирцов. — Н. Н. Поппе. — Комиссия по латинизации. — И. Ю. Крачковский. — Е. Жуков. — А. Н. Самойлович. — С. Е. Малов. — Н. Н. Поппе. — Н. Я. Марр. — Н. А. Белгородский. — Б. А. Васильев. — Б. В. Миллер. — Р. А. Галунов. 1932. 321 стр., с 6 табл. Ц. 8 р.

Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.

I. Проблемы литературы Востока. I. Сборник статей Н. О. Конрада, Б. А. Васильева и Е. Э. Бертельса 1932. 126 стр. Ц. 3 р.

II. В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. 1932. XVI + 52 стр. Ц. 2 р. 50 к.

III. Абӯ-л-'Ала̄' ал-Ма'аррӣ. Рисалат ал-мала'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 1932. VII + 106 стр. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 3 р.

Печатается

Библиография Востока. Том I, вып. 1 и 2.

Проспекты и каталоги высылаются по первому требованию
Перечисленные издания высылаются наложенным платежом

Заказы направлять:
Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, Сектор распространения Издательства Академии Наук СССР